Академик Всеволод Николаев

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ — СТАРЕЦ ФЕОДОР КУЗМИЧ

Историческая биография

Академик Всеволод Николаев

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ — СТАРЕЦ ФЕОДОР КУЗМИЧ

Историческая биография

Академик Всеволод Николаев

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ — СТАРЕЦ ФЕОДОР КУЗМИЧ

Историческая биография

Издательство «Глобус»
Сан Франциско
1984

Akademik Vsevolod Nikolaev

ALEKSANDR PERVYI — STARETS FEODOR KUZMICH

Istoricheskaia biografiia

Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. Tel.: (415) 668-4723

Prof. Dr. Vsevolod Nikolaev

"ALEXANDER THE FIRST —
THE HERMIT FEODOR KUZMICH"

A historical biography

Library of Congress Catalog Card Number: 84-82042

ISBN 0-8869-069-2

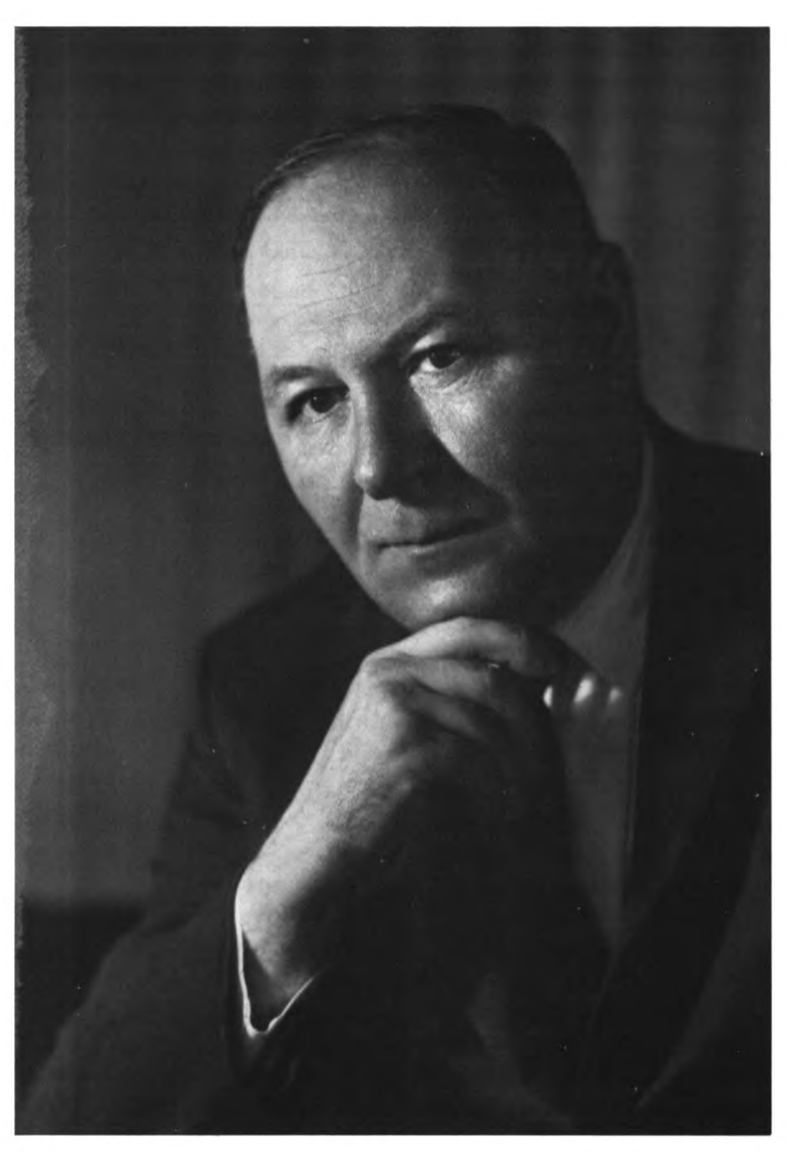
Printed in United States of America.

АНДРЕЮ СЕДЫХ, который так широко предоставил страницы старейшей в мире русской газеты моим трудам по русской истории.

ВСЕМ МОИМ МНОГОЧИСЛЕННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, которые способствовали изданию этой книги.

Август 1984 года

ВСЕВОЛОД А. НИКОЛАЕВ.

АКАДЕМИК ВСЕВОЛОД А. НИКОЛАЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Книга эта не роман, а самая захватывающая глава истории России XIX века — подлинная историческая биография одного из самых замечательных государей своего времени — Императора Всероссийского Александра Первого (1801—1864), окончившего свою драматическую жизнь обыкновенным русским человеком в Сибири под именем старца Феодора Кузмича [1]).

Внук Екатерины Великой и сын душевнобольного Павла Первого, Александр унаследовал необыкновенный ум и политический гений своей бабушки, как и болезненную эмоциональность отца и сверхнормальную похотливость и сладострастие их обоих, никогда не находивших полного удовлетворения...

Ему едва шел двадцать четвертый год, когда вследствие дворцового переворота 12-го марта 1801 года, взошел Александр на русский престол и стал одним из подлинных вершителей судеб мира. В эту трагическую ночь пришлось ему пережить шекспировскую драму, которая навсегда наложила свою роковую печать на душу чувствительного, обаятельного юноши.

Коварный и беспринципный граф Пален, главный организатор заговора против несчастного императора Павла Петровича, чтобы обеспечить безнаказанность себе и другим заговорщикам, вынудил царя подписать тайный указ об аресте императрицы Марии Феодоровны и обоих своих старших сыновей — Александра и Константина. Павел, живший под угрозой переворота, подозревал собственную супругу и обоих юношей в уча-

---

[1]) Фамилия эта пишется различно разными авторами: Кузьмич, Кузмич, Козьмич, Козмич. Я принял упрощенное «Кузмич».

стии в заговоре и томимый страшным подозрением поверил коварной интриге Палена. В тот же вечер Пален показал этот секретный указ Александру, вынудив у него согласие на отстранение отца от престола. Несчастный юноша согласился на предложение Палена, чтобы спасти любимую мать, брата и себя самого от угрожавшего им, по словам заговорщика, ареста и заключения в Петропавловскую крепость, где их ожидала трагическая участь императора Иоанна Шестого. Однако, все же Александр потребовал у Палена клятвенного обещания, что жизнь его больному отцу будет сохранена. Пален дал ему эту клятву, но, конечно, не исполнил своего обещания. В этом и заключалось, в сущности, все участие Александра в заговоре против отца. Но чувствительный и честный сердцем сын всю свою жизнь томился и душевно страдал, считая себя виновным в смерти больного родителя.

Приведу рассказ свидетельницы этих событий графини Дарьи Христофоровны Ливен, жены военного министра и фаворита императора Павла графа Ливена, и Николая Александровича Энгельгардта, внучатого племянника Потемкина, который восстановил семейную драму Романовых со слов очевидцев.

«Великий князь Александр, — пишет графиня Ливен, — был молод, и все видели, что он скорбит и терзается за других, оплакивая жертвы подозрительной тирании, действие которой отражалось прежде всего на нем самом... Не раз рассказывали, будто он был несколько посвящен в заговор, так как заговорщики для обеспечения себе безопасности должны были принять в этом направлении некоторые предосторожности...» [1]).

Итак, Александр, чувствительный юноша с добрым сердцем и нежной, чуткой душой, отзывчивый по природе ко всем страданиям ближних, не мог простить себе в действительности фиктивное, пассивное участие в заговоре, имевшем единственной целью сверже-

---

[1]) Ливен, графиня Дарья Христофоровна. — Кончина императора Павла. (Исторический Вестник, май. 1906 г.).

ние с престола душевнобольного отца. Пален жестоко обманул доверчивого Александра и, как я выше указал, клятвенно заверил его, что «во всяком случае, жизнь императора будет пощажена...» Итак, после зверского убийства отца заговорщиками Александр считал себя невольным соучастником ужасного преступления. Страшные угрызения совести стали мучить впечатлительного, мистически настроенного Александра, породив в его душе мысль о необходимости неизбежного искупления тяжкого, как он считал, греха.

Эта навязчивая мысль развивалась и усиливалась, со временем превратившись в тяжкий психоз, результатом которого стало добровольное отречение от престола и суровая, полная подвигов и лишений жизнь добровольного отшельника в сибирских дебрях...

Напомню, что Александр с самых юных лет тяготился своим высоким положением и издавна лелеял тайное намерение отречься от престола и перейти в частную жизнь. Не раз мечтал он поселиться где-нибудь на берегах Рейна или стать обыкновенным крестьянином где-нибудь на лоне швейцарской природы, или даже убежать с братом Константином от тирании отца в далекую свободную Америку.

Вот, впрочем, рассказ вышеупомянутого Н. А. Энгельгардта:

«Едва императрица Мария Федоровна вошла в опочивальню и увидела тело супруга, она издала громкий вопль.

Шталмейстер Муханов и доктор Роджерсон поддержали Марию Федоровну. Ее дочери, великие княжны, тихо плакали.

С минуту все стояли неподвижно. Страшная тишина было вокруг мертвеца. Тогда императрица стала приближаться к телу. Колени ее медленно сгибались, и она поникла, целуя маленькую, изящную, уже пожелтевшую, восковую руку императора.

— Ах, друг мой..., — могла она только промолвить.

Вдруг загрохотали барабаны караула, стоявшего в коридоре.

Вошли Александр и Елизавета, сопровождаемые графом Паленом и князем Платоном Зубовым.

Златокудрый юный Александр, — несмотря на всю скорбь свою, — приехавший из Зимнего дворца, овеянный весенним дыханием солнечного, прелестного утра, получив уже множество знаков беспредельного обожания со стороны государственных чиновников, гвардии и толпившегося на улицах радостного народа, входя в опочивальню, внес с собою струю жизни и отражение блеска ее на нежных алых устах и в прекрасных очах своих.

Но когда он впервые увидел изуродованное лицо своего отца, с надвинутым на проломленный висок и зашибленный глаз краем шляпы, накрашенное и подмазанное и все же, несмотря на гримировку, обнаруживающее ужасные кровоподтеки, тогда юноша впервые ясно понял и представил себе, что произошло с несчастным родителем его. Пораженный, немой, побелев, как полотно, неподвижно остановился он, вперив широко раскрытый, полный ужаса взор на страшные останки самодержца.

Императрица-мать на шум обернулась к входящим. Несколько мгновений она переводила взор с сына на мертвого мужа и обратно.

Затем, отступив от тела, она сказала сыну негромко, но отчетливо, с выражением глубочайшего горя и совершенного достоинства:

— Теперь вас поздравляю. Вы император.

При этих словах император Александр рухнул без памяти, громко ударившись головой об пол.

Никто не успел поддержать его.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла под руку шталмейстера Муханова и, поддерживаемая им и графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты...» [1]).

Так начался этот тяжелый психоз, который с ред-

---

[1]) Энгельгардт, Н. А. — Окровавленный трон (Исторический Вестник, декабрь, 1907 г.).

кими передышками сопутствовал Александру с самого его воцарения и отравлял его жизнь даже в самые счастливые дни на престоле...

Мысль оставить трон и удалиться в частную жизнь теперь все чаще посещала его сознание.

Адъютант его, известный военный историк генерал А. И. Михайловский-Данилевский, который сопутствовал Александру в многих его кампаниях и близко знал его, в своих записках так описывает своего государя: «...Невзирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность в обращении, нередко вырывались у него такие взгляды, которые обнаруживали, что душа его была в волнении...»

Наполеон, который вначале пленил его своим военным гением и сам был под воздействием его «славянских чар», в своем окружении называл Александра «императором-якобинцем», очевидно намекая на революционные идеи, которые его воспитатель швейцарец Лагарп успел ему внушить, был просто поражен этими республиканскими идеями русского царя, которые он высказывал ему в их вечерних встречах в Эрфурте, после Тильзитского свидания... Позднее, сосланный на остров Св. Елены, Наполеон, очевидно все еще пребывавший под впечатлением испытанного им изумления, вспоминая об этих своих спорах с Александром, говорил своим собеседникам: «Наши споры с ним кажутся совершенно невероятными. Он настаивал на том, что монархическая наследственность власти, переходящей от отца к сыну, — злоупотребление, и мне приходилось тратить более часа, чтобы своим красноречием и логикой доказывать ему, что именно этот монархический принцип наследия престола обеспечивает покой и счастье народов».

Академик Н. К. Шильдер пишет, что правление Александра было самым гуманным в Европе и что в начале своего царствования он действительно пытался во всех областях государственной жизни установить новые, гуманнейшие начала и даже помышлял об отмене крепостного права. По свидетельству его сотрудника

и министра Михаила Сперанского, он даже намеревался ввести в России конституцию.

Все это, конечно, исторически верно. Но взяв слишком большой размах, столкнулся Александр с русской рутиной, непокорной, обманчивой и неблагодарной, и остановился в своих проектах, разочарованный общим непониманием, уязвленный в своих добрых намерениях, в смущении и тоске перед неподатливой русской стихией...

Все же воспрял он духом, найдя свое призвание в сопротивлении Наполеону, покорившему Европу, считая, что именно ему в искупление греха сам Бог поручил взять на свои плечи все бремя тяжкой борьбы за свободу народов. И вот, прослышав про ясновидство скопца Селиванова, слывшего подвижником, получавшим от Бога откровения, явился к нему Александр просить совета в своем намерении воевать с Наполеоном. Но Селиванов разочаровал Александра, разрушив его веру в свое Божественное вдохновение. Сидя на корточках у костра, прокричал он в ответ стоявшему перед ним царю:

— Не иди на проклятого француза. Не пришла еще твоя пора! Побьет он тебя и твое войско, и придется тебе бежать, куда глаза глядят...

И не раз, терпя поражение за поражением от Наполеона, Александр вспоминал предсказания скопца. Однако сбывшееся предсказание Селиванова еще более усилило убеждение Александра, что многое сокровенное для людей, является ясным и видимым разным подвижникам, юродивым и схимникам, имеющим дар прозрения. И русский по душе, Александр все больше и больше искал общения с этими пророками, как древние еврейские цари. И посещал он многочисленные русские лавры, обители и пустыни, в которых подвизались угодники Божии, иногда знаменитые на всю Россию схимники, душеведцы и прорицатели. Многим открывал он свою истерзанную душу, алчущую прежде всего опрощения и помирения с Богом. Но после этой первой своей встречи с ясновидцем Селивановым стал

Александр искать у них ответы на волнующие его сомнения в совсем другой области сложных государственных забот. С годами, однако, Александр начал чувствовать громадную усталость от всей этой человеческой суеты и еще более от самой славы, которая окружала его на троне, не позволяя ему думать о самом себе, о спасении души, жаждущей именно этого мистического общения, где, несомненно, находил он успокоение. Однако между этими мистиками-сердцеведами, отрекшимися от жизненной суеты, были, правда довольно редко, люди, стремящиеся использовать духовные искания царя для преследуемых ими личных чисто материалистичных целей. Такими были баронесса Крюденер, успевшая под маской мистицизма оказать огромное политическое влияние на Александра, и плутоватый архимандрит Фотий, которого гораздо больше интересовали золотые часы и усыпанные бриллиантами наперсные кресты, чем проблемы человеческой души (про него писал свои язвительные эпиграммы Пушкин).

Все же, как было указано выше, Александр в годы своего правления успел осуществить громадные внутренние преобразования в своей стране и добился еще более значительных успехов в области внешней политики России. Несомненно, самым существенным его достижением является победа над Наполеоном и освобождение как самой России, так и всей Европы от его тирании.

Правление Аракчеева и его влияние на Александра ясно указывает на начало конца творческих сил царя.

□

Знаменательно, что Александр покинул трон, когда ему едва исполнилось сорок восемь лет. «Весною 1825 года, — пишет академик Николай Карлович Шильдер, виднейший историк XIX века и автор монументальной четырехтомной биографии Александра Первого, — приехал в Петербург Принц Оранский, которому император поверил свое намерение отречься от престола и

удалиться в частную жизнь. Принц ужаснулся и старался отклонить государя от подобного намерения. Но Александр остался при своем мнении, и усилия принца не привели к желательной цели: ему не удалось поколебать намерения государя...» [1]). Нельзя не заметить, что спустя лишь несколько месяцев, в этом же самом году, было официально объявлено о предполагаемой кончине Александра в Таганроге...

Далее, излагая в том же четвертом томе самую историю сибирского отшельника Феодора Кузмича, Шильдер совсем недвусмысленно делает намек о тождественности его с императором Александром Первым, согласно официальному объявлению почившем в Таганроге 11-го ноября 1825 года.

Мы в праве задать себе вопрос, почему же тогда именитый этот ученый не пошел дальше и не сделал в заключение своих разысканий ожидаемого вывода? Ответ на этот вопрос надо искать в давлении на Шильдера со стороны царствующей династии. Романовым в России и за границей было необходимо отрицать эту весьма пагубную для престижа династии историческую реальность. Признать, что побуждаемый раскаянием император Александр Первый просто сбежал с престола, чтобы искупить свою вину — участие в заговоре с целью свержения и убийства собственного отца, — было равносильно тому, чтобы объявить его преступником и опозорить всю династию. При этом поведать всю правду о том, как царь добровольно согласился быть наказанным плетьми за бродяжничество и сосланным с другими осужденными преступниками на принудительное каторжное поселение в Сибирь, даже приняв это как христианское покаяние, было не менее опасно для всего Дома Романовых. В этом отношении весьма симптоматично, что самый ученый член династии — великий князь Николай Михайлович — счел необходимым, опять-таки для престижа царствующей династии, обнародовать специальную статью, доказывавшую несостоя-

---

[1]) Шильдер, Николай Карлович. — Император Александр I, его жизнь и царствование. Том IV, СПБ., 1904 г.

тельность отождествления императора Александра с сибирским отшельником старцем Феодором Кузмичом. При этом именитый автор в своем полемическом труде в 48 страниц, много раз перепечатанном в нескольких серьезных научных журналах того времени, старательно избегал нападать на самого Кузмича и всегда упоминал о нем с уважением...[1]) Замечу, впрочем, что статья эта не только никого не убедила, но наоборот, еще более усилила сомнения и недоверие к официальной версии о кончине императора в Таганроге...

В своей статье великий князь Николай Михайлович признает, что за путешествующим в Таганрог императором Александром гнались шайки конспираторов, чтобы его убить, но они так и не успели привести в исполнение свой план, потому что Александр таинственно исчез из своей резиденции. Впрочем, известно, что царь был своевременно предупрежден об организованных в самой армии заговорах на его жизнь, и именно это обстоятельство, может быть, более, чем угрызения совести, и побудило его к симуляции болезни и смерти и к исчезновению... При этом, впавший в крайний мистицизм, Александр, верил прорицателям, говорившим о грядущем Божием возмездии за участие в заговоре против собственного отца, если он добровольно не покинет обагренный кровью отца трон... Именно из-за этого он не удалился открыто в частную жизнь или не стал монахом, а предпринял таинственное исчезновение. Конечно, драма в окружении его ближайшего сотрудника Аракчеева и его неожиданный уход еще более сгустили краски...

И еще одно важное обстоятельство упоминает именитый автор, которому, впрочем, я даю совсем иное толкование: откуда взялось самое имя «Феодор Кузмич». Он сообщает интересную подробность: в аристо-

---

[1]) Великий князь Николай Михайлович (1859—1919). — Легенда о кончине императора Александра Первого в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. С.-Петербург (типогр. А. С. Суворина), 1907 г. (48 стр.).

кратической семье князей Уваровых бесследно исчез один из ее членов — камергер двора и кавалергард — князь Феодор Александрович Уваров, приняв, по утверждению автора, существовавшее в семье народное имя Феодора Кузмича. Однако, Николай Михайлович признает, что никаких доказательств в подтверждение, что именно он был сибирским Кузмичом, он не имеет. Этот исчезнувший кавалергард был почти ровесником Александра, и он, несомненно, хорошо его знал, будучи сам гвардейцем... Император Александр не мог не быть хорошо осведомленным обо всем этом, и мое предположение — что царь взял это простонародное имя дальнего родственника Уваровых, чтобы еще лучше замести свой собственный след, прослыв таким образом бывшим гвардейцем Уваровым...

Весьма знаменательно, что многие ученые авторы во главе с издателем «Русского Архива» Петром Бартеневым в угоду великому князю Николаю Михайловичу принялись твердить о «самозванстве» Феодора Кузмича, который, в сущности, до самой своей смерти **никогда и нигде явно или косвенно не отождествлял себя с ушедшим от власти императором Александром Первым.** Это коренным образом отличает Феодора Кузмича от всех русских самозванцев, которые всегда стремились объявить себя известной исторической личностью.

Наконец, великий князь Николай Михайлович признает, что между Феодором Кузмичом и близким к Александру Первому графом Остен-Сакеном **существовала переписка**, конечно, весьма секретная. Однако все письма Феодора Кузмича к графу Остен-Сакену **исчезли после смерти графа.** Известно, что император Николай Первый уничтожил множество документов, относившихся к царствованию и личности Александра Первого. В исчезновении переписки графа Остен-Сакена со старцем видна рука Николая, что, впрочем, является, хотя и косвенным, но немаловажным подтверждением тождества таинственного сибирского старца с укрывшимся императором Александром Первым.

Заканчивая примечания к статье Николая Михайловича, хочу упомянуть об одном из самых важных его аргументов: обнародованной им посмертной гипсовой маске императора Александра. Скульптор изобразил прекрасное лицо еще юного царя, с радостной улыбкой и без единой морщинки и обычного "rigor Mortis"... Эта маска посмертной быть не могла.

Положение отшельника Феодора Кузмича было особенно затруднительным и деликатным, когда некоторые члены сибирской администрации и особенно высокие особы духовного звания старались проникнуть в его тайну и установить его подлинную личность. С присущим им высокомерием и претенциозностью подходили они к старцу, пытаясь расспрашивать Феодора Кузмича о его прошлом и давать ему непрошенные, назойливые советы — посещать церковные службы, часто исповедываться и причащаться и прочее, и прочее.

Весьма любопытно ознакомиться с рассказами самих этих непрошенных гостей о том, как Феодор Кузмич умел отделаться от них, не прибегая, впрочем, даже к содействию своего хозяина Хромова. Говоривший на великолепном русском языке, он в таких случаях умышленно пользовался церковно-славянскими выражениями, употребляя польские слова и западнославянские диалекты и даже латинские термины... Конечно, этими приемами стремился он умышленно запутать их, создавая ложное впечатление о свой личности...

Приведу здесь весьма любопытный рассказ одного из этих нежеланных посетителей старца, который все же должен был именно в силу своего положения избегать каких бы то ни было резкостей.

«В июле 1859 года, — рассказывает И. Смирнов, — я и бывший ректор Томской семинарии, ныне один из сибирских архиереев, путешествуя из Томска в Иркутск, нарочно заезжали к жившему недалеко за селом Краснореченским молчаливому отшельнику Фео-

дору. Новый деревянный домик был построен для него почитателем его томским купцом Хромовым — от которого о. ректор и получил приглашение посетить старца — равно и скромное содержание простою пищею и одеждою отпускалось ему Хромовым же. Келья его в этом доме — почти без мебели, с простыми лавками и деревянным ложем, но чистая; в переднем углу — только крест с Библией.

Старец Феодор — высокого почти роста, прямо державшийся седой старик, с серыми глазами и длинной бородой, бледный, худощавый.

Он не ходил в село к народу и в церковь и редко выходил из кельи в поля и лес.

Нас он принял довольно равнодушно.

Отвечал мало, на странном наречии из смеси церковно-славянского языка с латинскими невразумительными фразами, мистическими и даже апокалиптическими...»

Смирнов продолжает свой рассказ, добавляя, что почтенный бывший семинарский ректор принялся увещать старца Феодора регулярно посещать церковные службы, соблюдать посты, часто исповедываться и причащаться. Неудивительно, что старец отвечал на эти непрошенные советы либо молчанием, либо «апокалиптическими» сентенциями... Смирнов добавляет, что был он изумлен, когда, после смерти старца, до него дошел слух, что Феодор Кузмич был в прошлом императором Александром, отрекшимся от престола и принявшим этот облик...

Создается особенное впечатление, что Смирнов старается изобразить старца Феодора Кузмича как можно более непохожим на Александра Первого. Например, он описывает его с серыми глазами, когда все другие современники отмечают его голубые глаза. Кроме этого, Смирнов, не без ехидства, замечает, что купцу Хромову дорого стоило подкупить местных полицейских, чтобы они не беспокоили старца, когда хорошо известно, что полиция относилась к нему с уважением, если

не с симпатией, и никогда не причиняла ему каких-либо неприятностей.

Следует отметить, что многие авторы использовали эту статью И. Смирнова, чтобы доказать, что старец Феодор Кузмич не мог быть Александром.[1])

Знаменательно также, что, как бы в ответ на эту полемическую статью, другой русский ученый, современник Николая Михайловича, — князь Владимир Владимирович Барятинский в нескольких своих книгах в России и после революции 1917 года во Франции занялся критическим разоблачением официальных документов, оставленных близкими к императору Александру сановниками двора и, конечно, в первую очередь, лечившими царя медиками — Виллье и Тарасовым, а также императрицей Елизаветой Алексеевной и самым близким к царю генерал-адъютантом князем Н. М. Волконским, о последних днях императора, о его неожиданной скоропостижной кончине в Таганроге, о вскрытии тела и т. д. — и заключает о явной симуляции смерти царя. «Все эти материалы, — пишет Барятинский, — как и вся официальная история о последних днях императора Александра I и его кончине, были составлены позже, как бы по заказу... Все подлинные записи обрываются на 11-м ноябре (1825 года) и возобновляются лишь позже, в 20-х числах этого месяца. Именно 11-го ноября случилось что-то особенное, чего мы не знаем, но что невольно заставляет призадумываться» [2]).

Другой весьма осведомленный автор — журналист и писатель Лев Любимов — уже в эмиграции успел расспросить многих близких ко двору лиц и установить некоторые немаловажные обстоятельства, в особенности в связи с фиктивным погребением императора Александра Первого в Петропавловском соборе, где на-

---

[1]) См. эту статью И. Смирнова, подписанную лишь инициалами «И. С.» в Русской Старине, том 56, СПб., 1887 г., стр. 529-530.

[2]) Барятинский, Владимир Владимирович, князь — Царственный мистик Император Александр I — Феодор Козьмич. С.-Петербург, 1913 г. (Изд. Прометей) (144 стр.) и его вторая статья: Еще о Царственном мистике (Исторический Вестник, СПБ., 1914).

ходятся гробы императоров и императриц Романовского Дома [1]). Так, дочь министра двора при Александре III, графа Воронцова-Дашкова, рассказала автору, что в 90-х годах прошлого века, в присутствии самого императора и графа Воронцова-Дашкова, была вскрыта гробница императора Александра Первого в Петропавловском соборе, которая оказалась пустой, без каких-либо останков. Очевидно, Николай Первый и мать его и Александра Первого императрица Мария Феодоровна, не захотели положить в усыпальнице Романовых труп случайного человека, привезенного в царском гробу из Таганрога, вместо исчезнувшего императора Александра. Тот же автор пишет, что, когда в 1926 году большевики вскрыли все царские гробницы, чтобы изъять находившиеся в них драгоценности, гробница Александра Первого оказалась пустой.

Я привел много фактов и собранных мною свидетельств современников, лично знавших сибирского отшельника Феодора Кузмича и убежденных в его тождественности с императором Александром Первым. Читатель найдет все эти сведения в предлагаемой ему книге. Добавлю, что, окунувшись в простую крестьянскую жизнь и исполнив преднамеренное свое покаяние, покинувший трон Александр приобрел душевный мир, утерянный им на престоле...

□

Этот первый том моих трудов в области истории дореволюционной России, написанный мною на гостеприимной американской земле на русском языке и обнародованный впервые в Новом Русском Слове, предназначен прежде всего моим ревностным читателям, которые так спонтанно и массово откликнулись на приглашение Издательского фонда моих произведений. Не могу не отметить с благодарностью их многочисленные поступления и предварительную запись на этот пер-

---

[1]) Любимов, Лев. — Тайна Императора Александра Первого, Париж, 1938 г. (Издательство Возрождение, 217 стр.).

вый том, на его издание по-русски и по-английски. С особенной признательностью получил я значительные денежные дарения на оплату перевода на английский язык, который любезно взял на себя один из лучших специалистов-переводчиков профессор д-р Джон Глад, автор многочисленных высококачественных переводов, получивший всеобщее признание в этой области: премии за лучшие переводы Гугенхейма, Колумбийского университета и авторитетной газеты «Нью-Йорк Таймс». Уже переведенные им материалы этого первого тома блестяще оправдывают возложенные на него надежды.

Считаю также приятным долгом выразить здесь мою особенную благодарность моему давнишему другу, маститому издателю и главному редактору Нового Русского Слова Андрею Седых, который, широко предоставив мне страницы своей газеты, сделал возможным обнародование моих трудов в области русской и болгарской истории.

Значительную техническую помощь получил я и от уважаемого издателя Владимира Николаевича Азара-Заруского, директора Globus Publishers в Сан-Франциско, который вот уже несколько лет весьма настойчиво приглашал меня возложить на его издательство печатание всех моих трудов. Изданный им этот первый том в области истории России вполне оправдывает возложенные на него надежды.

Наконец, не могу не выразить здесь мою сердечную благодарность моим многочисленным читателям, образовавшим своими лептами Издательский фонд моих трудов по болгарской и русской истории, публиковавшихся специальными сериями в Новом Русском Слове с апреля 1975 года. От них получил я сотни писем ободрения, поощрения и поддержки, и более 150 из них пожелали записаться предварительно на это издание. Между ними с особенной признательностью хочу я отметить значительные суммы, присланные мне на оплату английского перевода этого труда Его Величеством Царем Симеоном Болгарским, видным американским общественником доктором Георгием Табаковым из Акро-

на, особенно настаивающим на издании второго тома, посвященного светлой памяти царя-освободителя Болгарии — императора Александра Второго. Глубоко тронули меня также присланные в этот фонд значительные вклады моих ревностных читателей — Ирины Владимировны Булацел, Александры Ивановны Малоземовой, Любомира Иванова и всех тех, кто сделал эти издания возможными.

АКАДЕМИК ВСЕВОЛОД А. НИКОЛАЕВ.

Нью-Йорк,
август, 1984 год.

Император Александр Первый в 1819 году
(Портрет кисти английского художника Джорджа Доу,
который с 1818 года работал в России)

1. ДЕТСТВО БУДУЩЕГО ВЕНЦЕНОСЦА

Осенью 1777 года Санкт-Петербург переживал тревожные дни: в сентябре случилось небывалое с самых дней основания столицы наводнение, которое грозило гибелью городу, разрушило целые кварталы и оставило множество жертв. Затем наступила весьма суровая зима с тяжелыми эпидемиями, которые также унесли немало жителей Санкт-Петербурга. Императрица и весь двор, как, впрочем, и все остальное население столицы, находились в весьма подавленном состоянии духа, когда наступило вдруг радостное событие для всей тогдашней России: в понедельник 12-го декабря, утром, великая княгиня Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном — будущим императором Александром Первым, названным современниками «Благословенным» за его победу над Наполеоном и за освобождение России и Европы от французского ига...

Рождение внука имело громадное значение для императрицы Екатерины, которая уже тогда считала своего сына Павла Петровича не способным занять русский престол. Она видела в этом событии не только упрочение династии, но, несомненно, и возможность назначить себе наследника, достойного продолжить ее дело. По ее решению, новорожденному великому князю было дано имя Александр, в честь святого Александра Невского, одного из самых популярных в народе русском святых, покровителя России и Санкт-Петербурга в особенности, заступничеству которого жители столицы приписывали спасение от только что пережитого стихийного бедствия.

Крещение Александра состоялось 20-го декабря того же 1777 года, а восприемниками его были заочно император римский Иосиф Второй и король прусский

Императрица Екатерина Великая в 58 лет
(Портрет кисти Михаила Шибанова. 1787 год)
Находится в Русском Музее в Ленинграде

Фридрих Великий. Таким образом, будущий освободитель Европы и создатель «Священного Союза» уже при самом своем рождении был связан духовным родством с Западной Европой. Одновременно начались обычные празднества, придворные балы, маскарады и приемы. «До поста осталось каких-нибудь две недели, — писала императрица барону Гримму в феврале 1778 года, — а между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов...» Весьма любопытно, что в этом же своем письме Екатерина уже называет своего новорожденного внука «будущим венценосцем».

Признавая сына неспособным воспитывать будущего государя, императрица взяла на себя заботы по воспитанию внука. Она зорко бдела над его колыбелью, назначала для него нянек и наставников, ревностно заботясь о всех деталях его воспитания, с надеждой воплотить в нем свои идеалы и создать из него достойного императора, способного держать в своих руках бразды великой Российской Империи...

Весьма интересно для нас свидетельство самой Екатерины, доказывающее ее столь прогрессивный для этого времени ум, знания и культуру, о том, как она относилась к воспитанию своего внука с самых первых дней его рождения. «Как только месье Александр, — так она уже называла своего маленького внука, — родился, — писала императрица шведскому королю Густаву III, — я взяла его на руки, и после того, как его вымыли, унесла его в другую комнату, где его положили на большую подушку. Его обернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, как посылаемая вам с этим письмом кукла. Когда это было сделано, то месье Александра положили в корзину, около которой лежала кукла, чтобы женщина, при нем находившаяся, не имела никакого искушения его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на диване. Наряженный таким образом, месье Александр был передан генеральше Бенкендорф; в кормилицы ему я назначила жену молодца садовника из Царского Села...

Комната, куда он был перенесен, обширна, чтобы воздух в ней был лучше... Балюстрада препятствует

Великий князь Павел Петрович и его супруга — великая княгиня Мария Феодоровна в год их свадьбы (Картина из коллекции вел. кн. Николая Михайловича)

приближаться к постели ребенка многим людям сразу: скопление народа в комнате избегается, и там не зажигается никогда более двух свечей, чтобы воздух не был слишком душным. Маленькая кровать месье Александра, так как он не знает ни люльки, ни укачивания, — железная, без навеса; спит он на кожаном матрасе, покрытом простыней, у него есть подушечка и легкое английское одеяло. Всякие оглушительные заигрывания с ним избегаются, но в комнате всегда говорят громко, даже во время его сна.

Тщательно следят, чтобы термометр в его комнате не подымался никогда выше 14 или 15 градусов тепла. Каждый день, когда выметают в его комнате, ребенка выносят в другую комнату, а в спальне его открывают окна для притока свежего воздуха... С самого рождения его приучили к ежедневному обмыванию в ванне, если он здоров... Как только пришла весна и сделалось тепло, сняли чепчик с его головы, и месье Александра стали выносить на воздух, приучать его сидеть на траве и на песке, даже спать тут несколько часов в тени в хорошую погоду. Он не знает и не терпит на ножках чулок, и на него не надевают ничего такого, что могло бы даже мальски стеснять его в движениях... Любимое платьице его — это очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный, но довольно широкий жилетик; когда его выносят гулять, то сверх этого надевают на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Он не знает простуды...»

Очевидно императрица описывает все эти детали, чтобы пропагандировать перед своим шведским кузеном воспринятые ею самой прогрессивные методы воспитания детей, еще неизвестные даже во многих странах Западной Европы. Именно поэтому она посылает Густаву и куклу — модель такого, совсем нового отношения к новорожденным детям, которое только в наше время стало уже общепринятым во всех передовых странах. Екатерина, несомненно, с горечью помнит, как Елизавета Петровна воспитывала ее собственного сына Павла, кутая его в одеяла и меха, и вырастила его болезненным и недоразвитым.

Императрица почти сразу после рождения внука вверила его попечению генеральши Софии Ивановны Бенкендорф, вдове Ревельского коменданта. Кроме нее Екатерина весьма удачно выбрала няню своему питомцу: это была Прасковья Ивановна Гесслер, родом англичанка, жена первого камердинера Павла Петровича, женщина очень опрятная и хорошо воспитанная, по суждению императрицы, «обладающая редкими достоинствами...» Несомненно, это она привила Александру с раннего детства хорошие привычки и наклонности к порядку, чистоте и простоте в обращении. Конечно, Екатерина сделала этот выбор еще и для того, чтобы дать возможность своему сыну через жену своего камердинера, наблюдать хотя и со стороны, за воспитанием своего насильственно отнятого у него сына... В своих «Воспоминаниях» секретарь императрицы Храповицкий записал, что государыня сказала ему про эту госпожу Гесслер: «Если у Александра когда-нибудь родится сын и он доверит его воспитание той же англичанке, я буду спокойна: наследие Российского престола будет утверждено на сто лет... Какая разница между его воспитанием и воспитанием его отца...»

Как во всем, что она предпринимала в жизни, Екатерина приступила к делу физического, а впоследствии умственного воспитания своего внука со всем своим громадным и столь необычным не только для России, но и для всей европейской действительности восемнадцатого века запасом знаний и опыта. Это воспитание, несомненно, развило и улучшило природные качества этого выдающегося в ряду других современных ему государей Европы императора и, конечно, стушевало тяжелое наследие, полученное им от отца и от деда...

Входя во все подробности физического и умственного развития своего внука, которое она направляла самым рациональным образом, Екатерина не без нетерпения поджидала появления второго внука, который бы был товарищем игр и учебы Александра. «Мне все равно, — говорила она своим приближенным, — будут ли у Александра сестры, но ему нужен младший брат...»

Великий князь Александр — восьмилетний мальчик
(Портрет кисти Г. Миропольского. 1785 г.)

Великий князь Константин Павлович семи лет
(Портрет кисти Л. Миропольского. 1786 г.)

И вот, по прошествии двух лет, у великокняжеской четы родился второй сын. «Этот чудак, — весело писала Екатерина Гримму в Париж, — заставлял нас ожидать себя с половины марта и, двинувшись, наконец, в дорогу, упал на нас, как град, в полтора часа... Но он слабее брата и при малейшем холоде прячет нос в пеленки...» Родился этот второй ее внук 27-го апреля 1779 г.

Очевидно, у Екатерины уже был в голове ее знаменитый «греческий проект», и именно поэтому императрица, предопределяя младшего внука на Константинопольский трон будущей Греческой империи, которую она мечтала восстановить, при крещении назвала его Константином. «У меня спросили, — писала императрица с присущей ей легкой иронией тому же Гримму, — кто будет его восприемником. Лучше всего, — отвечала я, — быть восприемником моего второго внука другу моему Абдул-Гамиду, но так как турку нельзя крестить христианина, то, по крайней мере, сделаем ему честь и назовем младенца Константином...»

Взяв на свое попечение своего второго внука, императрица, несомненно, применила к нему тот же метод физического и умственного воспитания, что и к Александру. Желание Екатерины сбылось. Как только оба ее внука смогли предаться своим детским играм, они сделались неразлучными и на всю жизнь остались самыми близкими друг к другу.

Единственную уступку, которую Екатерина сделала своему сыну и своей невестке, — это назначение госпожи Гесслер, близкой к великокняжеской чете, няней-воспитательницей Александра и Константина, а в 1784 году, когда мальчики подросли, — Александру исполнилось семь, а Константину пять лет, — императрица опять проявила такт по отношению к их родителям, назначив попечителем детей генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова, который был уже десять лет начальником их двора. Современники рисуют его как опытного царедворца, ловко лавирующего между императрицей и великокняжеской четой, умеющего сглаживать противоречия между ними...

Однако Салтыков был лишь временным попечите-

лем мальчиков. Императрица хотела воспитать их обоих в западноевропейском либеральном духе французских философов-энциклопедистов восемнадцатого века, которыми она сама увлекалась вплоть до французской революции 1789 года и казни французского короля и королевы... Намерение Екатерины назначить своим внукам либерального западного воспитателя и воспитывать их в западноевропейском духе указывает на ее желание подготовить будущего своего наследника и его брата к западному типу монархии, по примеру Англии...

Весьма знаменателен ее выбор исполнителя ее педагогических идей и планов: это был швейцарец республиканец Фредерик Лагарп, известный своими гуманными взглядами, своими республиканскими убеждениями и своей приверженностью к либеральной идеологии французских философов-энциклопедистов школы Дидро и д'Аламбера. Слыл он человеком неподкупной честности и вполне независимого характера. Его рекомендовал императрице ее друг барон Гримм еще в 1782 году в качестве спутника в поездке по Италии брата тогдашнего фаворита Екатерины Александра Ланского.

Прибыл Лагарп в Санкт-Петербург в начале 1783 года и сразу же очаровал императрицу своими знаниями и своей культурой.

С первого же года своего пребывания республиканец Лагарп стал не только воспитателем и наставником Александра, но и его любимым другом, а впоследствии — и ближайшим советником, и эти отношения между ними сохранились на всю их жизнь... Лагарп также душевно привязался к своему столь одаренному — по его мнению — ученику. В своих «Записках» Лагарп пишет, что Александр «родился с самыми драгоценными задатками высоких добродетелей и отличнейших дарований...» Он всюду и всегда с восхищением говорил о своем воспитаннике. В 1815 году Лагарп сказал Михайловскому-Данилевскому: «Ни для одного смертного природа не была столь щедрой. С самого младенческого возраста замечал я в нем ясность и точность в мыслях...»

Неудивительно, что и Александр отвечал своему

наставнику полной взаимностью. Уже в 1796 году, будучи еще лишь великим князем, Александр признавался своему другу князю Адаму Чарторыйскому, что «он обязан Лагарпу всем, что в нем есть хорошего, и всем, что он знает, и, в особенности, теми началами правды и справедливости, которые он носит в своем сердце...» Чарторыйский добавляет, что Александр говорит о Лагарпе как о человеке «высоких добродетелей, истинном мудреце, строгих правил и сильного характера...»

Да и сама Екатерина, которая весьма критически относилась к иностранцам и которой со всех сторон клеветали на Лагарпа, однажды сказала ему: «Будьте якобинцем, республиканцем, чем вам угодно, я вижу, что вы честный человек, и этого мне довольно. Оставайтесь при моих внуках и ведите свое дело так же хорошо, как вели его до сих пор...»

Однако в России и, в частности, в придворных кругах было весьма сильное предубеждение против Лагарпа. Сам отец Александра Павел остро осуждал свою мать за то, что она доверила «якобинцу и республиканцу Лагарпу» воспитание его сыновей, и почти до самого отъезда Лагарпа из России не подавал ему руки. Другой современник этой эпохи, Вигель, в своих «Воспоминаниях» пишет: «Воспитание Александра было одной из великих ошибок Екатерины: образование его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россию, столь же мало знал ее, сколько в день своего прибытия, и который карманную республику свою поставил образцом будущему самодержцу величайшей Империи в мире...»

Законоучителем и духовником своих внуков Екатерина назначила протоиерея Андрея Самборского, человека светского, лишенного глубокого религиозного чувства, который не сумел дать своему ученику истинного понимания духа православной церкви... Сам Александр признавал: «Я был, как и все мои современники, не набожен...» К тому же этому слишком передовому, бритому священнику было поручено одновременно преподавать Александру и Константину английский язык. По русской словесности их учителем был писатель Михаил

Императрица Екатерина на прогулке в парке Царскосельского дворца
(Картина В. Боровиковского. 1794 г.)

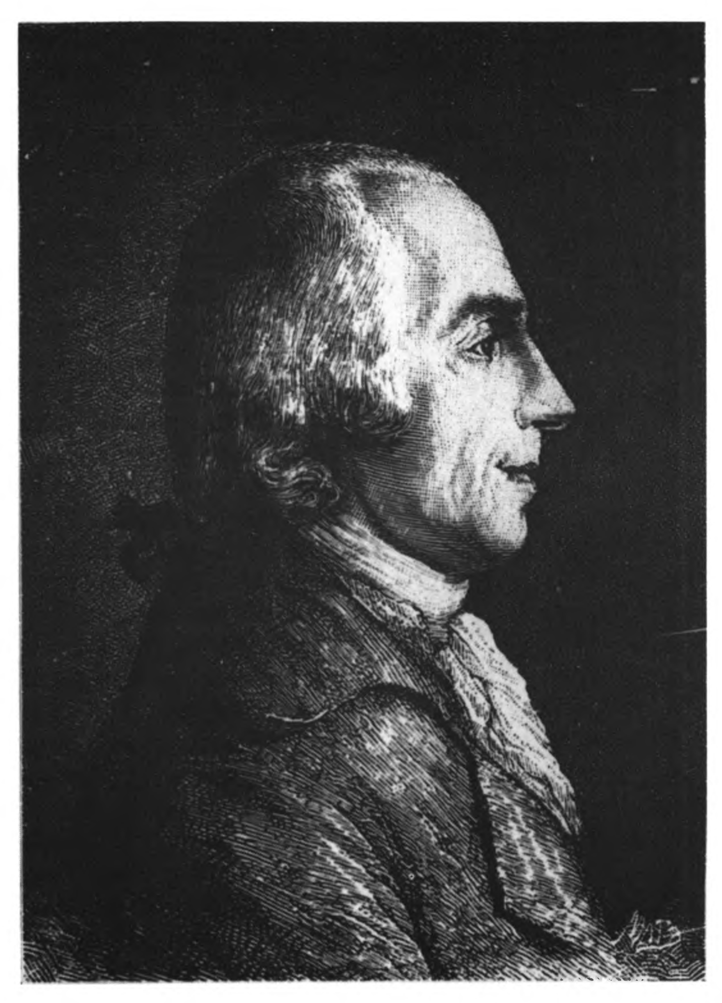
Муравьев, по ботанике — известный академик Паллас, по физике — академик Крафт, по математике — полковник Массон.

Сама императрица писала для своих внуков «Бабушкину азбуку» — повести, беседы, пословицы, сказки, поговорки и т. д., и кроме того — краткое изложение событий русской истории от самого начала Руси до нашествия татар в 1224 году. Все эти литературные труды Екатерины доказывают, с каким рвением и любовью она заботилась об образовании Александра и Константина.

Намереваясь предпринять путешествие в Новороссию и Крым в 1786 году, Екатерина решила, несмотря на сопротивление их родителей, взять с собой своих внуков и не смогла осуществить этот свой проект только по независящим от ее воли обстоятельствам. Константин заболел корью. Однако все же она в мае 1787 года вытребовала обоих внуков в Москву, где сама пребывала в это время...

Весьма любопытно сравнить раннюю детскую переписку Александра и Константина с их бабушкой-императрицей. Писали внуки чаще всего по-русски, но иногда и по-французски. Переписка эта была особенно интенсивной во время путешествия Екатерины в Крым. Наиболее интересно то, как мальчики завершали свои послания бабушке, — это до некоторой степени обрисовывает уже их будущие характеры. Так, маленький Александр пишет в конце своих писем: «Я люблю вас всем сердцем и душой. Целую ваши ручки и ножки. Ваш нижайший внук Александр». Его меньший брат Константин гораздо более сдержанный: в его письмах нет никаких нежностей и стиль их очень официальный. Он обыкновенно так кончает эти свои письма: «Я пребываю ваш, бабушка, покорнейший внук Константин...» Тот же стиль наблюдается и в их письмах на французском языке.

Скажу еще несколько слов о Лагарпе, который до конца жизни Александра имел на будущего императора столь решительное влияние. В годы своей воспитательской деятельности он был действительно востор-

Фридрих-Цезарь Лагарп — воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей (Гравюра-портрет конца XVIII-го столетия)

женным поклонником энциклопедистов, идеалистом и даже теоретиком республиканского строя, хотя и сам признавал, что знаком он гораздо больше с книгами, чем с людьми... Однако после эксцессов французской революции в его сознании произошел коренной перелом. Когда он покинул Россию и вернулся в свое отечество, он некоторое время был даже «директором», т. е. своего рода президентом маленькой Швейцарской республики. На этом своем поприще Лагарп столкнулся с самой жизнью и, конечно, прежде всего — с людьми, их страстями, их подлинным характером, их земными интересами, часто противоречащими их политическим идеалам и убеждениям.

После этого Лагарп отказался от многих своих либеральных взглядов и теоретических увлечений республиканскими и революционными идеями. В 1802 г. Лагарп открыто перешел на совсем противоположную политическую позицию: он не скрывал своего разочарования и в республике, и в революции и стал видеть в просвещенном и разумном самодержавии единственно благодетельный режим для человечества. В этом направлении Лагарп стал влиять и на своего бывшего воспитанника, ставшего теперь могучим императором России.

2. ЮНОША НА ПРЕСТОЛЕ

Александру едва минуло двадцать три года, когда он, после трагичной кончины императора Павла Первого, взошел на российский престол 12-го марта 1801 г. В первом часу ночи с 11-го на 12-е марта этого памятного 1801 года граф Пален явился в Михайловский замок к наследнику цесаревичу Александру с известием о скоропостижной кончине его отца.

Горе Александра было неописуемо, бросившись на кресло, по свидетельству самого Палена, он залился горькими слезами. В это же самое время князь Платон Зубов разбудил великого князя Константина и привел

его к воцарившемуся брату. Только с большим трудом, вспоминает Зубов, успел граф Пален уговорить Александра выйти к собранным в Михайловском замке Преображенскому и Семеновскому гвардейским полкам... «Довольно ребячиться, — сказал ему Пален по-французски, — начинайте царствовать и идите покажитесь гвардейцам...» Александр, наконец овладев собою, с красными от слез глазами вышел к построенным в каре гвардейцам, но от волнения все еще не мог произнести ни одного слова и лишь приветствовал их поднятой рукой, отвечая на их восторженные возгласы.

Затем вместе с братом Константином, Паленом, Зубовым и другими придворными новый император на санях переехал в Зимний дворец и занял императорские апартаменты. Его молодая жена, императрица Елисавета Алексеевна, осталась в Михайловском замке утешать овдовевшую свою свекровь, императрицу Марию Федоровну.

В два часа ночи Пален, по указанию Александра, вызвал в Зимний дворец уволенного в 1800 году императором Павлом Д. П. Трощинского, тайного советника, пользовавшегося до опалы особым доверием покойного императора. Александр кинулся ему на шею и сказал: «Будь моим руководителем!» Трощинскому поручили немедленно сочинить манифест о восшествии на престол императора Александра Первого. Манифест этот возвещал между прочим следующее: «Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е марта. Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия... По ее премудрым стопам шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим...»

Эти вдохновенные слова воспламенили надеждой и любовью к молодому императору сердца русских лю-

Император Александр Первый в 1801-м году,
в возрасте двадцати четырех лет
(Современная гравюра с портрета В. Л. Боровиковского)

дей, помнящих тяжелые дни царствования Павла.

Присяга новому императору проходила в Санкт-Петербурге, Москве и по всей России в величайшем порядке. Однако юный император оставался задумчивым и печальным среди всеобщего ликования. Насильственная смерть отца произвела на Александра потрясающее впечатление. На первом своем выходе 12-го марта он даже не мог скрыть своего тяжкого настроения, сохраняя на лице выражение горестной задумчивости человека, только что пережившего неожиданный удар судьбы... Впоследствии Александр признавался графине Р. Эдлинг, что приходилось ему тогда скрывать свои горестные чувства от всех окружающих, и потому нередко запирался он в отдаленных покоях и там горько плакал. Царская корона, которую ему пришлось возложить на себя столь неожиданно, являлась тогда лишь тяжелым бременем для него. В своих «Записках» Ф. Ф. Вигель вспоминает, что «вид огорченного императора покорил ему сердца наши..., после четырех лет воскресла Екатерина из гроба в прекрасном юноше, милом внуке ее, возвещающем, что он возвратит нам ее времена...»

Это были подлинные настроения современников. Вся мыслящая Россия встрепенулась при известии о воцарении Александра. На улицах люди плакали от радости и обнимали друг друга, «очнувшись от терроризма человека, который четыре года, не ведая что творит, мучил Богом вверенное ему царство...», — добавляет тот же мемуарист. Ужасные воспоминания о тюрьмах, пытках, ссылках рассеялись со смертью императора Павла, их заменила надежда на личную безопасность и на всеобщее грядущее благосостояние. Граф Завадовский в своем письме графу С. Р. Воронцову выражает эти настроения современников событий 12-го марта, когда он пишет: «...Благоволением судьбы вышли мы из темных дней. Заживают раны от муки прежней,.. отверженные кнут и топор больше не восстанут... Измеряй общую радость, когда никто более не имеет страха мыслить и говорить, что ему полезно...»

Интересно привести здесь письмо бывшего воспита-

теля Александра, который писал ему из Швейцарии: «Я не поздравляю вас с тем, что вы сделались властелином тридцати шести миллионов подобных себе людей, но я радуюсь, что судьба их в руках монарха, который убежден, что человеческие права — не пустой призрак, и что глава народа есть первый его слуга. Вам предстоит теперь применить на деле те начала, которые вы признаете истинными... Искренно желаю, чтобы человеколюбивый Александр занял видное место в летописях мира, между благодетелями человечества и защитниками начал истины и добра...»

9-го мая того же 1801 года император Александр поспешил ответить своему другу и воспитателю, подчеркивая, что «первой истинной радостью с тех пор, как он стал во главе **своей несчастной родины** (выделено мною, — В. Н.), было получение вашего письма... Верьте, любезный друг, — писал Александр, — что ничто в мире не может поколебать моей неизменной привязанности к вам... **за те принципы, которые вы мне внушили, и в истине которых я имел столь часто случай убедиться... Буду стараться сделаться достойным имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этим гордиться...»** (выделено мною, — В. Н.) Александр кончает это свое знаменательное письмо признанием трудностей, с которыми приходится прилагать эти демократические принципы. «Более всего мне доставляет забот и труда согласовать частные интересы и неприязни и заставить других содействовать единственной цели — общей пользе...»

Очень рано Александр начал задумываться о проблеме прав человека, осуждать крепостничество, нравы двора и даже самой его бабушки, поведение которой он никак не оправдывал и слабости которой, несомненно, были ему хорошо известны... Как-то раз, будучи еще наследником престола, в кругу преданных ему придворных Александр критиковал русские порядки и особенно тяжелое положение крестьян, противопоставляя крепостничество свободным землепашцам Запада и оправдывая французскую революцию 1789 года... Удивленные его весьма аргументированными рассуждениями, его собеседники спросили великого князя, откуда

он почерпнул все эти сведения? И к немалому их удивлению, он ответил им, что сама его бабушка, императрица Екатерина, прочла с ним всю французскую конституцию, не только подробно разъяснив ему все отдельные статьи, но и самую французскую революцию 1789 года, осветив все ее причины...

Несомненный интерес в этом отношении представляет письмо самого Александра, написанное им 10-го мая 1796 года его другу и почти сверстнику Виктору Павловичу Кочубею. Самое поразительное в этом письме — это критическое отношение Александра к его августейшей бабушке, к которой, как мы видели, с ранних лет он официально проявлял самое глубокое уважение и сыновнюю любовь... «В наших делах, — пишет Александр, — господствует неимоверный беспорядок: грабеж со всех сторон, все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду, а Империя, несмотря на это, лишь стремится к расширению своих пределов. При таком положении вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления? Это выше сил не только человека, одаренного обыкновенными способностями, как я сам, но даже и гения...» Конечно, Александр писал эти строки, наблюдая расхищение государственных средств прежде всего фаворитами самой императрицы, раньше Орловым, Потемкиным и другими, а теперь Платоном Зубовым...

Наблюдая нравы двора своей бабушки и своего отца, Александр не раз еще в ранние годы высказывал свое глубокое разочарование и даже свое намерение отказаться от трона, если судьба предоставит ему его: «Придворная жизнь создана не для меня, — признавался Александр своим ближайшим друзьям, — и каждый день я страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь просто застывает во мне при виде всех низостей, совершаемых на каждом шагу людьми для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах и медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь

у себя и лакеями и которые здесь занимают высшие места...»

Часто Александр уже в эти годы говорил, что с удовольствием отказался бы от своего положения и предпочел бы жить где-нибудь на Западе, «на берегах Рейна, где мы с женой могли бы жить спокойною жизнью частных людей...» И когда ему с братом Константином было особенно тяжело терпеть все притеснения в Гатчине и наблюдать неистовства отца, Александр как-то удивил своего собеседника этим необыкновенным для русского великого князя признанием: «...Ну что ж, если станет слишком невмоготу, уедем мы с братом в свободную Америку...»

После отъезда своего воспитателя Лагарпа Александр писал ему в Париж: «Как часто вспоминаю я о вас и обо всем, что вы мне говорили, когда мы были вместе! Но это не могло изменить принятого мною решения отказаться со временем от занимаемого мною звания. Оно с каждым днем становится для меня все более невыносимым из-за всего того, что делается вокруг меня...»

Не менее существенными являются критические отзывы Александра об екатерининских разделах Польши, которые он высказывал весной 1796 года своему другому близкому приятелю, польскому аристократу князю Адаму Чарторыйскому, гуляя с ним как-то вечером в Таврическом саду, в Царском Селе... Привожу здесь эти высказывания Александра, которые Чарторыйский подробно записал, потому что именно эти настроения и мысли будущего императора вдохновляли его будущую политику по отношению к Польше. Александр признался Чарторыйскому, что «отнюдь не разделяет захватническую политику своей бабки по отношению к Польше». Эта политика «заслуживает порицания», и он «оплакивает падение Польши и нисколько не разделяет политику русского правительства и двора, проводимую и теперь по отношению к Польше...» Чарторыйский в своих «Воспоминаниях» пишет, что с этого момента почувствовал он к Александру безграничную привязанность... «Я просто не мог поверить, —

заключает он, — наяву ли я это слышу, или это сон...»

Князь Чарторыйский вспоминает, что ему не раз приходилось спорить с Александром, высказывавшим иногда пылкие замечания против абсолютизма.

Стоит отметить, что несколько лет спустя, будучи уже самодержцем, в своих разговорах с Наполеоном в Тильзите, в 1807 году, Александр ошеломил французского императора, высказав ему те же мысли о порочности престолонаследия... Наполеон, сосланный на остров Св. Елены, в своих «Мемуарах» вспоминал, что ему стоило немало усилий убеждать русского императора в преимуществах и целесообразности наследственной монархии...

Гораздо позднее, в самый разгар войны союзников с Наполеоном, император Александр поразил присланного к нему Талейраном барона де Витроля, страстного сторонника восстановления Бурбонов, своими республиканскими настроениями относительно самой Франции. Разговор этот состоялся в главной штаб-квартире союзников в городе Труа 17-го марта 1814 года. «Если вы, несомненно, должны быть убеждены, что француз-вы несомненно должны быть убеждены, что французская корона будет для них слишком тяжелой... Может быть, рационально организованная республика была бы более подходящей французским нравам. Ведь не напрасно же идеи свободы так долго насаждались у вас на родине».

2-го апреля того же 1814-го года император Александр, принимая французских сенаторов, представленных ему Талейраном, в заключение своего к ним обращения сказал: «Я друг французского народа. Справедливо и целесообразно дать Франции сильные либеральные институции, которые отвечали бы сегодняшнему уровню развития Франции».

Наконец, узнав о прибытии короля Людовика XVIII из Англии в Кале, император Александр послал ему личное послание, в котором он настоятельно советовал Людовику «не уклоняться от либеральных идей и даровать Франции свободные учреждения».

Остановился я весьма подробно на всех этих сви-

детельствах современников для того, чтобы правильно понять всю последующую деятельность императора Александра Павловича; нельзя не брать в соображение этих его прогрессивных убеждений, противоречащих интересам и отсталым взглядам громадного большинства его современников — приверженцев прежних порядков, с которыми ему необходимо было считаться. Именно эти трудности — противоречивые интересы различных классов русского общества и непримиримый антагонизм между царем и последователями прогрессивных идей с одной стороны, и реакционно настроенным русским двором, администрацией и помещиками с другой — являются настоящей причиной его колебаний. Привыкший с молодости лавировать между всесильной бабушкой и полуопальными своими родителями, Александр должен был теперь всю жизнь лавировать не только между враждебными лагерями своих собственных подданных, но и между европейскими королями и Наполеоном.

Нелегко было молодому и столь еще неопытному императору Александру справляться со всеми этими почти непреодолимыми трудностями не только в области иностранной политики, которой он всю свою жизнь сам руководил, но и в управлении громадной Империей.

В первые месяцы после воцарения Александра, как и следовало ожидать, преобладающее влияние при дворе и в администрации все еще имел амбициозный и неразборчивый в средствах граф Пален. Пользуясь громадным влиянием и, конечно, молодостью и неопытностью императора, Пален позволял себе навязывать Александру свои собственные мнения, нередко вступая с ним в пререкания и даже иногда прибегая к особенно дерзкому, покровительственному тону по отношению к государю. Александр, конечно, тяготился этим высокомерием временщика, но был достаточно благоразумен, чтобы скрывать подлинные свои чувства и тем самым избежать преждевременного и пока еще опасного для себя разрыва.

Однако Александр умело подготавливал развязку с

Паленом, и можно только удивляться, как этому, еще совсем молодому и неопытному в придворных интригах человеку удалось безболезненно удалить от себя наглого временщика. Александр своей внешней кротостью и лишь видимой сговорчивостью ввел в заблуждение опытного и хитрейшего интригана-царедворца, который все еще продолжал, ничего не подозревая, разыгрывать роль вершителя судеб Империи...

Александр, конечно, осторожно зондировал почву. Вполне доверяя своему генерал-прокурору Беклешову, он как-то поделился с ним своей неприязнью к всесильному временщику. Осторожный, хотя и искренне преданный своему молодому государю, Беклешов ограничился весьма симптоматичным ответом: «Государь, — сказал Александру генерал-прокурор, — когда у меня под носом жужжит назойливая муха, я ее прогоняю».

И вот 17-го июня 1801 года генерал-прокурор Беклешев обнародовал следующий указ императора: «Снисходя на всеподданнейшее прошение генерала от кавалерии Санкт-петербургского военного губернатора и гражданского губернатора губерний Санкт-петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской — графа фон дер Палена, всемилостивейше увольняем его за болезнями от всех дел. АЛЕКСАНДР».

Конечно, подобного прошения об отставке Пален и не думал подавать. Так бесславно закончилась блестящая карьера «Ливонского великого визиря», как иронично называл Палена граф С. Р. Воронцов. Но опала, постигшая некогда всевластного временщика, не ограничилась его отстранением от всех государственных дел: от имени государя, генерал-прокурор Беклешов приказал Палену «немедленно выехать из столицы и постоянно пребывать в своем Курляндском имении». Граф первый во всей Империи почувствовал под бархатной рукавицей железную руку того, которого он считал своим «протеже». До самой своей смерти он уже никогда не появлялся при дворе. На его место Санкт-петербургским военным губернатором Александр назначил преданного ему генерала от инфантерии Михаила Илларио-

новича Голенищева-Кутузова, будущего победителя Наполеона.

Предстояли торжества коронации, которую Александр, вероятно, по примеру своей бабки, назначил на сентябрь, чтобы за несколько месяцев хорошо к ней подготовиться.

Обеспокоенный сближением Александра с Англией, Наполеон, который уже стал Первым Консулом, послал в Санкт-Петербург своего любимца адъютанта Дюрока под предлогом поздравить императора Александра с восшествием на престол, а в сущности, чтобы досконально изучить положение в России и настроения русского царя.

3. ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Почти сразу после отстранения графа Палена молодой император организовал свой знаменитый «Комитет общественного спасения» — как его называл сам Александр в честь французского революционного комитета 1793 года, основанного Робеспьером и его сподвижниками, которому принадлежала вся исполнительная власть после крушения монархии и казни Людовика Шестнадцатого. Современники называли его «Комитет общественной безопасности», а некоторые просто «Негласный комитет», очевидно подчеркивая его неофициальный характер и значительную роль в управлении империи параллельно с официальной администрацией. Александр объяснил прибывшему в Санкт-Петербург своему бывшему воспитателю Лагарпу, что цель этого комитета — систематически реформировать всю администрацию России на западный лад и коренным образом преобразовать «безобразное здание управления империи...».

Припомним, что эта реорганизация России была весьма ранней идеей юного Александра, когда он был еще наследником престола. В своем письме от 27-го сен-

тября 1797 года он писал Лагарпу, что, если когда-либо ему будет суждено стать императором, он даст России «свободную конституцию». Теперь Александр воскресил свою мечту ранних лет.

Членами этого комитета были сначала близкие к императору придворные и некоторые министры, пользующиеся особым его доверием. Александр выбрал четырех своих друзей, которых сделал ближайшими советниками и с которыми делил верховное управление империей. От них у него не было секретов. Все члены этого более близкого к нему круга имели привилегию обедать за высочайшим столом без приглашения. Являлись они, однако, в определенные дни, когда император назначал эти ужины и когда можно было вести за столом общий разговор, более или менее относящийся к проблемам управления. Обычно после десерта и кофе, поговорив несколько минут со своими сотрапезниками, император удалялся в свои покои. Но пока остальные гости разъезжались, эти четыре его ближайших сотрудника вводились через особый вход в небольшой кабинет, находящийся в личных императорских апартаментах, куда к ним выходил Александр.

Знаменательно, что императрица Елизавета Алексеевна не принимала никакого участия в этих заседаниях. Впрочем, она всегда умышленно старалась быть в стороне от управления и вообще от всякой политической деятельности. Елизавета вышла замуж за Александра очень молодой, когда ей едва исполнилось четырнадцать лет, а самому ему было всего лишь шестнадцать... Была Елизавета дочерью владетельного принца Карла-Людовика Баденского, и брак ее был устроен императрицей Екатериной, которая уже в те времена решила отстранить сына Павла от престола и назначить своим преемником любимого внука Александра. Именно из-за этих намерений всевластной императрицы ни сам Павел, ни тем более его жена Мария Федоровна не испытывали особых симпатий к навязанной им невестке, жене их старшего сына, на брак которого даже не испросили их согласия... После воцарения императора Павла императрица Мария Федоровна не про-

Императрица Елизавета Алексеевна
(Портрет кисти Монье)

Вдовствующая императрица Мария Феодоровна,
супруга покойного императора Павла
(Современная литография)

пускала случая показать свою неприязнь слишком популярной при дворе невестке. Овдовев, властная и суровая Мария Федоровна, которая много натерпелась от покойного мужа, ревностно стремилась быть настоящим ментором императорской семьи. Она даже не дозволяла своей невестке принимать какое-либо участие в своих благотворительных начинаниях. И именно из-за этой неприязни своей свекрови сговорчивая и уступчивая Елизавета Алексеевна умышленно избегала играть какую-либо роль в государственных делах своего мужа, которого она страстно любила и к которому была привязана всю свою жизнь, как это видно из ее писем к своей матери, Баденской принцессе.

Кто же были эти четыре избранника, с которыми Александр в первые годы своего царствования разделял управление империей? «В этом собрании, — пишет князь Чарторыйский, польский аристократ, друг юности Александра и тогда один из самых близких ему людей, — Строганов был самым пылким, Новосильцев — самым рассудительным, Кочубей — самым осторожным и искренне желавшим принять участие в управлении, я же — самый бескорыстный и старавшийся всегда успокоить чрезмерный пыл участников...»

Были эти сподвижники Александра сравнительно молодыми людьми: самому императору при вступлении на престол едва минуло 23 года, графу П. А. Строганову было 27 лет, графу Кочубею — 33 года, князю Чарторыйскому шел 31 год и самому старому из них, Н. Н. Новосильцеву, было лишь 39 лет. При восшествии Александра на престол трое из них жили за границей: Кочубей пребывал в Дрездене, Адам Чарторыйский — в Неаполе, Новосильцев — в Англии. Лагарп, воспитатель и вдохновитель Александра, жил в Париже. Все они поспешили вернуться в Санкт-Петербург, как только узнали о воцарении своего друга и единомышленника...

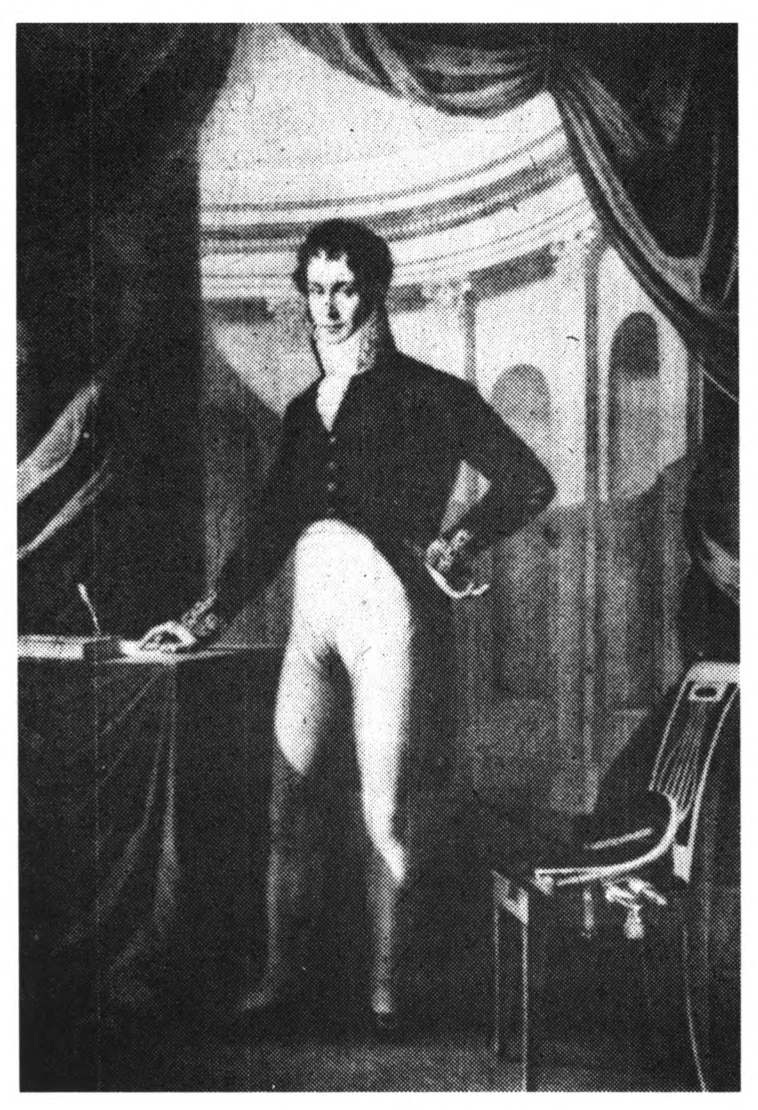
Любопытно, что в этом комитете не участвовал только один из прежних близких приятелей Александра — граф Алексей Андреевич Аракчеев, который в конце жизни императора играл столь важную и весьма зловещую роль в его управлении. Очевидно, император хоро-

шо знал убеждения и настроения Аракчеева и просто не хотел приобщать его к деятельности этих либеральных и демократически настроенных, как, впрочем, и сам Александр, людей, при помощи которых он надеялся вывести Россию из исторического тупика и приобщить империю к правовым европейским государствам девятнадцатого столетия.

Первое заседание этого комитета состоялось 24-го июня 1801 года, а последнее — в конце 1803 года, когда Александр начал все больше и больше интересоваться внешней политикой и уже мечтал стать во главе общеевропейской коалиции против Наполеона, недавно объявившего себя императором Франции.

Александр весьма внимательно следил за событиями во Франции. Его сильно поразила перемена в Париже. До того времени он считал, что Наполеон действительно великий сын своего народа, потому что ведет Францию к подлинной и реальной демократии... Теперь лишь Александр понял личные амбициозные планы Наполеона — сменить Бурбонов на престоле! Это просто коробило его, потому что с молодости, под влиянием своего воспитателя Лагарпа, Александр считал республиканский строй самым приемлемым для Франции, народ которой был подготовлен к этой исторической перемене. Получив доклад о коронации Наполеона и о коренной перемене наступившей во Франции, Александр был просто потрясен. В душе он был убежденным республиканцем и для своей собственной страны, но считал, что русский народ еще не созрел для такой кардинальной перемены...

Через несколько лет, внимательно следя за событиями во Франции, Александр узнал, что ставший абсолютным монархом, Наполеон решил развестись со своей первой женой Жозефиной и жениться на представительнице одной из существующих империй в Европе: сначала думал он взять в жены русскую великую княжну Марию Павловну, родную сестру Александра. Настоящая причина отказа Александра выдать за Наполеона сестру — было именно страшное разочарование царя в человеке, которого он считал прирожденным

Князь Адам-Юрий Чарторыйский —
польский аристократ, живший в качестве заложника при дворе Екатерины. Красивый, очаровательный юноша, он был самым интимным другом Александра

Граф Виктор Павлович Кочубей —
близкий друг великого князя Александра, после его воцарения назначенный членом «Тайного совета»
(Портрет Джорджа Доу, гравюра Райта)

Николай Николаевич Новосильцев
(с портрета, находившегося перед революцией 1917-го года в Императорской академии наук). Близкий друг Александра с ранних лет, ставший после его воцарения членом «Секретного комитета»

Граф Павел Александрович Строганов (портрет кисти Сент-Обэна, гравюра Вендрамини). Один из самых близких приятелей Александра еще с его юных лет. После его воцарения, был назначен членом «Тайного комитета»

вождем революции, конечно, в демократическом смысле, победившем экстремизм якобинцев и установившим во Франции подлинный демократический режим, и который — настоящий оборотень — теперь стал деспотом, несравненно худшим, чем Бурбоны.

Получив отказ царя, ссылавшегося на мать Императрицу Марию Феодоровну, считавшую дочь слишком молодой для замужества, Наполеон женился на дочери Императора Австрии, который пожертвовал своей дочерью эрцгерцогиней Марией-Луизой, чтобы приобрести покровительство мощного соседа. Мария-Луиза родила ему сына, объявленного им «Римским королем» и ставшего известным своей трагической судьбой под именем «Орленок». Впоследствии он жил полупленником при дворе своего деда Императора Франца в Вене, в Шонбрюнском замке, под строгим наблюдением Меттерниха. Умер этот очаровательный юноша от туберкулеза. Мать мало интересовалась им и, ставши «герцогиней Пармской», жила с графом Найпергом, от которого у нее было несколько детей.

Граф Строганов имел похвальное обыкновение по возвращении с этих комитетских собраний записывать вкратце весь ход совещаний и даже споры участников и мнения, высказанные самим императором. Благодаря этим ценнейшим запискам Строганова, для истории сохранился весьма интересный материал, который позволяет нам судить о вопросах, которые там обсуждались, и даже о том, как велись эти прения.

Конечно, не только стремление императора Александра к активному участию в сферах внешней политики заставило его временно отказаться от его давнишней мечты дать России конституцию. Но уже тогда именно по инициативе самого Александра и этих его молодых советников началась кипучая просветительская деятельность — подготовка мыслящих людей России к предстоящим существенным переменам. Император предоставлял немалые денежные средства, оплачивая из государственной казны переводы и публикацию современных передовых научных трудов Запада в области политической, общественной и экономической мысли.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев
(Литография конца XVIII века)

**Первый шаг к императорскому престолу.
Депутаты провозглашают Наполеона Первым консулом.
(Фрагмент картины Монсиу)**

Так, по инициативе Александра и его ближайших сотрудников были изданы «Конституция Англии» Лома в переводе Ивана Татищева, «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» Бентама в переводе М. Михайлова, «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита в переводе Николая Политковского, классическое сочинение Монтескье «О сущности законов» в переводе Языкова и множество других подобных книг, доказывающих преимущества конституционного строя над абсолютизмом...

Следует упомянуть немалую роль во всех этих инициативах разночинца, сына сельского священника Михаила Михайловича Сперанского, который еще при императоре Павле, будучи преподавателем философии и инспектором Александро-Невской семинарии, перешел в гражданское ведомство, в канцелярию генерал-прокурора, и впоследствии стал министром и ближайшим советником Александра, на деятельности которого я остановлюсь в специальной главе. Сперанский был человеком весьма образованным, знакомым с реформами законодательства Запада, и, в частности, с французскими преобразованиями времени Наполеона. При вступлении на престол Александр назначил Сперанского статс-секретарем, помощником министра Д. Трощинского, ближайшего тогда сотрудника юного царя. Александр намеревался короноваться в сентябре и в самый день своей коронации хотел обнародовать всемилостивейшую грамоту-манифест русскому нáроду, которая должна была стать настоящей Charta Magna Российской империи. Сохранился оригинальный текст этой грамоты, написанный рукою самого Александра с незначительными стилистическими поправками Сперанского. Однако из-за оппозиционных настроений русского дворянства император должен был отложить это свое намерение.

Россия была тогда на перепутье. С одной стороны, никогда еще в России не испытывали русские люди такого чувства благосостояния и внутреннего спокойствия: «Любовь управляет Россией, — писал современник, — и свобода вместе с порядком водворяются

Граф Михаил Михайлович Сперанский,
несмотря на превратности судьбы, достиг еще при императоре Александре весьма блестящего положения. Однако при императоре Николае Первом стал он воспитателем наследника, великого князя Александра Николаевича, с которым близко подружился
(Современная гравюра)

в ней...» Однако в то же самое время доходили до Александра настойчивые, враждебные голоса тех, кто не мог примириться с новыми веяниями. Смелые проекты императора и, в особенности, его намерение создать конституцию для России не нравились людям старой закалки, выросшим и воспитанным в рабском страхе, которые в последние годы Екатерины и, тем паче, во времена Павла привыкли воспринимать власть «только в виде пугала...» Дворяне-помещики особенно боялись намерений Александра упразднить крепостничество, считая, что это преобразование принесет им личное разорение.

В своих «Записках» современник Д. П. Руничь пишет: «Суровость Павла сменилась необузданной распущенностью. Либерализм стал модой. При вступлении на престол Александр объявил о своем намерении царствовать по примеру своей бабки Екатерины Второй. Только и было разговоров, что о манифесте, содержавшем эту пошлую и смехотворную фразу, да о красоте юного импертора и о свободе, которой жаждали. Увы, что это за свобода! Александр должен был лавировать. Его собственная мать была им недовольна, дворянство тоже, сторонники его отца питали к нему отвращение...» Таким же враждебным отношением к проектам Александра о конституции и о реформах пропитаны писания Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и многих других современников. Адмирал А. С. Шишков, например, с негодованием пишет: «Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали порицать все прежние постановления, законы и обряды, называть их устарелыми, невежественными...» И, конечно, эти противники конституции и реформ были не одни. В унисон с их голосами звучал голос помещичьей, крепостнической России, доходивший до самого трона. Александр был принужден отложить свои благие намерения на будущее...

□

Новое направление внешней политики, вызванное воцарением императора Александра, конечно, заинтере-

совало всю Европу. Но в то время как Англия, Австрия, Пруссия возлагали надежды на русские перемены, уклонение России от враждебных действий против Англии беспокоило Наполеона, ставшего вершителем судеб Франции. И хотя эта перемена была ему очень не по сердцу, он не решился разорвать восстановленную при Павле дипломатическую связь с Россией. Однако, чтобы лучше выяснить действительные намерения нового императора, Наполеон, тогда все еще первый консул, прислал в Санкт-Петербург своего доверенного адъютанта Дюрока, который должен был приветствовать Александра в связи с восшествием его на русский престол. Прибыл Дюрок в русскую столицу 13 мая 1801 года и, к своему удивлению, вместо неприязни встретил здесь самый предупредительный и даже радушный прием. Несомненно, что причиной этого было личное сочувствие Александра идеям французской революции 1789 года, которое внушил ему, как я уже упомянул, его воспитатель Лагарп. Интересно в этом отношении свидетельство друга императора, князя Адама Чарторыйского. «Александр, — пишет он в своих "Мемуарах", — был в восторге. Увидев, наконец, французов пресловутой революции, коих он считал все еще республиканцами, он взирал на них с любопытством и участием. Он столько наслышался о них и так часто о них размышлял! Как он сам, так и великий князь Константин Павлович испытывали живейшее удовольствие, именуя их в разговоре «гражданами», название, которым, как думал Александр, они гордятся. Но это оказалось вовсе не по вкусу посланцам Бонапарта, и они вынуждены были несколько раз протестовать, что во Франции более не принято именоваться «гражданами», прежде чем Александр и брат его перестали их так называть...»

Дюрок был очарован Александром и с нескрываемым восхищением писал про молодого русского императора Бонапарту. «Россия, — докладывал он, — по своему географическому положению и по своим богатствам представляет государство, союз с которым является самым выгодным для Франции с обеих точек зре-

видится и которых заставляет учиться, однако, не утруждая их и не утомляя их чрезмерно. Его любит народ за простое обхождение и за предоставленную большую свободу, столь противоположную стеснительной жизни и суровым нравам, господствовавшим при Павле...»

24 мая этого же 1801 года император Александр имел с Дюроком в Летнем саду замечательный разговор, который, несомненно, представляет немалый интерес для нас и о котором Дюрок дословно доложил Бонапарту. «Я всегда желал, — сказал Александр, — поддерживать дружбу России с Францией, это две могущественные нации, которые доказали взаимное уважение и должны жить в дружбе, чтобы прекратились мелкие раздоры на континенте. В этом смысле сделаны были предложения моему покойному отцу; я бы желал войти в непосредственное соглашение с первым консулом, честный характер которого мне хорошо известен, избегая содействия большого числа посредников, всегда опасных. Я говорю с вами откровенно, скажите все это ему от моего имени, но будьте осторожны: не нужно даже об этом говорить ни одному министру. Также ния, политической и торговой». О впечатлении от самого Александра Дюрок писал: «У императора красивая и обаятельная внешность сочетается с большой кротостью и вежливостью; у него, мне кажется, хороший нрав; и он весьма образован. Он любит военное дело и пользуется расположением солдат, с которыми он часто вам не следует пользоваться почтою: письма ваши пройдут через слишком много рук. Скажите ему также, что я сочувствую его славе и что не нужно, чтобы его считали завоевателем... Мне же ничего не нужно, я желаю лишь содействовать спокойствию Европы...»

Этот замечательный разговор, который дошел до нас в докладах Дюрока первому консулу, великолепно рисует характер Александра, его необыкновенный ум, его тактичность, его искусство вести дипломатические переговоры и, наконец, его способность расположить к себе собеседника. Вероятно, чувства Александра не были ни столь дружественными, ни столь искренними

Генерал Кристоф-Мишель Дюрок, герцог Фриули, гофмаршал двора Наполеона, был самым молодым генералом, назначенным им. Став императором, Наполеон, который имел к нему большую слабость, назначил Дюрока первым сановником своего двора. По свидетельству современников, целых 15 лет, до самой своей смерти в 1813 году, Дюрок был самым близким другом и конфидентом Наполеона. Когда он был смертельно ранен в сражении при Бауцене, Наполеон присутствовал при его смерти и был неутешен, ни с кем не говорил, ничего не ел целый день и только безутешно рыдал, произнося имя своего друга: «Ах, Дюрок! Дюрок!..»

по отношению к Бонапарту, перед которым трепетала вся Европа. Секретность этого разговора, на которой особенно настаивал император Александр, конечно, продиктована не только необходимостью сохранить его в тайне от англичан, но и подданным самого царя не следовало об этом знать — отсюда его предостережения Дюроку не доверять русской почте. Очевидно, Александр опасался, что в России все еще мало людей, которые против сближения с Францией. Это доказывали, между прочим, затянувшиеся в Париже переговоры как при Колычеве, так и при графе Моркове. Кроме того, Дюрок, следуя указаниям первого консула, намеревался присутствовать на коронации Александра в Москве. С этой целью французскому послу была предоставлена внушительная сумма в 600.000 франков. При этом сам император явно желал, чтобы Дюрок присутствовал на торжествах в Москве, считая, что коронация произведет на него весьма полезное впечатление величия России... Однако граф Никита Панин (племянник екатерининского Панина), бывший тогда министром иностранных дел, не сочувствуя сближению с Францией, встретил Дюрока не только сухо, но и весьма холодно и дал ему понять, что он должен покинуть Россию ранее предстоящих в Москве торжеств коронации. Это указывает на то, что Александр еще не твердо держал в своих руках бразды правления, так как во время приезда Дюрока в Санкт-Петербург настоящим господином положения все еще был граф Пален и, несомненно, Панин действовал по его указаниям.

Несмотря на то, что Александр не решился в день своей коронации издать манифест о конституции, он все же даровал своим подданным ряд милостей, которые говорят о его настроении и намерениях. Никогда прежде него русские государи не обращались с такими благородными мыслями к народу. В этом своем манифесте, датированном 15 сентября, император, перечисляя все, что сделано было со времени его восшествия на престол, между прочим, говорит: «Восприяв вместе с престолом нашим прародительским обязанности великого нашего служения и сознав в душе своей, что с сего

Император Александр Первый
в первые годы своего царствования

(Портрет придворного русского художника
В. Л. Боровиковского)

торжественного мгновения счастие вверенного нам народа должно быть единственным предметом всех мыслей наших и желаний, мы к нему единому обратили все движения нашей воли и с самых первых дней царствования нашего положили утвердить все состояния в правах их.., отвергнув ужасы тайной экспедиции, мы исторгнули из заклепов ея все ея жертвы, уничтожив бесконечные следствия и суды... Всеми сими постановлениями мы желали только означить, сколь искренно жаждем мы народного счастья, сколь приятно нам удостоверить истинных сынов отечества в любви нашей к нему и во внимании к его пользам...»

В самый день коронации Александр подписал и другой, не менее замечательный указ об учреждении комиссии для пересмотра прежних уголовных дел. 27 сентября он прибавил к этому указ об уничтожении пыток. Этим своим постановлением император предписывал Сенату «самым строжайшим образом подтвердить всем управлениям и судам империи, чтобы никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний и пристрастных допросов под страхом неминуемого и строгого наказания, и чтобы, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изгладилось бы навсегда из памяти народной».

В память коронации была выбита медаль с символом, руководившим в то время всеми начинаниями императора: обрезок колонны, увенчанной императорской короною, с надписью **«Закон — залог блаженства всех и каждого»**.

Наконец, и это весьма симптоматично, раздавая обычные награды в день коронации, император никого не одарил крестьянами, к великому огорчению многих вельмож, алчущих получить побольше крепостных. Император ответил сановникам, просившим пожаловать им имения, как это делали все его предшественники на троне, словами, которые сохранила история: «Большая часть крестьян в России — рабы; считаю лишним распространяться об уничижении человечества и о несчастье подобного состояния. Я дал обет не

увеличивать числа их и поэтому взял за правило не раздавать крестьян в собственность...»

Все это отличало коронацию императора Александра от всех прежних подобных торжеств на Руси. И несмотря на то, что он все же не решился дать конституцию России в этот памятный для него день, беспристрастный историк не может не признать, что сделал он очень много на пути раскрепощения русского народа. В это время, рассчитывая перевоспитать свое дворянство и своих вельмож, Александр был убежден, что со временем ему удастся даровать конституцию России и уничтожить крепостничество, которое он считал позором для человечества.

Добавлю, что из-за всего этого никогда еще при короновании русских царей не было такого ликования и таких проявлений народной любви, как 17 сентября 1801 года. Многие очевидцы сохранили в своих воспоминаниях общий всенародный восторг, царивший в эти памятные для России дни. Население древней столицы почти удвоилось: толпами прибывали возвращенные из Сибири люди, приехали представители всех сословий со всей России и множество иностранцев. Священнодействие совершил митрополит Платон, четыре года тому назад возложивший корону на Павла. Но как отличались эти два события по настроению масс!

Так началась памятная для России эпоха преобразований императора Александра Первого.

4. ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ СПЕРАНСКОГО

Император Александр Павлович в первые годы своего царствования особенно внимательно присматривался к людям своего окружения, тщательно выбирая членов своей администрации — правительства и двора. Большинство бывших вельмож Екатерины и сподвижников Павла были люди старого закала, которые по традициям и по своим убеждениям, как я уже указал,

были чужды молодому императору и даже враждебны ему, считая Александра последователем его воспитателя Лагарпа и, следовательно, поклонником новых веяний Запада, в частности, вышедшей из революции Франции Наполеона Бонапарта. Я уже познакомил читателя с интимным кружком Александра, друзьями его детства и юности, которые, как он сам, были либерально настроенными западниками, вернувшимися в Россию после его воцарения и ставшими ближайшими сотрудниками молодого императора.

Скоро приехал в Санкт-Петербург и сам Лагарп, который, однако, поразил Александра происшедшей в нем переменой. Из ярого республиканца, восторженного почитателя Робеспьера, Лагарп, после того как несколько месяцев был во главе управления маленькой, демократичной Швейцарией и на деле столкнулся с революционно настроенными деятелями у себя на родине, превратился в монархиста. Теперь он стал убеждать Александра, что самый лучший политический режим — это просвещенный, либеральный абсолютизм. Лагарп приехал в столицу в августе 1801 года и девять месяцев провел почти неразлучно с Александром, вернувшись во Францию лишь в начале 1802 года. Предостерегая Александра от либеральных увлечений, Лагарп теперь убеждал его дорожить своей властью, мало-помалу изменяя Россию прочными и мудрыми учреждениями по примеру Пруссии Фридриха Великого, сумевшего соединить абсолютизм с правосудием и законностью. Швейцарец изменил свое отношение к крепостническому состоянию крестьян, убеждая Александра в необходимости охранять неприкосновенность помещичьих прав, он советовал даже императору в крестьянском вопросе «избегать самый термин "освобождение", заменяя его выражением "перемены в экономическом быте"...».

Однако оппозиция к Лагарпу правящих кругов русской аристократии была столь же сильна, как и во времена покойной императрицы Екатерины. Граф Никита Панин, племянник знаменитого Панина, писал в Лондон графу С. Р. Воронцову: «...едет сюда, невзирая на

сильные представления матери (императрицы Марии Федоровны, — В. Н.) и на мои, известный вам швейцарец... Сей человек будет управлять своим воспитанником и не допустит к нему верных сынов отечества. Все благомыслящие со мною в этом согласны...».

Именно к этому времени относится написанная рукой самого Александра, найденная в его бумагах записка, которую в 1826 году император Николай Первый подарил графу Дибичу: «...Ты спишь, несчастный, — писал молодой император, — а груды дел тебя ожидают. Ты пренебрегаешь своими обязанностями, чтобы предаться сну или удовольствиям, а несчастные страдают, пока ты валяешься на своих матрасах. Какой стыд, у тебя недостает храбрости, чтобы победить эту лень, которая всегда была твоим уделом. Встань, освободись от ига присущих тебе слабостей, сделайся опять человеком и полезным гражданином отечества...» Это признание лучше всего показывает нам, каким честным, даже с самим собой, человеком был император Александр Павлович.

Ко времени отъезда Лагарпа Александр сблизился с Михаилом Михайловичем Сперанским, о котором я уже упомянул в предыдущей главе и с которым его связывали не только прямота и честность характера Сперанского, но и одинаковые научные занятия и интересы, и, может быть, еще больше — общая им обоим мечта о будущей конституционной и правовой России. Сперанский со временем стал самым близким советником-сотрудником Александра и фактически его первым министром. Нам следует познакомиться ближе с этим выдающимся государственным деятелем начала девятнадцатого столетия, одним из самых замечательных людей России и при этом настоящим русским человеком, вышедшим из низов народных и восшедшим на самую вершину служебной иерархии.

Михаил Михайлович Сперанский родился 1-го января 1772 года в селе Черкутине, Владимирского уезда, где отец его, Михаил Васильевич, был священником. Семилетним мальчиком был он отдан во Владимирскую духовную семинарию, по окончании которой как

лучший студент получил стипендию в главной в России Александро-Невской семинарии, которая вскоре была переименована в Духовную Академию. Сперанский и ее окончил первым по успеваемости в 1791 году, и сразу, несмотря на свой юный возраст — ему едва исполнилось девятнадцать лет, — был оставлен преподавателем, сначала математики, физики и красноречия, впоследствии философии, а через несколько лет — и инспектором этого учебного заведения.

Начальство готовило для выдающегося молодого богослова блестящую духовную карьеру, однако Сперанский предпочел перейти на светскую службу. Известный протоиерей Андрей Самборский, духовный отец и бывший законоучитель Александра, друг отца Сперанского, рекомендовал молодого человека князю Куракину, который в 1797 году определил его в свою канцелярию. Куракин был довольно передовым человеком и, как его друг протоиерей Самборский, был большим поклонником Англии, политическое устройство которой казалось ему идеалом государственной системы. Он поручил молодому Сперанскому изучать английскую конституцию и докладывать ему о конкретных возможностях заимствовать некоторые английские административные институции в государственном переустройстве России. Сперанский со всем своим пылом и трудолюбием принялся за возложенную на него задачу. Он стал методично знакомиться не только с английской конституцией, но и с преобразованиями Наполеона Бонапарта в его империи.

Несомненно, что частые смены генерал-прокуроров при императоре Павле еще более упрочили положение Сперанского, который стал для них ценнейшим советником на их новом и столь ответственном поприще: Куракина сменил Лопухин, которого в свою очередь заменили Беклешов и, наконец, Обольянинов. Все они были новыми людьми и по необходимости опирались на помощника, который благодаря знаниям, опытности и трудолюбию стал их незаменимым сотрудником.

Сперанский продолжал возвышаться на своем поприще и фактически руководил всей сложной адми-

нистрацией этой службы, входя в постоянные контакты не только с императором Павлом, но и с наследником престола великим князем Александром Павловичем. Очевидно, благодаря влиятельному положению при генерал-прокурорах Сперанский сумел приобрести расположение и дружбу будущего императора своей необыкновенной смекалкой и стремлением быть полезным Александру, положение которого было далеко не легким, особенно в эти последние годы правления подозрительного и болезненного Павла...

После переворота 1801 года вступивший на престол император Александр учредил Непременный совет для рассмотрения особенно важных государственных дел и постановлений. В него вошли 12 главнейших государственных сановников, главою которых Александр назначил Д. П. Трощинского, тогда самого близкого к нему вельможу. Фактическое заведывание канцелярией Совета было вверено Сперанскому, который в чине статс-секретаря стал экспедитором по части гражданских и духовных дел. Значение этого Совета видно из того, что 16 мая 1801 года сам император присутствовал на его заседании, на котором было принято решение о **запрете продавать крепостных людей без земли.**

Несомненно, это первое ограничение крепостнического произвола было подготовлено Александром в сотрудничестве со Сперанским. Швейцарец Дюмон, который деятельно участвовал в преобразованиях Непременного совета и был другом Сперанского, пишет: «Без преувеличения можно сказать, что в 1801 году не было в Европе правительства, которое было бы столько занято общественным благом, как русское... И если в чем есть недостаток, — добавляет он, — это в исполнителях, чтобы осуществить то добро, которое хотят сделать...» И между главными и способнейшими сотрудниками императора Дюмон называет Трощинского и Сперанского.

Можно с уверенностью сказать, что указ 8-го сентября 1802 года о замене коллегиального управления, созданного Петром Великим, учреждением министерств в России — был делом Сперанского, который по пору-

чению самого императора разработал основные положения этого проекта. Было образовано восемь министерств и определена как зависимость министров от государя, сената и Непременного совета, так и взаимоотношения между самими министрами. Введено было и заимствованное из английской конституции положение, в силу которого резолюция императора на указах и повелениях налагалась лишь после подписи соответствующего министра.

Я уже упомянул в предыдущей главе, что Сперанский деятельно участвовал в управлении, готовя доклады и записки молодым друзьям императора — Кочубею, Строганову, Новосильцеву и Чарторыйскому, предназначенные для самого государя. Позднее, когда император назначил Кочубея министром внутренних дел, тот взял себе в помощники Сперанского. На этом посту Сперанский стал играть крупную роль в администрации, являясь автором всех важных постановлений и докладов министерства. К этому времени Сперанский стал весьма близок к императору Александру и часто делал государю непосредственные доклады, замещая нередко хворающего своего начальника. Нет ничего удивительного в том, что Александр лично поручил Сперанскому составить организационный план «устройства судебных и правительственных мест Империи». Все это указывает на несомненное значительное влияние Сперанского на самого императора, который стал все больше и больше приближать его к себе и советоваться с ним по важнейшим проблемам управления.

Вопреки общепринятому мнению историков, Сперанский не был сторонником конституции. В своем докладе об устройстве судебных и правительственных мест он пишет, что «Россия еще далеко не готова для конституционного строя,.. не готова для свободы всех состояний, для существования общественного мнения, для гражданского и уголовного уложения, для суда, вверенного самому населению, с публичным судопроизводством, и для свободы печати...» Дюмон в своих записках пишет, что и ему Сперанский не раз говорил, что «он не верит в возможность установления политической

свободы в России...» Все это доказывает, что проект конституции, который Александр намеревался обнародовать в день своей коронации, был делом не Сперанского, а самого императора и что стилистические поправки и некоторые дополнения, внесенные в этот проект рукой Сперанского, сделаны лишь уже на оригинальном тексте Александра.

Впрочем, весьма возможно, что император отказался от этого своего намерения не только из-за противодействия помещиков-дворян и большинства своих вельмож, но и из-за критических примечаний, сделанных Сперанским по поводу этого его проекта.

8 июля 1807 года Александром и Наполеоном был подписан знаменитый Тильзитский мир, который прекращал состояние войны между Россией и Францией. Как известно, в 1806 году была образована четвертая антифранцузская коалиция России, Англии, Пруссии и Швеции. Но после победы Наполеона при Фридланде Россия осталась по существу без союзников, и Александр начал переговоры с Наполеоном, встретившись с ним на плоту посреди реки Неман 25 июня 1807 года. Дальнейшие переговоры происходили в Тильзите, где и был подписан мирный договор, со стороны Франции — Талейраном, со стороны России — Куракиным и Лобановым-Ростовским. Однако настоящим вдохновителем этого мира был Сперанский, считавший французское вторжение в Россию неминуемым. В России Тильзитский мир и сближение с Францией встретили весьма сильную оппозицию, особенно в дворянских и купеческих кругах, из-за разрыва с Англией и прекращения торговли с ней.

В 1807 г. прибыл в Санкт-Петербург новый французский посол, маркиз Арман де Коленкур, который прилагал все усилия, чтобы ликвидировать причины конфликта между двумя государствами. Александр, зная оппозицию двора и администрации сближению с Францией, особенно дорожил поддержкой Сперанского этой своей политики. Знаменательно, что с момента прибытия Коленкура в столицу на всех приемах, обе-

Маркиз Арман де Коленкур, герцог Виценский, принадлежавший к старой французской аристократии, сумевший сблизиться с Наполеоном, который произвел его в генералы. Учитывая его происхождение и способности, он назначил его своим посланником при дворе Александра. Сблизившись с царем, который уважал и любил его, Коленкур надеялся убедить Александра в необходимости союза и дружбы с Наполеоном. Он много потрудился, чтобы заключить брак между ним и младшей сестрой царя Анной Павловной, но ни Александр, ни его мать, вдовствующая императрица Мария Феодоровна, не согласились на этот брак.

дах и ужинах, на которые он был приглашен императором, неизменно присутствовал и Сперанский. Это обстоятельство, как и зависть благорасположению императора к своему любимцу, создали Сперанскому при дворе и между представителями администрации множество врагов, которые считали его вдохновителем этой франкофильской политики государя. Однако Сперанский, всей душой преданный Александру, был лишь покорным и точным исполнителем этой новой политики императора, который именно из-за этого его сотрудничества стал особенно ценить Сперанского и все больше и больше к нему привязывался...

8 августа 1808 года Сперанский был назначен председателем комиссии по составлению законов — кульминационная точка его карьеры. Это отличие неминуемо увеличило число его завистников и врагов, которые не могли простить головокружительного возвышения разночинцу, сыну сельского священника, чуждому русской аристократической верхушке, члены которой презрительно называли Сперанского «поповичем» и всеми силами старались очернить его перед императором.

2 сентября того же 1808 года, несмотря на отчаянные усилия членов двора, аристократии и администрации настроить императора против продолжавшегося сближения с Наполеоном, Александр выехал в Эрфурт на новое свидание с французским императором. В числе очень немногих сопровождавших его лиц он взял с собой верного сторонника его политики Сперанского. Уже одно это обстоятельство выделило Сперанского на первое место между советниками и сотрудниками императора Александра и явилось причиной нового потока клеветы на него и еще большей вспышки ненависти к нему.

12 октября 1808 года между Россией и Францией была заключена Эрфуртская конвенция, которая подтверждала и возобновляла союз, подписанный в Тильзите, но в то же время не смогла ликвидировать напряженность и противоречия между обеими тогдашними «сверхдержавами». Сперанский деятельно участвовал в

Наполеон в парке дворца Мальмезон
(Картина кисти Франсуа Жерара)

этих переговорах и присутствовал на всех приемах. Однако следует отметить, что из всех сопровождавших Александра сановников Наполеон особенно выделил Сперанского, подчеркивая его первостепенное положение в свите русского императора. На заключительном приеме, данном французским императором обеим делегациям, в присутствии самого Александра Наполеон вдруг поднес Сперанскому осыпанную бриллиантами золотую табакерку со своим портретом.

По возвращении в Петербург Сперанский стал, несомненно, самым влиятельным сановником в России. Император постоянно приглашает его на свои обеды и ужины и проводит с ним длительные совещания. Одновременно Сперанский все выше и выше поднимается по иерархической лестнице. 16 декабря 1808 года император назначает его товарищем министра юстиции на место Новосильцева, а уже 20 того же месяца ему повелено вместо Лопухина докладывать государю о делах комиссии по составлению законов. Через несколько дней после этого император вручил Сперанскому «финляндские бумаги» и поручил ему все дела, относящиеся к управлению новоприсоединенной к империи Финляндии, сноситься с министрами и докладывать ему лично.

В своем знаменитом пермском письме Сперанский пишет императору из своей ссылки: «В конце 1808 г. Ваше Величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей,.. нередко удостаивая меня проводить с вами целые вечера в чтении разных сочинений...» Это свидетельство самого Сперанского доказывает его огромное влияние и близость к Александру в тот период.

20 апреля 1809 года записка Сперанского «о составе статей для напечатания в газетах» была сообщена императором всем министрам. В 1809 году были обнародованы указы о придворных званиях, которые теперь определялись по заслугам, а не по рождению. Придворные аристократические круги были возмущены, и атаки посыпались против автора указа Сперанского, кото-

рого при дворе и в министерствах с презрением называли «поповичем», «поповским сыном», «дьячком» и даже «революционером»... Тогдашнему чиновничеству многого не хватало, и прежде всего образования: Сперанский стремился заставить Россию и, конечно, в том числе и привилегированных, учиться. Поднялся страшный шум протестов всего дворянского чиновничества. Имея поддержку государя, Сперанский продолжал свою работу над планом всеобщего образования в России.

Кроме того, Сперанский, беря за пример французские конституции 1791, 1793, 1799 и 1804 годов, не только по примеру Франции административно разделил Россию на 4 степени: волость, округ, губерния и государство, но и определил главные принципы гражданского устройства, столь чуждые для тогдашней России (как, впрочем, сам он прежде признавал). Сперанский составлял множество новых законов, заимствованных у Запада: писал он легко и весьма быстро.

Главною целью этих проектов Сперанского было водворить в России законность. Для достижения этой цели Сперанский стремился дать империи гармоничный свод законов, как гражданских, так и уголовных. Исходной точкой этой его деятельности было убеждение Сперанского, что этих реформ желает сам император, и так, по его мнению, великий переворот в России должен был совершиться мирно, по инициативе самой верховной власти. Русская конституция должна была быть не следствием столкновения народа и власти, как это произошло во Франции, например, а результатом великодушного и свободного общения между властью и народом во имя водворения правды на русской земле...

Можно себе представить, что дали бы России эти идеи самого императора Александра и его сподвижника Сперанского. Несомненно, они сделали бы из отсталой страны правовое государство западного типа и, конечно, навсегда освободили бы Россию от страшных последствий абсолютизма и, прежде всего, от грядущей революции 1917 года...

Однако, пока Сперанский по личным указаниям

императора занимался разработкой обширных внутренних реформ и подготовлял знаменитые указы «о придворных званиях» и «о чинах гражданских», его завистники и враги уже подготавливали его падение. После обнародования этих законов, которые приносили немалые огорчения сановникам и чиновникам империи и постановляли, что впредь никого нельзя производить в чин колежского асессора без предъявления свидетельства о законченном успешно университетском образовании, поднялся против Сперанского страшный ропот во всех влиятельных кругах. Биограф Сперанского отмечает: «Легко представить себе, какой вопль за постановление об экзаменах поднялся против него в многочисленном сословии чиновников, для которых этим постановлением так внезапно изменялись все их застарелые привычки, все цели, вся жизнь...» Сатиры, карикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанского со всех сторон с небывалым ожесточением.

Обширная работа, порученная государем Сперанскому, — «План всеобщего государственного образования» — все же несмотря на все эти нападки, подвигалась с изумительной быстротой, и в октябре 1809 г. этот проект уже лежал в окончательном виде на столе императора Александра. Целых два месяца, октябрь и ноябрь, прошли в ежедневных обсуждениях государем со Сперанским этого плана. Александр своей рукой сделал немало поправок и дополнений к разным частям плана.

Кроме этого, Сперанский представил государю доклад об учреждении Государственного совета, главной целью которого являлась выработка и обсуждение всех законов, государственных учреждений и уставов империи для предоставления их на одобрение императора... Председателем Государственного совета император назначил канцлера графа Н. П. Румянцева, а государственным секретарем — Сперанского. В этом звании Сперанский, конечно, благодаря своему личному влиянию, стал фактически первым министром империи. Благоволение и доверие к нему императора Александра, казалось, не имели предела.

1 января 1810 года к 9 часам утра в Государственный совет прибыл сам император Александр. Он, сидя на председательском месте, открыл заседание речью, которую составил он сам вместе со Сперанским: «Все, — сказал он между прочим, — что в мыслях и желаниях человеческих есть самого твердого и непоколебимого, будет мною употреблено, чтобы установить порядок и оградить Империю добрыми законами... Уповая на благословение Всевышнего, мой долг будет разделять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего приязненной, чтоб, когда меня уже не будет, истинные сыны отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне и моим искренним желанием блага России...» Начиная с этого дня, в течение 1810 и 1811 годов император Александр присутствовал на всех общих собраниях Совета.

После этого по указанию императора Сперанский подробно разработал план преобразования всех министерств, о чем было объявлено Манифестом 6 августа 1810 года и что было подтверждено Манифестом 7 июля 1811 года.

Наконец, 23 января 1811 года император Александр подписал окончательно разработанный Сперанским устав Царскосельского лицея, предназначенного для образования молодых людей, намеченных для государственной службы.

Однако, несмотря на все его громадные заслуги, накануне войны 1812 года, чтобы успокоить брожение придворных и чиновников, император Александр решил прервать столь полезную для России преобразовательную деятельность Сперанского и пожертвовать им для успокоения тех, кто относился крайне враждебно к смелому реформатору. Не решаясь критиковать самого императора, круги эти обвиняли Сперанского в том, что он будто бы попирал ногами все прошлое и вел Россию по новому, западному пути. К этому времени появилась знаменитая записка Карамзина «О древней и новой России», в которой автор осуждал либеральные начинания Сперанского; эту записку передала императору его сестра великая княгиня Екатерина Павловна. Кроме

Карамзина, Сперанского атаковали Ростопчин, Аракчеев, Балашов, генерал Армфельт — швед, перешедший на русскую службу, и французский эмигрант Вернег...

В страшном беспокойстве, в котором находился император Александр в ожидании грозных событий 1812 года, он решился силой обстоятельств принести жертву: бросить в опалу своего любимца и ближайшего сотрудника Сперанского.

Интриги при дворе и в министерствах достигли в 1812 году кульминационной точки: стали распространяться в обеих столицах нелепые подметные письма, которые сам император находил на своем письменном столе и которые распространялись по всей России в тысячах списков. В этих клеветнических письмах Сперанский представлялся разрушителем абсолютизма, тайным врагом самого государя, приверженцем французской революции и поклонником Наполеона. Его враги не колебались обвинять его даже в явной измене, в сношениях с агентами Наполеона и в продаже государственных тайн...

Кроме этих, явно лживых, обвинений, придворные интриганы доносили императору о будто бы сделанных Сперанским весьма неблагоприятных отзывах о характере и непостоянстве самого государя. Трудно установить, были ли эти донесения преднамеренной клеветой, или выведенный из терпения всеми этими злостными интриганами Сперанский действительно позволял себе критические высказывания по адресу Александра, однако ожидаемая развязка наконец наступила.

После обычного доклада в Зимнем дворце вечером 17 марта 1812 года император имел со своим министром какой-то разговор, с которого и началась его опала. Сам Сперанский никогда никому и нигде не упомянул о наступившей между ним и государем размолвке. Однако Александр горько жаловался дерптскому профессору Парроту, а впоследствии и Новосильцеву о вопиющей неблагодарности Сперанского за все его благодеяния и о его критических об императоре высказываниях, которые были ему известны...

Возвратившись домой этим же самым вечером, Спе-

ранский застал у себя поджидавшего его генерал-адъютанта Балашова, который вручил ему указ императора о его увольнении от всех занимаемых им служб. В ту же ночь в сопровождении полицейского пристава Сперанский выехал в ссылку в Нижний Новгород, а затем, в сентябре того же 1812 года в Пермь. Так началась эта незаслуженная ссылка, продлившаяся целых четыре года.

Однако после написанного Сперанским из Перми письма императору, в котором он опровергал все ложные обвинения и оправдывал свою политику, император Александр помиловал его и назначил его сначала пензенским губернатором, в 1816 году, а в 1819 году — сибирским генерал-губернатором. И хотя государь никогда не возобновил со Сперанским прежней своей дружбы и не вернул ему прежнего своего благорасположения, надо отдать императору Александру справедливость, что этой реабилитацией Сперанского он все же загладил свою вину перед этим выдающимся государственным деятелем и реформатором, бывшим его самым близким сотрудником все годы перед Отечественной войной.

5. МЕЖДУ ПРУССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ

Меня со школьной скамьи занимало происхождение весьма любопытной французской пословицы "Travailler pour le roi de Prusse“, т. е. «работать в пользу прусского короля», что означает «заниматься бесцельной, пустой, праздной работой». Позже, когда мне пришлось изучать историю России и Франции времен Наполеона и Александра Первого, я не без удивления выяснил, что выражение это принадлежит если не самому Наполеону, то его окружению, и довольно метко характеризует усилия императора Александра спасти Пруссию и ее короля Фридриха-Вильгельма Третьего от захватнических войн Наполеона Бонапарта, без какой-

Король прусский Фридрих-Вильгельм Третий
Между союзниками он слыл самым верным другом Александра
(Современная литография с официального портрета)

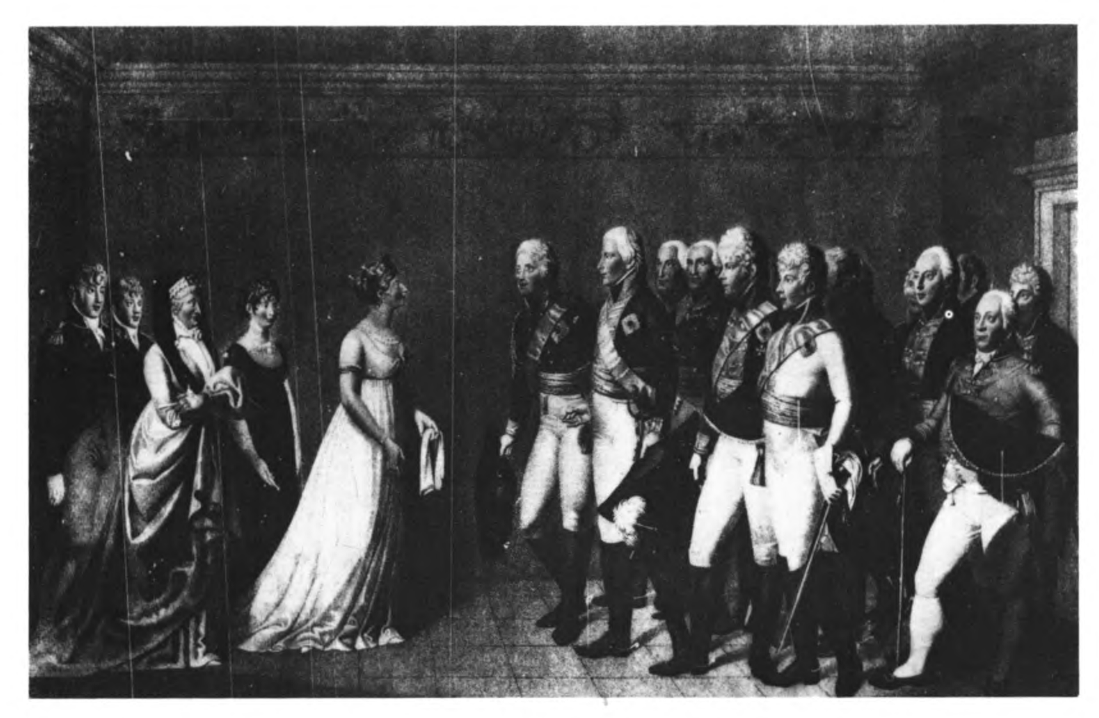
Королева Луиза прусская,
супруга короля Фридриха-Вильгельма Третьего
(Портрет кисти Грасси)

либо существенной пользы для самого царя или его страны.

Впрочем, эти пруссофильские настроения Александра вполне объяснимы. Мать Александра, императрица Мария Федоровна, в девичестве принцесса София-Дорофея Вюртембергская, была родной племянницей Фридриха Великого, который фактически устроил ее брак с наследником Екатерины, будущим императором Павлом Петровичем. Кроме того, сам император Павел, как и его отец император Петр Третий, был поклонником Фридриха, и военная прусская учеба, которую Екатерина презрительно называла «немецкой муштрой», была хорошо знакома Александру еще с гатчинского периода его юных лет...

Событие, положившее начало пруссофильской политике императора Александра, произошло еще в начале 1802 года, в первую годовщину его воцарения, когда в Мемеле состоялась первая встреча русского самодержца с его «двоюродным братом» прусским королем Фридрихом-Вильгельмом и его очаровательной супругой королевой Луизой. Современники вспоминают, что Александр с нескрываемой радостью предвкушал это свое путешествие в Пруссию, говоря своим близким, что «наконец сможет он своими глазами узреть эти знаменитые прусские войска, о боевой готовности и железной дисциплине которых столько наслышался еще в Гатчине у своего отца...»

Граф Кочубей, который, как и князь Адам Чарторыйский, был личным другом и ближайшим сотрудником Александра, напрасно старался отговорить императора от этой, по его мнению, бесполезной поездки в Пруссию: зная сентиментальный характер государя, он не без основания опасался возникновения этой вредной для Александра дружбы с прусским королем, которая, считал Кочубей, может нарушить все установленные принципы и всю программу начертанной самим Александром и его четырьмя ближайшими сотрудниками внешней политики России, заключавшейся в том, чтобы держаться в стороне от европейских дел и вмешиваться в них как можно меньше. Все 4 члена знамени-

Свидание императора Александра I с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом Третьим и с королевой Луизой в Мемеле в 1802 году. (Картина очевидца Делинга).

того «Негласного Комитета» были единодушны в этой оппозиции прусскому путешествию государя. В записках Чарторыйского и в протоколах Новосильцева о собраниях этого комитета отражена решительность Александра все же посетить Пруссию, хотя он не раз уверял их, «что путешествию своему он не придает никакой дипломатической цели.., обещая даже, что в Мемеле он не коснется политики...» Конечно, как они и ожидали, произошло совсем обратное: после этой встречи в голове Александра, даже больше, чем у прусского короля Фридриха-Вильгельма, уже возникло видение не только будущей дружбы между двумя монархами, но и будущий союз России с Пруссией.

Отъезд из Санкт-Петербурга последовал 1 июня. Императора сопровождала внушительная свита ближайших его сотрудников. Путешествие по России и Германии молодого, красивого и весьма популярного императора Александра было сплошным триумфальным шествием. Участники его вспоминают, что, несмотря на врожденное отвращение государя к слишком шумным и раболепным манифестациям преданности, пришлось ему согласиться по прибытии в Ригу на то, чтобы народ отпряг лошадей у городской заставы и сам повез царский экипаж...

11 июня Александр наконец прибыл в Мемель, торжественно встреченный прусской королевской четой и восторженно приветствуемый войсками и населением. Целую неделю продолжались царские смотры, приемы, обеды и балы...

Граф Кочубей, однако, наблюдал все эти попытки прусской королевской четы сблизиться с русским императором с чувством недоверия и беспокойства. В письме графу С. Р. Воронцову он пессимистически сообщал, что «не было знаков внимания и предупредительности, к коим не прибегали бы в Мемеле, чтобы угодить государю, и не напрасно»...

Со своей стороны, в Пруссии прекрасно понимали всю пользу сближения короля с мощным русским царем, и, конечно, не только для объединения разрозненных немецких княжеств, а больше для защиты владений

Фридриха-Вильгельма от надвигавшегося на Германию Наполеона Бонапарта, одинаково угрожавшего Австрии и Пруссии... «Если возможно предвидеть события, — писал секретарь прусского короля Ломбарди маркизу Луккезини 12 июля 1801 года, — я не сомневаюсь, что результаты, обещаемые этой дружбой, будут крайне счастливые. Оба государя испытывают друг к другу живейшее уважение и дружбу и... заключили обязательство оставаться на века объединенными взаимными интересами...»

Однако уже с 1803 года под напором французских событий в Европе назревали крупные перемены, и если император Александр продолжал питать чувства дружбы к прусскому королю, Фридрих-Вильгельм все больше и больше тяготел к восходящему солнцу Наполеона. С другой стороны, в отношениях между Англией и Францией наступил полный разрыв, продолжавшийся до 1814 года.

Одновременно с этими усложнениями в международных отношениях произошла и коренная перемена отношения Александра к Наполеону, вызванная тем, что тот объявил себя пожизненным консулом. Александр перестал видеть в Бонапарте созданного французской революцией прогрессивного человека, сумевшего установить в своей беспокойной стране порядок и мир.

Знаменательно письмо Александра его бывшему воспитателю Лагарпу: «Завеса упала. Бонапарт сам лишил себя лучшей славы, какой может достигнуть смертный — доказать, что он, без каких-либо личных амбиций, работал единственно на благо и славу своего отечества и оставался верным конституции, которой он сам присягал... Вместо этого он предпочел подражать королям, нарушая конституцию своей страны. Ныне стал он знаменитейшим между всеми тиранами, которых мы находим в истории...» Так Бонапарт все больше и больше становился в глазах Александра лишь преступным узурпатором и честолюбцем, завоевателем, напрасно проливающим кровь человечества...

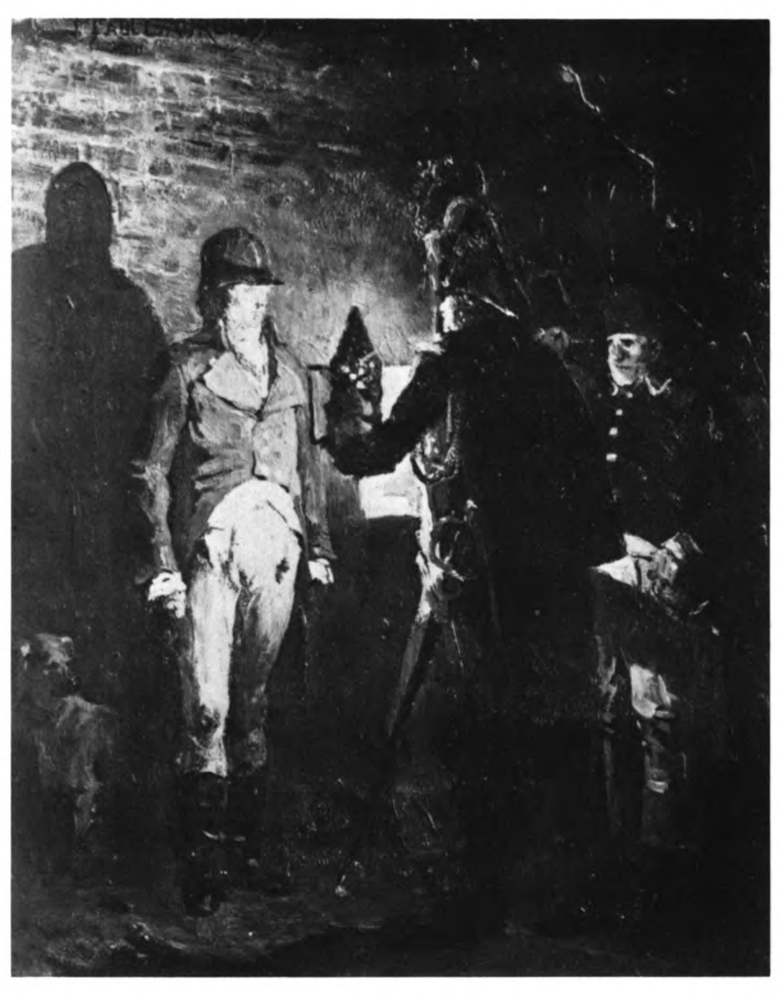
Эти неприязненные чувства русского императора к

Бонапарту еще более обострились благодаря усилиям графа А. И. Моркова, назначенного посланником в Париж, человека старого закала, приверженца прежних порядков. Своим бестактным поведением Морков, сначала принятый в Париже с самой большой предупредительностью, возбудил неприязнь первого консула и его окружения. Посланник русского царя позволял себе недопустимые в дипломатии сарказм и презрительное отношение к главе французского правительства. Дело дошло до того, что первый консул лично обратился к Александру с письменной жалобой на Моркова, протестуя против его интриг и вмешательства во внутренние дела Франции. Бонапарта особенно раздражало вмешательство России в итальянские дела и требование Александра возвратить «Сардинскому корольку» — как презрительно называл короля Сардинии первый консул — завоеванный французами Пьемонт.

Наконец, в 1803 году Морков был отозван, одновременно награжденный самым высоким русским орденом св. Андрея Первозванного, с которым он явился на прощальную аудиенцию к первому консулу. Приставленным к нему французским чиновникам Морков заявил, что «считает свое удаление из Парижа величайшей милостью к нему императора Александра...»

В 1804 году кризис этих отношений дошел до предела, хотя ни Россия, ни Франция не желали полного разрыва дипломатических отношений и в Париже все еще оставался советник русского посольства Убри. В марте отряд французских войск по распоряжению самого первого консула вторгся в Баденские владения австрийского императора и похитил там герцога Энгиенского (племянника короля-изгнанника Людовика XVIII), которого 21 марта казнили в Винсенском замке...

Император Александр демонстративно объявил траур по случаю его смерти и заявил энергичный протест, не только в Париже, но и перед германским сеймом в Регенсбурге, приглашая немецких государей не допускать в будущем нарушения германских границ французами. В своей ноте первому консулу император Алек-

Экзекуция герцога Энгиенского, Луи-Антуана-Генри де Бурбона-Кондэ во рву Венсенского замка (Картина Жан-Поля Лоуренса)

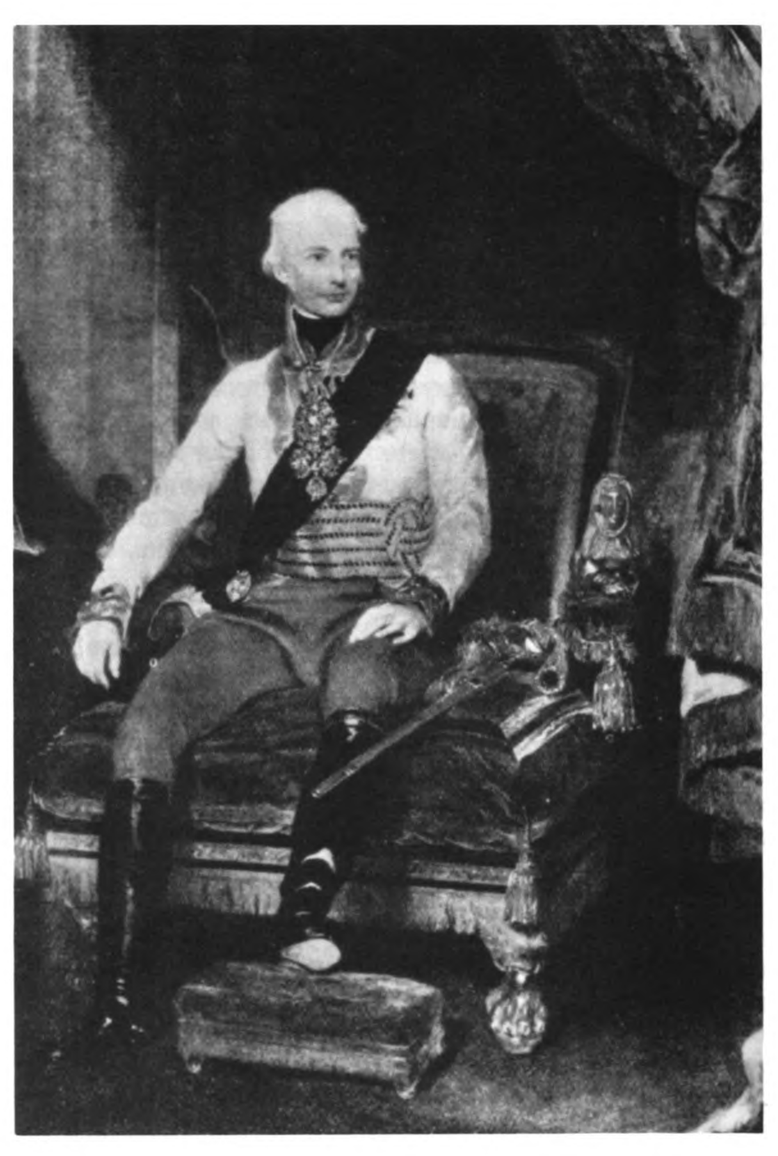
сандр, выражая скорбь по поводу судьбы, постигшей герцога Энгиенского, изъявлял надежду, что первый консул примет самые энергичные меры для успокоения германских государств и положит конец действиям, угрожающим их независимости и безопасности...

Министр иностранных дел первого консула Талейран ответил императору Александру резкой нотой, обвинив его в тайном соглашении с Англией и нанеся ему личное оскорбление намеком на его участие в перевороте и в убийстве отца...

Между тем, 18 мая 1804 года первый консул объявил себя императором Наполеоном Первым. В ответ на эту новую узурпацию император Александр стал открыто критиковать Наполеона. Так, принимая членов австрийского посольства, он заявил: «...Из-за малодушия французов этот человек становится безумным. Я думаю, что он сойдет с ума. Я желал бы, чтобы вы были настороже. Преступное честолюбие этого человека желает вам зла, и он помышляет лишь о вашей гибели. Если европейские державы решили погубить себя во что бы то ни стало, я буду вынужден запереть все свои границы, не желая быть причастным к их гибели. Впрочем, я могу оставаться спокойным зрителем всех их несчастий. Мне лично ничего не угрожает...».

В то время как Австрия прислушивалась к предупреждениям русского императора, король Пруссии, который прежде так искал дружбы и союза с Александром, теперь с типично немецкой расчетливостью старался заручиться благоволением Наполеона и заслужить его покровительство. Он не только объявил нейтралитет Пруссии, но полностью игнорировал предлагаемое ему участие в коалиции в составе России, Англии, Австрии и Швеции против Франции. «Я не понимаю малодушной политики Пруссии, — говорил Александр австрийскому полковнику Стутергейму. — Нам необходимо насильственными мерами заставить ее участвовать в коалиции с нами».

В начале 1804 года во внешней политике России под влиянием министра иностранных дел Чарторыйского наступила коренная перемена. Польский князь на рус-

Австрийский император Франц Первый
(Портрет кисти Томаса Лауренса)

ской службе стремился оформить под предводительством императора Александра общеевропейскую коалицию против Наполеона и восстановить Польское королевство в границах 1772 года на условиях династического единства с Россией, т. е. провозгласив императора Александра также польским королем. Гениальная идея Чарторыйского, которую вполне разделял Александр, состояла в том, чтобы сделать русского царя избавителем Европы от Наполеона, поправшего независимость европейских народов, и одновременно предупредить инициативу французов в польском вопросе, восстановив Польское королевство. Таким образом, Россия сделалась бы охранительницей международного права, порядка и свободы, внеся в мировую политику столь дорогую самому Александру историческую справедливость, основанную на евангельских началах...

Однако император все еще колебался между Польшей и Пруссией. Он все еще не терял надежду убедить Фридриха-Вильгельма добровольно присоединиться к общеевропейской коалиции против Наполеона, все еще помнил о своей дружбе с ним и не находил морального основания изменить ей...

Создание коалиции шло своим ходом. Швеция первой подписала конвенцию 14 января 1805 года. 11 апреля в коалицию вошла Англия и 9 августа — Австрия. Знаменательно, что все эти три договора были подписаны в русской столице. Одна Пруссия все еще продолжала отказываться от вхождения в коалицию, продолжая свой благосклонный к Франции нейтралитет.

Война с Наполеоном стала неизбежной. Осенью 1805 года пятидесятитысячная армия под началом Кутузова была сосредоточена около Радзивилова, готовясь к соединению с австрийскими войсками в Баварии. На западной границе, у Гродно и Брест-Литовска, была сосредоточена под командованием Михельсона другая армия в 90.000 человек, специально предназначенная для действий против Пруссии. Еще одна армия, в 16.000 человек, во главе которой стоял Толстой, была отправлена морем из Кронштадта в Стральзунд, угрожая Пруссии с севера. На Днестре, на Молдавской границе,

стояла резервная армия Тормасова в 15.000 человек. Кроме того, на Ионических островах находилась армия в 20.000 человек, готовая для переброски морем в Неаполь. Любопытно отметить, что готовясь к войне с Наполеоном, союзники предполагали употребить военную силу для нажима на Пруссию, чтобы насильственно заставить ее войти в коалицию.

Сам Александр собирался участвовать в походе против Наполеона и готовился к отъезду в главную квартиру русских войск. За несколько дней перед своим отъездом в армию Александр, по рассказу Ф. Лубяновского, посетил известного старца Севастьянова, жившего при Измайловском полку, которому приписывали дар прозрения и которого тогда посещали многие.

Разговор этот длился более часа. Старец уговаривал императора «не отбывать в армию и вообще войны с проклятым французом теперь не начинать: «не быть тут добру». «Не пришла еще пора твоя, — добавлял он, — побьет француз тебя и твое войско, и придется тебе бежать куда ни попало. Погоди, да крепись, час твой придет, и тогда поможет тебе Бог сокрушить супостата...»

Несмотря на глубокое впечатление, которое произвела на него эта встреча, император не поколебался в своем намерении. 9 сентября, после молебна в Казанском соборе, отбыл Александр в Брест-Литовск, где находилась тогда штаб-квартира русской армии. Как обычно, его сопровождала большая свита, во главе которой были самые близкие к нему советники: князь Чарторыйский, граф Строганов, Новосильцев, граф Толстой, генерал-адъютанты — граф Ливен, князь Волконский и князь Долгорукий, и, конечно, незаменимый лейб-хирург д-р Виллие, присутствие которого подсказывало предстоящее участие Александра в боях. Следует отметить, что в первый раз в русской истории после кончины Петра Великого сам русский император отправлялся на фронт.

Александр ехал в первой карете со своим министром иностранных дел князем Чарторыйским, с которым вел продолжительные беседы. Александр все еще коле-

бался, не начать ли перед решительной войной против Наполеона действия против вероломной Пруссии, чтобы вынудить Фридриха-Вильгельма войти в коалицию, и тогда — вся Европа участвовала бы в этом правом деле — борьбе с Наполеоном. Сам будучи высоконравственным человеком и честным даже в своих помышлениях, Александр просто не мог примириться с мыслью, что после мемельских клятвенных заверений в вечной дружбе и нерушимом союзе Фридрих-Вильгельм мог теперь нарушить свое слово и перейти на сторону авантюриста и честолюбца Бонапарта, который только и мечтал о завоевании всей Европы и, конечно, Пруссии. Он все больше убеждался в основательности мнения Чарторыйского о неизбежности предварительной войны с Пруссией и о необходимости восстановить Польское королевство перед войной с Наполеоном. Александр также склонялся к доводам своего министра иностранных дел, что при открытом конфликте с Пруссией нетрудно будет заставить Фридриха-Вильгельма вернуть польские земли, присоединенные к Пруссии во время трех екатерининских разделов Речи Посполитой.

Еще не доезжая до Брест-Литовска, император позволил Чарторыйскому съездить в Пулавы — родовое поместье князей Чарторыйских — предупредить родителей о предстоящем визите русского императора. Александр рассчитывал провести в Пулавах несколько недель, чтобы через польских магнатов Чарторыйских встретиться с представителями шляхты.

6. ИЗ ПУЛАВ В БЕРЛИН

Князь Адам-Юрий Чарторыйский прибыл в роскошный родовой замок своих родителей 16 сентября 1805 года, всего лишь за день до прибытия самого императора Александра. Князь Адам и княгиня Изабелла уже давно знали о предстоящем визите царя и готовились к нему уже несколько месяцев: сын неоднократно изве-

щал их об этом событии, которое он считал судьбоносным не только для своей семьи, но и для всего польского народа. Чарторыйские, как и многие другие польские магнаты, считали, что единственная реальная возможность воскресить родину — это предложить польскую корону сильному и хорошо настроенному русскому царю, который сможет под своим скипетром восстановить Польшу в границах 1772 года, заставив Австрию и Пруссию вернуть захваченные ими польские окраины.

Александр, зная антипольские настроения националистически настроенной значительной части свиты, решил никого не брать с собой в Пулавы. Имение Чарторыйских находилось довольно близко от Брест-Литовска, и, отбыв из своей генеральной квартиры 17 сентября, император взял с собой лишь нескольких австрийских чиновников. Подчиняясь распоряжению государя, они ехали на своих лошадях далеко впереди экипажа Александра. Однако ни эти четыре-пять австрийцев, ни русский кучер, везший царя, толком не знали точного пути к замку Чарторыйских. В лесу дорога разделялась, и случилось так, что австрийцы поехали по одному пути, а царь, впрочем, может быть, намеренно, — по другому.

Наступила ночь, началась гроза, и экипаж Александра совсем сбился с пути. В довершение несчастья кучер в темноте зацепил колесом за торчащий на дороге пень. Экипаж чуть не перевернулся, а колесо сломалось. Царь махнул рукой и, оставив своего кучера возиться с колесом, пошел по дорожке один туда, где редел лес, надеясь лучше сориентироваться на опушке, однако совсем сбился с пути. Блуждая по лесу часа два, он вышел на какую-то более широкую дорожку. Тут, на его счастье, увидел император ехавшего на тележке человека, державшего в руке фонарь с зажженной сальной свечой. Это был еврей, который вез в замок бочку водки. Через четверть часа император был уже у ворот дворца Чарторыйских.

Александр, весь промокший и забрызганный грязью, наградив своего проводника, пошел за выбежавшим к нему мажордомом в приготовленные для него

апартаменты, запретив, однако, будить хозяев, напрасно его поджидавших весь вечер и, решив, что он, вероятно, из-за грозы отложил свое путешествие на утро, спокойно улегшихся спать. Было около двух часов ночи, когда Александр, очень усталый, скинув с себя лишь мокрый мундир и сняв сапоги, бросился, не раздеваясь, на кровать и немедленно погрузился в сон...

Проспал он до семи часов утра, когда к нему пришел князь Адам, которого все же рано утром поднял с постели мажордом, сообщив, что ночью с проводником-евреем прибыл государь...

Вспоминая об этом приключении императора Александра, княгиня Чарторыйская пишет в своих мемуарах, что утром она с мужем поспешила представиться высокому гостю: «Мы выразили благодарность за честь, оказанную императором Александром посещением нашего дома. На это он отвечал, что он нам более обязан, так как мы дали ему лучшего друга в жизни».

Александр изъявил желание познакомиться с возможно большим числом поляков, и в Пулавы стали стекаться из Варшавы и окрестностей целые толпы гостей, стремившихся увидеть русского императора.

Отбросив тяготивший его этикет и прибыв в Пулавы без свиты, император являлся ко всем приглашенным лишь в качестве друга семьи и этим своим поведением возбуждал еще более приязненное восхищение поляков.

Каждое утро Александр отправлялся верхом в соседний лагерь производить смотры войскам. Потом возвращался во дворец Чарторыйских и проводил большую часть дня среди собранного в Пулавах общества. Княгиней Чарторыйской употреблено было все старательное ее искусство, чтобы император проникся польской атмосферой, чтобы еще больше расположить могущественного русского царя к Польше и полякам. Продолжительные разговоры об искусстве, поэзии, истории Польши заканчивались обыкновенно воспоминаниями о прошлом величии польского народа, испытанных им несчастьях и правах его на свободное существование в будущем...

Между тем, все жившие в Пруссии поляки готовы были восстать против прусского короля и войти в русскую армию, на которую все смотрели как на избавительницу. Варшава волновалась и готовилась торжественно встретить русского царя. Даже племянник последнего польского короля Станислава-Августа — князь Иосиф Понятовский, который раньше всегда враждебно относился к России, готовил императору Александру торжественный прием в своем замке Виланове на тот случай, если он объявит войну Пруссии и согласится провозгласить себя польским королем.

Не теряя времени, Чарторыйский начал с согласия Александра переговоры с австрийским императором Францем, который ожидал от России защиты от Наполеона: из Вены прибыл в Пулавы граф Стадион, который от имени Франца сообщил Александру, что Австрия не воспрепятствует провозглашению его польским королем, если сама получит Силезию и Баварию. Из Англии Фокс от имени английского короля писал Чарторыйскому, что англичане согласны, чтобы Россия совместно с Австрией принудила Пруссию войти в коалицию против Наполеона.

9 октября 1805 года князь Чарторыйский писал графу Разумовскому: «Его величество окончательно решил начать войну с Пруссией».

Однако в действительности император Александр, вернувшись из Пулавы в генеральную квартиру, несмотря на радужные польские перспективы, все еще колебался в душе, начинать ли войну с Пруссией. Воспоминание о Мемельской встрече и о взаимных обязательствах, принятых им и королем Фридрихом-Вильгельмом, были столь живы в его сознании, что он все еще надеялся убедить прусского короля добровольно войти в коалицию против Наполеона. Но Фридрих-Вильгельм продолжал упорствовать, отстаивая объявленный им нейтралитет, и не хотел и слышать о своем участии в коалиции против французов. Со своей стороны, Александр все еще ждал и отказывался объявить Пруссии ультиматум.

Но вот французские войска нарушили неприкосно-

венность прусских границ и заняли Анспах. Фридрих-Вильгельм немедленно отказался от нейтралитета и сообщил Александру, что дает свое согласие на проход русских войск через Пруссию. Русский император сейчас же решил повременить с польским вопросом, считая весьма важной эту перемену в прусской политике. Он немедленно снесся с Фридрихом-Вильгельмом и предложил ему новую встречу в Берлине. К его несказанной радости, прусский король сообщил ему, что он ждет его у себя в Берлине.

25 октября император с Чарторыйским и маленькой свитой въехал в прусскую столицу, встреченный королем и королевой, восторженно приветствуемый толпами народа и всем гарнизоном. Тут Александр снова дал свободу своим чувствам и восстановил с Фридрихом-Вильгельмом и королевой Луизой прежние сердечные отношения. Он прожил с королевской четой больше недели в их Потсдамском дворце, снова проводя время в военных парадах и дворцовых приемах. 3 ноября императором и королем была подписана Потсдамская конвенция, по условиям которой Фридрих-Вильгельм вошел в общеевропейскую коалицию против Наполеона. На следующий день, 4 ноября, состоялся последний прощальный ужин, данный прусской королевской четой в честь императора Александра. Царь изъявил желание поклониться гробу Фридриха Великого перед своим отъездом из Берлина. И вот, встав из-за стола, король Фридрих-Вильгельм и королева Луиза спустились с Александром в склеп, где покоились останки знаменитого основателя прусского могущества. Присутствующие на этой церемонии современники описывают, как при тусклом освещении восковых свечей русский император наклонился и прикоснулся губами к гробу Фридриха Великого, затем, протянув руки королю и королеве, Александр поклялся им в вечной дружбе, залогом которой будет защита Пруссии и освобождение всей Германии от Наполеона...

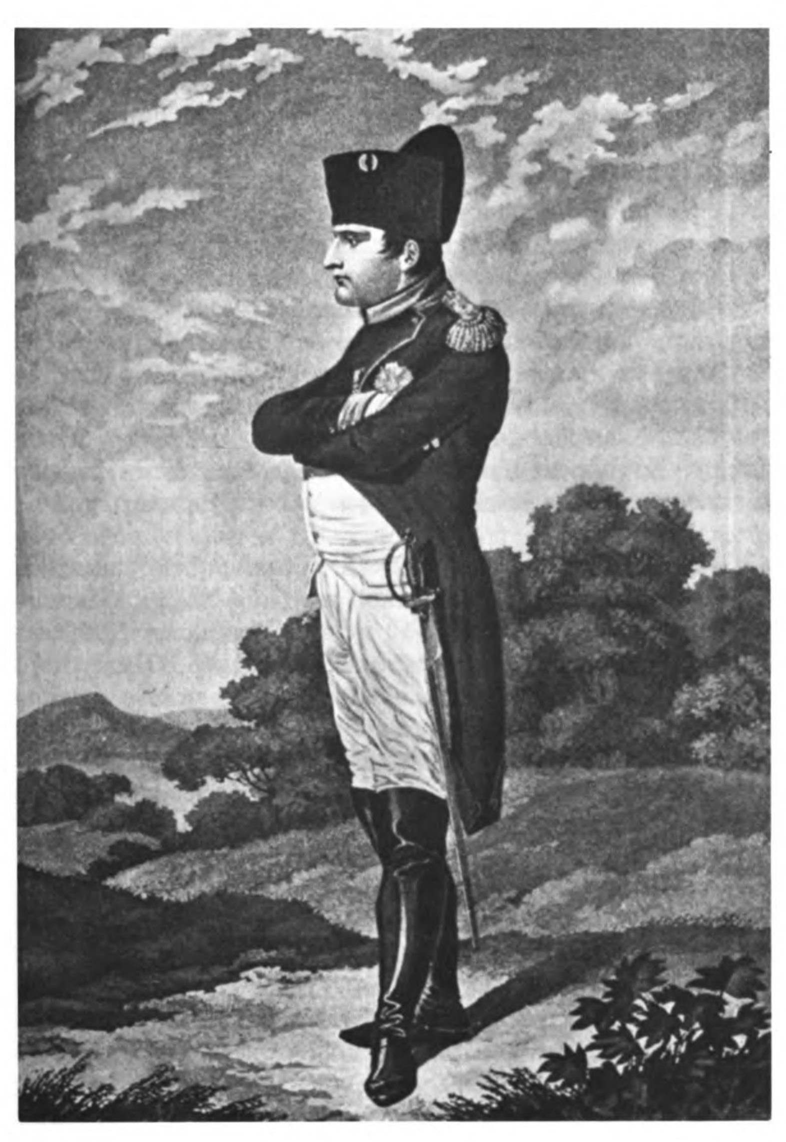
Эта неоправданная мистическая привязанность русского императора к Пруссии обошлась ему и России очень дорого. Как раньше в Мемеле Кочубей, так те-

перь в Берлине Чарторыйский с беспокойством наблюдал это романтическое увлечение императора, не предвидя ничего полезного от этого ненужного России союза. Через несколько месяцев после этого события, в котором Чарторыйский, будучи министром иностранных дел, нехотя должен был принимать участие, он писал государю с замечательным прозрением крупного государственного деятеля и, несомненно, как смелый и честный человек: «...Я смотрю на это свидание, как на одно из самых несчастных происшествий для России, как по своим непосредственным последствиям, так и по тем, которые оно имело и будет еще иметь в будущем. Интимная дружба, которая связала В. И. В. с прусским королем, привела к тому, что вы перестали смотреть на Пруссию как на политическую единицу, но видите в ней дорогую вам особу, по отношению к которой вы признаете необходимым руководствоваться особыми, принятыми вами обязательствами...» Это были пророческие слова, которые в будущем вполне подтвердились.

Из Потсдама император Александр отправился в Веймар к своей сестре великой княгине Марии Павловне, где провел три дня, и 10 ноября выехал в Дрезден. Первоначально он намеревался посетить Прагу, но наступление французов на Пильзен заставило его отказаться от этого путешествия и через Бреславль прибыть в Ольмюц, где его ожидал император Франц.

Как раз в это время Наполеон продолжал свое наступление в Австрии, занял Вену и, перейдя Дунай, двинулся к Брюну. Несмотря на критическое положение, в которое был поставлен Кутузов победой Наполеона при Ульме, где австрийская армия без боя сдалась французам, он с успехом совершил свое знаменитое отступление в Моравию и, соединив свою армию в 82 тысячи человек с армией Буксгевдена, занял позицию на подступах к Ольмюцу. В этой армии австрийцев было всего 14 тысяч человек.

Однако русские войска находились в отчаянном положении, не получая от австрийцев обещанный по договору провиант. Им всего не доставало: не было ни

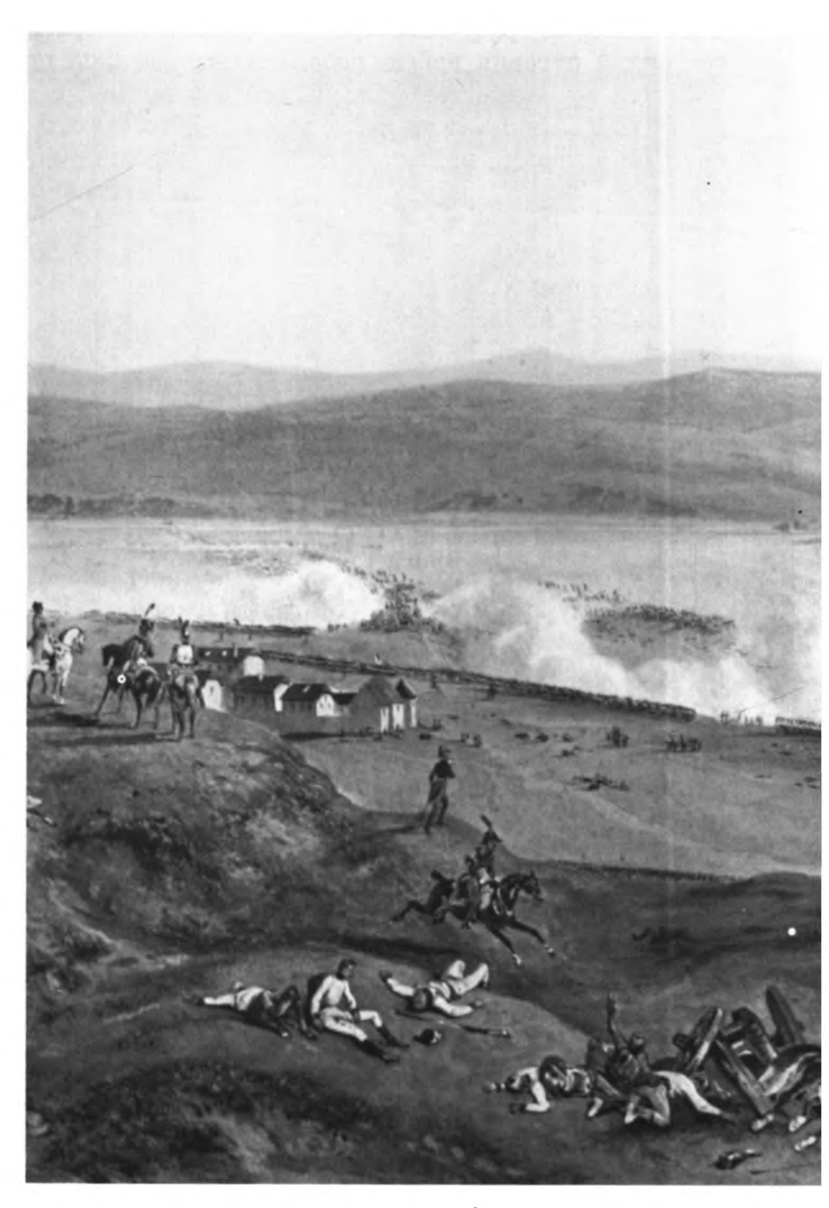
Император Наполеон перед сражением при Аустерлице
(Картина кисти Арнольда)

теплой одежды на зиму, ни еды. Русские солдаты просто голодали и были вынуждены прибегать к грабежам. Генерал граф Ланжерон описывает это трагичное состояние русских войск, добавляя, что он был просто поражен «холодностью и глубоким молчанием, с которыми войска встретили императора...» Кроме того, русские негодовали, видя обеспеченное положение австрийских солдат, и открыто обвиняли австрийцев в измене.

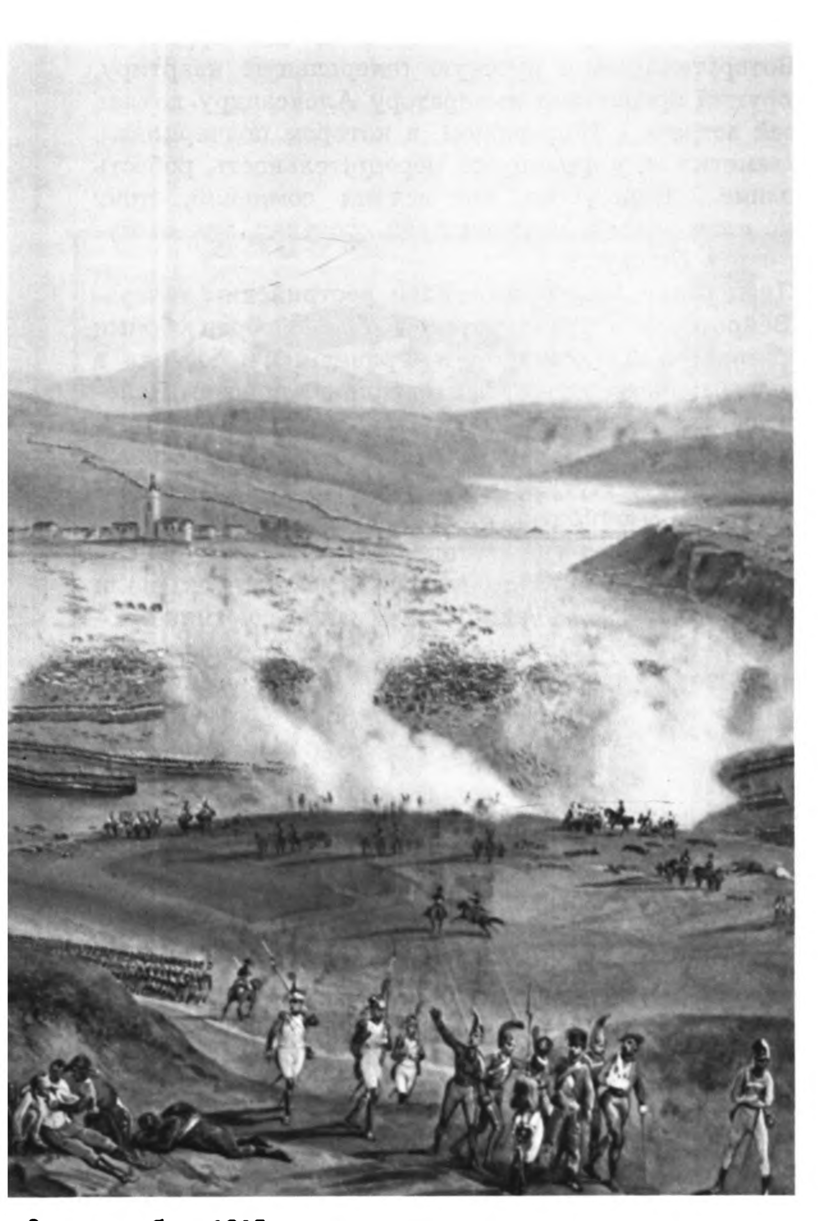
Князь Чарторыйский, все еще занимая пост министра иностранных дел, высказался против намерения императора Александра оставаться при армии и советовал предоставить Кутузову самостоятельно руководить военными действиями. По мнению Кутузова, следовало избегать решительного сражения, о котором мечтал Наполеон. Эта выжидательная тактика опытного полководца оскорбляла самолюбие Александра и казалась государю сущим позором для русской славы... Граф Ланжерон свидетельствует, что молодые адъютанты, которые окружали императора, во главе с князем Долгоруковым, не переставали осмеивать Кутузова и настраивать императора против него. Весьма посредственный австрийский генерал Вейротер, известный многими проигранными Наполеону сражениями, находился в приятельских отношениях с князем Долгоруковым, сумел через него войти в доверие к государю и, к несчастью, сделался в это столь решительное время самым влиятельным его советником. Ошибочной тактике этого австрийского генерала обязаны союзники своим поражением в знаменитом Аустерлицком сражении...

7. ОТ АУСТЕРЛИЦА ДО ТИЛЬЗИТА

Желая выиграть время и сосредоточить свою разбросанную армию и, конечно, чтобы проверить настроения в русском лагере, Наполеон вновь послал генерала Савари в главную квартиру Александра, предлагая

Аустерлицкое сражение

2-го декабря 1805 г.

свидание с русским царем. Александр отклонил предложенную встречу, но все же послал для переговоров с Наполеоном генерал-адъютанта П. П. Долгорукого.

Возвратившись в русскую генеральную квартиру, Долгорукий представил императору Александру доклад о своей встрече с Наполеоном, в котором подчеркивал, что «заметил он у французов нерешительность, робость и уныние... Наш успех вне всяких сомнений, стоит только идти вперед, и неприятели отступят, как отступили они в Вишау...»

План атаки был приготовлен австрийским генералом Вейротером и предварительно был одобрен обоими императорами, Александром и Францем. Он состоял в следующем: перерезать путь отступления войскам Наполеона, обойдя их с правого фланга, и отсечь французам путь на Вену. Ночью с 1 на 2 декабря состоялся военный совет у Кутузова в Крженовице, где находилась русская генеральная квартира. Во время доклада Вейротера Кутузов демонстративно спал. Возражал австрийскому генералу только граф Ланжерон, но и его мнение было оставлено без внимания союзниками.

Наконец, настало знаменитое утро 2 декабря, так нетерпеливо ожидаемое Александром и союзниками, уверенными в победе. Встало знаменитое «солнце Аустерлица», как его называл сам Наполеон, часам к 9 все уже было покрыто густым туманом... Именно в это время прибыли на поле сражения союзные монархи. В свите Александра находились князь Чарторыйский, граф Строганов и Новосильцев. Любопытно, что Аракчеев, несмотря на приглашение императора, так и не отважился присутствовать на сражении, ссылаясь на свои больные нервы...

Вошел в историю знаменитый разговор между императором Александром и Кутузовым, который они вели в это памятное утро Аустерлицкого боя.

Подъехав к войскам четвертой колонны, при которой находился сам Кутузов, и видя, что солдаты отдыхают, император Александр спросил Кутузова: «Михаил Ларионович, почему не идете вы вперед?» — «Я поджидаю, — ответил Кутузов, — чтобы все войска колон-

Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов в 1805 г.
(Современная литография)

ны собрались...» Император заметил: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». — «Государь, — ответил Кутузов, — потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...» Александр дал приказ о немедленном начале движения. В действительности же Кутузов как опытный военачальник не хотел оставлять выгодную позицию на Праценских высотах. Любопытно отметить, что накануне Аустерлицкого боя Наполеон заявил: «Если русские покинут Праценские высоты, победа нам обеспечена...»

Утвердившись на только что оставленных русскими Праценских высотах и установив на них сильную артиллерию, Наполеон перешел к решительному наступлению, направив удары одновременно на оба фланга русских и австрийцев. К вечеру победа Наполеона была уже окончательной. Союзные армии отступили в направлении Венгрии, потеряв около 27 тысяч человек, из которых, по подсчету военных историков, на русских пришлось около 21 тысячи. Французы захватили 158 орудий и 36 знамен.

Все время боя Александр провел на передовой линии. Находившийся около государя д-р Виллие, его лейб-хирург, свидетельствует в записках, что ядра падали около императора и осыпали его землей. Вокруг падали убитые солдаты... Находившиеся при Александре члены его свиты и офицеры рассеялись, потеряв его из виду. Майор Толь видел, как ехавшего по полю императора сопровождали только два человека: д-р Виллие и берейтор Ене. В какой-то момент император спешился, опустился на землю под деревом и, закрыв лицо руками, залился слезами отчаяния... Толь видел, как оба спутника царя стояли в недоумении и смущении подле Александра. Тогда Толь подошел к государю и старался утешить и ободрить его. Александр, вспоминает Толь, молча выслушал майора, встал, вытер платком слезы и, не говоря ни слова, обнял его...

После Аустерлицкого сражения князь Чарторыйский опять убеждал императора начать переговоры с

Наполеоном, однако Александр не согласился, предпочитая не опережать события.

Перед своим отъездом в Россию Александр встретился с императором Францем, который сообщил ему о своем решении начать переговоры с Наполеоном. Единственное условие, которое поставил Александр своему бывшему союзнику, — не впутывать Россию в эти переговоры.

Пруссия также жестоко обманула Александра, всецело перейдя на сторону победителя и получив за свою измену не только все свои территории, захваченные французами, но и Ганновер, наследственное владение английского короля, которое, по благоволению Наполеона, перешло к Фридриху-Вильгельму.

Но, разумеется, самые тяжелые переживания Александра были связаны с его поражением при Аустерлице: стремясь к военной славе и приняв крещение огнем, Александр, несмотря на проявленную им личную храбрость, испытал небывалое в русской истории поражение на поле брани...

Несколько генералов было уволено и даже разжаловано. Однако, несмотря на свой словесный поединок с Кутузовым в самый канун битвы, Александр, вернувшись на родину, наградил его орденом Св. Владимира первой степени и назначил военным губернатором Киева. Это лишний раз доказывает, каким высоко моральным и честным человеком был император.

Убедившись в полном крушении своих политических планов, князь Адам Чарторыйский сложил с себя тяжкую ответственность руководителя внешней политики Империи.

17 июня 1806 г. министром иностранных дел был назначен генерал барон Будберг, сторонник прусской политики царя. Князя Чарторыйского Александр назначил попечителем Виленского учебного округа.

Распад коалиции, смерть Питта и сближение Пруссии с Францией сильно тревожили императора и заставили его принимать неотложные меры к укреплению армии, сильно расстроенной продолжительным походом и эпидемиями. К счастью, союз Фридриха-Виль-

гельма с Наполеоном был весьма непродолжительным: обеспокоенный новыми завоеваниями французов в Германии, прусский король снова сблизился с Александром. Надеясь на союз с русской короной, безрассудный Фридрих-Вильгельм потребовал от Наполеона вывода французских войск из Германии. В ответ на этот ультиматум Наполеон 6 октября объявил войну Пруссии. В несколько дней его армия разгромила Пруссию и 27 октября торжественно и без боя вошла в Берлин. Фридриху-Вильгельму и его семье пришлось искать убежища на восточных окраинах своего государства.

Тут опять император Александр, со свойственным ему великодушием, решил выручить своего непостоянного друга и союзника. 3 ноября он писал королю: «Долгом своим считаю вновь торжественно подтвердить Вашему величеству, что, каковы бы ни были последствия наших великодушных усилий, я никогда не откажусь от принятых мною обязательств. Чувствую себя связанным с Вами не только как с союзником, но и дражайшим другом, и нет ни жертв, ни усилий, которых я не положил бы, чтобы доказать Вам всю мою преданность...»

Итак, 28 ноября этого столь несчастного для него 1806 года император Александр, снова из-за Пруссии, объявил войну Наполеону, хоть и предвидел возможное вторжение французов в пределы России.

Царь назначил главнокомандующим престарелого фельдмаршала М. Ф. Каменского, несмотря на его сопротивление. В нескольких письмах государю Каменский просил Александра: «Увольте старика в деревню...» В конце концов Каменский самовольно передал командование графу Буксгевдену и уехал в свое имение...

Император тяжело переживал разгром Пруссии Наполеоном. В декабре он вызвал из штаба генерала Михельсона своего любимого генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукого, чтобы посоветоваться с ним о прусских делах. Долгорукий прискакал в столицу на курьерской тележке, схватил в дороге воспаление легких и умер на руках Александра в Зимнем дворце в

самый день рождения царя. Был он ровесником и ближайшим другом императора, и самому ему едва исполнилось 29 лет! Александр отменил бал во дворце, неутешно плакал и не выходил из своей спальни ни на прогулку, ни даже на развод... Однако современник этих событий граф Ланжерон в своих «Записках» говорит: «Смерть Долгорукого была дарована Небом на счастье России...» Он прибавляет: «Был он человеком, генералом, подданным и гражданином одинаково опасным своей стране и обществу: он даже не скрывал свое стремление царствовать самовластно во имя своего государя...»

Пребывая в подавленном состоянии, Александр вдруг с удивлением узнал, что 27 декабря граф Л. Беннигсен нанес под Пултуском серьезное поражение французам. Император немедленно назначил «победителя непобедимых» главнокомандующим. Через два месяца, 8 февраля 1807 года, Беннигсен снова выиграл кровопролитное сражение при Эйлау, потеряв, однако, 26 тысяч человек убитыми и ранеными. «Это было не сражение, — вспоминал позднее Наполеон, — а настоящая бойня...»

Александр воспрянул духом и снова начал верить, что Бог помогает ему сокрушить власть «антихриста Бонапарта», как называли члены Синода в своем послании французского императора. По настоятельной просьбе Беннигсена, чтобы поднять победоносный дух армии, император Александр в марте 1807 года отбыл в русскую генеральную квартиру в восточной Пруссии. Ехал царь с большой свитой через Ригу и Митаву. В Митаве посетил он короля-изгнанника Людовика Восемнадцатого, которому предоставил там убежище прусский король. «Буду считать счастливейшим днем моей жизни, когда водворю Ваше величество на престоле Франции», — сказал ему Александр. 20 марта русского царя торжественно встретил сам Фридрих-Вильгельм с королевой Луизой, всем двором и остатками своей армии. При этой памятной встрече, представляя королю прибывшую свою гвардию, Александр со слезами на глазах сказал своему прусскому другу: «Не правда ли,

никто из нас не падет один? Или мы победим оба вместе, или никто...»

С гвардией прибыл в Мемель брат государя, великий князь Константин Павлович. Он стал убеждать своего державного брата, что победа Наполеона неминуема, и обвинил его в ведении этой бесполезной войны, совсем не нужной ни ему, ни России. Однако Александр прервал брата, велев ему немедленно возвратиться в армию, и, конечно, остался непреклонным в своем решении воевать за спасение Пруссии.

Константин Павлович оказался прав: 14 июня 1807 года Наполеон наголову разбил генерала Беннигсена. Русская армия потеряла в этом сражении 15 тысяч человек убитыми и ранеными и всю свою артиллерию, доставшуюся французам. Наполеон занял Кенигсберг, и теперь вся Пруссия, кроме Мемеля и нескольких городов, оказалась в руках победителей. Русская армия должна была переправиться через Неман и отступить в Россию. Положение становилось угрожающим...

Однако, к счастью Александра, гениальный его противник Наполеон давно уже сознавал необходимость приобрести в лице России, даже более чем Австрии, солидного континентального союзника против Англии. «Необходимо, — писал Наполеон своему министру иностранных дел Талейрану, — чтобы все это кончилось заключением тесного союза или с Россией, или с Австрией».

К крайнему огорчению императора Франца, Наполеон протянул руку примирения не Австрии, а России. И на этот раз он не встретил отказа со стороны императора Александра. «Бывают обстоятельства, — признавался царь князю Куракину, — когда следует подумать преимущественно о самом себе и руководиться лишь единственным побуждением — благом государства...»

В Тильзите 10 июня состоялась знаменательная встреча князя Лобанова с Наполеоном. Приблизившись к столу, на котором была разложена карта Европы, французский император сказал Лобанову: «Вот Висла — граница обеих империй. С одной стороны должен

властвовать ваш государь, с другой — я...» Князь Лобанов отвечал: «Государь мой твердо намерен защищать владения своего союзника — короля прусского».

Наполеон, однако, продолжал настаивать на своем и, обратившись к маршалу Бертье, приказал ему заняться окончательной редакцией условий перемирия. Он пригласил Лобанова на торжественный обед и, посадив его по правую руку, опять заявил русскому уполномоченному: «Истинной и натуральной границей российской должна быть река Висла».

11 июня князь Лобанов вернулся в Тауроген — резиденцию императора Александра — с актом перемирия. Царь встретил своего посланника с распростертыми объятиями и благодарил его за успех этих трудных переговоров. Затем государь вручил Лобанову свое знаменательное собственноручное наставление, в котором писал на французском языке: «Засвидетельствуйте императору Наполеону искреннюю мою благодарность за все переданное Вами по его поручению и уверьте его в моих пожеланиях, чтобы тесный союз между обоими нашими народами загладил прошлые бедствия. Скажите ему, что этот союз Франции с Россией постоянно был предметом моих желаний и что, по моему убеждению, один только этот союз может обеспечить счастье и спокойствие мира... Прочный мир между нами может быть заключен в несколько дней...»

Итак, под гнетом обстоятельств, Александр вернулся к традиционной национальной политике России, завещанной Петром Великим, и уклонился от неблагодарной роли спасителя Европы... Возвратившись в Тильзит, князь Лобанов уведомил маршала Бертье об утверждении перемирия императором Александром. Договор был ратифицирован в полночь 12 июня князем Лобановым от имени императора Александра и маршалом Дюроком от имени императора Наполеона.

22 июня маршал Дюрок явился в Пиктупенен, где находился император Александр и прусский король Фридрих-Вильгельм, теперь с королевой Луизой всюду следовавший за русским царем. Дюрок предложил русскому государю свидание с императором Наполеоном на

плоту на реке Неман 25 июня, что было принято Александром. Делать было нечего: Пруссия перестала существовать, и Фридриху-Вильгельму с семьей предстояло искать убежище в России. Император Франц уведомил Александра еще раньше, что Австрия не сможет восстановить свои войска ранее 1809 г. Англия отнеслась к предложениям Александра с полным равнодушием и даже отказала России в военном займе в шесть миллионов фунтов стерлингов, который был обещан раньше. «Я был совершенно покинут союзниками, на которых имел повод рассчитывать более всего...», — говорил Александр, объясняя эту коренную перемену своей политики.

8. ПЕРЕГОВОРЫ АЛЕКСАНДРА И НАПОЛЕОНА

25 июня 1807 года состоялось одно из важнейших событий царствования Александра — его встреча с Наполеоном, оказавшая кардинальное влияние на всю европейскую политику того времени. После победоносного, но весьма кровопролитного Аустерлицкого сражения французский император понял, что ему необходим мир с могущественным русским императором. Поэтому Наполеон решил не использовать победу при Аустерлице и не требовать существенных уступок со стороны побежденного им русского государя, а наоборот, превратить Александра в друга и союзника, тяжкая борьба с которым уже стоила Франции десятки тысяч человеческих жизней и миллионы франков...

Опытный стратег и искусный дипломат, практичный французский император, даже не дожидаясь своего министра иностранных дел принца Талейрана, застрявшего в Польше на переговорах о восстановлении Великого герцогства Варшавского, решил немедленно вступить в непосредственные переговоры с царем. Талейран, кстати, отговаривал Наполеона от попытки склонить Александра на сторону Франции, считая царя

весьма принципиальным, неподкупным, преданным своим союзникам и отрицательно относящимся к французскому императору и к его завоеваниям в Европе. И все же, надеясь на свою проницательность и настойчивость, Наполеон решился пойти на этот рискованный, но необходимый шаг.

Французский император, стремясь произвести впечатление на своего партнера по переговорам, решился обставить свою первую встречу с Александром с необыкновенной торжественностью. Он приказал в самое короткое время построить посреди реки Неман, около завоеванного французами города Тильзита, грандиозный плот с павильоном, в котором состоится встреча обоих императоров. Плот и павильон были обтянуты белым сукном и украшены золотыми императорскими коронами. Пол был застелен роскошным красным ковром. В павильоне были поставлены два одинаковых позолоченных кресла и такой же стол. Вдоль стен были расставлены стулья для членов французской и русской свиты. На столиках были расставлены всевозможные угощения и дорогие французские вина. Обслуживали гостей лакеи в позолоченных ливреях.

Ровно в 11 часов утра этого памятного дня император Александр, окруженный большой свитой, выехал из своей главной квартиры в Амт-Баублене и по главному тильзитскому тракту направился к Неману. В свите царя находился прусский король Фридрих-Вильгельм. По условиям прусский король должен был оставаться на правом берегу Немана и там ожидать возвращения императора Александра в полуразоренной корчме, где, ожидая прибытия французского императора, остановился и сам Александр со своей свитой.

Скоро прибыл и Наполеон. Две просторных, богато украшенных ладьи ожидали обоих императоров, одна — у левого, другая — у правого берега Немана. Оба государя одновременно вошли в них со своими свитами и отплыли, направляясь к плоту. Наполеон прибыл на несколько минут раньше Александра. Он проворно взошел на плот и быстро направился встречать Александра, уже причалившего к другому борту плота.

Встреча императора Александра с императором Наполеоном в июле 1807 г. в Тильзите, на плоту, посреди реки Неман
(Современная французская гравюра)

Бывшие враги дружески протянули друг другу руки и, сердечно обнявшись, молча вошли в павильон, сопровождаемые громкими «ура» и радостными приветствиями французских гвардейцев и толпившихся на берегу тильзитских граждан. Первая беседа обоих императоров проходила наедине. Длилась она час и пятьдесят минут и отличалась сердечным тоном. Наполеон очень тепло высказался как о доблестном поведении самого Александра, лично участвовавшего в сражениях, так и о храбрости русских офицеров и солдат, — что, конечно, было приятно слышать царю от бывшего противника. Он критиковал союзников Александра, особенно остро отзываясь об англичанах, которые не только не выполнили принятых на себя обязательств, но в самый трудный момент оставили царя, не оказав ему даже обещанной денежной помощи. Очевидно, Наполеон был хорошо осведомлен об отношениях царя с Англией.

«Я ненавижу англичан не менее вас, — ответил Александр Наполеону, — и готов вас поддерживать во всем, что вы предпримете против них». Наполеон, дружески улыбаясь, заметил: «Если так, то все может быть улажено между нами и мир между Россией и Францией упрочен навсегда».

К удивлению Александра, Наполеон, который до тех пор отрицательно относился к разгромленной им Пруссии и наотрез отказывался вести какие-либо переговоры с королем Фридрихом-Вильгельмом, оказался и в этом весьма деликатном вопросе довольно покладистым. Он согласился восстановить Пруссию, хотя и не в прежних ее границах, считая, что король Фридрих-Вильгельм должен понести заслуженное наказание за свое выступление против Франции.

В конце этой первой беседы, видя, что Александр сочувственно относится к предлагаемому ему сотрудничеству и союзу с Францией, Наполеон заявил царю, что готов немедленно подписать с Пруссией перемирие и начать переговоры. Он предложил Александру объявить завоеванный им Тильзит нейтральным и предоставить половину города «своему московскому брату»,

чтобы, не откладывая, продолжить там переговоры о вечном мире между Россией и Францией.

Переехав в Тильзит, Александр каждый день обедал у Наполеона, иногда даже с прусским королем, к которому Наполеон ради дружбы с Александром стал относиться лучше.

Несмотря на то, что переговоры между Александром и Наполеоном проходили в дружеской атмосфере, французский император имел за кулисами такого авторитетного советника, как Талейран, который подготовлял ему заранее все вопросы, тогда как молодому и неопытному Александру не помогал никто, кроме таких же, как он сам, молодых и неопытных в дипломатии помощников. Итальянец по происхождению, француз по образованию, Наполеон в совершенстве владел даром слова: говорил он красноречиво и убедительно, умея очаровать своего собеседника, щедро расточая перед Александром ни к чему не обязывающие устные обещания — "des belles phrases" — «красивые словечки», — как он сам цинично признавался Талейрану, обещания, которые Александр принимал за чистую монету. При этом ему и в голову не приходило позаботиться о том, чтобы все эти устные заверения кто-нибудь заносил в протоколы: они часто были в полном противоречии с письменными параграфами договора, составленного опытной рукой Талейрана.

Наполеон, несомненно, намеревался успокоить своего собеседника заверениями дружбы и доброй воли, заставить его подписать чрезвычайной важности для Франции договор о русско-французской дружбе и, что гораздо важнее, — военный союзный договор между Францией и Россией против главного врага Франции — Англии. И, надо отдать ему должное, в этом он вполне преуспел.

Самым трудным, однако, оставался вопрос о восстановлении Пруссии. По настоянию Александра, Наполеон согласился принять и выслушать прусскую королеву Луизу, которая прибыла в Тильзит 6 июля. После встречи с ней Наполеон сказал графу Толстому: «Я не намерен за прекрасные глаза королевы Луизы даровать

Император Александр Первый на встрече с императором Наполеоном в Тильзите представляет ему прусскую королеву Луизу и своего друга прусского короля Фридриха-Вильгельма Третьего, стараясь умилостивить Наполеона, чтобы он пощадил побежденную Пруссию (Картина французского художника Никола-Луи-Франсуа Госса, Версальский музей)

ей то, в чем я отказал даже вашему императору...»

Все же, чтобы не обидеть Александра, Наполеон согласился пригласить к своему столу вместе с русским царем короля Фридриха-Вильгельма и красивую королеву Луизу. Она со слезами на глазах умоляла Наполеона восстановить разгромленную им Пруссию в ее бывших границах. Но Наполеон остался непреклонным.

7 июля был подписан договор между императором Александром и Наполеоном «о дружбе и мире между Россией и Францией». По условиям договора, «в угоду Императору Всероссийскому и ради уз непоколебимой дружбы с ним», Наполеон согласился возвратить прусскому королю Фридриху-Вильгельму «часть завоеванного его королевства». Однако из польских провинций, принадлежащих ранее Пруссии, было образовано «Великое герцогство Варшавское» и отдано саксонскому королю. Данциг был объявлен свободным городом, а Белостокская область присоединена к России. Александр принимал на себя посредничество в примирении Франции с Англией. Россия обязывалась заключить перемирие с Турцией и вывести свои войска из Молдавии и Валахии, чьи территории не могли быть захвачены Турцией.

Мстя Швеции за ее союз с Англией, Наполеон предложил Александру присоединить к России Финляндию: «Петербург слишком близок к шведской границе, — сказал он царю, — русские красавицы не должны из своих дворцов слышать гром шведских пушек».

После торжественной ратификации Наполеоном и Александром тильзитского русско-французского договора 9 июля 1807 года оба императора расстались друзьями.

В середине июля император Александр возвратился в Санкт-Петербург и остановился в Таврическом дворце. На следующий день он присутствовал на торжественном молебне в Казанском соборе, а вечером вся столица была иллюминирована.

9 августа Александр издал манифест, в котором извещал, что «благословенный мир паки восстановлен»

и что война России с Францией прекращена.

Ясно, что примирением своим с Наполеоном Александр прежде всего спас Россию от неминуемого неприятельского вторжения. Но то, что было ясно государю, не было понятно его подданным, для которых Тильзитский мир был постыдной капитуляцией перед «антихристом» Наполеоном. Посланник английского короля Стеддинг докладывал в Лондон, что в России «все, от знатного царедворца до писца, от генерала до рядового солдата, хотя и повинуясь, ропщут с негодованием против Тильзитского мира с Наполеоном...» Главным и самым деятельным врагом Наполеона и мира с ним была мать Александра, властная императрица Мария Федоровна. Она открыто стояла во главе оппозиции и, не стесняясь, осуждала новую политику сына. В своих письмах матери кроткая супруга Александра, императрица Елизавета Алексеевна, жаловалась, что «императрица Мария Федоровна, которая как мать должна бы защищать и поддерживать интересы собственного сына.., напоминает предводителя фронды и собрала около себя в Павловске большое число недовольных, которые объединяются около нее и превозносят ее до небес».

Как показывают донесения иностранных послов, отношение в России к союзу Александра с Наполеоном становилось все более и более неприязненным. Огонь этот всеми силами раздували английские агенты в России — дипломаты и торговцы. Несомненно, их деятельность, как и настоятельные внушения посланцев Наполеона, принудили Александра к разрыву дипломатических и торговых отношений с Англией уже в том же 1807 году. Следствием этого разрыва явились значительные финансовые затруднения, падение курса рубля на международном рынке, упадок русских акций на бирже и т. д.

Не только в дворянском сословии и в чиновничестве, но и в купеческих и ремесленных массах союз Александра с Наполеоном вызвал немалое возбуждение и ропот. В церковных проповедях православному народу внушалось, что Наполеон — антихрист и что его побе-

ды и успехи — результат влияния «нечистой силы». В народе ходили любопытные толки, которые дошли до нас в писаниях современников. Когда в России узнали о свидании императора на реке Неман, по всей стране распространялась следующая легенда, записанная современником: «Зашла речь об этом свидании у двух мужичков. "Как же, — сказал один из них, — наш батюшка православный царь решился встретиться с этим окаянным нехристем? Ведь это страшный грех!" — "Как же ты не разумеешь и не смекаешь дело? — отвечал его собеседник. — Наш батюшка-государь именно с тем и повелел приготовить плот на реке, чтобы сперва окрестить Бонапартия, а потом уже допустить его пред свои светлые царские очи"...».

Настал период царствования Александра, когда все изменилось в нем и вокруг него, когда, по необходимости, должен он был разорвать прежние свои союзы, удалить от себя прежних любимцев и советников и когда он поневоле сделался приверженцем политического учения Макиавелли: притворство сделалось для него необходимостью... Прежде всего Александр прекратил всякую деятельность «Негласного комитета». Новосильцев был уволен и послан за границу, граф Кочубей был заменен князем Алексеем Куракиным, граф Строганов перешел на военную службу и был произведен в генерал-майоры. В конце 1807 года барон Будберг уступил свое место графу Н. П. Румянцеву. Князь Лобанов-Ростовский также покинул пост советника императора по иностранным делам и был назначен санкт-петербургским военным губернатором. Наконец, в январе 1808 года на место Вязмитинова военным министром был назначен граф Аракчеев. Первыми его распоряжениями были уничтожение военно-походной канцелярии и отстранение графа Ливена от непосредственного доклада императору по военным делам. С этого времени начала всходить на русском горизонте звезда знаменитого временщика графа Алексея Андреевича Аракчеева.

В это же время, как я упомянул раньше, император Александр вновь приблизил к себе своего либе-

рального сотрудника прежних лет — Михаила Михайловича Сперанского, который стал самым близким сотрудником царя. «Благоразумный Сперанский, — отмечает современник, — соображаясь с обстоятельствами, неприметным образом, потихоньку перешел из почитателей Великобритании в обожатели Наполеона, из англичанина сделался французом».

Назначив графа Румянцева как сторонника союза с Францией министром иностранных дел, Александр отрядил своим послом в Париж графа Н. А. Толстого. Любопытна инструкция, данная ему царем: «Мне вовсе не нужен дипломат, — писал Александр, — а храбрый и честный воин, и эти качества принадлежат вам». Толстой прибыл в Париж 1 ноября и сразу же, 6 ноября, был принят императором Наполеоном на торжественной аудиенции в Фонтенбло. Толстой в своем первом докладе Александру писал, что Наполеон сказал ему: «Те двадцать дней, которые я провел с императором Александром в Тильзите, я считаю лучшими во всей моей жизни и с тех пор питаю величайшее уважение к русскому народу».

9. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА АЛЕКСАНДРА С НАПОЛЕОНОМ

Не прошло и года после подписания Тильзитского мира, как возникла необходимость новой встречи между Александром и Наполеоном. Посредничество царя в примирении Англии с Францией не только не привело к цели, но и значительно ухудшило отношения между Россией и Англией. В ответ на Тильзитский мир английский флот бомбардировал Копенгаген, уничтожил важнейшие датские верфи и арсеналы и увел датские корабли в Англию. Кроме того, англичане овладели средиземноморской эскадрой адмирала Сенявина, пленив все русские корабли. Следствием этих военных действий против России и Дании была декларация импе-

ратора Александра от 6 ноября 1807 года о полном разрыве всех торговых связей с Англией.

С другой стороны, несмотря на устные обещания Наполеона, французский император не смог примирить Турцию с Россией. Объявленная Портой в 1806 году война с Россией продолжалась. Пользуясь подписанным в Тильзите миром и прекращением военных действий с русской стороны, турки, подстрекаемые Англией, снова вступили в Валахию и принялись грабить жителей...

Общественное мнение в России было крайне возбуждено всеми этими событиями, и в столице роптали на союз Александра с Наполеоном, не без основания считая, что французы просто обманули русских. Желая оправдать Тильзитский мир в глазах возбужденной общественности, Александр начал переговоры с Наполеоном о присоединении к России княжеств Валахии и Молдавии — вопрос, в котором французский император не раз устно обещал оказать царю полное содействие.

Теперь, однако, Наполеон ссылался на письменные условия подписанного в Тильзите соглашения, полностью игнорируя свои устные обещания. Он, в принципе соглашаясь с предлагаемой Александром аннексией — присоединением Молдавии и Валахии к России, — требовал взамен уступить французам прусские территории. Наполеон даже объявил за собой право не выводить французские войска из Пруссии до тех пор, пока русские не очистят румынские княжества и не выведут свои войска из Молдавии и Валахии. Наполеон, великолепно понимая стремление России завладеть европейскими территориями Оттоманской империи, на которых жили румыны, греки, сербы, болгары и другие народы, исповедующие православие, и, конечно, выйти на юг, к Средиземному морю, со своей стороны, хотел приобрести как можно больше территориальных выгод в Европе.

Но Александр не сдавался и продолжал весьма разумный дипломатический нажим. Дело дошло до того, что Наполеон должен был отказаться от своих планов

относительно Пруссии и стал предлагать Александру поделить между Францией и Россией обширные земли Оттоманской империи... Очевидно, Наполеон стремился, пользуясь предоставленным ему в Тильзите правом посредничества между Россией и Турцией, сдержать всеми силами экспансию России на юг, к Средиземному морю...

Весьма важно отметить, что посол Александра в Париже граф Толстой сразу после своего приезда понял реальную политику Наполеона, усматривая в Тильзитском договоре гибель России. Он считал, что Александр, в сущности, развязал Наполеону руки на западе, ничего не получив взамен. Он предвещал неминуемую войну между Францией и Россией и советовал немедленно организовать ополчение, которое смогло бы дать необходимый отпор французам. Одновременно он внушал Александру необходимость заключить с Австрией военный союз против Наполеона... Конечно, благодаря сети своих тайных агентов во Франции, в России и везде в Европе, Наполеон был в курсе этой политики русского посла при своем дворе и все переговоры вел через Коленкура, французского посла в Санкт-Петербурге.

Пока Наполеон занимал Александра своими фантастическими проектами о предполагаемом разделе Оттоманской империи и о совместном таком же фантастичном походе в Индию, французские войска вторглись в Португалию и, заняв Испанию, принудили испанских Бурбонов уступить императору Франции свои права. Затем декретом от 15 июля 1808 года Наполеон назначил своего брата, неаполитанского короля Иосифа, испанским королем, а своего зятя Мюрата посадил на престол Неаполитанского королевства. Александр признал все эти перемены... Но Испания с денежной и военной поддержкой Англии восстала, и Иосиф был вынужден покинуть свой неустойчивый трон... Австрия, учитывая эти трудности Наполеона, начала открыто готовиться к новой войне с Францией.

В такой обстановке и шли переговоры о новой встрече Александра и Наполеона. Сначала царь поставил

Неаполитанский король Иосиф Бонапарт, старший брат Наполеона, которого он посадил на трон Испании
(Современная французская литография)

Маршал Иоахим Мюрат был адъютантом Наполеона во время его итальянской кампании (1796 г.) и стал настолько близким к нему, что в 1800 году Наполеон женил его на своей сестре Каролине и в 1804 г. сделал его маршалом, а в 1806 г., великим герцогом Берга и Клэв. В 1808 году он был главнокомандующим французской интервенции в Испании и, наконец, в том же году стал королем Неаполитанским. Мюрат был блестящим кавалеристом и во время русской кампании 1812 г., командовал всей кавалерией Наполеона. Во время Венского конгресса Мюрат безуспешно ходатайствовал перед союзниками, чтобы вернуть себе Неаполитанское королевство. В 1815 году он все же решил возвратиться в Неаполь, но был пленен и расстрелян в Калабрии
(Современная французская литография)

непременным условием этого нового свидания предварительное одобрение Францией русских проектов насчет Турции, но позже согласился, чтобы встреча состоялась без каких-либо предварительных условий...

14 сентября 1808 года император Александр с большой свитой выехал из Санкт-Петербурга в Эрфурт. В Кенигсберге ему пришлось остановиться и выслушать горькие жалобы прусского короля. «Поверьте, я сделаю все, что окажется в моих силах», — сказал Александр, прощаясь со своими прусскими друзьями перед переправой через Вислу. Посланный Наполеоном маршал Ланн встретил царя в Фридберге. После этой встречи Ланн докладывал своему императору, что русский царь неоднократно заявлял ему: «Я очень люблю императора Наполеона и сделаю все возможное, чтобы доказать ему мою дружбу...»

В Веймаре Александр остановился на два дня отдохнуть у своей сестры великой герцогини Марии Павловны. 27 сентября царь уже подъезжал к Эрфурту.

По дороге его встретил сам император Наполеон, окруженный блестящей свитой. Увидев приближающуюся карету царя, Наполеон поскакал галопом, сошел с коня и сердечно обнял Александра, вышедшего из кареты ему навстречу. Затем оба императора верхом въехали в Эрфурт при звоне всех церковных колоколов и пушечной пальбе.

Как и в Тильзите, Наполеон обставил свидание с Александром со всевозможною торжественностью. Однако на этот раз Наполеон увидел перед собой не восторженного слушателя, который легко соглашался с ним в Тильзите, а весьма холодного, критически настроенного человека. Первый горячий спор между ними произошел, когда Наполеон настоятельно предложил Александру совместно оказать давление на Вену, требуя немедленного разоружения и демобилизации австрийской армии. К величайшему удивлению Наполеона, Александр спокойно отверг это предложение.

Тут Наполеон вскочил, бросил на пол свою шляпу и стал топтать ее ногами... Александр лишь улыбнулся и спокойно сказал своему собеседнику: «Вы горячий,

но я упрямый, и гнев на меня мало действует... Давайте разговаривать рассудительно, или я ухожу...» При этом царь встал и направился к двери. Наполеон сразу успокоился и удержал собеседника. Он продолжил разговор в умеренном духе и тоне...

Но теперь Александр перешел в наступление. Он начал настаивать на полном выводе французских войск из Пруссии. «И это мой друг, мой союзник, — запротестовал Наполеон, — который предлагает мне отказаться от позиции, откуда я могу угрожать Австрии с фланга, в случае нападения с ее стороны, когда мои силы будут находиться на юге Европы! Впрочем, если вы решительно требуете нашей эвакуации из Пруссии, что ж, я согласен. Но тогда, вместо того, чтобы идти на Испанию, я сейчас же покончу свой спор с Австрией...» Этот решительный отпор французского императора произвел ожидаемое действие: немедленная война с Австрией менее всего отвечала желаниям Александра, и он пошел на попятную и поспешил отказаться от своего требования.

Переговоры в Эрфурте закончились секретной конвенцией, подписанной Александром и Наполеоном 12 октября. Наполеон отказывался от всякого посредничества в русско-турецких делах и признавал присоединение к России румынских провинций Молдавии и Валахии, предоставляя, однако, России самой склонить Оттоманскую Порту к этой уступке. Со своей стороны, Россия обязывалась действовать сообща с Францией против Австрии в случае, если император Франц объявит войну императору Наполеону.

Немалую роль в этих переговорах играл Сперанский, ставший теперь самым близким сотрудником императора Александра. Наполеон, видимо, ценивший роль Сперанского в эрфуртских переговорах, на последнем приеме, данном им в честь императора Александра и его свиты, поднес Сперанскому усыпанную крупными бриллиантами золотую табакерку со своим портретом. Этот жест французского императора создал, однако, Сперанскому не мало врагов, обвинявших нового любим-

ца Александра в секретных связах с французами — обвинение чисто пристрастное и несправедливое. В сущности, Сперанский действовал, руководясь только инструкциями царя.

14-го октября Наполеон и Александр совместно выехали из Эрфурта и расстались на веймарской дороге — не зная этого — навсегда...

В Эрфурте Александра особенно поразило то, что Наполеон несколько раз как бы невзначай говорил ему о своем предстоящем разводе с императрицей Жозефиной, от которой у него не было детей. Вероятно, французский император ожидал, что Александр предложит ему жениться на своей сестре великой княжне Анне Павловне. Но царь упорно избегал щекотливого вопроса о возможной женитьбе французского императора на его сестре.

В 1809 году великой княжне Анне Павловне исполнилось 15 лет. Она действительно была еще совсем молоденькой, хотя не по летам хорошо развитой девушкой. Посол Франции в Санкт-Петербурге маркиз Арман де Коленкур, который уже в 1801 году приезжал в русскую столицу и, очевидно, был весьма осведомленным, докладывал Наполеону: «Сестра императора Александра великая княжна Анна Павловна, несмотря на свою молодость — ей всего 15 лет, — стройная и высокая ростом, и более развита, чем обыкновенно бывают девушки в этой стране... Хотя она не красавица, но у нее любезная и приятная наружность, нежное выражение лица и прекрасные глаза... Взор ее полон доброты. Она обладает тихим нравом и, как говорят, очень скромна, однако доброта ее превосходит ее ум. Она уже умеет достойно держать себя в обществе, как подобает принцессе, и обладает тактом и уверенностью в себе, необходимыми при дворе...»

Вскоре император Александр получил от Наполеона, через его посла Коленкура, настоятельную просьбу руки великой княжны Анны Павловны. При этом французский император требовал ответа в двухдневный срок. Александр не растерялся и, улыбаясь, ответил Коленкуру, что это предложение «весьма близко его сердцу»

и что, если бы дело зависело от него лично, то посол «получил бы утвердительный ответ, еще не выйдя из кабинета». «Однако, — добавил император, — по завещанию покойного моего отца, императора Павла, судьбою моих сестер распоряжается исключительно императрица-мать...» Именно из-за этого, заявил император Коленкуру, «необходимо, по крайней мере, еще десять дней для окончательного решения императрицей этого семейного вопроса». В последствии, конечно, потребовалось еще десять дней, потом еще десять...

Наполеон, разумеется, понимал, что как сам Александр, так и императрица Мария Федоровна не желали этого брака и требовали отсрочек именно, чтобы вежливо отказать ему. Однако он все еще надеялся своим упорством заставить Александра и его мать удовлетворить его просьбу. Он вообще не понимал, как они могли так долго откладывать ответ на его просьбу, просьбу Наполеона, который привык к тому, что ни один монарх Европы не смел в чем-либо ему отказать... Конечно, сама эта процедура жестоко задевала его самолюбие и, несомненно, самым решительным образом повлияла на судьбу русско-французского договора.

Наконец, 4 февраля 1810 года император Александр сообщил Коленкуру, что императрица-мать «не может согласиться на этот брак из-за молодости великой княжны Анны ранее, как по истечении двух лет».

Наполеон понял, что это был завуалированный отказ, и пришел в неописуемую ярость. Одновременно он через своего посла в Вене попросил у австрийского императора Франца руки его дочери эрцгерцогини Марии-Луизы, требуя немедленного ответа. Австрийцы, более всего обеспокоенные сближением Наполеона с Россией и основательно опасавшиеся женитьбы Наполеона на сестре Александра, немедленно изъявили свое согласие на этот брак, и сам император Франц поспешил ответить Наполеону личным посланием, в котором выражал полное соизволение дать в супруги французскому властелину свою дочь...

Отныне полный разрыв между Александром и Наполеоном сделался лишь вопросом времени. Один из самых

Императрица Мария-Луиза, вторая жена Наполеона,
дочь австрийского императора Франца
(Современная гравюра Босельмана)

близких советников Наполеона Камбарсерез писал: «...Я просто содрогаюсь при мысли о неминуемой войне нашей с Россией, которая будет иметь неизмеримые последствия... Я думаю, что наступит она не позже, чем через два года». Отметим, что писал это Камбарсерез в 1810 году...

Осложнения начались почти сейчас же после отказа Александра. Наполеон отказался ратифицировать конвенцию о Польше, предлагая новую редакцию документа, совсем противоположную видам Александра. И это было не все. Очевидно, тайно поддержанная Францией Оттоманская Порта наотрез отказалась удовлетворить желание Александра присоединить румынские княжества Валахию и Молдавию к России, и семилетняя война между Россией и Турцией продолжилась на территории Болгарии. Но Кутузов сумел уничтожить самый значительный оттоманский военный лагерь около Рущука. Эти победы Кутузова заставили Оттоманскую империю просить мира, и Александр, чтобы действовать с развязанными руками в Европе, с радостью заключил этот долгожданный мир с турками...

Тем временем отношения России с Францией принимали все более и более враждебный характер. Наполеон стал расширять свою империю. В 1810 году он присоединил к Франции значительные новые территории: сначала Голландское королевство, потом города Ганзы и, наконец, Лауэнбург и все побережье Немецкого моря. К несчастью для России, в числе пострадавших от этих новых завоеваний Наполеона оказался и зять Александра герцог Ольденбургский, за которого вышла замуж Анна Павловна. Россия выразила гневный протест против этих новых аннексий Франции, но Наполеон просто отказался принять русскую ноту и, конечно, оставил ее без всяких последствий...

Враги тильзитской политики Александра торжествовали: вся Европа была теперь убеждена в антагонизме Наполеона и Александра, и война между Россией и Францией становилась неизбежной.

10. ГРАФ АРАКЧЕЕВ — «ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ» АЛЕКСАНДРА

«Злым гением, черным ангелом императора Александра» назвал графа Алексея Андреевича Аракчеева гениальный Пушкин, и этот знаменитый временщик вошел в историю, окруженный черным ореолом крайней реакции: в последний период своего царствования император Александр Первый, уставший от беспрерывных наполеоновских войн и еще более утомленный внутренней борьбой с неуступчивой русской аристократией, все больше и больше мечтал об уединении и отдыхе от своих царственных трудов. Увенчанный мировой славой, но нравственно угнетенный разочарованиями в людях как в Европе, так и, может быть, еще больше, у себя на родине, Александр решил отказаться от своих либеральных идей и повести Россию по новому пути, пути реакции и авторитарной власти, на который толкала его русская аристократия.

И вот, не желая изменить своей природной душевной доброте и не чувствуя более сил бороться со своими подданными за освобождение крестьян от крепостничества и за введение в России либерального западного строя, решил император передать всю свою беспредельную власть графу Алексею Андреевичу Аракчееву, типичному представителю реакционной аристократии. Несомненно, тайное намерение либерально настроенного гуманиста, каким всю жизнь был и оставался Александр, было наказать беспощадных своих критиков и врагов их собственной плеткой и дубинкой, о которых они мечтали, борясь с его «западничеством» и против его либеральных настроений.

Личность Аракчеева в свое время вдохновляла врагов Александра, не способных не только оценить, но даже понять те возвышенные общечеловеческие идеалы, которые вдохновляли его внутреннюю и внешнюю политику. Противодействие не доступным их пониманию и чувству гуманитарным веяниям XVIII века было их идеалом, а его воплощением был выходец из их среды — Аракчеев.

Алексей Андреевич Аракчеев родился в 1769 году в старинной семье помещиков Аракчеевых, дворян Новгородской губернии, предок которых Иван Аракчеев еще в 1584 году получил «за службу предков и отца его, как и за его ратоборство» вотчины в Бежецкой пятине. Дед его был убит в турецком походе Миниха, а отец служил поручиком в Преображенском гвардейском полку, а вышедши в отставку, поселился в своем имении в Тверской губернии. В родовом его поместии было у него лишь двадцать душ крепостных. Воспитанный матерью Елизаветой Андреевной, типичной помещицей, Алексей прочно усвоил принципы своей среды: строгое отношение к крепостным, постоянный труд, аккуратность и бережливость, на которых основывалось их скромное благосостояние. Все эти принципы материнского воспитания навсегда запечатлелись в его сознании. Воспитателем его был сельский дьячок, который за годовую плату «трех четвертей ржи и овса» научил его грамоте и письму и ознакомил с четырьмя правилами арифметики — все, что в тот век знали — и притом далеко не все — помещичьи сыновья.

С этими весьма скромными знаниями, но после многочисленных экзаменов и испытаний, в июле 1783 года, вероятно, более по заступничеству и связям отца, молодой Алексей был принят кадетом в артиллерийский и инженерный кадетский корпус. Своим необыкновенным трудолюбием и старательностью, отличным поведением и быстрыми успехами в математике и артиллерийских науках он обратил на себя внимание корпусного начальства. В продолжение двух лет он быстро переходил раньше своих товарищей из класса в класс и, получив аттестацию «примерного кадета», в 1775 году прошел одну за другой степени капрала, фурьера и сержанта.

В 1787 году Аракчеев был произведен в офицерский чин поручика и, по решению Мелиссино, директора корпуса, оставлен преподавателем математики и артиллерийских наук. Генерал Мелиссино рекомендовал его давать уроки сыну графа Н. И. Салтыкова, который выхлопотал ему назначение адъютанта в звании

капитана в тот же кадетский корпус, который он сам окончил. Вскоре рекомендованный наследнику Павлу Петровичу, Аракчеев так понравился ему, что Павел назначил его командиром артиллерийской роты с правом обедать ежедневно за своим столом. В 1794 году Павел поручил Аракчееву устройство всей хозяйственной части своих войск, а в 1796 г. назначил его губернатором Гатчины и инспектором артиллерии и пехоты.

Аракчеев так сумел понравиться Павлу, что 6 ноября 1796 года, когда скончалась Екатерина и Павел взошел на русский престол, Аракчеев был уже полковником и одним из самых близких к новому императору лиц. «Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде», — сказал ему Павел и, вложив его руку в руку великого князя Александра, добавил: «Будьте навсегда друзьями». Вскоре Павел назначил Аракчеева командиром Преображенского полка и столичным городским комендантом. При своей коронации Павел даровал ему титул барона и подарил богатую вотчину — Грузино в Новгородской области.

Нельзя не отдать ему справедливость: Аракчеев своими драконовскими строгостями восстановил образцовую дисциплину не только в гвардейских, но и в остальных войсках. Однако суровая строгость Аракчеева была причиной общего недовольства солдат и офицеров. В феврале 1798 года в армии начались массовые протесты и беспорядки. Павел понял, что причиной этих настроений в армии было это крутое, жестокое и зачастую несправедливое обращение Аракчеева с офицерами и солдатами. Император немедленно уволил Аракчеева и выслал своего вчерашнего фаворита в его новгородское имение. Но немилость эта длилась недолго. В декабре того же года Павел вернул его в Санкт-Петербург, назначив Аракчеева не только командиром лейб-гвардейского батальона, но и инспектором всей артиллерии. В 1799 году Павел пожаловал Аракчееву офицерский крест «Св. Иоанна Иерусалимского», а несколько месяцев спустя даровал ему графский титул. Павел собственноручно прибавил к его гербу девиз: «Без лести предан».

В том же году случилось знаменательное происшествие, которое доказывает, что Аракчеев совсем не был бескорыстным идеалистом, роль которого он умел играть столь блестяще перед Павлом. В Арсенале были украдены золотые кисти и галуны со старинной колесницы. Аракчеев донес императору Павлу, что караул в этот день в Арсенале нес полк генерала Вильде. На самом же деле в карауле находился артиллерийский батальон, которым командовал родной брат Аракчеева Андрей. Император по доносу Аракчеева немедленно уволил генерала Вильде со службы за нерадение. Однако невинно пострадавший генерал обратился к фавориту Павла его парикмахеру Кутайсову, который раскрыл государю ложный донос Аракчеева. Разгневанный император немедленно — 1 декабря 1799 года — уволил Аракчеева «за ложный донос»...

Накануне своего убийства Павел спешно вызвал Аракчеева из Новгорода, собираясь назначить его санкт-петербургским генерал-губернатором вместо графа Палена, которому император уже не доверял. Однако Пален задержал Аракчеева у заставы столицы и не допустил его к Павлу, который был убит той же ночью.

В первые годы после восшествия на престол Александра об Аракчееве как-то просто забыли. Лишь в 1803 году Александр вызвал его и восстановил в прежней должности инспектора всей артиллерии. Надо отдать ему справедливость, Аракчеев блестяще справился со своей задачей: он выделил артиллерию в отдельный род войск, учредил школы для офицеров и солдат артиллерии, основал «Артиллерийский журнал» и составил устав для этого рода войск. Артиллерия, организованная Аракчеевым, участвовала в Аустерлицком сражении, однако интересно заметить, что, несмотря на личное приглашение Александра, сам Аракчеев — под предлогом «расстроенных нервов» — отказался участвовать в этой битве... В 1807 году он был произведен в чин генерала от артиллерии.

Закончившаяся Тильзитским миром война с Францией обнаружила громадные злоупотребления и непорядки во всем военном ведомстве и, конечно, прежде

всего в снабжении армии провиантом. Александр, сам человек кристальной честности, был так возмущен, что временно даже запретил чиновникам-офицерам по снабжению носить военные мундиры. Одновременно он подписал указ, повелевающий произвести строжайшее расследование этих злоупотреблений по всей армии. Император, с юных лет знавший необыкновенную старательность Аракчеева вылавливать злоупотребления и непорядки у своих сослуживцев и докладывать о них начальству, решил, что никто лучше него не сможет справиться с хищениями провиантских чиновников и обуздать злоупотребления в армии.

После консультаций с ним 13 января 1808 года Александр назначил Аракчеева военным министром и одновременно генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. На этой должности Аракчеев оставался целых одиннадцать лет, до 1819 года, когда император назначил на этот пост своего младшего брата великого князя Михаила Павловича, установив традицию назначать генерал-инспекторами преимущественно великих князей, членов императорской фамилии.

Одновременно Александр поручил Аракчееву возглавлять свою походную канцелярию и весь фельдъегерский корпус. Более того, проявляя к своему новому фавориту особую милость, император подписал указ, повелевавший Ростовскому мушкетерскому полку носить имя графа Аракчеева — привилегия, обыкновенно дававшаяся членам династии и лишь в виде исключения очень заслуженным полководцам... Это возвышение Аракчеева было особенно важно в период, когда империя готовилась к походу против Швеции и одновременно уже вела три войны: с Англией, с Персией и с Турцией.

Надо отдать ему справедливость, Аракчеев принялся за возложенное на него дело с кипучей энергией: с его пребыванием в военном министерстве связаны коренные и весьма необходимые преобразования по устройству и управлению армии и, конечно, прежде всего в реорганизации хозяйственной ее части. В историю вошла организованная им переправа армии по льду

Ботнического залива в Швецию, что обеспечило победу России. 5 сентября 1809 года был подписан славный для империи Фридрихгамский мир. На другой же день император Александр на аудиенции, данной Аракчееву, снял с себя усыпанный бриллиантами орден Св. Андрея Первозванного и надел его на шею генерала.

Хитрый временщик, однако, убоялся толков и зависти своих многочисленных недоброжелателей при дворе и, сначала приняв высокое отличие, явился на другой же день к государю и упросил его принять обратно пожалованный ему орден. Александру, конечно, очень понравилась проявленная Аракчеевым скромность. 1-го января 1810 года по инициативе Сперанского был учрежден Государственный Совет, и Аракчеев, несмотря на то, что он уже был военным министром и сенатором, получил назначение председателя департамента военных дел в этом высшем учреждении империи.

Однако у временщика было много врагов при дворе. Влиятельные сановники — граф Салтыков, князь Голицын, Гурьев и многие другие — повели энергичную борьбу против Аракчеева. Их интриги привели к временному охлаждению к нему Александра. Сам Аракчеев в письме брату Петру от 3 апреля 1812 года, которое дошло до нашего времени, так описывает свое положение: «Сие все (т. е. охлаждение к нему императора, — В. Н.) меня бы не беспокоило, ибо я уже ничего не хочу, кроме уединения и спокойствия.., но беспокоит меня то, что велят еще мне ехать и быть в армии без пользы, а, как кажется, только пугалом мирским. И я уверен, что неприятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где будет для меня верный способ потерять жизнь». Любопытно, что за всю свою долгую военную карьеру Аракчеев никогда и нигде не участвовал ни в одном сражении, за что его враги обвиняли его в трусости...

В мае 1812 года Аракчеев снова успел сблизиться с императором и с самого начала военных действий сопровождал Александра в путешествии из Санкт-Петербурга в Вильну. Однако, явно, чтобы самому не участвовать в военных действиях, Аракчеев уговорил Бала-

шова и Шишкова подписать вместе с ним прошение, убедившее императора отказаться от личного присутствия на фронте, чтобы не рисковать жизнью, столь необходимой для конечной победы над Наполеоном и для возглавления всеобщего сопротивления французам всей России. Александр, храбрый по природе и стремящийся участвовать в боях с Наполеоном, как и в прошлом, все же прислушался к совету вернейших своих сподвижников и для блага родины согласился вернуться в Санкт-Петербург, чтобы из столицы возглавлять борьбу против вражеских войск. Конечно, с императором отбыл с театра военных действий и сам Аракчеев.

В столице он в качестве члена особого комитета, созданного не без его участия, начал организовывать окружные ополчения по всей России. Самое полезное, однако, во всей этой тыловой деятельности Аракчеева было его участие в возглавляемом графом Салтыковым комитете, который избрал Кутузова «вождем над всеми армиями» против Наполеона. 17 июня этого же памятного для России 1812 года император Александр окончательно решил не посылать Аракчеева на фронт, снова поручив ему возглавлять при своей особе управление всеми военными делами. «С оного числа, — записал Аракчеев в своей автобиографии, — вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора...»

Таким образом Аракчеев не только вернул себе полное доверие Александра, но и спасся от удручающего его участия в военных действиях, на которое были обречены все русские высшие военные чины, его коллеги.

В продолжение всей войны с Наполеоном Аракчеев был неразлучным спутником императора Александра и ближайшим его советником. 6 декабря 1812 года государь собственноручно утвердил духовное завещание Аракчеева, что указывает на его особое благоволение к ставшему всесильным временщику. В тот же день вместе с Аракчеевым Александр Павлович выехал в Вильну, отправляясь в заграничный поход против Напо-

леона. В Париже 31 марта 1814 г. Александр, даже не спрашивая мнение Аракчеева, собственноручно написал приказ о производстве своего любимца в генерал-фельдмаршалы империи.

Но весьма благоразумный и опытный царедворец, Аракчеев испугался столь высокого военного отличия. За все годы блестящей карьеры умудрившись не участвовать ни в одном сражении, он боялся, что это новое отличие сплотит против него все окружение императора: двор, администрацию, армию. Со слезами на глазах Аракчеев бросился в ноги государю и упросил его, успешно разыгрывая христианское смирение, что всегда импонировало царю, отменить этот слишком опасный для себя указ... Однако 30 августа Александр собственноручно повесил ему на шею в знак величайшего благоволения осыпанный бриллиантами медальон со своим миниатюрным портретом.

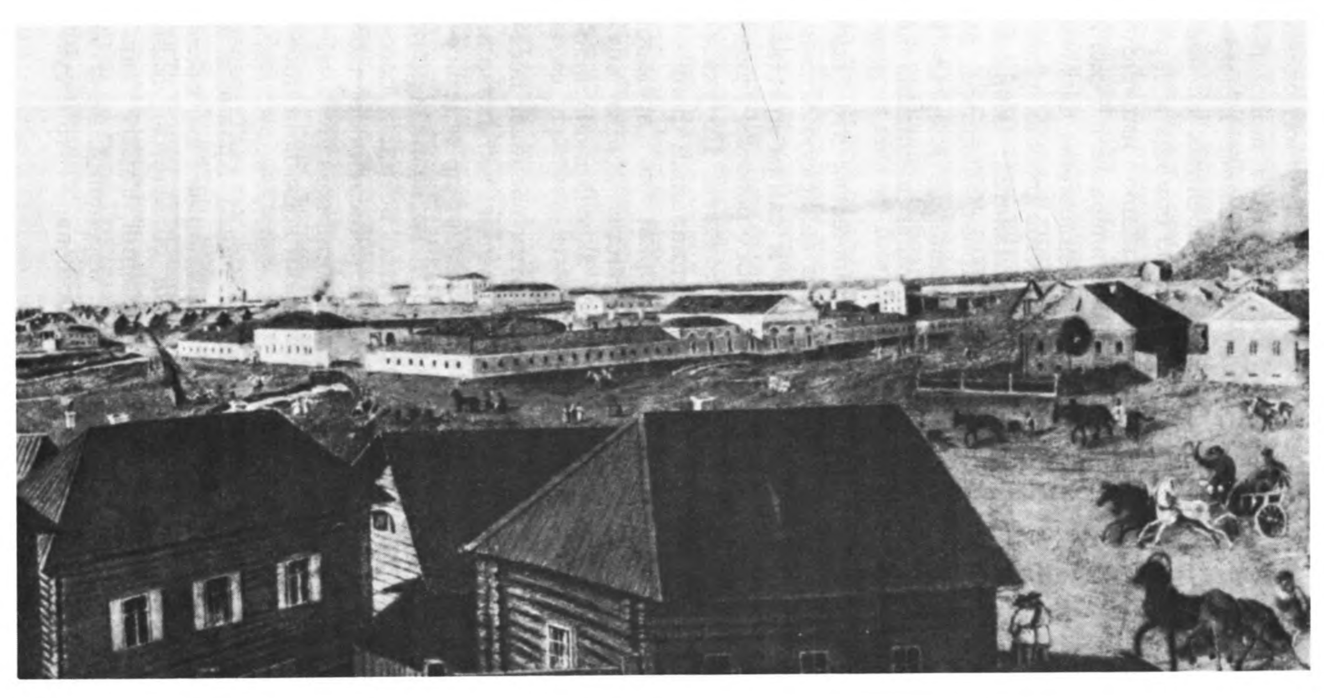
Аракчеев неизменно сопутствовал царю во всех его поездках за границу. Был он с государем и во время его посещения южной России в 1818 году, путешествуя вместе с императором в царской карете. Александр именно в эти дни сообщил Аракчееву свои планы об устройстве военных поселений в России и ему же поручил их осуществление. Многие историки неправильно считают, что эта мысль была внушена императору Аракчеевым: фактически, как доказывают источники и прежде всего записки самого Аракчеева, инициатива эта исходила от царя. Идея эта объяснялась стремлением императора уменьшить громадные расходы по содержанию войск, расходы, которые стали неимоверной тяжестью для финансов империи, совершенно расстроенных войнами против Наполеона.

Александр видел только одну возможность уравновесить военный бюджет, а именно — передать содержание армии, хотя бы значительной ее части, самим жителям России. Расквартированные в населенных пунктах войска, по замыслу императора, должны были трудиться в сельском хозяйстве и одновременно с этим приобщать население к распорядку военной жизни, к воинской дисциплине.

Впрочем, первый опыт подобного поселения войск в России был предпринят Александром и без Аракчеева, еще в 1809 году, когда царь издал указ о поселении Елецкого пехотного полка в Могилевской губернии. Однако наступившая в 1812 году Отечественная война заставила императора отложить этот план. С возвращением армии из похода 1815 года Александр снова приступил к осуществлению этой идеи и при этом с еще большей энергией. Аракчеев, конечно, всеми силами поддерживал этот план государя, прежде всего рассчитывая на еще большее свое возвышение и надеясь стать незаменимым для царя. Со своей стороны, Александр знал трудолюбие, старательность и упорство своего любимца в исполнении монаршей воли и был убежден, что только Аракчеев сумеет осуществить эту заветную его идею и воплотить ее в жизнь по всей империи.

Аракчеев, надо отдать ему справедливость, со всем пылом своей неутомимой энергии и с несомненными своими организаторскими талантами бросился осуществлять этот замысел царя. Уже в 1824 году сорок полков были расселены Аракчеевым среди жителей губерний — Новгородской, Херсонской, Могилевской и Харьковской. Всем этим военным поселениям, начальником которых был граф Аракчеев, император указом от 3 февраля 1821 года определил наименование «Корпуса военных поселений», а все поселения, принадлежащие каждому отдельному полку, составляли отдельные округа, и все они были под полным контролем всевластного Аракчеева. Все начальники этих военных округов военных поселений назначались Аракчеевым и получали от него специальные инструкции. Конечно, и эти инструкции были делом самого царя, который вырабатывал их совместно с Аракчеевым. Эти правила предписывали всем генералам и полковникам, стоявшим во главе военных поселений, «стараться своим поведением не только приобрести уважение и доверие всего населения, но и предупредить всякие возможные жалобы и неудовольствия зависимых от них жителей...»

Следует отметить, что заботы императора особенно относились к крестьянам этих военных поселений.

Военное крестьянское поселение в Новгородской губернии — на первом плане дома офицеров. Видны казарменные постройки — жилища крестьян (Современная литография)

Им были дарованы многочисленные льготы. Так, по распоряжению самого императора, были уничтожены некоторые особенно тяжелые для крестьян денежные и натуральные повинности, многие казенные недоимки, и, что особенно важно, крестьяне военных поселений получали бесплатную медицинскую помощь и даровые лекарства. Кроме того, по указанию императора в поселениях были организованы впервые в России общественные хлебные магазины; заложены основы организации особых команд специалистов разных ремесел, необходимых для сельского хозяйства; назначались окружные агрономы и ветеринары-фельдшера; во многих сельских центрах организовывались впервые в стране конные заводы; из-за границы выписывался породистый скот.

Конечно, в те времена крепостничества это были весьма значительные нововведения в сельскую жизнь, полезные не только помещикам, но и самим крестьянам-производителям. Им в их сельских работах сезонно помогали жившие в поселениях солдаты. По указанию императора был образован и специальный фонд — капитал военных поселений, который ко времени последних лет царствования Александра достиг внушительной для того времени суммы в 32 миллиона золотых рублей.

Однако, несмотря на все это, в этих военных поселениях во многих округах периодически вспыхивали беспорядки. Ответственность за это падает прежде всего на самого Аракчеева, но, конечно, и на назначаемых им непосредственных командиров этих военных поселений. Дознания обнаруживали многочисленные злоупотребления и произвол разных помощников Аракчеева, часто руководившихся в управлении военными поселениями корыстными целями.

Трудно сказать, участвовал ли лично Аракчеев в этих злоупотреблениях, хотя оставленное им после смерти громадное состояние нельзя объяснить лишь его жалованьем и доходами с его имений. Самый главный пробел в организации военных поселений, вина за который, несомненно, падает на Аракчеева, — это отсут-

ствие свода правил и определений этой общегосударственной организации, где все было предоставлено на личное усмотрение начальников всех рангов.

Несомненно, Александр хорошо понимал все эти недуги и сознавал, что, несмотря на всю свою власть, он не смог осилить рутину помещичьего строя и векового произвола крепостничества. Не приходится сомневаться, что именно это бессилие русского самодержца, сводившее на нет все его благие намерения, было основной причиной желания Александра отречься от престола и уйти на покой...

Последние годы царствования императора Александра ознаменовались особенным расположением царя к Аракчееву. С безграничным доверием относился император к своему ближайшему сотруднику. Исключительно интересным проектом, составленным Аракчеевым по настоятельному указанию Александра, является проект 1818 года об освобождении крестьян из крепостного состояния. Это была изумительная инициатива императора Александра, который до конца своего царствования не оставлял надежды упразднить крепостничество в России, но, к сожалению, не смог осуществить эту свою идею из-за оппозиции помещиков и рутины императорской администрации... Несомненно, это более всего угнетало гуманного Александра и побуждало его оставить трон и уйти в частную жизнь.

10 сентября 1825-го года, в имении Аракчеева Грузино была убита домоправительница и любовница Аракчеева цыганка Настасья Минкина.

В неизданных записках известного собирателя редких книг и рукописей конца XVIII — начала XIX века Александра Ивановича Сулакадзева есть весьма интересная записка очевидца событий в Грузине — убийства цыганки, уже упомянутой любовницы Аракчеева. Так как это свидетельство раскрывает подлинный характер временщика, я счел полезным ознакомить с ним читателя.

«В четверг, 10-го сентября (1825 года), в 5 часов утра, в селе Грузине у графа А. А. Аракчеева зарезали Минкину, Настасью Федоровну, бывшую жену

матроса, жившую в доме графа более двадцати лет экономкой. Сын ее, флигель-адъютант Шумский чрезмерно пьет.

Настасья лишена жизни с ужасными насилиями: голова отрезана, руки с пальцами изрезаны, рот перерезан, тело изранено жесточайшим образом: по этому видно, что она боролась с убийцами.

...Граф Аракчеев... растерзал на себе платье, кинулся на ее тело и тридцать часов провел не вкушая пищи. Едва его уговорил ее схоронить Фотий, известный Юрьевский архимандрит, и некоторые генералы.

Когда гроб ее опустили в могилу, он кинулся туда весь растерзанный горестью и кричал с самого начала: «Вы отняли у меня единственного друга! Лишайте, злодеи, жизни! Вы отняли у меня единственного друга! Я теперь потерял все...» Вытащили его израненного от ушибов из могилы...

Преданный графу П. А. Клейнмихель, которому граф поручил разобрать бумаги покойницы, открыл преступную ее связь с лицом посторонним...

В ужасном исступлении граф бежит к могиле несчастной. Отворяет доску, под которой таилась надпись — выражение нежнейших чувств любовника, топчет эту надпись, плюет на нее, произнося ругательства праху возлюбленной...»

Это свидетельство современника, очевидно, близкого к Аракчееву, указывает на дикий, варварский характер временщика, столь близкого к Александру Первому, державшего в последние годы его царствования бразды правления Российской империи... Очевидно, узнав все эти подробности из доклада полиции, император впервые ознакомился с действительным характером своего самого близкого сотрудника. Знаменательно последнее письмо императора Аракчееву по поводу этой его личной драмы. «Твое здоровье, любезный друг, — пишет ему царь по получении доклада о происшествии в Грузине, — крайне меня беспокоит... Неужели тебе не придет на мысль то крайнее беспокойство, в котором я должен находиться о тебе в такую важную минуту твоей жизни?» — упрекал Аракчеева импера-

Граф Алексей Андреевич Аракчеев
в годы его дружбы с императором Александром

(Портрет этот был заказан императором Александром, английскому художнику Джорджу Доу, прибывшему в Россию в 1818 году)

тор за его долгое молчание. «Грешно тебе, — кончал Александр свое письмо, — забыть друга, любящего тебя столь искренно и так давно»...

Вступление на престол императора Николая Павловича выдвинуло новых государственных людей. И хотя новый вершитель судеб России милостиво позволил графу Аракчееву продолжать службу по управлению военными поселениями, в апреле 1826 года Аракчеев вышел в отставку и уехал в Карлсбад на лечение. Император Николай Павлович пожаловал ему «на путевые издержки» 50 тысяч рублей. Однако Аракчеев был настолько богат, что немедленно препроводил эту сумму императрице-матери Марии Федоровне на благотворительные цели. Любопытно отметить, что за границей Аракчеев издал сборник писем к нему Александра Первого...

Вернувшись на родину, Аракчеев поселился в своем имении Грузине, где стал заниматься исключительно хозяйством, навсегда отойдя от государственных дел. До конца своей жизни Аракчеев сохранил культ своего царственного друга. Перед построенным им великолепным собором в Грузине он соорудил бронзовый памятник императору Александру и как святыню берег государевы подарки и даже навсегда сохранил в неприкосновенности устройство комнат, в которых у него в имении останавливался царь во время неоднократных своих посещений Грузина...

Аракчеев был женат на дочери генерала Хомутова Наталье Васильевне, но с женой своей он не жил с самого начала брака; детей у них не было. Умер он 21 апреля 1834 года. Был граф Аракчеев одним из самых богатых людей в России, и осталось после него миллионное состояние, хотя наследника своего богатства он не назначил. Когда после смерти Аракчеева вскрыли его завещание, оказалось, что он предоставил императору Николаю Павловичу право назначить наследника его миллионов. Император постановил все оставленное Аракчеевым богатство передать Новгородскому кадетскому корпусу, который с того времени принял фамильный его герб и стал называться «Новгородским

Император Николай Первый
(Современная литография)

Графа Аракчеева Кадетским Корпусом». Кроме этого, Аракчеев еще при жизни пожертвовал 300 тысяч рублей на воспитание детей бедных дворян Новгородской и Тверской губерний. Оставил он также значительную по тем временам сумму в 50 тысяч рублей в награду за лучший труд по истории царствования императора Александра Первого и на расходы по печатанию этого труда.

Будучи инспектором артиллерии, Аракчеев ввел значительные улучшения в артиллерийское дело России: по его инициативе артиллерийские части были выделены в самостоятельные боевые единицы и была улучшена подготовка артиллерийских кадров. Значительно усилен был при нем и сам артиллерийский парк. И эта его роль признается положительной даже советскими историками. Однако, когда вся Европа, в том числе Россия, и сам император Александр Первый, вдохновлялись либеральными воззрениями восемнадцатого века, Аракчеев всю свою жизнь оставался приверженцем абсолютизма в духе императора Павла, при котором он начал свою карьеру. Всю жизнь Аракчеев ненавидел вольнолюбивые веяния Франции энциклопедистов, в которых был воспитан Лагарпом сам государь.

Когда увенчанный мировой славой, ставший арбитром Европы, в последние десять лет своего царствования император Александр почувствовал усталость от эпохальной борьбы с Наполеоном, от постоянных революционных восстаний во всей Европе и, может быть, еще больше от антилиберальных настроений в своей собственной стране и от оппозиции помещиков его желанию освободить крестьян, он решил поставить Аракчеева во главе своего правления — не только, чтобы карать начавшиеся в России крестьянские волнения, но, несомненно, и чтобы дать реакционным своим помещикам человека, который смог бы держать и их в ежовых рукавицах. Глубоко угнетенный крушениями своих идеалов государственного устройства, Александр не хотел ни изменить своей природной человечности, ни расстаться со своими внутренними убеждениями и идеалами своей юности. Ему был нужен такой заме-

ститель, который подходил бы этому новому времени — общеевропейской реакции, когда в Вене правил Меттерних, а в Париже Талейран... Но в России не было ни Меттерниха, ни Талейрана. Сперанский был либералом и менее всего отвечал этим новым веяниям Европы «Священного Союза»...

Аракчеев, которого Александр знал еще с юных лет и который умел угождать даже императору Павлу, был, казалось царю, самым подходящим человеком в этой ситуации. Впрочем, император Александр за несколько лет уже оценил его, особенно его исполнительность, работоспособность и — самое главное — беспредельную преданность себе. Александру казалось, что никто лучше Аракчеева не сможет справиться с трудными задачами того времени. И император сосредоточил в руках своего любимца все нити внутреннего управления Россией. Комитет министров, Государственный Совет и Сенат, которые по идеям Сперанского и самого царя фактически правили страной, теперь потеряли свое значение. По всем вопросам управления империи царь советовался с Аракчеевым, который, пользуясь доверием Александра, проводил самую реакционную политику.

Все идеи Александра об улучшении быта крестьян и солдат через созданные им военные поселения на деле стараниями Аракчеева явились воплощением беспрецедентной военщины, столь чуждой русскому духу. Аракчеев требовал беспрекословного подчинения и ввел в этих поселениях палочную дисциплину. Военные коменданты, назначенные Аракчеевым, вмешивались во все стороны жизни крестьян: регулировали браки, отнимали детей у их родителей и с самых малых лет брали мальчиков на обучение в военные школы... Эти эксцессы были причиной общего недовольства и многочисленных восстаний, которые беспощадно карались Аракчеевым. «Еще будучи ребенком, — пишет в своих Записках Ф. Вигель, — слышал я, как с омерзением и ужасом говорили о людоеде Аракчееве...» Широко распространялись по всей России знаменитые эпиграммы Пушкина.

Свидетельство Вигеля, конечно не беспристрастно. Аракчеев людоедом не был. Но для объективного историка он был одним из роковых для России людей: цель их жизни и деятельности — перевести назад стрелку часов своего времени. Неумолимая история событиями 1917 года доказала, что был прав не Аракчеев, а Сперанский. И если бы император Александр Павлович не сошел с правильного пути, намеченного им еще в годы его молодости, и поставил бы Россию на путь западной эволюции, династия Романовых до сих пор занимала бы престол Петра Великого и Екатерины Второй, как родственные ей английские Виндзоры.

11. НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

1811 год ознаменовался в Санкт-Петербурге общенародным торжеством по случаю окончания воздвижения Казанского собора. Ровно через десять лет после венчания на царство императора Александра Павловича — 27-го сентября состоялось торжественное освящение нового великолепного столичного собора в присутствии самого государя, членов императорской фамилии, правительства и дипломатического корпуса. Архитектором храма был академик Воронихин, а все работы по строительству и украшению собора производились под личным наблюдением президента Академии Художеств графа Александра Строганова. Оформление Казанского собора было исполнено русскими художниками и скульпторами. Это культурное событие сыграло немалую роль в подъеме общего патриотизма и русской гордости, в людях росло сознание того, что Россия стала уже на одну ногу с Западом и достигла высокой степени развития. Этот подъем национального самосознания из Санкт-Петербурга перекинулся и в Москву, а затем залил гордой радостью всю Россию.

Одновременно, как я уже сказал, внутренние преобразования, проведенные Сперанским, несомненно, под-

Санкт-Петербург. Казанский собор
(Фотография начала XX века)

нимали престиж империи за границей. В то время, когда победы Наполеона потрясли Западную Европу, все взоры государей Запада, страны которых одна за другой падали под напором французов, обращались к России. Запад ждал от мощного молодого и человечного русского царя Александра заступничества и освобождения.

Внимание Александра все больше и больше сосредотачивалось на внешней политике и на растущей мощи Наполеона, простиравшего свои владения до самых границ России. Как уже было сказано, начавшиеся в конце 1809 года переговоры посла Франции Коленкура о желанном браке Наполеона с великой княжной Анной Павловной не только не окончились успехом, но привели к заметному охлаждению между Россией и Францией. После ряда отсрочек, сопровождавшихся неопределенными сочувственными пожеланиями, император Александр сообщил наконец графу Коленкуру вежливый, но решительный отказ русского двора отдать Анну Павловну за Наполеона. 4 февраля 1810 года Александр, вызвав посла Наполеона на специальную аудиенцию, сказал ему, что «императрица-мать Мария Феодоровна не может согласиться на ее (Анны Павловны) брак ранее, как по истечении двух лет».

Коленкур одновременно доносил Наполеону, что императрица Мария Феодоровна в близких к ней кругах так оценивала предложение французского императора жениться на ее дочери: «Император Наполеон по отношению России не руководится ни чувством, ни даже принципиальной политикой, но временной необходимостью заручиться нашей поддержкой: сегодняшний его союз с Россией является лишь необходимостью парализовать Север, чтобы тем временем покорить Юг...»

Как только Наполеон получил этот доклад своего посла, он немедленно обратился к австрийскому императору Францу и предложил свою руку его дочери эрцгерцогине Марии-Луизе. Конечно, в Вене с нескрываемым удовольствием отнеслись к предложению французского императора: австрийцы более всего боялись брака Наполеона с сестрой Александра, который упрочил

бы поколебавшуюся дружбу и союз между ними. Канцлеру князю Меттерниху понадобилось лишь несколько часов, чтобы положительно решить этот важный для Австрии вопрос, и на следующий день — 6 февраля этого же 1810 года, т. е. через два дня после отказа Александра, — император Франц согласился принести в жертву политике судьбу своей дочери, и Мария-Луиза сделалась невестой Наполеона. Замечу, что официальные даты, проставленные на этих депешах, весьма условные: несомненно, Коленкур гораздо раньше предупредил своего императора о вероятном отказе русского двора и о подлинных настроениях русской императорской фамилии. И таким образом Наполеон успел весьма быстро ответить на ожидаемый отказ Александра браком с Марией-Луизой...

Одновременно Наполеон причинил Александру сильнейшее огорчение: он отказался ратифицировать подписанную Коленкуром всего несколько недель тому назад конвенцию о Польше, предложив совсем новую редакцию, неприемлемую для Александра. Отныне окончательный разрыв между Александром и Наполеоном стал лишь вопросом времени... Барон Далберг, прелат и советник австрийского канцлера, писал Меттерниху по поводу брака Наполеона с Марией-Луизой: «Можете быть уверены, что через пять месяцев наступит охлаждение Франции с Россией, и не пройдет и двух лет, как между ними вспыхнет война...».

В эти годы Наполеон начал расширять пределы своей империи, присоединяя декретами сначала Голландское королевство, потом города Ганзейского союза, Лауэнбург и все побережье Немецкого моря, включая владения родственника императора Александра — герцога Ольденбургского. Несмотря на ноту протеста русского двора, Наполеон утвердил все эти новые аннексии, и Александр стал открыто говорить не только своим приближенным, но и союзникам о необходимости спасти Европу от «варварских завоевательных стремлений Наполеона».

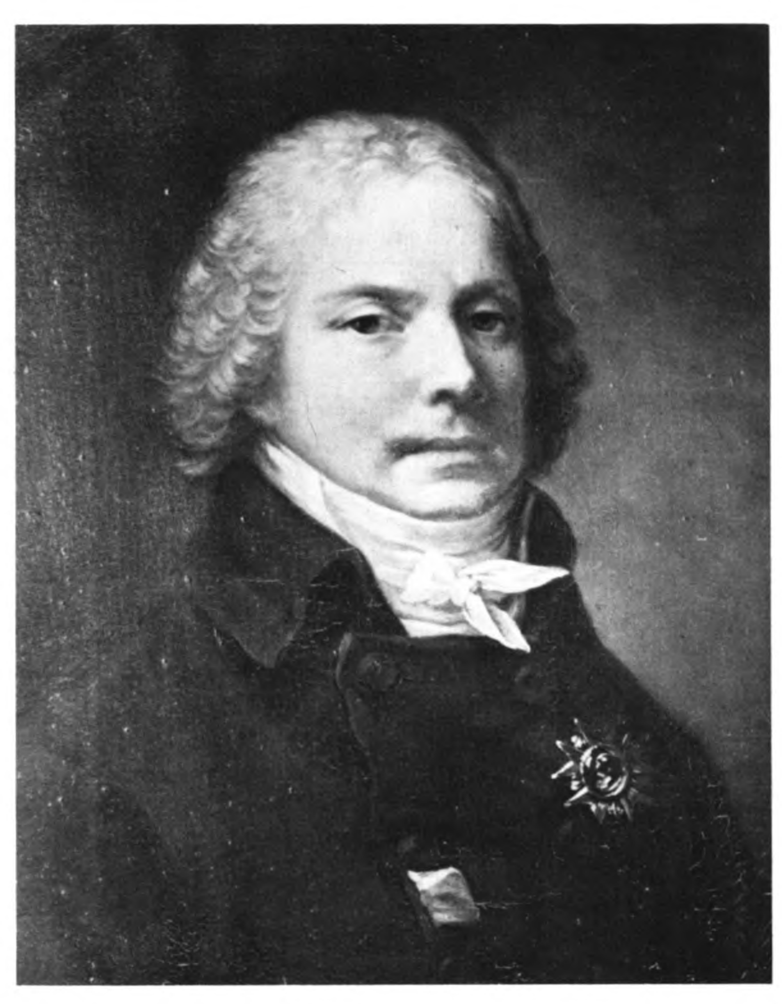
Одновременно началась и настоящая таможенная война между Россией и Францией. В начале 1811 года

император Александр, вопреки Тильзитскому соглашению, подписал указ о «нейтральной торговле», в силу которого дозволялся ввоз в Россию колониальных товаров под американским флагом, а импорт изделий французских фабрик или вообще запрещался, или облагался чрезмерными пошлинами. Этими распоряжениями был нанесен весьма чувствительный удар по так называемой «континентальной системе» Наполеона. По этому поводу французский император заявил своим министрам: «...Вот большая планета сорвалась со своей орбиты и принимает неправильное направление, и я просто не понимаю ее движения. Она так не может действовать, не имея намерения разойтись с нами. Будем же настороже и примем все меры, которые диктует нам благоразумие». А 28 февраля 1811 года Наполеон писал Александру: «Ваше Величество не имеет больше прежней своей приязни ко мне...»

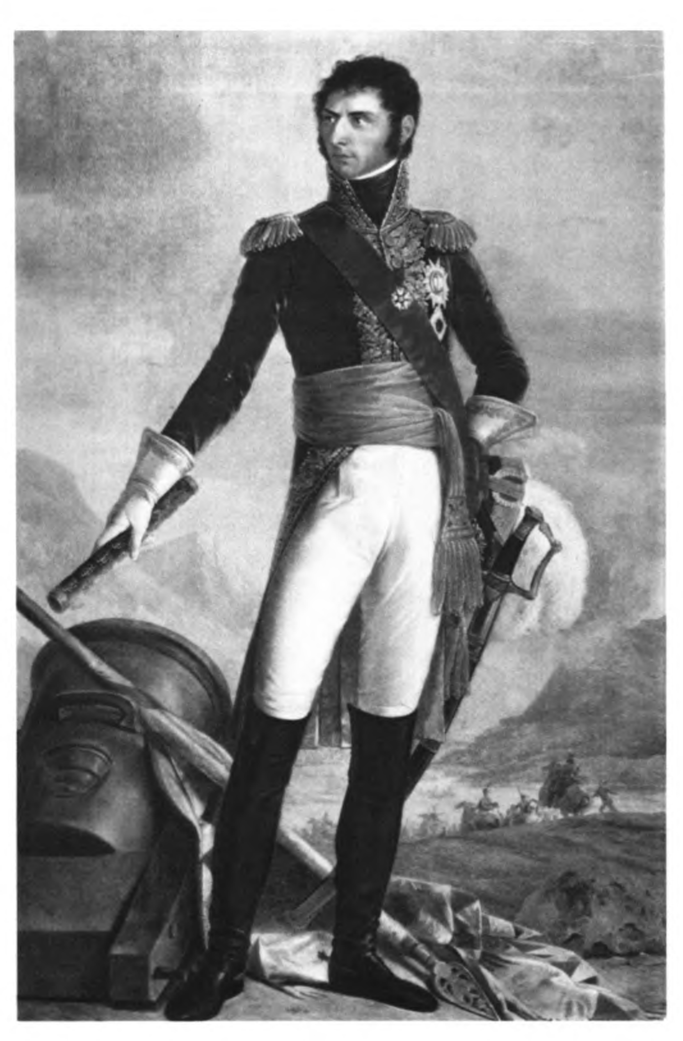
С этого дня Наполеон стал готовиться к предстоящему разрыву с Александром, понимая, что бывший его друг и союзник, несомненно, за его спиной сблизился с вечной неприятельницей Франции Англией. Переписка между Александром и Наполеоном окончательно потеряла свой бывший приятельский и даже задушевный характер и становилась все более и более полемической.

Александр был недоволен своим послом в Париже князем Куракиным, который посылал ему весьма поверхностные депеши, и поэтому, под предлогом заключения займа, отправил в 1810 году во Францию своего доверенного советника по иностранным делам Нессельроде, поручив ему, избегая посла, посылать тайные доклады через специальных курьеров Сперанскому. Нессельроде должен был установить контакт с министром иностранных дел Франции Талейраном, который еще со времени Эрфуртского соглашения сумел наладить тайную связь с Александром, обещав ему сотрудничать с ним против Наполеона.

Прибыв в Париж, граф Нессельроде явился к Талейрану и, оставшись с ним наедине, сказал французскому министру: «Официально я состою сотрудником кня-

Шарль-Морис де Талейран в годы Империи
(Портрет кисти П. П. Прюдона)

Жан Бернадот-наследный принц Швеции,
ставший впоследствии королем под именем Карла XIV
(Современная шведская литография)

зя Куракина, но в действительности император поручил мне сноситься с вами и докладывать ему лично. Вот письмо императора, которое он поручил мне передать вам». Отмечу, что переписка эта должна была оставаться тайною как для самого канцлера графа Румянцева, так и для посла Куракина, и была известна одному Сперанскому, который был посредником между императором Александром и Нессельроде в Париже, т. е. тайной связью государя с Талейраном. Переписка эта беспрерывно продолжалась до конца 1811 года и, конечно, была очень полезна для точного осведомления русского царя обо всем, что происходило в окружении Наполеона.

В свою очередь, недовольный своим послом, Наполеон решил отозвать Коленкура из России, обвиняя его в том, что он «сделался настоящим русским и забывает выгоды Франции». Прощаясь с графом Коленкуром, император Александр с полной откровенностью сказал ему, конечно, желая, чтобы разговор этот был передан Наполеону: «Я не имею таких генералов, как ваши, и сам не считаю себя таким полководцем и таким администратором, как император Наполеон, но у меня хорошие солдаты и преданный мне народ, и все мы скорее умрем с оружием в руках, чем позволим поступить с нами, как с голландцами и гамбургцами. Но даю вам слово, я не сделаю первого выстрела. Я допущу вас перейти Неман, но сам его не перейду первым... Будьте уверены, что я не объявляю вам войны, потому что ни я, ни мой народ не хотим войны, хотя мой народ и оскорблен отношением ко мне вашего императора. Мы не желаем войны, потому что хорошо знаем все невзгоды, которые она несет. Но если на нас нападут, наш народ сумеет постоять за себя...»

Граф Коленкур слово в слово повторил эти мысли, высказанные императором Александром. Наполеон грубо перебил Коленкура: «Вы что, влюблены в Александра?». И не скрывая своего неудовольствия, даже не подав послу руки, встал, показывая, что аудиенция окончена...

Впрочем, сам царь писал Наполеону в письме от 25

Император Наполеон
в годы своей связи с Марией Валевской
(Портрет кисти Изабея)

Графиня Мария Валевская
(Портрет кисти Давида)

марта этого же года: «Повторяю Вам, если начнется война, то лишь потому, что Ваше Величество сами ее желали, и я употреблю все усилия, чтобы ее предотвратить, но если буду все-таки заставлен воевать, я сумею сражаться и дорого продам свою жизнь...»

Однако, все эти предупреждения не принесли ожидаемого Александром результата. Очевидно, Наполеон уже решил предпринять свой роковой поход против России. 15 августа на торжественном приеме в Тюильрийском дворце, перед всем дипломатическим корпусом и своими министрами Наполеон обратился к русскому послу князю Куракину с пространной речью, которую он, несомненно, предназначал прежде всего для самого императора Александра. Он, нажимая на каждое слово, сказал: «В России есть таланты, но то, что там делается, доказывает, что у вас или потеряли голову, или имеют преднамеренные задние мысли. Вы походите на зайца, у которого дробь в голове и который кружится то сюда, то туда, не зная, ни какое направление ему взять, ни даже куда он добежит...»

И все же война не разыгралась сразу, несмотря на то, что Наполеон уже, видимо, был готов к походу против Александра. Обе стороны все еще чего-то ждали и надеялись, что, если нельзя вообще избежать войны, то можно хоть на время отложить ее начало.

Но вот настал роковой для России и для Франции 1812 год. 7 марта, к своему великому огорчению, император Александр узнал, что прусский король Фридрих-Вильгельм изменил ему и подписал с Францией военный договор, «пожертвовав влечениями своего сердца», как он писал впоследствии.

Совсем другим было поведение Швеции. Сближение России с этой страной началось уже в 1810 году, когда маршал Бернадот был избран наследником шведского престола. Он сказал прибывшему в Стокгольм флигель-адъютанту Чернышеву: «Император Александр может считать Швецию своим верным передовым постом.., и каково бы ни было будущее положение России, она всегда останется ей верной».

Несмотря на дружбу, связывавшую Александра с

Адамом Чарторыйским, император не мог рассчитывать на Польшу, которая все больше и больше надеялась на расположение Наполеона, весьма сблизившегося с польской графиней Валевской. Во время блестящих празднеств, которые министр иностранных дел Наполеона организовал в Варшаве в честь польской аристократии, французский император познакомился с очаровательной графиней Марией Валевской, молодой супругой семидесятилетнего графа Валевского, в которую он влюбился и с которой жил довольно продолжительно. Позднее Наполеон признавался барону Гурго, которому диктовал на острове Св. Елены свои мемуары, что Талейран сблизил его с Валевской, чтобы через нее влиять на польскую политику императора. У нее родился от Наполеона сын — Александр-Флориан Валевский.

Накануне войны Франции с Россией, 14 марта 1812 года Австрия, как и Пруссия, изменила России и подписала с Францией союзный договор, обязуясь участвовать в войне на ее стороне против России. На Англию рассчитывать пока не приходилось: она выжидала события и даже отказалась дать царю обещанный заем в случае войны с Францией. Оставленный всеми главными своими союзниками, император Александр теперь мог надеяться лишь на себя самого и на героизм русского народа.

Готовясь к войне, император Александр разделил свои вооруженные силы на три армии: первая западная армия в 120 тысяч человек под командованием военного министра Барклая-де-Толли имела главную квартиру в Вильне, вторая западная армия в 37 тысяч человек была сосредоточена между Неманом и Бугом под командованием князя Багратиона; третья резервная армия под начальством генерала Тормасова в 46 тысяч человек находилась в Луцке и была предназначена для прикрытия Волыни от австрийского вспомогательного корпуса.

Император Александр и его советники сознавали, что единственный способ ведения успешной войны против Наполеона заключается в использовании времени, громадных русских просторов и суровости русского

климата; следует избегать решительных сражений, отступая шаг за шагом, оставлять французам лишь развалины и пустоши... Граф Ф. Ростопчин, один из близких советников Александра, писал царю: «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате... Русский император всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске...» С этими мыслями готовился император Александр к войне с непобедимым и грозным Наполеоном.

12. НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Получив в начале апреля 1812 года известие о приближении французских войск к западной границе империи, Александр пригласил на совещание многих видных военных, которые все еще были в Санкт-Петербурге. В заключение император сказал им: «Мы участвовали в двух войнах против французов и, кажется, долг свой исполнили перед союзниками, теперь пришло время защищать свои собственные права, и, уповая на Бога, надеюсь, что каждый из нас исполнит свою обязанность и что мы не помрачим военной славы России».

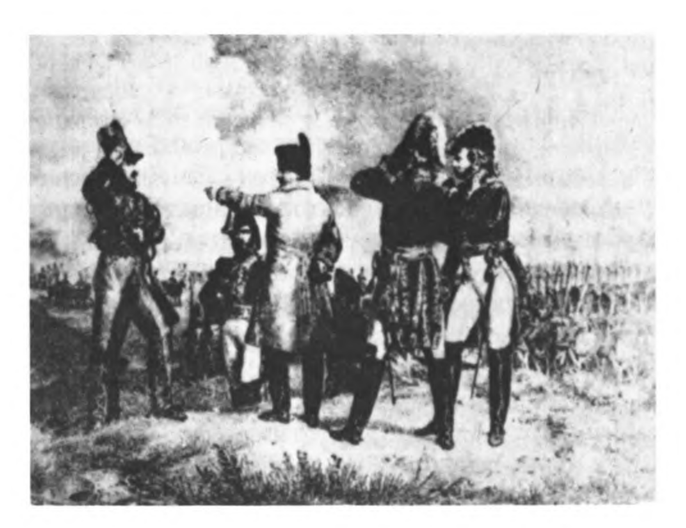
21 апреля в два часа пополудни, после торжественного молебна в Казанском соборе, в сопровождении большой свиты император Александр выехал в Вильну, где находилась главная квартира 120-тысячной армии Барклая-де-Толли. В самый день отъезда императора канцлер граф Румянцев пригласил к себе в министерство иностранных дел французского посла графа Лористона, сменившего Коленкура, и передал ему поручение царя сообщить Наполеону, что «Его Величество в Вильне, как и в Санкт-Петербурге, остается его другом и самым верным союзником... он не желает войны и сделает все, чтобы избегнуть ее; его отъезд в Вильну вызван известием о приближении французских войск к Кенигсбергу и имеет целью воспрепятствовать

генералам предпринять какое-либо действие, которое могло бы вызвать разрыв...»

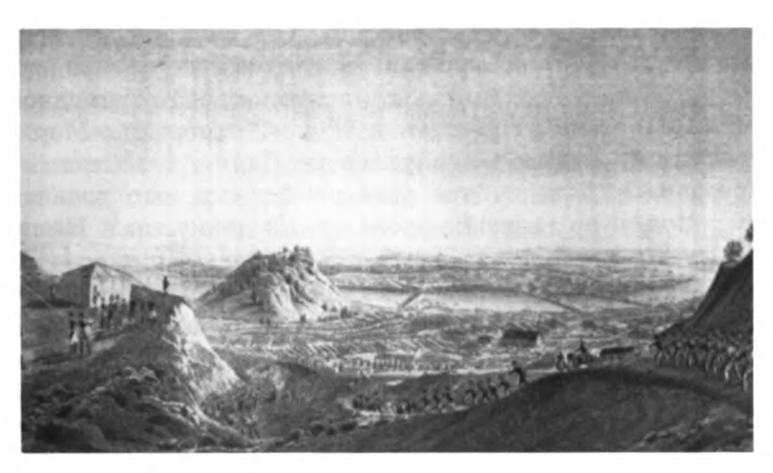
Со своей стороны, получив известие о прибытии императора Александра в русскую главную квартиру в Вильне, Наполеон выехал из Парижа в Дрезден. Однако перед отъездом французский император послал графа Нарбонна со специальным письмом к Александру. Наполеон все же опасался вторжения русских войск в Восточную Пруссию или в Герцогство Варшавское до концентрации своей «Великой армии» и перехода Немана. Принимая графа Нарбонна, посланного Наполеоном, император Александр сказал, указывая на лежащую перед ним карту России: «Я отнюдь не ослепляю себя мечтами и знаю, в какой мере император Наполеон обладает способностями великого полководца, но на моей стороне, как видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, который не послужил бы мне местом удаления, нет такого пункта, который я бы не защищал прежде, нежели соглашусь заключить постыдный мир. Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России».

16 мая Наполеон с императрицей Марией-Луизой прибыл в Дрезден, где, выслушав доклад вернувшегося к нему графа Нарбонна, коротко заявил: «Хотят войны, я им ее устрою...» Затем Наполеон немедленно дал распоряжение ускорить движение своей громадной армии к русским границам и 28 мая, простясь с Марией-Луизой, которая вернулась в Париж, выехал из Дрездена в Данциг, где уже находилась его главная квартира, и во главе Великой армии двинулся к Неману.

Тем временем произошла ратификация Бухарестского мирного договора России и Турции. Это очень обрадовало Александра, потому что развязало ему руки для борьбы с Наполеоном. Он решил воспользоваться этим счастливым событием и написал Наполеону очень сердечное письмо, которое так и осталось лежать неотправленным в архивах русского министерства иностранных дел, потому что как раз в этот день Александр

Наполеон дает последние указания
перед выступлением в поход на Россию
(Современная французская гравюра)

Переход французской армии через Неман 24 июня 1812
(Гравюра по рисунку Дж. П. Бажетти)

получил известие, что французы переправились через Неман... Документ этот представляет немалый интерес для историков, потому что свидетельствует о том, как русский император всеми силами старался избежать войны. «Господин брат мой.., — писал Александр Наполеону. — Я все еще готов вести переговоры на основании тезисов, представленных князем Куракиным герцогу де Бассано, и если Ваше Величество разделяет те же самые чувства, войну все еще можно избежать...»

Это неотправленное письмо лучше всего свидетельствует о честных и миролюбивых намерениях императора Александра и о его готовности протянуть Наполеону руку и прийти с ним к мирному соглашению путем переговоров и, конечно, взаимных уступок. Оно доказывает также, что все еще были, как у самого Александра, так и у его окружения, некоторые надежды избежать надвигающейся грозы. Несомненно, чтобы поддержать этот оптимизм, члены свиты государя намеревались устроить бал. Для этого бала был выбран замок генерала Беннигсена Закрет. В саду построили деревянную галерею, украшенную золочеными орнаментами, зеленью и т. д.

Накануне бала император Александр получил анонимное письмо, в котором сообщалось, что павильон этот должен обрушиться во время бала. Царь вызвал к себе директора военной полиции генерала де Санглена и поручил ему произвести дознание и подробно осмотреть постройку. Едва генерал де Санглен прибыл в замок Закрет, как выстроенная галерея вдруг обрушилась... «Так это правда, — сказал император, выслушав доклад де Санглена, — поезжайте в Закрет и прикажите немедленно все очистить: мы будем танцевать под открытым небом...»

Вечером, в самый разгар бала явился специальный курьер из Ковны с тревожным сообщением о начавшейся переправе французских войск через Неман. Император Александр проявил редкое самообладание: он приказал генералу Балашову хранить в тайне тревожное известие и продолжать празднество. Однако

Генерал-фельдмаршал кн. Михаил Богданович Барклай-де-Толи
(Современная литография)

Генерал кн. Петр Иванович Багратион
(Современная литография)

после бала, возвратившись в Вильну, Александр провел в работе остальную часть ночи, не сомкнув глаз до самого утра. Призвав к себе Александра Шишкова, который после падения Сперанского исполнял должность государственного секретаря, император приказал ему написать исторический приказ всем русским армиям и специальный рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову о вступлении армии Наполеона в русские пределы. Рескрипт императора фельдмаршалу Салтыкову оканчивался решительными словами: «Я не сложу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется на нашей земле». Приказ армиям царь заканчивал словами: «На зачинающего Бог!»

Александр немедленно дал распоряжение первой армии Барклая-де-Толли сосредоточиться у Свенцян, второй армии князя Багратиона было приказано идти к Вилейке, а в случае невозможности исполнить это приказание направиться на Минск — к Борисову. Надо отдать справедливость императору Александру, он не растерялся, не оробел при страшном известии о том, что наполеоновская лавина грянула на Россию. Все его распоряжения поражают своей целесообразностью: он сделал все возможное, соображаясь с трагичным положением — нашествием армии Наполеона на Россию. Французский император располагал громадными средствами: денежными контрибуциями, собранными со всего Запада, и военным потенциалом всех подвластных ему стран. Россия же была все еще экономически отсталой, слабо развитой страной, несмотря на свои обширные пределы и на свое многомиллионное население. Крепостническая зависимость и тяжелый феодальный гнет не позволяли этой великой стране развить дремлющие гигантские силы, нужные для победы над бесчисленными врагами, вторгшимися в ее пределы. Надо было использовать, как советовали умнейшие сподвижники Александра, эти два фактора — необъятные русские просторы и время. Гений императора Александра и его заслуга перед историей России, что он поступил именно так, как следовало поступить в его положении, чтобы осилить непобедимого врага.

Евгений Богарнэ-приемный сын Наполеона,
сын императрицы Жозефины от первого брака
с виконтом Богарнэ
(Современная французская литография)

Теперь мы знаем, что план Наполеона заключался в том, чтобы направить главную массу «великой армии», численностью до 600.000 человек, против первой русской армии, дать ей сражение и, конечно, разбить ее молниеносным ударом и своим численным превосходством. Армия короля Жерома в 80 тысяч человек должна была перейти Неман в районе Гродно несколькими днями позже главной армии и атаковать русские силы с тыла. Третья армия вице-короля Евгения, приемного сына Наполеона, также численностью в 80 тысяч человек, была предназначена, чтобы разобщить русские силы и не позволить обеим русским армиям соединиться. В случае боя, на что и надеялся Наполеон, эта армия Евгения Богарнэ должна была присоединиться к главным французским силам и способствовать окончательной победе.

Но поговорка гласит: «Человек предполагает, а Бог располагает». Очевидно, Бог был против Наполеона.

13. ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ

16-го июля 1812 года император Александр писал фельдмаршалу Н. Салтыкову, председателю Государственного Совета: «До сих пор, благодаря Всевышнему, все наши армии в совершенной целости, но тем мудренее и деликатнее становятся все наши шаги. Одно фальшивое движение может испортить все дело против неприятеля, силами нас превосходнее, можно сказать смело, во всех отношениях. Против нашей первой армии, составленной из 12 дивизий, у него их 16 или 17, кроме трех, направленных в Курляндию и на Ригу. Против Багратиона, имеющего 6 дивизий, у неприятеля их 11. Против Тормасова одного силы равны. Решиться на генеральное сражение столь же щекотливо, как и от оного отказаться. В том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но, потеряв сраже-

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА РОССИИ в 1812 г.
а. ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В РОССИЮ (24.VI–18.X)
60 0 60 120 км
Границы государств к началу войны
Районы сосредоточения войск к началу войны
наполеоновских
русских
Направления вторжения наполеоновских войск в пределы России
Направления отступления русских войск
14.VIII Места боев и сражений (с указанием дат)
Районы действий войсковых и крестьянских партизанских отрядов
Районы сосредоточения ополчения вокруг Москвы
Рига
Митава
Штейнгель
ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБ.
КУРЛЯНДСКАЯ ГУБ.
Якобштадт
Бауск
Шавли
Мемель
ВИЛЕНСКАЯ ГУБ.
Поневеж
Динабург
Витгенштейн
ВИТЕБСКАЯ ГУБ.
Себеж
Барклай де Толли
Укрепленный лагерь
Дрисса
30.VII
Клястицы
Полоцк
Опочка
Великие Луки
Велиж
СМОЛЕНСКАЯ ГУБ.
Белый
Ржев
Гжатск
Царёво-Займище
Новгородское ополчение
Тверь
Тверское ополчение
Клин
Дмитров
Ярославское ополчение
АРМИЯ НАПОЛЕОНА
Владимирское ополчение
Москва
Боровский Перевоз
КУТУЗОВ
Можайск
Бронницы
Коломна
Красная Пахра
Тарутино
5–7.IX
Бородино
Вязьма
Укрепленный лагерь
Серпухов
Ока
Рязанское ополчение
РУССКАЯ АРМИЯ
Тульское ополчение
Калуга
КАЛУЖСКАЯ ГУБ.
Калужское ополчение
Тула
Лихвин
Дорогобуж
Смоленск
16–17.VIII
Витебск
Острово
25–27.VII
Ушач
Глубокое
Россиены
Кейданы
Вилькомир
Удино
Сен-Сир
Свенцяны
Макдональд
Тильзит
Неман
Кёнигсберг
Инстербург
218 тыс. чел.
32 тыс. чел.
Данциг
ПРУССИЯ
Даву
Эльбинг
Удино
Ней
Ковно
Прены
1 армия Барклай де Толли
110 тыс. чел.
Вильно
Наполеон
82 тыс. чел.
Сувалки
Гродно
Платов
Лида
Сморгонь
Николаев
Минск
МИНСКАЯ ГУБ.
Борисов
Орша
Красный
14.VIII
МОГИЛЕВСКАЯ ГУБ.
Рославль
Багратион
Могилев
23.VII
Салтановка
Новый Быхов
Бобруйск
Днепр
Березина
Сож
Гомель
Игумен
Слуцк
Несвиж
Мир
9–10.VII
Новогрудок
Волковыск
Слоним
Белосток
2 армия Багратион
45–48 тыс. чел.
81 тыс. чел.
НАПОЛЕОН
Торунь
Висла
Богарне
Плоцк
ВЕЛ. ГЕРЦОГСТВО ВАРШАВСКОЕ
Нарев
Сен-Сир
Жером Бонапарт
Варшава
Ренье
Дрогичин
Буг
Шварценберг
Пружаны
ГРОДНЕНСКАЯ ГУБ.
12.VIII
Кобрин
Хомск

ние, трудно будет исправиться для продолжения кампании. На переговоры же нам и надеяться нельзя, потому что Наполеон ищет нашей гибели, и ожидать доброго от него есть пустая мечта. Единственно продолжением войны можно уповать с помощью Божией перебороть его...» Эти строки, написанные самим Александром, всецело разрушают миф, созданный советскими историками, о том, что император настаивал на немедленной конфронтации с Наполеоном. Трудно более ясно и более коротко выразить весь план русской тактики против Наполеона. С одной стороны, очень ясное сознание превосходства французских сил над русскими, с другой, — реалистичное убеждение императора в том, что победить врагов можно лишь «продолжением войны», т. е. заманиванием французов как можно глубже в российские пределы, с тем, чтобы одолеть их при помощи двух мощных союзников России: пространства и времени.

Все распоряжения Александра направлены к тому, чтобы соединить вторую армию с первой и чтобы заставить Наполеона идти не к Санкт-Петербургу, а к Москве и заманить его в самую глубь России до начала русских холодов. При этом, отступая, русские уничтожали все на своем пути, превращая в пустыню местности, где французы надеялись получить необходимое продовольствие и фураж.

Наполеон был убежден, что это без сражений и жертв победоносное наступление его армии и захват столь значительных русских территорий принудят императора Александра к капитуляции. Очевидно, Наполеон не понимал и не ожидал этой тактики от своего врага императора Александра. Не ожидал он и того, что Александр решится на объявление ему всенародной, тотальной войны.

20 июля император поручил адмиралу Шишкову написать воззвание к населению Москвы о начале войны и манифест о формировании народного ополчения. С этого исторического манифеста борьба против Наполеона получила значение народной и священной войны.

Смоленск 18 августа 1812 г.
(Современная литография)

Одновременно Александр приказал обеим армиям идти к Смоленску, где 3 августа армия Барклая-де-Толли встретилась с армией Багратиона.

Вечером 23 июля император Александр прибыл в первопрестольную столицу Москву и со своей свитой остановился в Кремле. Утром 24 июля Александр вышел на Красное крыльцо и остановился, видимо, растроганный представившимся ему зрелищем. Царь поклонился народу, бурно приветствовавшему его. «Веди нас, куда хочешь, — кричали люди, перебивая друг друга, — веди нас, батюшка, родной отец наш... Умрем или победим...» «На каждой ступени Красного крыльца, — пишет очевидец, — со всех сторон сотни торопливых рук хватались за ноги государя, за полы его мундира, целовали и орошали его слезами. Быстрый прилив народа стеснял его все более, окружавшие его лица порывались раздвигать ряды. Император, кланяясь на все стороны, говорил: «Не троньте, не троньте их, я пройду...» Между тем, громогласное «ура» почти заглушило звон колоколов. Шествие к Успенскому собору продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились из сил. Я никогда не видывал такого энтузиазма...» Преосвященный Августин, викарий престарелого митрополита Платона, со множеством священников отслужил торжественный молебен... «Я был тронут до слез», — писал император графу Салтыкову об этой манифестации москвичей. По возвращении императора в Кремль к нему явился генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин с известием, что за полчаса сегодня утром московское купечество собрало на военную помощь громадную по тем временам сумму в 2 миллиона 400 тысяч золотых рублей.

30 июля император писал из Москвы Чичагову: «Решившись продолжать войну до последней крайности, мне предстояло позаботиться о мобилизации всех располагаемых и новых сил в помощь действующим войскам. Поэтому я решил провести несколько дней в средоточии империи, чтобы возбудить дух всех сословий и побудить их к новым пожертвованиям в пользу

Великая княжна Екатерина Павловна,
любимая сестра Александра, для которой он написал обширный трактат «О различии между Церковью внешней и внутренней» (Современная литография с миниатюры Жана-Батиста Изабейя)

святого дела, которое мы защищаем оружием. Результаты превзошли мои ожидания. Смоленск мне дал 15 тысяч человек, Москва 80 тысяч, Калуга 23 тысячи. Каждый час я ожидаю донесений из других губерний... Переправьте как можно скорее ваши войска через Днестр и следуйте на Дубну. Там соединятся с вами армия Тормасова и корпус герцога Ришелье. Таким образом составится 8 или 9 дивизий пехоты и 4 или 5 дивизий конницы, и вы будете в состоянии действовать наступательно, смотря по обстоятельствам, или на Пинск, или на Люблин и Варшаву. Такое движение может поставить Наполеона в затруднительное положение и дать совершенно новое направление военным действиям...» Важно отметить, что император Александр так был убежден в своей конечной победе, что он окончил письмо Чичагову этой знаменательной мыслью: «Покончив с Наполеоном, мы сейчас же вернемся назад, но тогда уже, чтобы создать Славянскую империю...» Впрочем, надо отдать ему справедливость, адмирал Чичагов предугадал намерения императора Александра и сейчас же по получении этого послания царя выступил со своей армией к Днестру и на Дубну.

Пробыв в столице восемь дней, Александр выехал из Москвы в ночь на 31 июля. На одни лишь сутки он остановился в Твери у своей сестры великой княгини Екатерины Павловны и прибыл в Петербург как раз ко дню именин императрицы Марии Федоровны...

Думаю, что не будет лишним передать здесь разговор Александра с фрейлиной Р. С. Стурдза, который она, к счастью, записала в своем дневнике и который свидетельствует, каким исключительно скромным человеком был этот замечательный русский государь. «Мне жаль, — сказал ей Александр, — что я не могу, как бы желал, соответствовать преданности прекрасного моего народа»... — «Как же это, государь?» — спросила его собеседница в недоумении. «Да этому народу нужен вождь, способный вести его к победе, а я, по несчастью, не имею для этого ни опытности, ни необходимых дарований. Молодость моя протекала в тени двора, и если бы меня тогда же отдали Суворову или Румянцеву, они

научили бы меня воевать, и, может быть, я даже сумел бы предотвратить бедствия, которые теперь нам угрожают...» Фрейлина Стурдза, конечно, запротестовала против этой скромности Александра, уверяя царя, что его ценят и верят в него все его подданные... «Мне приятно этому верить, потому что вы это говорите, но все же у меня нет качеств, необходимых для того, чтобы исполнить, как я бы желал, должность, которую я занимаю, но, по крайней мере, не будет у меня недостатка в мужестве и в силе воли, чтобы не погрешить против моего народа в настоящем страшном кризисе. Если мы не дадим неприятелю напугать нас, он может разбиться нашей славой. Неприятель рассчитывает поработить нас, предлагая нам мир, но я убежден, что, если мы настойчиво отвергнем всякое с ним соглашение, в конце концов мы восторжествуем над всеми его усилиями... Это мое требование и мое убеждение: если мой народ не ослабеет в своем усердии к великодушным своим жертвам и не падет духом, все пойдет хорошо, и крайняя победа будет нашей...» Этот разговор вошел в историю. Он лишний раз доказывает, каким в высшей степени моральным и честным с самим собой человеком был император Александр Павлович, и вряд ли кто из его окружения мог стоять выше его.

Как видно, сам император Александр был вполне достоин быть вождем своего героического народа, и именно эти качества государя сыграли первостепенную и решительную роль в его конечной победе над Наполеоном.

Как раз в это время в Санкт-Петербург прибыла знаменитая писательница Анна-Луиза Жермен де Сталь, изгнанная Наполеоном из Франции. Россия еще со времен Екатерины Второй сделалась убежищем всех политических эмигрантов, и, используя растущую вражду между Наполеоном и Александром, де Сталь, хорошо знавшая бывшего воспитателя царя Лагарпа и, вероятно, с его рекомендацией, поспешила в Санкт-Петербург. Александр принял именитую изгнанницу весьма сердечно и пригласил ее оставаться в России, сколько ей будет угодно. Дочь знаменитого министра финансов

Знаменитая писательница Жермен Неккер, баронесса де Сталь, большая поклонница императора Александра и непримиримый враг Наполеона (Портрет кисти Жерара)

Людовика XVI — Неккера, ставшая женой барона де Сталя, она была очень состоятельной и, конечно, в денежных пособиях не нуждалась.

Сначала де Сталь положила немало усилий, чтобы сблизиться с Наполеоном, надеясь стать его советницей, но французский император, который недолюбливал слишком предприимчивых и при этом непривлекательных женщин, отнесся к ней с недоверием и после непродолжительного знакомства с ней довольно грубо отстранил от себя назойливую и слишком, по его мнению, заинтересованную особу.

Это пренебрежительное отношение Наполеона превратило известную писательницу в его заклятого врага, и когда началась война России и Франции, она поспешила броситься к трону русского царя. Александр, конечно, остался к ней таким же равнодушным, как и Наполеон, но он был слишком политиком, чтобы не использовать ее европейских связей в борьбе с Наполеоном.

Я считаю, что небезынтересно познакомить читателей с записками Анны Луизы де Сталь, а именно с той их частью, где она описывает свои разговоры с императором Александром, — это является чрезвычайно важным свидетельством об идеях и убеждениях русского царя, как, впрочем, и о его характере и отношении к людям и проблемам своего времени. «Я была глубоко тронута, — пишет де Сталь, — благородной простотой, с которой император Александр говорил о самых существенных интересах Европы... То, как он говорит, коренным образом отличается от робости, с которой большинство европейских государей затрагивает вопросы серьезной политики, из-за чего я всегда считала их посредственностями: они просто боятся произносить слова, которые имеют реальный смысл. Император же Александр разговаривал со мной так, как это сделали бы государственные мужи Англии, которые черпают свою силу в себе самих, а не в искусственных барьерах, которыми можно себя окружить. Император Александр, которого Наполеон старался дискредитировать, в сущности человек замечательного ума и такого же

образования, и я не думаю, что можно найти в его империи министра, который превосходил бы его в понимании государственных дел и в том, как их следует направлять. Он не скрыл от меня, что раскаивается в восхищении, с которым в прошлом относился к Наполеону...

Император говорил мне с восхищением о своем народе и о его великом будущем. Он выразил желание, о котором многие знают, улучшить судьбу своих крестьян, все еще угнетаемых рабством. «Государь, — сказала я ему, — самый ваш характер является конституцией для вашей империи, и ваше сознание — ее гарантией». — «Даже если это так, — ответил мне он, — я являюсь лишь счастливым исключением». Великолепные слова, я думаю, в первый раз произнесенные абсолютным монархом. Сколько требуется доблести, чтобы так судить о деспотизме, будучи деспотом! И сколько нужно доблести, чтобы никогда своей властью не злоупотреблять, когда сама управляемая нация почти удивляется умеренности своего государя...»

Это суждение либеральной французской писательницы о русском самодержце, о его умеренности, о его гуманизме, о его восхищении и любви к его собственному народу заслуживает внимания беспристрастного историка. Мадам де Сталь с присущим ей реализмом увидела в императоре Александре «человека на престоле» в полном смысле этого слова. Она, которая лично знала всех императоров и королей своего времени, и особенно хорошо — вышедшего из Великой французской революции и ставшего императором Наполеона, судила о русском царе, как о редчайшем исключении...

Тем временем из армии приходили известия, с каждым днем все более и более тревожные. Наполеон продолжал свое успешное наступление, не встречая сопротивления. В русской армии дела обстояли не совсем благополучно из-за трений, возникших между командующими первой и второй армий, Барклаем и Багратионом. Необходимость назначения общего над всеми армиями главнокомандующего, видимо, созрела и становилась срочной необходимостью. Александр, одна-

ко, не хотел единолично решать этот столь важный для него самого и для России вопрос: он поручил его обсуждение и решение чрезвычайному комитету, назначенному им для особенно важных военных дел. В комитет этот входили граф Салтыков, генерал Вязмитинов, граф Аракчеев, генерал-адъютант Балашов, граф Кочубей и князь Лопухин.

17 августа после обстоятельного обсуждения члены комитета единогласно решили назначить Кутузова главнокомандующим. Александр, хоть и неохотно, но утвердил в этой должности Кутузова, возведенного им за заслуги в прежних войнах в княжеское достоинство с редким титулом светлейшего князя. Вся Россия с восторгом встретила это назначение, и даже не любившие его генералы сознавали, что никто не мог бы заменить Кутузова в это роковое время, когда Наполеон неудержимо двигался в самое сердце страны.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился в Санкт-Петербурге 16 сентября 1745 г. в семье военного инженера, генерала, служившего еще при Петре Великом. 12-летним мальчиком Михаил был определен отцом в инженерно-артиллерийскую школу. Он с большим рвением отдался систематическому изучению военного дела; особенно хорошо усвоил он артиллерию, инженерное искусство и военную тактику, выйдя из школы блестяще подготовленным к военной службе офицером. Кроме того, в семье он с малых лет довольно хорошо изучил французский и немецкий языки, что позволило ему ознакомиться с богатой военной литературой Запада.

По окончании обучения Кутузов в 1759 году был произведен в капралы артиллерии и остался преподавателем в своей военной школе. В 1761 году был он произведен в прапорщики и назначен командиром роты в Астраханский пехотный полк. В 1764 году Кутузов участвовал в войне с польскими конфедератами, а в 1770 году по личной просьбе был переведен в Первую армию на турецкий фронт.

Громадное значение в формировании Кутузова как полководца имел продолжительный личный боевой

опыт, накопленный им во время русско-турецких войн под непосредственным руководством лучших русских полководцев того времени: П. А. Румянцева и особенно А. В. Суворова.

Кутузов быстро продвигался в чинах, получая боевые отличия.

В июле 1774 года Кутузов был тяжело ранен в голову и лишился глаза. Для продолжительного лечения он был командирован на Запад и два года жил в Пруссии, Австрии, Англии и Голландии, что позволило ему хорошо ознакомиться с этими странами. В 1776 году Кутузов, несмотря на свое тяжкое ранение, не вышел в отставку, а продолжал свою военную службу, прослужив около шести лет в Крыму под начальством Суворова, став одним из самых близких помощников легендарного полководца. В 1777 г. он был произведен в полковники, а в 1784 году получил чин генерал-майора. Он деятельно участвовал в русско-турецкой войне 1787-91 годов и вторично был тяжело ранен в бою при Очакове.

В 1802 г. из-за дворцовых интриг Кутузов вышел в отставку и жил в своем родовом имении до 1805 года, когда император Александр назначил его командующим одной из армий, посланных в Австрию. Об участии Кутузова в этих первых войнах императора Александра с Наполеоном уже было рассказано в прошлых главах. Теперь Кутузову предстояло лицом к лицу встретиться с доселе непобедимым Наполеоном.

20 августа император Александр вызвал Кутузова в свою резиденцию в Каменноостровском дворце и, объявив генералу о назначении его главнокомандующим, поставил ему известные ограничения: император самым решительным образом запретил Кутузову вступать в какие-либо переговоры с Наполеоном. Кроме того, Александр приказал ему, в случае благополучного хода войны, при занятии нашими войсками западных губерний милостиво относиться к тем жителям этих губерний и особенно полякам, которые во время войны переходили на сторону Наполеона. Это распоряжение лишний

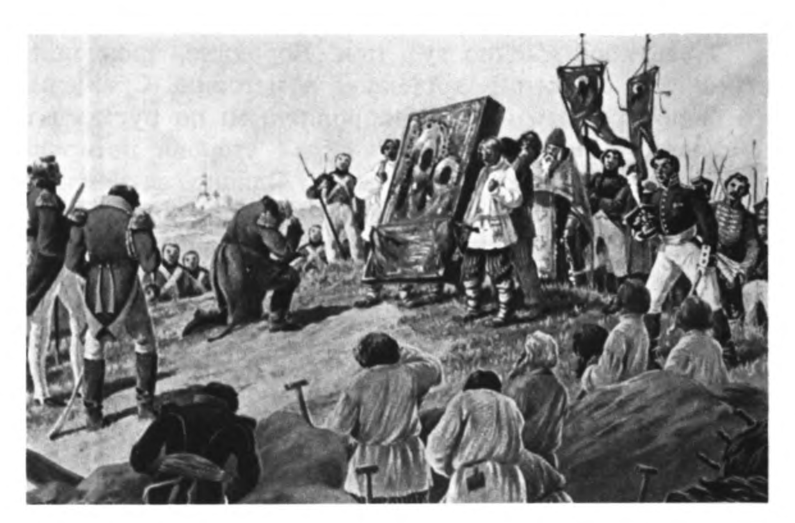
Совет в Филях. Здесь, в избе крестьянина Севастьянова, после Бородинского сражения 26 авг. 1812 г. под руководством фельдмаршала М. И. Кутузова состоялся знаменитый военный совет, решивший не принимать боя и отдать Москву, чтобы сохранить армию (Литография)

раз доказывает большую гуманность Александра и его государственную мудрость...

Все же до самой смерти Кутузов, несмотря на все полученные им от Александра отличия, награды, ордена и титулы, чувствовал, что император относится к нему без особого расположения. Психологически, я думаю, надо искать причину этой холодности, с одной стороны, в независимом поведении маститого генерала, чуждого лести и угодничества и нередко даже позволявшего себе критиковать действия самого государя. С другой стороны, сам Александр, несомненно, был до некоторой степени уязвлен решением комитета назначить Кутузова главнокомандующим, ибо этот высший военный пост по праву принадлежал самому императору, хотя Александр, по своей скромности, не претендовал на него, так как не считал себя способным возглавлять всю военную силу России в столь роковой момент войны против Наполеона.

Прощаясь с императором, Кутузов со слезами на глазах заверил Александра: «Я скорее лягу костьми, чем допущу Наполеона к Москве». Перед самым своим отъездом в армию 23 августа Кутузов сказал своим близким: «Я ничего так не желаю, как обмануть Наполеона». Узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, Наполеон выразил известное беспокойство, перед своими маршалами назвав его «старой северной лисицей». Узнав об этом столь лестном для себя отзыве, Кутузов сказал: «Что же, постараюсь доказать великому полководцу, что он прав».

Прибыв 29 августа в штаб армии у Царева-Займища, Кутузов узнал, что Барклай уже решил именно здесь дать Наполеону решительное сражение. Кутузов ничего не сказал Барклаю и, поздоровавшись с почетным караулом, в присутствии самого Барклая обратился к солдатам: «Можно ли с такими молодцами все отступать да отступать?..» Оставшись наедине с Барклаем и пообедав за его столом, Кутузов, однако, сказал Барклаю, что находит местность невыгодной для решительного сражения, и добавил, что необходимо дождаться приближающихся подкреплений.

Молебен на позициях перед Бородинской битвой
(Картина современного художника)

Наполеон на Бородинских высотах
(Картина В. В. Верещагина)

На другой день он встал рано утром и приказал продолжать прерванное отступление, и остановился при Бородине, в 11 верстах от Можайска.

7 сентября именно тут, при Бородине, произошло знаменитое сражение, вошедшее в историю. Сражение это было чрезвычайно кровопролитным: по русским и по французским сведениям каждая сторона потеряла до 40 тысяч убитыми и ранеными... Однако, по меткому выражению генерала Ермолова, «французская армия расшиблась о русскую». В своем докладе императору от 11 сентября Кутузов писал: «Сражение при Бородине кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли, несмотря на превосходные свои силы...» В то же время Кутузов признал необходимым «ввиду громадных потерь, понесенных армией, переночевав на месте сражения, отступить за Можайск».

Конечно, император отдавал себе точный отчет о сложившемся положении: очень кровопролитный бой без решительной победы, но, в сущности, и без поражения, да и Кутузов не пытался ввести царя в заблуждение. Все же это была первая решительная битва русских с французами, показавшая врагу, что завоевание России будет стоить ему весьма дорого...

Желая поддержать в народе надежду в конечную победу над врагом и доверие к Кутузову, император принял донесение главнокомандующего как первое известие о русской победе над врагами. Он произвел Кутузова в фельдмаршалы и пожаловал ему сто тысяч рублей. Барклай-де-Толли был награжден орденом Св. Георгия второй степени, а смертельно раненный в Бородинском бою Багратион получил пятьдесят тысяч рублей. 14 генералов получили орден Св. Георгия третьей степени, а всем нижним чинам, участвовавшим в битве, было пожаловано по 5 рублей каждому.

Взятие Смоленска 18 августа и кровопролитное сражение при Бородине 7 сентября не повергли в отчаяние императора Александра, который в это же самое время находил силы заниматься и внешней политикой. Он остерегался, что, используя наступление Наполеона, Швеция может напасть на Россию и отвоевать потерян-

Бородинская битва

ные в последних войнах земли. 22 августа Александр отправился в Або для личного свидания с наследным принцем Швеции Бернадотом и установления с ним дружеских отношений. Между Россией и Швецией недавно, 5 апреля, был заключен военный союз, и Александр стремился скрепить этот союз в тяжелое для России время.

Он не ошибся. При первом свидании Бернадот потребовал возвращения Швеции завоеванных Россией Аландских островов. «С удовольствием я исполнил бы просьбу вашего высочества, — ответил Бернадоту Александр, — если бы не был уверен в том, что именно теперь такая уступка повредит мне во мнении моего народа. Я предпочел бы даже отдать вам Ригу с островами Эзелем и Даго, но только в залог до совершенного исполнения заключенных между нами условий мира...»

Бернадот, очарованный любезностью и теплотой царя, ответил Александру, что для него его слово важнее всякого залога. После этой приятельской встречи Александр вернулся в Санкт-Петербург, успокоенный тем, что Швеция не изменит миру с Россией. Более того, Бернадот сам предложил Александру усилить корпус графа Витгенштейна, прикрывающий дорогу на Санкт-Петербург, войсками, находящимися в Финляндии. «Если вы будете побеждены, Европа будет порабощена Наполеоном, — сказал императору на прощание Бернадот, — и тогда лучше быть простым пахарем, нежели царствовать».

В Санкт-Петербурге все пребывали в томительном ожидании, опасаясь худшего. Вести с фронта приходили весьма тревожные. Кутузов отступал шаг за шагом и, наконец, привел армию к самой Москве. Наполеон преследовал его по пятам. 13 сентября в деревне Фили Кутузов созвал военный совет, который решил участь первопрестольной столицы империи. Подводя итоги совещания, Кутузов сказал по-французски присутствующим генералам, между которыми было много представителей иностранных союзных армий, участвовавших в боевых действиях на стороне России: «Я знаю,

Граф Феодор Васильевич Ростопчин —
военный губернатор Москвы

что мне придется платить за битые горшки. Но я готов пожертвовать собой, чтобы послужить Родине. Приказываю начать отступление!»

Уже к полуночи генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин получил от Кутузова следующую депешу: «Неприятель отделил колонны свои на Звенигород и Боровск. Невыгодное здешнее местоположение вынуждает меня с горестию Москву оставить. Армия идет на рязанскую дорогу.»

Таким образом, граф Ростопчин получил известие о намерении Кутузова оставить Москву только за несколько часов до появления французских авангардов на окраинах древней русской столицы. В этих обстоятельствах Ростопчин сделал все возможное для поджога Москвы сразу после того, как армия оставит город.

И вот, когда 14 сентября сам император Наполеон прибыл к Дорогомиловской заставе, он, как всегда раньше во всей Западной Европе, ожидал найти здесь «депутацию русских бояр» во главе с митрополитом и властями города, которые должны были поднести ему хлеб-соль с мольбою о пощаде древней русской столицы... Вместо этого он получил донесение своих офицеров об оставлении Москвы всеми ее жителями. «Москва пуста! Какое невероятное событие!» — воскликнул он. И, обращаясь к графу Дарю, приказал: «Войдите в город и приведите мне бояр». Однако никаких бояр, к величайшему удивлению Наполеона, не нашлось. Переночевав в предместье, утром 15 сентября Наполеон перенес свою главную квартиру в Кремль.

Начавшиеся уже накануне страшные пожары во всех концах города не прекращались, и в ночь с 15 на 16 сентября огонь, раздуваемый сильным ветром, охватил большую часть города: один за другим пылали деревянные дома, и в полдень пламя достигло Кремля. Наполеон был вынужден искать убежища в каменном Петровском дворце, где он оставался до 18 сентября, когда пожар начал стихать. Почти вся Москва сгорела в эти трагичные дни.

Только 19 сентября император Александр получил через Ярославль краткое донесение графа Ростопчина

Пожар Москвы во время отступления Наполеона 16-го и 17-го сентября 1812 г.
(Русская литография)

«Помилуй меня, Господи! Прощайте, добрые люди!»
(Современная русская гравюра)

о том, что Кутузов решился оставить Москву. Но уже на другой день, 20 сентября в Петербург прибыл посланный Кутузовым полковник Мишо с обстоятельным донесением самого фельдмаршала.

Мы легко можем себе представить, что переживал чувствительный и столь патриотично настроенный император Александр после получения доклада оставившего первопрестольную столицу генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина. С большим нетерпением царь ожидал донесения фельдмаршала Кутузова и, конечно, мысленно возмущался медлительностью главнокомандующего, его «старческим нерадением» и еще больше тем, что тот оставил Москву, даже не спросив на это драматическое решение соизволения государя! Александра, несомненно, больше всего мучила мысль, что его подданные могут пасть духом и окончательно разочароваться в нем самом, в государе, оказавшемся неспособным спасти первопрестольную столицу, святыню России-Москву, хотя сам он давно уже свыкся с этой исторической необходимостью. Давал он себе отчет и в расторопности опытного царедворца Ростопчина, спешившего первым осведомить государя об оставлении Москвы Кутузовым и, конечно, огородить самого себя от всякой ответственности, хотя всего несколько недель тому назад царь поручил именно ему полную власть над этим городом, вековым символом империи...

Донесение Кутузова опоздало лишь на один день, который Александру показался бесконечно долгим: 20 сентября полковник Мишо, француз на русской службе, которого царь лично знал и к мнениям которого охотно прислушивался, доставил этот исторический доклад Кутузова об оставлении русской армией Москвы.

Фельдмаршал писал царю, что после кровопролитного, но победоносного Бородинского сражения, имея под своим началом совершенно расстроенную армию, которой французы угрожали с обоих флангов, он, посовещавшись с первенствующими генералами, решил для спасения остатков армии сдать Москву, откуда все сокровища, военный арсенал и почти все государственные и частные ценности были вывезены и почти все

жители эвакуированы. Донесение свое Кутузов оканчивал следующими словами: «Пока армия Вашего Императорского Величества цела и движима известной своей храбростью и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества».

Кутузов действительно поступил весьма осмотрительно и при содействии Ростопчина, предвидя необходимость оставления Москвы, организовал с помощью армии не только эвакуацию всего населения, но и вывоз всех исторических и других ценностей из обреченной столицы. В руки французов попал лишь пустой горящий город и голые кремлевские соборы и дворцы. Несомненно, разочарование Наполеона, его маршалов и всей его армии, которая надеялась на сказочные богатства русской столицы, было неописуемым. Москвичи бросили на поживу французам ценности относительно незначительные: старые, потрепанные священнические ризы, медную, лишь позолоченную или посеребренную церковную утварь, поблекшие, посредственного письма иконы и, конечно, многочисленные домашние предметы общего употребления, в громадном большинстве имевшие весьма ограниченную ценность.

Обо всем этом подробно доложил царю полковник Мишо. Впрочем, после потери Смоленска и Москвы ничто больше не могло поколебать решимости императора Александра. Напротив, эти несчастья лишь закалили и даже увеличили желание Александра продолжать войну с неприятелем — терять больше было нечего. Но продолжать войну с французами, имея на своей стороне двух столь мощных союзников, как расстояние и время, было логичной необходимостью как для самого царя, так и для всех его подданных. В этом году ожидалась очень суровая зима и отсутствовали даже минимальные возможности снабжения громадной армии Наполеона, застрявшей в самом сердце России, — и это позволяло Александру и его генералам надеяться на победу.

Выслушав донесение Мишо и прочитав письменный доклад Кутузова, император Александр обратился к посланцу фельдмаршала со следующими памятными

словами, вошедшими в историю: «Возвратитесь в армию, скажите нашим храбрецам, скажите и моим верноподданным везде, где вы проезжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое дорогое дворянство и моих добрых крестьян, что я сам поведу их и пожертвую для конечной победы всеми средствами моей империи. Россия имеет гораздо более возможностей, чем неприятели думают. Но ежели так предназначено судьбою и Промыслом Божиим, династии моей более не царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моих возможностях, **я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян,** нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, коих жертвы я умею ценить». В этих странных словах Александра, может быть нехотя, раскрывает свое сокровенное намерение уйти от власти, покинуть трон и полностью объединиться с любимым своим народом... И император добавил: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы царствовать не можем: я его узнал, он более не обманет меня».

Разговор этот дошел до нас во французском оригинале, как он в действительности происходил и как его записал Мишо сразу после своей встречи с царем. Несомненно, именно разговаривая с французом, хотя и состоящим на его службе, Александр мог быть более откровенным и сказать свои сокровенные мысли, что вряд ли он сделал бы даже с самыми близкими своими сотрудниками.

1 октября Александр писал шведскому наследному принцу Бернадоту, конечно, с тайным намерением, что письмо его станет известным во всей Европе и, в частности, в Англии, и, несомненно, дойдет и до самого Наполеона: «Потеря Москвы дает мне возможность представить Европе величайшее доказательство моего настойчивого решения продолжать войну против ее угнетателя. После этой раны все прочие являются лишь царапинками. Теперь, более чем когда-либо, я и народ, во главе которого я имею честь находиться, решены стоясь твердо и скорее погребсти себя под развалинами

империи, нежели мириться с Аттилою нашего времени».

Любопытно, что Наполеон написал Александру еще 20 сентября из Москвы личное послание, в котором он снимал с себя ответственность за сожжение русской столицы, что указывает на наступившее в его сознании смятение и на то, что его уверенность в победе серьезно поколебалась. Он надеялся, что это его послание царю даст Александру возможность начать с ним переговоры о мире и что даже русский император, видя свою древнюю столицу покинутой своей армией и сожженной дотла во владении французов, схватит протянутую ему Наполеоном руку, как поступил бы любой из современных европейских монархов. Но Александр даже не ответил ему, и, несомненно, именно это обстоятельство более всего смутило Наполеона, никак не ожидавшего такой твердости от своего противника, в котором после Тильзитской и Эрфуртской встреч он видел слишком молодого, сентиментального и слишком покладистого соперника.

Весьма знаменательно, что Александр сохранял свою твердую позицию, несмотря на все попытки бездарных приближенных склонить его на мир с Наполеоном, которого они, в особенности после взятия французами Москвы, считали уже победителем. Среди этих внутренних критиков твердой политики Александра и убежденных поборников мира с Наполеоном стоит назвать недалекого и столь похожего на своего отца великого князя Константина Павловича и, конечно, не одного его. Сомнения в исходе войны высказывали такие авторитетные и влиятельные советники царя, как граф Аракчеев и граф Румянцев, которые считали войну потерянной для России. Несмотря на этот постоянный нажим близких к нему людей, Александр ни на минуту не поколебался в своей решимости продолжать войну. Впрочем, лучше всего его намерения видны в письмах его жены императрицы Елизаветы Алексеевны, которая в эти роковые для него дни была самым близким его доверенным лицом. Императрица Елизавета писала своей матери в самый день Бородинского боя: «Мы готовы ко всему, кроме переговоров. Чем более

Наполеон продвигается, тем более будет он сомневаться в возможности мира. Это всеобщее убеждение как самого императора, так и всей нации во всех ее классах. И слава Богу, в этом отношении царит у нас полная гармония. Впрочем, то, на что Наполеон совсем не рассчитывал, он ошибся в этом, как и во многом другом. Каждый его шаг в этой необъятной России все больше и больше приближает его к пропасти. Увидим, как он перенесет зиму...»

В другом письме, от 6 октября, Елизавета Алексеевна опять пишет матери про Наполеона: «Войдя в Москву, Наполеон не нашел ничего, на что он надеялся: он рассчитывал на публику — ее в Москве больше не было, все ее покинули; он рассчитывал на большие средства, но не нашел почти ничего; он рассчитывал на упадок русского духа, на чувство безнадежности, на всеобщее уныние, которое он создаст, — но успел лишь воспламенить всеобщий гнев и жажду отомстить. Он рассчитывал, что все это окончится миром.., но даже если Петербург постигнет та же судьба, император останется непреклонным и никогда не примет постыдного мира».

Император Александр, глубоко переживая все эти несчастья, тщательно скрывал снедавшую его душу глубокую грусть, принимая внешний вид спокойствия и бодрого самоотречения. В сущности в его душе происходил глубочайший нравственный перелом: из деиста, которым сделал его Лагарп, Александр под гнетом всех этих переживаний, беспокойств и несчастий обращался в верующего христианина. Гибель Москвы потрясла его до глубины души: в искреннем разговоре с другом своей ранней молодости князем Александром Голицыным, раньше бывшим блестящим, но легкомысленным царедворцем, а теперь ставшим также религиозным человеком, император Александр признавал, что «ничто уже не могло рассеять мрачных его мыслей». Голицын сказал ему, что находит успокоение в чтении Библии.

Император ничего не ответил своему собеседнику, но через несколько часов, придя к своей жене, попро-

сил императрицу Елизавету Алексеевну, весьма удивившуюся этому, одолжить ему свою Библию. Александр удалился в свою спальню и принялся читать с большим вниманием. Он стал подчеркивать все те места, которые напоминали ему его собственные переживания, и, как он позднее признавался графине Эделинг, ему казалось, что какой-то дружеский голос придавал ему силы и рассеивал его прежние заблуждения. «Пожар Москвы, — сказал он своей собеседнице, — своим пламенем осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до тех пор никогда не ощущал...» И добавил: «Тогда я познал Бога». Графиня Эделинг замечает: «Все эти подробности я узнала много лет спустя от него самого. Все его близкие не могли надивиться внезапной перемене, происшедшей в этой чистой и страстной душе».

Несмотря на то, что император Александр вообще не питал симпатий к Кутузову, а теперь, после потери Москвы, и того более, старый фельдмаршал оставался лучшим соратником Александра. Он продолжал «обманывать» Наполеона. Отлично сознавая, что пребывание в Москве до начала холодов послужит гибели французов, Кутузов всеми силами стремился к тому, чтобы Наполеон оставался в развалинах Москвы как можно дольше. Он распускал слухи о слабости и бедственном положении русской армии и об общем желании мира, являющегося будто бы единственным спасением империи. Все эти слухи доходили до Наполеона, и французский император продолжал оставаться в Москве, каждый день ожидая прибытия мирной делегации императора Александра, — в этом Наполеон видел единственное спасение — выход из отчаянного положения в которое он сам себя вовлек...

Несчастье Кутузова состояло в том, что большинство в окружении Александра, как и в стане противника, начинало верить, что, несмотря на его непримиримые изъявления, царь сам был готов к переговорам и, в сущности, желал мира не менее Наполеона, занявшего огромные русские территории и захватившего в свои руки самую русскую столицу...

Немало врагов Кутузова поддерживало и предубеждение Александра против Кутузова. Может быть, самым непримиримым из них был близкий к царю московский генерал-губернатор граф Ростопчин. В своих частых письмах к Александру Ростопчин обвинял Кутузова во всех несчастьях России. Он называл Кутузова «старой бабой, сплетницей, которая, потеряв голову, надеется что-то постичь, ничего не делая». Ростопчин убеждал царя «уволить этого старого болвана и царедворца».

Однако не все осуждали старого фельдмаршала. Генерал Кнорринг, например, по поводу обвинения против Кутузова, что он спит по 18 часов в сутки, говорил при дворе: «Слава Богу, что он столько спит, каждый день его бездействия стоит победы».

События оправдали разумные действия Кутузова. Потерявший терпение Наполеон 4 октября послал в главную квартиру Кутузова графа Лористона с предложением начать мирные переговоры. «Эта нескончаемая, эта невероятная война будет, значит, вечной?» — спросил Лористон фельдмаршала. «Император, мой государь, — продолжал Лористон, — имеет искреннее желание закончить этот поединок между двумя великими и благородными народами и закончить его навсегда».

Старый хитрый фельдмаршал весьма умно отвечал Лористону: «При назначении меня в армию слово «мир» ни разу не было упомянуто. Меня будет проклинать потомство, — прибавил он, — если на меня будут смотреть как на инициатора какого-либо соглашения, потому что такие теперь настроения моего народа».

Получив доклад Кутузова, император Александр выразил ему свое неудовольствие в рескрипте от 21-го октября, т. е. почти три недели после получения этого важного рапорта: «Из донесения вашего, с князем Волконским посланного, узнал я о бывшем свидании вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном. При самом отправлении вашем к вверенным вам армиям из личных моих с вами объяснений известно вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с

неприятелем. Ныне же, после сего происшествия, должен с такою же решимостью повторить вам, чтобы сие принятое мною решение было во всем его пространстве строго и непоколебимо вами соблюдаемо... В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня приостановить брань и тем ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество...»

14. ПЕРЕЛОМ

Еще до занятия французами Москвы, на следующий день после того как император Александр получил доклад о кровопролитном сражении при Бородине, 12 сентября он отправил Кутузову свой проект военных действий против французов. План императора заключался в том, чтобы совокупными усилиями всех русских армий отрезать Наполеону все пути отступления из России. Кутузов, конечно, подчинился распоряжению государя, хотя план, составленный императором, был выполнен лишь в его основных положениях. Главная же цель этого проекта не могла быть исполнена: несомненно, Кутузов остался и теперь верен своей тактике — беречь жизни своих солдат. Поэтому он не смог, или, вернее, не захотел, загородить французам выход на берега Березины. Конечно, царь негодовал на Кутузова, не исполнившего этот план, который, по мнению Александра, должен был ускорить поражение Наполеона...

18 октября Кутузов дал французам первое победоносное сражение при селе Тарутине. Докладывая Александру об этой победе русских войск, посланный Кутузовым полковник Мишо также сообщил императору, что вся армия желает, чтобы государь принял на себя главное командование. Весьма характерен ответ Александра, лишний раз доказывающий его благородство и честность: «Все люди честолюбивы. Признаюсь откро-

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов
(Современная русская литография)

венно, что и я не менее других честолюбив, и если бы теперь внял только одному этому чувству, то сел бы с вами в коляску и отправился бы в армию. Принимая во внимание невыгодное положение, в которое мы вовлекли неприятеля, отличный дух нашей армии, неисчерпаемые средства империи, приготовленные мною многочисленные запасные войска, распоряжения, посланные мною в молдавскую армию, — я, несомненно, уверен, что победа у нас неотъемлема и что нам остается только, как вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если буду при армии, то вся слава отнеслась бы ко мне и что я занял бы место в истории: но когда подумаю, как мало опытен я в военном искусстве в сравнении с неприятелем моим, и что, невзирая на добрую волю мою, я могу сделать ошибку, от которой прольется драгоценная кровь детей моих, тогда, несмотря на мое честолюбие, я готов охотно пожертвовать личною славою для блага армии. Пусть пожинают лавры те, которые более меня достойны их. Возвратитесь в главную квартиру, поздравьте князя Михаила Илларионовича с победою и скажите ему, чтобы он выгнал неприятеля из России, и что тогда я поеду к нему навстречу и ввезу его торжественно в столицу».

22 октября император назначил полковника Мишо флигель-адъютантом. Этот доклад Мишо и ответ императора Александра, доложенные полковником Мишо Кутузову в присутствии главных советников главнокомандующего, к счастью, вошли в историю, и никакие старания советских историков не могут отнять у императора Александра Павловича ореол подлинного благородства и незаинтересованности.

С потерей последней надежды склонить императора Александра на мир, Наполеон стал готовиться к отступлению из России. Симптоматично, что выступление французов из Москвы началось вечером, в тот же самый день, когда Наполеон потерпел поражение при Тарутине, 18 октября этого памятного для России 1812 года... Намерение Наполеона выйти на новую калужскую дорогу и, соединившись с армией Мюрата, отступать к Смоленску натолкнулось на сопротивление Куту-

зова, который, очевидно, исполняя директивы Александра, все же решился дать французам решительное сражение при Малоярославце. 24 октября во время этого кровопролитного сражения, длившегося 18 часов, город восемь раз переходил из рук в руки. Кутузову пришлось уступить Малоярославец Наполеону, однако он успел в двух с половиной верстах от города сосредоточить всю русскую армию. «При этом сражении, — справедливо замечает граф де Сегюр, — остановилось завоевание вселенной императором Наполеоном, испарились плоды двадцати лет побед и началось крушение всего, что он мечтал создать».

Теперь фельдмаршалу Кутузову предстояло решить труднейший вопрос: закончить войну сразу и дать Наполеону решительное генеральное сражение и уничтожить все его армию — как того требовал император Александр, или же, щадя русские жизни, стремиться к той же цели более осторожным путем. Нетерпеливым сторонникам решительных действий Кутузов отвечал: «Все развалится само собой и без меня». Английскому генералу Вильсону, находившемуся при нем в генеральной квартире, фельдмаршал отвечал еще более определенно: «Я предпочитаю, как вы выражаетесь, построить золотой мост для отступления моему противнику, чем рисковать еще одним сражением».

Оставив Милорадовича охранять южный подход к Малоярославцу, ночью с 13-го на 14-е октября Кутузов отступил к Детчину. Что эта его тактика была правильной, доказывает хотя бы тот факт, что Наполеон решил не атаковать русскую армию, а отступать к Смоленской дороге. Таким образом, обе армии отодвинулись одна от другой: Наполеон — к Боровску, а Кутузов — к Детчину. 28 октября Наполеон со своей армией достиг Можайска. Все пространство до самого Днепра представляло собой настоящую пустыню: жители оставили села и унесли с собой все свои пожитки, все продовольствие и фураж. В тот же самый день остро изменилась к худшему погода: подул резкий северо-восточный ветер и ударили морозы.

С этого времени начались бедствия французов, и

подлинный разгром армии Наполеона был лишь вопросом времени. Началось преследование «Великой армии», отступавшей по Смоленской дороге. Но Кутузов ни разу не изменил своей тактике и, не увлекаясь бедственным положением французов, отказывался нанести Наполеону последний, решительный удар. «Наша молодежь, — упрекал Кутузов своих врагов в окружении императора, — досадует на меня, старика, за то, что я удерживаю ее порывы. Надлежало бы им сообразить, что обстоятельства сами собою более сделают, чем наше оружие. Не прийти же нам на границу толпою бродяг...»

Однако император Александр был прав: нежелание Кутузова атаковать отступающих французов под Вязьмой и Красным дало Наполеону возможность успешно отступить по направлению к Вильне. 26 ноября началась переправа французов через Березину и Студянку при страшных морозах. Люди гибли от холода и голода, умирая десятками тысяч каждый день... Французы беспорядочно бежали к Вильне, преследуемые по пятам русскими войсками и партизанскими отрядами, в которых воевали наравне с мужчинами и русские женщины.

Видя гибель своей «Великой армии», которая таяла на глазах, и все еще надеясь собрать на западе новые силы, Наполеон 3-го декабря издал свой знаменитый 29-й бюллетень, столь отличный от прежних его коммюнике. В этом своем бюллетене, обнародованном им в Молодечно, Наполеон оповещал Францию и Европу о «плачевном исходе русской кампании» и о передаче начальства над армией Мюрату. 5 декабря он поспешно выехал из Сморгони в Париж...

В то время, как французская армия отступала к границам России, императору Александру предстояло принять важнейшее решение: следует ли его войскам остановиться на Висле и довершить торжество России славным миром, или же продолжать войну с Наполеоном до полного восстановления политической независимости освобожденных от французского гнета стран Европы.

Для историка весьма интересны в этом отношении записки фрейлины Р. С. Стурдза, в которых эта в то

Конец великой армии — отступление французов из России

время весьма близкая к императору придворная дама подробно передает свой разговор с государем, состоявшийся незадолго до его отъезда в Вильну. Император коснулся в этом разговоре характера и необыкновенной судьбы Наполеона, «который, ослепленный счастием, причинил столько бедствий миллионам людей...» Александр говорил о загадочном нраве Наполеона, он вспоминал, как изучал его во время тильзитских переговоров. «Нынешнее время, — говорил Александр, — напоминает мне все, что я слышал от этого необыкновенного человека в Тильзите. Тогда мы долго беседовали, так как он любил высказывать мне свое превосходство, говорил с любезностью и расточал передо мною блестки своего воображения. Война, сказал он мне однажды, вовсе не такое трудное искусство, как воображают, и, откровенно говоря, иной раз трудно выяснить, каким образом удалось выиграть именно то или другое сражение. В действительности оказывается, что противник устрашился, и в этом вся тайна. Нет полководца, который бы не опасался за исход сражения; все дело в том, чтобы скрывать этот страх возможно продолжительное время. Лишь этим средством можно настращать противника, и затем дальнейший успех уже не подлежит сомнению».

Продолжая этот весьма интересный разговор, фрейлина Стурдза спросила Александра: «Неужели, государь, мы не обеспечены навсегда от всякого нового нашествия? Разве враг еще раз осмелится перейти наши границы?» — «Это возможно, — ответил своей собеседнице император, — но если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже: в этом я глубоко убежден...»

Таким образом, уже в этом разговоре Александр высказал свое убеждение в необходимости продолжать войну с Наполеоном в Западной Европе. Однако гениальный полководец фельдмаршал Кутузов был противоположного мнения: «Наполеон, — говорил он своим приближенным, — больше для России не опасен и следует поберечь его для англичан». Беседуя еще под Малоярославцем с английским генералом Вильсоном, Куту-

Фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны мадемуазель Стурдза, дочь друга графа Каподистрия Александра Стурдза. Она была доверенной конфиденткой императора Александра
(Современная литография)

зов сказал ему не без тонкой иронии: «Я вовсе не убежден, что совершенное уничтожение Наполеона будет великим благодеянием для вселенной... Наследство его не попадет в руки России или какой-нибудь другой из континентальных держав, но достанется той державе, которая уже завладела морями, и тогда ее владычество станет просто нестерпимым для других государств...»

Все цели Кутузова сосредоточивались лишь на спасении России, а не вселенной, как твердили английские и немецкие националисты, смотревшие на Россию, как на весьма удобное орудие для достижения своих национальных целей...

Тем временем 10 декабря Кутузов победоносно занял Вильну, город, в котором он был некогда военным губернатором. Здесь Кутузов захватил в плен четырнадцатитысячную французскую армию, значительные запасы продовольствия и фуража, заготовленные французами для снабжения их армии, и 140 тяжелых орудий в великолепном состоянии.

Население, которое помнило прежнего своего генерал-губернатора, восторженно приветствовало победителя Наполеона, соорудив в его честь триумфальную арку с надписью «Спасителю Отечества». Гражданские городские власти организовали приветственные торжества, приемы, ужины, театральные представления в честь Кутузова. Обо всем этом доносили императору злобные завистники фельдмаршала, стараясь повредить Кутузову, вызвав в самодержце недовольство и зависть к победоносному главнокомандующему.

Сам Кутузов понимал, что все эти поразительные успехи достались России очень дорогой ценой. Он докладывал императору, что армия страшно устала от столь продолжительной и кровопролитной войны и что непременно необходимо даровать ей заслуженный отдых. Несомненно, Кутузов был вполне прав: его главная армия, выступавшая в Тарутине в составе 97.112 человек, достигши Вильны, насчитывала лишь 27.464 человека. Из 622 тяжелых орудий теперь при армии находилось лишь 200: остальные оставлены позади

из-за потери лошадей и убыли в орудийной прислуге. 48 тысяч раненых и больных солдат и офицеров были рассеяны по многочисленным госпиталям России, остальные были убиты в боях или умерли от ран и эпидемий. В своем подробном докладе государю Кутузов писал, что, если бы он не прекратил боевых действий верст за полтораста до границы, теперь вообще бы не было никакой армии...

Однако император Александр в корне расходился в своих взглядах с Кутузовым. В своем ответе на его доклад он писал фельдмаршалу: «Никогда еще не было время столь дорого для нас, как при нынешних обстоятельствах. И потому ничто не позволяет войскам нашим, преследующим неприятеля, даже на самое короткое время задержаться в Вильне...»

Не рассчитывая, впрочем, на готовность фельдмаршала точно исполнить эти приказания, император Александр решил лично отправиться в армию для продолжения военных действий против Наполеона за рубежом.

18 декабря император пожаловал Кутузову титул князя Смоленского, а на следующий день выехал рано утром из Санкт-Петербурга, взяв с собою лишь маленькую свиту, в составе которой находились граф Аракчеев, обер-гофмаршал двора граф Толстой, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант князь Волконский и еще несколько виднейших советников... 23 декабря фельдмаршал Кутузов с почетным караулом лейб-гвардейского Семеновского полка встретил императора перед подъездом Вильненского дворца. В 5 часов пополудни прибыл император Александр. Он вышел из кареты, обнял и прижал к сердцу старого фельдмаршала и, поздоровавшись с семеновцами, вошел с ним во дворец. Император, взяв Кутузова под руку, повел его в свой кабинет и там долго с ним беседовал наедине. Когда же фельдмаршал вышел из кабинета императора, граф Толстой поднес ему на серебряном подносе самое высокое военное отличие империи — орден Св. Георгия первой степени.

На следующее утро, 24 декабря, был день рожде-

ния императора. Александр, отвечая на приветствия пришедших поздравить его генералов, сказал им: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу».

В тот же день император Александр подписал манифест, объявляющий амнистию полякам — жителям западных русских губерний, которые приняли сторону Наполеона в этой кровопролитной войне. Эта амнистия расстроила планы Кутузова наградить отличившихся в Отечественной войне генералов и офицеров поместьями литовских и белорусских помещиков, примкнувших к Наполеону в войне против России.

На торжественном обеде, данном фельдмаршалом в честь Александра, когда гремели орудия в честь царя, Кутузов обратился к императору со словами: «Государь, наши артиллеристы палят из отбитых у неприятеля пушек, французским порохом». Вечером фельдмаршал дал в честь Александра грандиозный бал, на котором присутствовали, кроме членов царской свиты, генералы, высшие офицеры и именитые горожане. При входе царя Кутузов поверг к его ногам отбитые у неприятеля атаманом Платовым и его казаками русские знамена, плененные французами в Отечественной войне.

Но споры Александра и Кутузова о продолжении войны с Наполеоном в Европе продолжались. Громадное большинство русских людей, уставших от долгой и кровопролитной войны, стояло за прекращение войны и за заключение с Францией выгодного мира. Сам Кутузов долго оспаривал мнение царя. «Ваш обет исполнен, — говорил престарелый полководец императору, — ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле; теперь остается исполнить вторую половину обета — положить оружие...» Однако Александр не внял ни доводам Кутузова, ни мнению большинства русских людей, которые были против участия в заграничной войне. Адмирал Шишков, который был тогда государственным секретарем, пишет в своих записках об одном весьма интересном разговоре об этом с Кутузовым. Он спросил Кутузова, почему тот не настаивает перед государем на необходимости отказаться от загра-

Храм Христа Спасителя
(Фотография начала XX века)

ничного похода, явно не соответствующего интересам империи? «Император, — добавил Шишков, — по вашему сану и знаменитым подвигам, конечно, уважил бы ваши советы...» Кутузов ответил ему: «Во-первых, он смотрит на это с другой стороны, которую тоже совсем опровергнуть невозможно... И еще скажу тебе чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует... тут я заплачу и соглашусь с ним...»

Любопытно, что, со своей стороны, Наполеон, так же, как и Кутузов, сознавал всю пользу и для себя от соглашения с Россией: прибыв весной 1813 года в Эрфурт во главе вновь сформированной армии, он сказал своим маршалам: «Всего проще и рассудительнее было бы войти в непосредственное соглашение с императором Александром... Удовлетворив Россию за счет Польши, мы могли бы унизить и уничтожить Австрию... Послав миссию в русскую главную квартиру, мы смогли бы разделить весь мир между нами».

В 1813 году, в день Рождества Христова, император Александр манифестом возвестил народам России о благополучном окончании Отечественной войны. В тот же день государь постановил соорудить в Москве храм во имя Христа Спасителя.

15. НАЧАЛО НАСТУПЛЕНИЯ НА ЗАПАД

Приведенные выше разговоры фельдмаршала Кутузова с государственным секретарем Александра адмиралом Шишковым, как и многие другие свидетельства виднейших сотрудников императора — графа Аракчеева, Сперанского и пр., являются решительным доказательством того, что война за освобождение Европы от французского ига является личной инициативой императора Александра. Это обстоятельство доказывает, что он отнюдь не был, как это утверждают некото-

рые историки, человеком нерешительным и безвольным, легко поддающимся влиянию окружения. Александр не только не внял доводам своего столь прославленного полководца и своего государственного секретаря, но пошел наперекор мнению громадного большинства мыслящих людей России, которое было против продолжения войны за границей, как не соответствующей интересам Империи.

Итак, 9 января 1913 года, всего через три дня после объявления манифеста о победоносном окончании войны с Наполеоном и восторженных молебствий по всей России во время Рождественских праздников, Александр выступил во главе почти всей русской армии, направляясь через Вильну к Меречу на Немане. При нем находился фельдмаршал Кутузов, который все еще официально оставался главнокомандующим.

13 января 1813 года русская армия во главе с императором Александром и фельдмаршалом Кутузовым, отслужив традиционный молебен, перешла Неман у Мереча и вступила в пределы Варшавского герцогства. Русские силы через Лык двинулись к Плоцку и 5 февраля заняли этот город.

Современники отмечают большую перемену в быте главной квартиры. А. И. Михайловский-Данилевский, который сам участвовал в походе, пишет, что в Тарутине офицеры жили по-спартански, одевались очень скромно, нередко в сюртуках, сшитых незатейливыми солдатскими портными из простого солдатского сукна, тогда как теперь, в Плоцке, где находился сам государь с блестящей многочисленной свитой, все высшие чины соревновались своими щегольскими модными одеждами и ездили в не менее щегольских экипажах. Сам Александр задавал тон всей этой перемене во внешнем быте русского офицерства. Сам он всегда появлялся верхом, одетый щеголем, но относился ко всем со своей обычной любезностью и улыбка не сходила с его лица...

Тот же А. И. Михайловский-Данилевский отмечает и заметную перемену в отношении поляков к русским: «В герцогстве Варшавском, — пишет он, — никто не

встречал нас как своих избавителей. Одни евреи, в каждом местечке лежавшем на дороге, где проходили войска, выносили разноцветные хоругви с изображением на них вензеля Государя и встречали нас с барабанами, трубами и литаврами...»

30 января генерал Милорадович от имени императора Александра заключил с князем Шварценбергом перемирие, в силу которого австрийцы не оказывали никакого сопротивления русским войскам и даже отступили со всеми своими силами в Галицию. Конечно, это перемирие было необходимо императору Францу и Меттерниху, чтобы оправдаться перед Наполеоном в беспрепятственном проходе русских войск через австрийские земли, к чему-де австрийцы были принуждены весьма внушительной русской армией. 7 февраля русский авангард под командой Милорадовича вошел в Варшаву, и очевидец замечает, что ключи от города были поднесены ему пожилым градоначальником, который в 1794 году поднес их Суворову...

Император Александр издал строгий приказ по армии, предписывающий соблюдать дружеское отношение к местному населению, и даже освободил поляков от постоя, т. е. насильственного предоставления квартир русским офицерам и солдатам во время их пребывания в Варшаве. Конечно, все они подчинились приказу царя, хотя офицеры и солдаты, особенно молодые, гневались на поляков за их враждебное отношение к России во время Отечественной войны и за их участие в походе Наполеона на его стороне... Это распоряжение Александра лишний раз указывает на его политическую рассудительность и на его исключительный государственный такт.

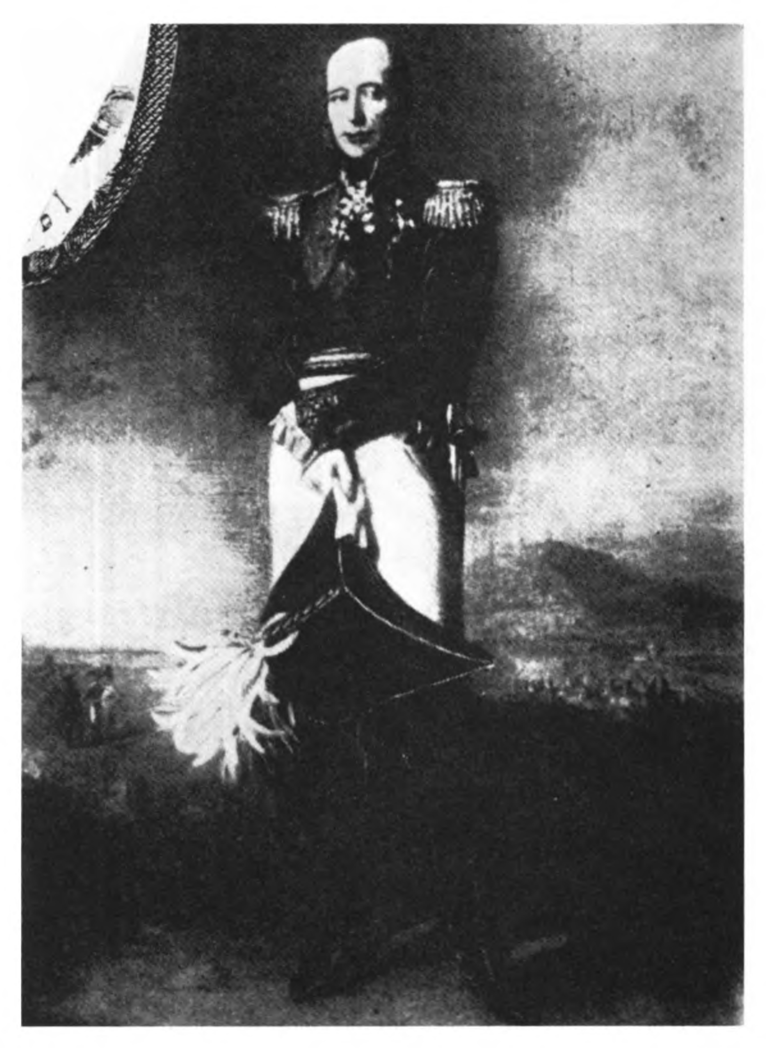
Еще при самом вступлении императора в польские земли Александр получил личное послание от своего долголетнего друга князя Адама Чарторыйского, первое с начала Отечественной войны, после того, как он — конечно, преднамеренно — удалился от двора и жил вне пределов империи. Факт возобновления прежних отношений с царем указывает на то обстоятельство, что поляки уже разуверились в конечной победе Наполео-

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кутузов

Барклай-де-Толли

Милорадович

Витгенштейн

Багратион

Ермолов

Беннигсен

Платов

Кутайсов

Раевский

Дохтуров

Тучков

Неверовский

Денис Давыдов

на и в своей возможности с его помощью восстановить Польское королевство, уничтоженное Екатериной. В этом письме князь Адам снова предлагал Александру восстановление дружеских отношений между поляками и Россией и, самое главное, предоставлял от имени польской аристократии польский трон великому князю Михаилу Павловичу, младшему брату царя. При этом выдвигалось условие: восстановить независимое Польское королевство в его целостности, т. е. в границах, существовавших до его раздела.

Ответ русского императора заслуживает особого внимания историка. «Я буду говорить с Вами совсем искренне, — собственноручно писал Александр своему бывшему министру иностранных дел и долголетнему другу князю Адаму 25 января 1813 года по-французски. — Чтобы осуществить мои любимые идеи относительно Польши, придется мне преодолеть некоторые трудности, несмотря на блеск моего теперешнего положения, и прежде всего — мнение России. Манера поведения польской армии в наших пределах, разгром Смоленска, Москвы, разрушение всей страны снова разожгли старую вражду. В теперешний момент объявить мои намерения относительно Польши — это окончательно ввергнуть Австрию и Пруссию в объятия Франции, что особенно важно предотвратить, тем более, что эти государства уже проявляют ко мне самые лучшие намерения. Эти трудности будут побеждены благодаря благоразумию и предусмотрительности. Но чтобы придти к этому результату, необходимо мне, чтобы Вы и Ваши соотечественники мне помогли. Вы сами должны содействовать мне, чтобы русские восприняли эти мои планы и чтобы Вы оправдали в их глазах мое расположение к полякам и к их самым сокровенным мечтам. Окажите мне известное доверие, мне самому, моему характеру, моим принципам, и Ваши надежды не будут обмануты. Соразмерно с достижением военных результатов, Вы увидите, как дороги мне судьбы Вашей родины и как остался я верен моим прежним идеям. Что относится до внешних форм, Вы знаете, что я всегда

Линейные казаки (Гравюра А. О. Орловского)

предпочитал либеральные формы управления. Все же я считаю уместным уведомить Вас решительно, что Ваше намерение относительно моего брата Михаила не может быть приемлемо. Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь до сих пор считаются русскими провинциями и что ничто в мире не сможет убедить Россию видеть эти земли во власти другого государя, чем того, который царствует в России...» И Александр заключает это важное послание, поручая Чарторыйскому ознакомить поляков с содержанием этого письма, как он найдет сообразным: «Вот вкратце итоги, которые я считаю необходимым сообщить Вам: Польша и поляки не должны ожидать никакого отмщения с моей стороны. Мое отношение к ним остается неизменным. Достигнутые успехи нисколько не переменили мои намерения по отношению к Вашей родине, как и вообще моих убеждений, и Вы найдете меня таким, каким Вы меня всегда знали...» (Перевод с французского мой, — В. Н.).

Это послание царя раскрывает его подлинное отношение к своему бывшему министру иностранных дел: Александр говорит с Чарторыйским своим обычным языком, он высказывает ему свои убеждения и мысли и дает ему директивы и политические наставления, хотя делает он это чрезвычайно внимательно и весьма искусно. Это письмо царя доказывает несостоятельность утверждений некоторых историков, что у Александра не было твердых личных убеждений и что он всегда был под влиянием своих ближайших сотрудников. Кроме того, содержание этого документа свидетельствует о глубокой осведомленности Александра в международной политике, о его политическом такте, но и непреклонности в основных принципах его убеждений, в его высоком служении России.

Русские войска уже 24 февраля находились на берегах Одера, и когда главная квартира Александра была перенесена в Калиш, туда прибыл князь Чарторыйский и стал довольно часто встречаться с государем, возобновив с ним прежние приятельские отношения, несмотря на то, что члены свиты императора и высшие офицеры

смотрели на польского магната-патриота с нескрываемой досадой и враждой.

Тем временем прусский король Фридрих-Вильгельм 23 января переехал в Бреславль и начал реорганизовывать и вооружать свою армию. Он вел переговоры одновременно на двух фронтах: с Александром и с Наполеоном, все еще выжидая, чье солнце взойдет теперь на европейском горизонте. Он стремился как можно дороже продаться одной из «сверхдержав», как мы выразились бы сегодня: Франции или России. Став на этот путь, он потребовал от Наполеона признания нейтралитета Силезии и уплаты громадной по тем временам суммы в 94 миллиона золотых франков за поставки, сделанные Пруссией французскому императору в 1812 году, во время его кампании в России. Все же, видя победоносное продвижение армии Александра на запад, Фридрих-Вильгельм поспешил окончательно перекинуться в русский лагерь и 28 февраля 1813 года в Калише заключил союзный договор с Александром, делая теперь ставку на восходящее солнце своего прежнего друга и союзника.

Вскоре после беспрепятственного занятия Берлина Александр отправился в Бреславль для свидания с Фридрихом-Вильгельмом. На границе Силезии немцы встретили русского императора как освободителя Европы. 15 марта, когда Александр подъезжал к Бреславлю, его встретил перед въездом в город сам король Фридрих-Вильгельм. Увидев его, император вышел из коляски и бросился к нему в объятия: молча они крепко обнялись. Верхом оба монарха торжественно въехали в Бреславль, встреченные ликующей толпой, под колокольный звон и гром пушек.

2 апреля король Прусский прибыл в Калиш для ответного визита Александру. Император встретил его на первой станции от города. Русские войска под командованием Кутузова выстроились на высотах близ Калиша. Фельдмаршал уже был болен и, не имея сил быть верхом на лошади, стоял впереди строя. Король поздоровался с Кутузовым и похвалил его за отличное состоя-

ние войск. Все же его удивило, что русская армия насчитывала лишь 18 тысяч человек. Понесенные в Отечественной войне жертвы еще не могли быть пополнены, а резервы, прибывавшие из России, передвигались весьма медленно из-за весенних дождей и непроходимой апрельской грязи.

6 апреля, по случаю этого нового союза с Пруссией, Александр издал приказ по армии, в котором он обвинял Наполеона в желании «реками крови и грудами человеческих костей утвердить свое господство над всеми державами». В заключение этого своего приказа войскам император говорил: «Мы стоим за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства. Бог видит нашу правду. Он покорит под ноги наши гордого врага и посрамит ползающих к стыду человечества перед ним рабов...»

По указанию Александра, король Фридрих-Вильгельм предоставил командование над прусскими войсками фельдмаршалу Кутузову.

Здоровье старого фельдмаршала ухудшалось все больше и больше. Император проявлял к нему чрезвычайное внимание. Когда он чувствовал себя слишком слабым, и недуг не позволял старику являться на доклад к государю, Александр приходил к нему сам и совещался с ним в его кабинете. Вообще, по своей исключительной человечности царь обращался со своим престарелым полководцем с подчеркнутым уважением, как будто хотел вознаградить Кутузова за все прошлые огорчения, которые он причинял ему во время Отечественной войны, критикуя тактику фельдмаршала избегать сражений с отступающим врагом...

Медлил Кутузов и теперь. Граф Витгенштейн и прусский фельдмаршал Блюхер, а с ними и все другие генералы, настаивали на быстрейшем наступлении на Эльбу. Кутузов продолжал упорствовать, опираясь на государя, который во всем теперь поддерживал его. Однажды во время военного совета, в котором участвовали и союзные генералы, старик с негодованием обратился к ним: «Самое легкое дело, — говорил им

Кутузов, — идти теперь на Эльбу, а как воротимся? С рылом в крови...» Прославленный фельдмаршал не желал действовать наудачу, не приняв всех возможных предосторожностей для обеспечения успеха.

Все же 7-го апреля армия выступила из Калиша, направляясь в Саксонию. Во всех силезских городах и деревнях население бурно приветствовало бравого фельдмаршала. Кутузов писал жене, что в силезском городе Миличе появление его вызвало необыкновенный восторг населения. Когда он ехал в карете по улицам города, толпы приветствовали его, громко крича "Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutuzoff!" «Такого энтузиазма не будет в России, — заканчивал свое последнее письмо к жене престарелый и уже совсем больной фельдмаршал, — несть бо пророк честен во отечестве своем...»

15 апреля армия перешла в Штейнау через Одер. У моста местные власти поднесли императору Александру лавровый венок. Государь отослал подарок Кутузову, сказав, что лавры эти принадлежат ему.

18 апреля, по прибытии штаба в Бунцлау, болезнь Кутузова настолько ухудшилась, что он не мог больше следовать за армией. Прусский король поручил заботы о нем знаменитейшему немецкому врачу Гуфеланду, но дни полководца были уже сочтены: Кутузов скончался 28 апреля.

7 мая император Александр собственноручно написал соболезнование овдовевшей княгине Кутузовой-Смоленской: «Потеря эта, — писал царь, — не для одних Вас, но и для всего отечества, не Вы одна проливаете о нем слезы: с Вами плачу и я, плачет вся Россия...»

Вместе с тем Александр приказал не оповещать армию о смерти фельдмаршала, чтобы не привести войска в уныние накануне сражения.

Царь поручил главное командование над армиями графу Витгенштейну, хотя в армии были генералы по чину старше его. Фридрих-Вильгельм подчинил ему же прусские войска.

16. НЕУДАЧНОЕ НАЧАЛО

Накануне Пасхи, 24-го апреля, император Александр прибыл в Дрезден. В своих записках адмирал А. С. Шишков оставил нам описание торжественного въезда царя. «Картину эту никаким пером, ни кистью изобразить невозможно. День был прекраснейший, и солнце посреди неба сияло во всем своем блеске. По обеим сторонам дороги стояли в параде русские и прусские войска. К ним присоединилась саксонская гвардия. Толпящийся народ версты за три выбежал к нам навстречу. Государь с прусским королем ехали верхами. За ними многочисленная свита чиновников, верхами и в колясках. Музыка гремела. Раздавались радостные крики. По въезде в город император и король остановились на площади, где толпилось множество зрителей, наполнявших улицы и окна домов, все войска проходили перед ними. По окончании парада прусский король проводил государя в Брилев дворец и, откланявшись, отправился в отведенный для него дом... Император сказал нам, шутя: «Здесь у нас нет экипажей — и мы можем ходить пешком...» И в самом деле, царь пошел пешком к прусскому королю, дом которого находился за рекой, с полверсты от Брилева дворца. Лишь только он вышел, народ тотчас окружил его, и мы шли посреди многочисленной толпы, которая бежала, окружая его, и беспрестанно кричала «ура!»

Однако король Саксонский не разделял энтузиазма своих подданных. Сомневаясь в успешном исходе борьбы Александра с Наполеоном, он дипломатически удалился из своей столицы в Богемию, благоразумно ожидая, как будет развиваться освободительное движение в Германии...

Решительный день сражения приближался. Наполеон прибыл в Майнц, а оттуда — 28-го апреля — в Веймар, где, сев на своего коня, отправился к долине реки Заалы. С обычной своей театральностью, зная, что слова его войдут в историю, Наполеон, приветствуя шедшую армию, обернулся к маршалам и членам его свиты и громко сказал: «Я поведу эту кампанию в качест-

ве генерала Бонапарта, а не в качестве императора...» Под личным его предводительством к Лейпцигу двинулась громадная армия в 125 тысяч человек с 250 орудиями. Однако кавалерия его насчитывала лишь восемь тысяч человек и, по суждению специалистов союзнического штаба, была весьма посредственной... Наполеон собирался дать генеральное сражение союзникам при Лейпциге, однако Александр и прусский король, после совещания со своими генералами, решили предупредить французов и неожиданно атаковали их под Люценом. Союзники располагали готовой для боя общей армией в 72 тысячи человек: 39 тысяч русских и 33 тысячи прусских солдат. Император Александр и король Фридрих-Вильгельм, выехав из Дрездена 29 апреля, прибыли к войскам 2 мая и лично участвовали в бою. Нередко были они оба под огнем. На просьбу окружавших Александра генералов, умолявших царя удалиться от опасного места, он ответил с улыбкой: «Меня здесь пули не тронут...»

Сражением должен был руководить только что назначенный главнокомандующим граф Витгенштейн, вступивший в должность лишь в самый день сражения и поэтому не знавший ни точный состав, ни распределение русских и прусских сил. Здесь, на поле боя под Люценом, Витгенштейн впервые после Отечественной войны 1812 года встретился с императором Александром: присутствие двух монархов особенно стесняло главнокомандующего, который, в сущности, был главнокомандующим только по чину. Граф Гнейзенау, прусский фельдмаршал, участник почти всех бывших и будущих сражений против Наполеона, отмечая все эти пробелы, пишет: «Основная идея сражения была хороша, а руководство и распоряжения плохи. Вместо внезапного нападения, как предполагалось, потеряно было много времени на медленное развертывание союзных войск, и неприятель не был застигнут врасплох...» Несомненно, Александр жалел, что его столь опытного полководца Кутузова более нет в живых. Именно из-за всех этих пробелов Наполеон победил своих противников своим обычным военным искусством и последова-

тельной тактикой, мастерски используя все ошибки русско-прусского командования. Он опять метко выразился перед своими маршалами: «Битву при Люцене дал и выиграл главнокомандующий в Италии и Египте...», — явно намекая на свою военную опытность.

Александр и Фридрих-Вильгельм покинули поле сражения только с наступлением темноты и, отправляясь на ночлег в деревню Гроич, едва пробирались между ранеными солдатами и всякими военными повозками. Прусский фельдъегерь с фонарем указывал им дорогу. Император Александр, отлично владеющий собой, решился обнадежить своего союзника и друга и оправдать необходимость отступления за Эльбу. «Это мне знакомо, — отвечал тот с горечью царю, — если только мы начнем отступать, то не остановимся на Эльбе, но перейдем также и за Вислу, и результатом всех этих действий будет то, что я опять окажусь в Мемеле...» Этими горькими словами прусский король, несомненно, хотел высказать императору свое разочарование в том, что принял советы Александра и, порвав окончательно с Наполеоном, присоединил армию к русской армии, предчувствуя уже конечную катастрофу и победу Наполеона. Когда, ничего не ответив, император Александр удалился, Фридрих-Вильгельм продолжал сетовать на то, что он легкомысленно поддался влиянию царя: «Здесь повторилось то, что было при Ауэрштадте», — сказал он своим приближенным. Он успокоился только тогда, когда раненый генерал Шарнгорст убедил его, что другого выхода нет и что он должен в силу необходимости для своего личного спасения, а также и для Пруссии сохранить неразрывным свой союз с императором Александром.

Штабс-капитан Михайловский-Данилевский в своей интересной записи о всех этих событиях, в которых он деятельно участвовал, приводит такой эпизод. На рассвете 3 мая император Александр послал этого молодого офицера к графу Витгенштейну узнать его распоряжения на сегодняшний день. Данилевский долго и повсюду искал главнокомандующего, но никто толком не знал, где он. Наконец он нашел графа, спокойно

сидящего в поле под деревом. На вопрос Данилевского, он также хладнокровно ответил, что «так как при армии находится сам император, то главнокомандующий ожидает распоряжений от Его Величества». Таким образом оказывалось, что никто, в сущности, не давал каких-либо распоряжений: император полагался на главнокомандующего, а главнокомандующий — на императора... Конечно, Витгенштейн был всецело виновен в этом пробеле. Он должен был сам составить распоряжения и, как полагается, лично доложить о них государю.

Выслушав доклад Данилевского, император решил действовать, хотя все еще не хотел уволить Витгенштейна, чтобы не внести раздора в армию. Он послал Данилевского к генералу Милорадовичу, одному из трех старших по чину генералов союзной армии, с приказанием принять командование над арьергардом и прикрывать отступление войск. То обстоятельство, что приказ этот исходил не от главнокомандующего, а от самого государя, подсказал Милорадовичу, что царь уже решил отстранить Витгенштейна, хотя, видимо, по известным причинам отложил перемену на несколько дней, чтобы сделать необходимые приготовления.

Со своей стороны, учитывая близость Данилевского к императору, Милорадович просил его передать государю, что он провел весь день Люценского сражения в городке Цейце со своими 11.500 солдатами в полном бездействии, так как Витгенштейн считал, что, воюя с Наполеоном, надо всегда иметь внушительный резерв. Очевидно, чтобы выразить свое недовольство Витгенштейном, Милорадович просил Данилевского также передать царю, что он жаждет быть назначенным в любую боевую часть, «пусть даже батальон или роту», и что вчера, слыша пушечную пальбу, он «просто плакал от отчаяния...»

Император, однако, не спешил с увольнением Витгенштейна. Напротив, представляя в официальном докладе Люценское сражение как победу, Александр, несмотря на все пробелы Витгенштейна, издал поста-

новление о награждении его орденом Св. Андрея Первозванного.

Все же, отлично отдавая себе отчет, что вторая потеря окажет пагубное воздействие на Австрию и что император Франц и Меттерних при втором поражении союзников уже не согласятся принять участие в коалиции, Александр решил, что нельзя вступать в новое сражение с Наполеоном, не имея полной уверенности в победе. Посоветовавшись с прусским королем и со своими штабными офицерами, Александр приказал Витгенштейну отступить на правый берег Эльбы.

Наполеон хорошо понимал, что следует дать союзникам второе сражение, которое принесет ему неминуемую и решительную победу. Однако у него была весьма немногочисленная и плохо обученная кавалерия: все это были новые люди, так как кавалеристы и их лошади в громадном большинстве погибли в войне 1812 года в снегах России, а создать новую кавалерию за столь короткое время Наполеону не удалось. Это обстоятельство значительно способствовало успешному отступлению союзных сил за Эльбу, где они расположились на выгодной позиции, которую начали общими силами укреплять для сражения с Наполеоном. Император Александр поселился в замке Вуршен. 13-го мая он отличил Милорадовича за его заслуги в отступлении к Эльбе и возвел его в графское достоинство. Тем временем в Бауцен прибыл генерал Барклай-де-Толли со значительными подкреплениями, так что теперь союзная армия насчитывала более ста тысяч человек: 70 тысяч русских и 30 тысяч прусских солдат.

8 мая Наполеон занял Дрезден. Но сам не вошел в столицу Саксонии, ожидая саксонского короля, и 12 мая вместе с ним торжественно въехал в Дрезден, отблагодарив его этим за отказ участвовать в коалиции России с Пруссией.

Император Александр успел, однако, склонить австрийского императора Франца и Меттерниха не вступать в союз с Наполеоном под предлогом посредничества между ним и союзниками для прекращения войны и

восстановления общего мира. Несмотря на необыкновенную личную отвагу и исключительную храбрость, непосредственное участие в боях и решительность в своей военной политике, Александр по своему характеру и склонностям не был рожден воином. Не раз он сам очень честно признавался перед своими помощниками и сотрудниками, что не имеет способностей быть главнокомандующим, хотя, будучи императором, он имел на это полное право. Он признавал также, что, будучи честолюбивым, как большинство людей, он предоставлял верховное командование своей армии, несмотря на это свое честолюбие, более способным полководцам, как Кутузов, Барклай-де-Толли и другие. В этом император Александр отличался от всех своих современников, остальных европейских монархов. Но зато он был необыкновенно искусным политиком и, как подтверждают все источники, русские и иностранные, — первоклассным, блестящим дипломатом, способным противостоять таким гениям на этом поприще, как Талейран и Меттерних. И в этом своем успехе, несмотря на первые поражения в новой войне с Наполеоном, Александр смог расстроить союз между Наполеоном и Австрией, и, несмотря на все еще большой престиж французского императора и страх перед его военным гением, царь проявил свои блестящие дипломатические способности.

Раздраженный изменой своего тестя императора Франца, Наполеон, особенно недовольный лицемерным поведением Меттерниха, предлагавшего совсем неприемлемые для Франции условия общего примирения, опять сделал попытку вступить в непосредственный контакт с Александром: он намеревался договориться с царем, предлагая ему самый выгодный для России мир, чтобы заставить императора Франца дорого заплатить за его коварную политику и измену. С этой целью он послал графа Коленкура, удостоенного во время своей миссии в Санкт-Петербурге особенной благосклонности императора Александра, с предложением заключить перемирие и начать переговоры о выгодном

для России мире. «Если должен я сделать какие-либо жертвы, — сказал он Коленкуру, — то охотнее сделаю их в пользу императора Александра, который ведет со мной открытую войну, даже в пользу короля прусского, в судьбе которого так заинтересована Россия, нежели в угоду Австрии, разорвавшей союз со мною и присвоившей себе право распоряжаться делами Европы под предлогом посредничества... Император Александр должен охотно согласиться использовать этот случай, чтобы блистательно отомстить австрийцам за их глупую диверсию в отношении России в войне 1812 г...»

Однако надежды Наполеона, что после его последней победы при Люцене император Александр согласится на переговоры с ним о мире, не оправдались. Коленкур даже не был допущен в союзную главную квартиру, несмотря на настойчивые уговоры короля Фридриха-Вильгельма начать переговоры. Император ограничился заявлением, что все переговоры должны вестись через Австрию. Большинство русских и иностранных историков считают, что отказ Александра от выгодного для России мира с Наполеоном является результатом желания царя предпочесть общее благо Европы частным своим выгодам. Несомненно, рыцарский характер Александра особенно ярко проявился в этом его решении. Но я считаю, что русский император после стольких обманов со стороны Наполеона по отношению к нему уже не верил французскому императору и был убежден, что этот выгодный мир, предлагаемый России Наполеоном, есть не что иное, как новый его стратегический прием в расчете на необходимую передышку и время для полного восстановления своего военного потенциала, чтобы в будущем опять напасть на Россию и на ее союзников. Конечно, новый поход на Россию был немыслим после поражения 1812 года, но восстановление французской гегемонии в Европе было вполне возможным. И тогда пришлось бы России начать новую войну с Францией, но на территории Западной Европы, и снова понести неисчислимые жертвы и немалый риск... Вспомним заявление Александра во время войны 1812 года: «Или Наполеон, или я... вместе мы

царствовать не можем...» В этих нескольких словах содержится вся политика Александра, вся его дипломатия: или Россия, или Франция...

Итак, обеим враждующим сторонам не оставалось ничего другого, как снова взяться за оружие и продолжать войну. 20 и 21 мая при Бауцене состоялось новое кровопролитное сражение между союзниками и Наполеоном.

20 мая император Александр с самого начала сражения следил за ним с холмов при деревне Кайне и оставался на поле брани до наступления темноты. Не успев даже поспать, царь, как, впрочем, и Наполеон, был со сражающимися своими войсками уже в 5 часов утра, когда начался бой. Любопытно отметить, что с холмов, на которых каждый из них стоял, они находились в виду один у другого. Александр расположился на высотах, находящихся позади деревень Башюц и Уэнковиц, и все еще командующий войсками граф Витгенштейн все время сражения стоял около царя, ни разу не подъезжая к войскам, что, конечно, произвело на государя очень плохое впечатление.

Около четырех часов дня, видя, что французы выигрывают и это сражение, Витгенштейн предложил императору прервать бой. «Я не хочу присутствовать при этом поражении, — ответил тот графу, — прикажите отступление». Отступление было произведено в полном порядке. Союзники потеряли 12.000 человек убитыми и ранеными, но и французы понесли большие потери. При этом неприятелю не досталось ни пленных, ни даже знамен и пушек. Обращаясь к своим маршалам, недовольный, что ему не удалось взять ни пленных, ни трофеев, Наполеон воскликнул: «Как, после этой бойни — никаких результатов, никаких пленных?! Эти люди не оставят нам ни малейшего гвоздя!»

Император Александр, возвращаясь с поля сражения, ехал верхом рядом с прусским королем, направляясь к Рейхенбау. Ехали они шагом в мрачном раздумии. Все же Александр старался утешить Фридриха-Вильгельма, совсем падшего духом. Данилевский запи-

сал в своем дневнике их разговор, который пересказал ему сам царь в тот же вечер: «Я ожидал иное! — отвечал король. — Мы надеялись идти на запад, а идем на восток...» Александр, однако, настаивал на своем: «Ни один из наших батальонов, несмотря на понесенные потери, не был расстроен, — сказал он, — и хотя отступление сделалось неизбежным, однако же еще ничего не потеряно и с помощью Божией дела пойдут лучше...» Тут не без иронии, намекая на плохое командование Витгенштейна, назначенного царем главнокомандующим, Фридрих-Вильгельм ответил: «Ежели Бог благословит наши общие усилия, то мы должны будем признать перед лицом всего мира, что Ему одному принадлежит слава успеха...» Александр простился со своим другом и союзником и, пожав ему руку, сказал: «Я совершенно разделяю эти ваши чувства, но все же, именно надеясь на Божию помощь, уверен в нашем конечном успехе...»

В тот же вечер император приказал Витгенштейну продолжать отступление к Швейдницу, чтобы сблизиться с корпусом генерала Сакена и соединиться с резервами, пришедшими из России, но в особенности для того, чтобы не удаляться от австрийской границы в надежде на присоединение Австрии к России и Пруссии. Однако император Александр теперь был уже убежден, что Витгенштейна следует сменить на посту главнокомандующего. Итак, 29 мая, с согласия прусского короля, император назначил нового главнокомандующего — Барклая-де-Толли. Вот как описывает эту перемену Данилевский: «После поражений под Люценом и Бауценом стало очевидным, насколько звание, в которое после смерти Кутузова облечен был граф Витгенштейн, не соответствовало его силам. Беспечность его привела армию в расстройство до такой степени, что в штабе иногда даже не знали расположения некоторых полков. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную людьми, передающими друг другу разные слухи... Комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали све-

дения о всех делах, даже и самых секретных... Союзники наши, пруссаки, одинаково были недовольны графом Витгенштейном: видя увеличивающееся расстройство армии, с одной стороны; с другой, им необходима была победа, а под его предводительством они уже испытали два поражения...» Кроме того, Данилевский правильно отмечает, что «в армии находились три генерала старше Витгенштейна чинами: Барклай-де-Толли, Милорадович и Блюхер...»

Граф Милорадович наиболее содействовал увольнению Витгенштейна и назначению на его место Барклая-де-Толли. Данилевский подробно рассказывает, как Милорадович 25 мая посетил Витгенштейна и искренне заявил ему, что за недавние поражения и беспорядки в армии все на него ропщут и что благо отечества требует назначения другого главнокомандующего. Вероятно, Милорадович предпринял эти шаги по поручению государя, и Витгенштейн понял это. Он даже охотно согласился подать в отставку и заявил, что будет с радостью служить под назначенным императором новым главнокомандующим. После этого Милорадович поехал к Александру и стал настаивать, чтобы император сам принял на себя пост главнокомандующего... Однако царь отказался от предложения Милорадовича, дав ему весьма разумный ответ: «Я взял на себя управление политическими делами; что же касается до военных дел, я не хочу брать их на себя». «В таком случае, поручите армию Барклаю, он старше нас всех», — сказал Милорадович. — «Он не захочет командовать», — возразил Александр. — «Прикажите ему, Ваше Величество, — настаивал Милорадович, — в теперешних обстоятельствах он не осмелится воспротивиться вашей воле...»

Приняв начальство над армией, Барклай немедленно занялся приведением ее в порядок. «Однако, — пишет Данилевский, — он несколько дней не мог узнать истинный численный состав ее: сначала полагали ее состоящей в более ста тысяч человек, потом только в семьдесят тысяч, а после проверки установили, что она насчитывает девяносто тысяч человек».

17. РУССКАЯ РАЗВЕДКА ВО ФРАНЦИИ: МАДЕМУАЗЕЛЬ ЖОРЖ

Как раз в разгар дискуссии о планах кампании союзников в Западной Европе, во время традиционного завтрака императора Александра с ближайшими его сотрудниками в столовую вошел генерал-адъютант князь Волконский с какой-то бумагой в руках. Кто-то из младших адъютантов поспешно вызвал его в конце прений, как раз когда император со своими советниками переходил из делового кабинета в столовую, где лакеи уже сервировали закуски. Очевидно это было какое-то личное дело царя, и Александр, поспешно встав из-за стола, отошел к окну, куда по его знаку подошел и Волконский.

Это было личное письмо — прошение известной французской артистки Комеди Франсез — мадемуазель Жорж, бывшей любовницы Наполеона, которая после разрыва с французским императором при довольно загадочных обстоятельствах прибыла в Санкт-Петербург и прожила в русской столице более двух лет. Теперь, в разгар войны против Наполеона, она просила у царя разрешения вернуться во Францию, в чем ей упорно отказывали русские власти. Александр пробежал быстрым взглядом написанное на хорошем французском языке прошение на изысканной венской бумаге, от которой шел приятный запах французских духов... Прислонившись к подоконнику, на котором уже стояла походная золотая чернильница, приготовленная предусмотрительным и хорошо знавшим своего государя адъютантом, император своим тонким аристократическим почерком написал на полях прошения: «Разрешается мадемуазель Жорж беспрепятственно покинуть Петербург и вернуться во Францию. Александр».

Император хорошо знал мадемуазель Жорж, несколько раз принимал ее у себя во дворце и не раз расспрашивал ее про императора Наполеона, интимная жизнь которого, как и его связи и отношение к людям, его интересовали. По-видимому, сам он хотел знать как можно подробнее все, что могло быть полезным в

Мадемуазель Жорж
(Современная французская литография)

его политике и его борьбе с Наполеоном. Очевидно, мадемуазель Жорж вполне удовлетворила любознательность своего августейшего покровителя, который был неизменно внимателен и любезен к ней. В своих мемуарах она через сорок пять лет после этих событий вспоминала об императоре Александре, сумевшем и ее обворожить, который своей гуманностью столь разительно отличался от ее бывшего любовника Бонапарта... Интересно отметить, что на последней аудиенции Александр поднес ей великолепный бархатный футляр, который она поспешила тут же открыть и ахнула от восторга: в нем лежало бриллиантовое колье с крупными камнями необыкновенно чистой воды, которые знатоки называют «бле-блан» и которые мадемуазель Жорж видела только на придворных балах в Тюильри у императрицы Жозефины... Тронутая до глубины сердца, французская красавица в порыве благодарности нагнулась и поцеловала императору руку, которую тот даже не успел отдернуть. Об этом последнем свидании с молоденькой артисткой Комеди Франсез теперь и вспоминал чувствительный Александр, и глаза его повлажнели, когда он подписывал прошение своей очаровательной просительницы.

Странное дело: в своих мемуарах мадемуазель Жорж, которая на своем веку видела десятки поклонников, от Наполеона до писателя Александра Дюма, и довольно искренне рассказывала о своих успехах, пишет, что император Александр, хотя и относился к ней очень любезно, никогда не тронул ее пальцем и даже не пробовал сделать ее своей фавориткой... Тут невольно приходит на память весьма любопытное свидетельство князя Адама Чарторыйского, с юных лет друга и доверенного лица императора, который также в своих нашумевших изданных в Париже мемуарах пишет, что Александр «преследовал всех красивых женщин, которых встречал в России и на Западе, но я бьюсь об заклад, что, несмотря на свои ухажерства, царь не представлял никакого риска для них...»

Семейная жизнь Александра почти с самого начала сложилась несчастливо. Его бабушка — Екатерина

Великая — женила «месье Александра» на Баденской принцессе Луизе, нареченной при переходе в православие царевной Елизаветой Алексеевной. Он был настоящий красавец, она очаровательно нежной — описывают их современники. Но ему было при бракосочетании едва шестнадцать лет, а ей — едва пятнадцать... «Вот Амур и Психея!» — воскликнула Екатерина, любуясь этими изумительно очаровательными мальчиком и девочкой... Графиня Головина, неразлучная подруга юных лет Елизаветы Алексеевны и ее страстная обожательница, в своих записках пишет: «Александр любил жену, как брат, она же нуждалась в любви, подобной той, которую питала к нему сама, если бы он сумел ее понять...»

«Александр обращался с женой по-мальчишески: трепал ее за волосы, щипал за ухо, дразнил ее и сердил..,» — добавляет Головина. Между ними установились весьма сложные и болезненные отношения. Это объясняет ее увлечение молодым гвардейским офицером Алексеем Охотниковым, который, однако, был убит ударом кинжала неизвестным преступником при выходе из театра. Великая княгиня, которая очень тяготилась этой тяжелой для нее потерей, поставила на его могиле великолепное мраморное надгробье. Этот памятник представляет собой молодую женщину в слезах у пораженного молнией дуба... Известно, что Александр поощрял ухаживания своего лучшего друга Адама Чарторыйского за женой. При дворе ходили упорные слухи, что первая ее дочь была от Охотникова, вторая — от Чарторыйского...

Однако также известно, что несколько позднее, когда Александр достаточно возмужал, у него была связь с Марией Антоновной Нарышкиной, урожденной княжной Святополк-Четвертинской, которая, в сущности, была его первой и единственной страстью. Современник Вигель пишет про нее, что она была «сверхъестественно красивой женщиной», но добавляет, что сам Александр остался «сфинксом», неразгаданным до гроба...» От него у Нарышкиной родилась дочь, которая

Мария Антоновна Нарышкина
урожд. княжна Святополк-Четвертинская —
единственная непостоянная любовь Александра
(Современная литография)

рано умерла, оставив Александра в неутешном горе на всю жизнь...

Привожу эти небезынтересные свидетельства современников, которые, может быть, объясняют и его безразличие к очаровательной француженке мадемуазель Жорж. Но вернемся к ее истории.

Ее весьма необыкновенная история из-за ее близости к Наполеону и ее весьма драматичная жизнь после разрыва с ним и приезда в Россию заслуживают внимания. Известно, что между 1800 и 1804 годами, когда первый консул Наполеон Бонапарт превращался в императора Наполеона Первого, вершитель судеб Франции, несмотря на свой брак с императрицей Жозефиной, увлекался преимущественно звездами Комеди Франсез и не брезговал разделять свое ложе с гремевшими тогда театральной славой партнершами гениального Тальмы — артистками Дюшенуа, Бургуэн и, в особенности, с едва достигшей семнадцатилетнего возраста дивой Комеди Франсез — мадемуазель Жорж.

Была она по происхождению немка, и ее настоящее имя было Маргарита-Жозефина Веймар, но прославилась она под псевдонимом-именем своего отца, мелкого немецкого артиста, подвизавшегося с женой на французской сцене, — Жоржа Веймара. Девушка родилась и выросла в этой артистической среде, когда ее родители играли на сцене провинциального французского театра в городке Байе пьесы Мольера. Впрочем, родилась она в Байе именно во время представления Мольерова «Тартюфа» в канун революции, в 1787 году, когда Наполеон Бонапарт был еще кадетом Бриенского военного училища.

С ранних лет маленькая Маргарита привыкла к невзгодам неприхотливой провинциальной жизни странствующих мелких артистов, с их бесконечными кочеваниями из одного провинциального городка в другой, к их выступлениям в народных театрах, обыкновенно лишь наполовину заполненных апатичной публикой, скупившейся платить полную цену билетов. Вместе с родителями девочка терпела всегдашние денежные трудности и нередко даже нужду в самом необходи-

мом. Но вот счастье улыбнулось им: отец, Жорж Веймар, получил должность директора маленького театра в городе Амьене, и жизнь семьи стала более обеспеченной. Маргарите едва исполнилось шестнадцать лет, когда в Амьенский театр приехала на гастроли известная парижская артистка Рокуар из Комеди Франсез, которая, благодаря расторопности и стараниям отца Маргариты, обрела большой успех и осталась довольна своим триумфом на Амьенской сцене. Мадемуазель Рокуар обратила внимание на одаренную молодую артистку дочь Жоржа Веймара: на ее весьма сценический голос, необыкновенную дикцию и, конечно, более всего — на ее поразительно красивую внешность, — качества, гарантирующие большой успех будущей дивы. Она без труда уговорила родителей Маргариты отпустить ее с ней в Париж, обещая устроить ее артисткой в Комеди Франсез.

Прошло лишь несколько месяцев, и вот, благодаря заступничеству своей влиятельной покровительницы, едва достигшая семнадцати лет Маргарита, которую тут же окрестили «мадемуазель Жорж», стала греметь на сцене Комеди Франсез в классических драмах партнершей божественного Тальмы... Особенно успевала она в роли Клитемнестры, что объяснялось не только изумительной игрой, но и неподражаемой внешностью актрисы. Публика вызывала ее на бис и неистовствовала, и она стала притчей во языцех у модных молодых парижан. Услышал о ней и знаменитый тогда художник Франсуа Жерар, который впоследствии стал придворным художником императора Наполеона и получил от него баронский титул. Он написал великолепный портрет мадемуазель Жорж, который появился в официальной экспозиции Салона этого года и перед которым беспрестанно толпилась публика. Так пришла большая известность и даже слава к молодой и талантливой девушке.

Известно, что Наполеон любил классическую драму в исполнении выдающихся актеров. Он особенно восхищался гениальным артистом того времени Франсуа-

Жозефом Тальма, который стремился изображать героев исторической драмы как можно более близкими к исторической реальности. К его школе принадлежали и знаменитые партнерши Тальмы, подвизавшиеся с ним на сцене Комеди Франсез. Когда-то при встрече с Гете Наполеон сказал поэту, что его угнетают комедии и что он просто скучает, смотря эти пьесы, но что, наоборот, его всегда восхищает классическая драма и глубоко волнует проникновенная игра драматических артистов. Он добавил, что королям и властителям полезно смотреть исторические, особенно классические драматические произведения и что они всегда могут многому научиться именно от драматического театра. Может быть, именно из-за этого его пристрастия к классической драме на сцене Комеди Франсез, Наполеон, особенно в 1800-1804 годы, т. е. когда он превратился в полного вершителя судеб Франции, доставлял немало тревог императрице Жозефине своим сожительством со звездами Комеди Франсез, увлекаясь поочередно то мадемуазель Дюшенуа, то мадемуазель Бургуэн, то, наконец, самой молоденькой и, несомненно, самой пленительной из них — мадемуазель Жорж, связь Наполеона с которой стоила немало слез его законной супруге...

В своих весьма ценных мемуарах мадемуазель Жорж довольно подробно описывает свою связь с Первым консулом, а потом с императором Франции, характеризуя его как очень горячего и страстного любовника и при этом человека благородного даже в этих своих проявлениях. Она говорит о падшем императоре с нескрываемым волнением и даже с восхищением, которое она сохранила к нему до самого конца своей жизни. Императору импонировала в ней не только божественная красота ее тела греческой богини, но и ее почти детское отношение к людям, отсутствие алчного расчета, столь частого у многих в ее положении, спокойный, уравновешенный нрав, умение приласкать и успокоить уставшего от жизненной борьбы и человеческой суеты властелина и при этом никогда не использовать это свое положение, никогда ничего не просить и быть равно-

душной к золотому дождю, сыплющемуся около нее и даже на нее...

Мадемуазель Жорж рассказывает, как однажды камердинер императора Констан, который, как известно, очень успешно устраивал его интимные дела, прибыл к ней на квартиру с приглашением провести вечер у Первого консула. Несмотря на то, что перед этим за ней ухаживало немало видных членов тогдашнего высшего общества, мадемуазель Жорж до своей связи с Наполеоном оставалась девственницей и не отдалась ни одному из них. Так, одним из ее ухажеров был богатейший польский магнат принц Сапега, а после него — ветреный младший брат Наполеона Люсьен Бонапарт, с которым она познакомилась в салоне его сестры Элизы Бонапарт, но с которым так и не вступила в более близкие отношения... И вот теперь, когда ее верная горничная Клементина сообщила ей, многозначительно улыбаясь, что сам камердинер Первого консула ожидает ее у ворот, она заколебалась и даже хотела извиниться, что чувствует себя немного больной. Но эта ее прислуга, практичная француженка, хорошо знавшая парижские нравы, запротестовала и изо всех сил стала убеждать свою молодую госпожу не отказываться от выгодного свидания с вершителем судеб Франции.

— Что вы! Что вы, мадемуазель, — увещевала она ее. — Знаете ли вы, что ни одна из артисток Комеди Франсез не пропустила бы этот счастливый случай?... Это значит — успех, верная карьера, первое место на сцене и в жизни...

Итак, несмотря на свои колебания и страхи, мадемуазель Жорж приняла приглашение Констана на завтрашний день...

Однако этот день не прошел без помех. В театре мадемуазель Жорж встретила артиста Тальма и чистосердечно спросила его совета.

— Конечно, принимайте приглашение, — сказал он ей. — Это полезно и важно для всех нас, а для вас — громадный личный успех. Поздравляю вас от всего сердца.

К несчастью, молодую артистку встретила у входа ее приятельница мадемуазель Волнэ. Она была любовницей недавно назначенного губернатора Парижа генерала Жюно и в тот же вечер у нее было свидание с ним. Она настоятельно просила мадемуазель Жорж заменить ее по этому случаю на сцене. Мадемуазель Жорж из-за своей собственной встречи вынуждена была отказать подруге, намекая, что у нее самой сегодня вечером встреча с человеком поважнее генерала Жюно. Эта ее чисто женская хвастливость, впрочем, не свойственная ее скромному характеру, не на шутку рассердила мадемуазель Волнэ и почти рассорила прежних приятельниц.

Вернувшись домой, мадемуазель Жорж сидела как на иголках. Она нервничала весь вечер, то колеблясь, то сгорая от нетерпения в ожидании этого свидания с очаровательным корсиканцем, который теперь так легко покорял все сердца ветреных француженок...

Наконец, в соседней церкви часы пробили восемь. Клементина, высунувшись из окна, увидела закрытую карету Констана, стоящую на углу соседней улицы. Полупьяный кучер Цезарь позвонил у входной двери, и в ту же минуту мадемуазель Жорж выпорхнула из дому в своем нарядном вечернем платье и вошла в карету, дверь которой ей вежливо открыл Цезарь.

В карете она разговорилась с любезным провожатым Констаном. Он успокоил ее напрасные волнения и страхи.

— Он ждет вас с нетерпением, — уверил он свою собеседницу. — Впрочем, он очень приятный и милый человек, — говорил Констан о своем господине, как будто речь шла о каком-то его приятеле.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо, — сказал он, осматривая ее с головы до ног с видом опытного знатока.

Мадемуазель Жорж на всю жизнь запомнила эту свою первую встречу с Первым консулом. Вот, как она рассказывает о ней в своих мемуарах. Констан привез ее в замок Сен-Клу и провел молодую девушку через оранжерею дворца в спальную комнату, окна которой

выходили на обширную террасу, всю покрытую декоративной зеленью и клумбами приторно-ароматных цветов. «Там, — вспоминает она, — увидела я поджидающего нас мамелюка Рустана, которого Наполеон привез из Египта и который на войне участвовал в походах своего господина, а в Париже служил ему верным телохранителем». Очевидно по своей восточной природе Рустан был полезным помощником Констана в этих вечерних посещениях почитательниц Первого консула. Он закрыл окно, спустил штору и поспешно зажег свечи в массивных хрустальных канделябрах, в то время как Констан пошел предупредить своего господина о прибытии молодой дивы... Она запомнила зеленые шелковые занавески на окнах и на дверях комнаты, громадный диван с подушками, поставленный против пылающего камина, а также у стены просторную кровать, которая прежде, наверно, служила королям и королевам Бурбонской династии. Эта дворцовая роскошная обстановка очень смутила ее. От изумительного блеска свечей у нее немного болели глаза, и она начала дрожать, не сумев овладеть собой перед ожидавшей ее встречей с самым могущественным человеком во Франции...

Но вот дверь открылась, и он вошел в вышитом золотом зеленом генеральском мундире, в дворцовых коротких шелковых панталонах, шелковых чулках и черных туфлях с серебряными пряжками. Семнадцатилетняя мадемуазель Жорж так смутилась, что даже не встала с дивана, на который ее посадил Констан. Этот тридцатичетырехлетний генерал, уже немного полный, но все еще очень интересный, с приветливой улыбкой на скорее итальянском, чем французском лице, так понравился молодой девушке, что она еще более смутилась и совсем потеряла контроль над собой. Наполеон заметил ее смущение, и эта ее застенчивость еще более покорила его.

— Неужели вы меня пугаетесь? И я кажусь вам столь страшным? — спросил он ее, продолжая приветливо улыбаться. И чтобы совсем расположить ее к себе, он добавил, смотря ей в глаза: «Вчера в театре я вос-

хищался вашей игрой и нашел вас просто прекрасной. И я решил встретиться с вами и выразить вам мои восторженные чувства...»

И с присущим ему шармом, он начал с ней непринужденный разговор, которым так часто умел покорять не только женщин, но и мужчин, с которыми ему приходилось иметь дело. Она как-то сразу пришла в себя и на его вопрос ответила, что настоящее ее имя Маргарита-Жозефина, но что взяла она имя своего отца, и что в театре и всюду зовут ее мадемуазель Жорж. Наполеон загадочно улыбнулся и сказал ей, что это имя — «Жозефина» — обычно приносит ему счастье, но что он, как и другие, предпочитает называть ее запросто «Жеоржина» и что так он теперь будет звать ее... Потом она совсем освоилась с обстановкой и попросила его погасить свечи, потому что у нее болят глаза от такого изобилия света. Наполеон сразу вызвал Рустана, который сейчас же потушил большинство свечей. В спальне, освещаемой теперь теплым пламенем камина, стало сразу более приветливо и интимно. Он стал расспрашивать гостью о ее прошлой жизни и были ли у нее в прошлом какие-нибудь любовные приключения. Она чистосердечно ответила ему, что нет, хотя и не скрыла, что его собственный брат Люсьен и принц Сапега как-будто хотели начать ухаживать за ней. Она добавила, что Сапега даже подарил ей эту роскошную шаль, в которой она пришла сегодня... Услышав о своем младшем брате, Наполеон как-то небрежно махнул рукой, а про польского принца сказал, чтобы она больше не встречалась с ним и просто выбросила его шаль.

Потом он поблагодарил ее за искренность и сказал ей, что все то, что она ему сказала, он уже знал о ней, и что в будущем она должна будет встречаться лишь с ним одним и избегать всех других поклонников.

Она, со своей стороны, была очень признательна ему, что он ничем не обидел ее в этот вечер, был лишь очень милым и деликатным и не позволил себе ничего нескромного. «Господи! — воскликнула она. — Я, конечно, не говорю, что он был влюблен в меня, но я уверена, что я ему понравилась... Если бы нет, он, конечно,

не стал бы слушать до пяти часов утра мою детскую болтовню...» В пять часов утра она просто сказала ему, что устала и что с удовольствием придет к нему опять. Наполеон даже не пытался задержать гостью, поцеловал ее довольно платонически в лоб и отпустил домой, вызвав Констана и велев ему проводить мадемуазель Жорж.

Оставшись одна, мадемуазель Жорж все больше и больше отдавала себе отчет в том, что она по уши влюбилась в очаровательного Первого консула, и уже не без нетерпения ждала посещения Констана.

Следующий ее визит в замок Сен-Клу был уже более непринужденным. Наполеон, по ее словам, сказал ей: «Смотри, Жеоржина, позволь мне любить тебя, как я хочу, чтобы и ты меня любила. Имей ко мне полное доверие. Правда, ты еще мало знаешь меня, но мне необходимо, чтобы ты хоть минуточку любила меня. Чтобы быть счастливым нам обоим, надо, чтобы мы в одну и ту же секунду чувствовали электрическую волну, проходящую через нас. Скажи мне, любишь ли ты меня хоть немножко?»

«Боюсь, что я люблю вас слишком сильно..,» — отвечала она.

На следующий вечер мадемуазель Жорж играла главную женскую роль в театре. Когда она начала свой монолог, она посмотрела на центральную ложу Первого консула. Ложа была пуста. Она начала произносить свой монолог, но играла как-то без чувства, потому что его не было. В этот момент в театре послышался какой-то шум. Публика встала, потому что в правительственную ложу вошел Первый консул. После обычных приветствий, она снова начала прерванный монолог. Это был настоящий триумф. Публика аплодировала, вскакивала со своих мест. Вызывала на бис второй и третий раз. Мадемуазель Жорж, однако, смотрела влюбленными глазами на человека, ставшего кумиром ее жизни. Во всем театре только он существовал теперь для нее... Наконец, под бурные аплодисменты публики занавес упал. Начались нескончаемые овации. Но мадемуазель Жорж с нетерпением ждала конца представления и

бросилась домой, где ее уже ждал Констан со своей каретой.

В третий раз она поехала в замок Сен-Клу. В своих мемуарах она признает, что в эту третью ночь она капитулировала и отдалась своему полубогу. Потом она искренне описывает свою связь с Первым консулом, а потом и с императором Наполеоном, в подробностях вспоминая эти счастливые годы взаимной чувственной любви между ними. Став императором, Наполеон переехал в Тюильрийский дворец, но продолжал несколько лет встречи со своей любовницей. Отношения их продолжали быть полны страстного увлечения и с его, и с ее стороны. Читающему ее мемуары кажется, что его посвящают в первую любовь юношеской пары, отдавшейся друг другу в порывах своей свежей страсти.

Но со временем мадемуазель Жорж стала играть видную роль при дворе французского императора. Он представлял ей всех знаменитостей двора: и принца Талейрана, и своих прославленных маршалов, и Колэнкура, и других своих дипломатов. В Англии, в Австрии, в России считали, что Наполеон делится важными секретами со своей фавориткой и что она не менее влиятельна при нем, чем была знаменитая мадам де Помпадур при короле Людовике Пятнадцатом! И конечно, все дипломаты великих держав искали сближения с влиятельной фавориткой императора Наполеона — мадемуазель Жорж. Вилльям Пит (Второй), бывший несколько раз премьер-министром английского короля, известный своей непримиримой враждой к Франции Наполеона, послал в Париж одного из деятельных участников английской разведки капитана Хилла с задачей сблизиться с мадемуазель Жорж, переманить ее в Лондон и обещать ей особое покровительство короля и значительную денежную субсидию. Этот английский тайный агент, прибыв в Париж, стал часто посещать Комеди Франсез и через других артистов сумел завязать с мадемуазель Жорж личную связь. Она даже тайно встретилась с ним в Булонском лесу и выслушала его предложения, но ничего определенного ему не ответила. Сразу же после свидания артистка предупредила

Наполеона о предложении Хилла, и он был немедленно арестован самим министром полиции Фуше и выслан из Франции.

Однако после коронации Наполеона его отношения с мадемуазель Жорж заметно охладели, хотя и не были окончательно прерваны. В день коронации она не присутствовала на церемонии в Парижском соборе, а лишь наблюдала шествие с балкона одного из домов около Пон-Неф. В своих мемуарах мадемуазель Жорж вполне благожелательно отзывается об императрице Жозефине, восхищается ее тактом и вкусом. Через десять дней после коронации Наполеон и Жозефина присутствовали в Комеди Франсез на представлении «Синна», и мадемуазель Жорж снова играла с громадным успехом под аплодисменты императорской четы и всего двора. Но прошло пять недель после коронации, прежде чем Констан снова прибыл на ее квартиру с приглашением Наполеона посетить его в Тюильрийском дворце, как раньше... Несмотря на эту встречу, прежние их отношения никогда больше не были восстановлены. У Наполеона теперь были новые почитательницы, а у мадемуазель Жорж появились новые поклонники, среди которых был и несколько раз посещавший Париж австрийский канцлер принц Меттерних и русский богач Демидов, собственник сибирских сталелитейных заводов.

Наполеону было 35, когда мадемуазель Жорж в последний раз побывала в его спальне в Тюильрийском дворце. Констан привез ее, как прежде, и оставил наедине с Наполеоном. На этот раз произошел необыкновенно трагичный для них обоих случай. Психиатры объясняют это редким случаем эпилепсии, которой болел Наполеон еще с детства, но припадки эти происходили чрезвычайно редко, когда он был слишком переутомлен или впадал в особенную нервную депрессию. Мадемуазель Жорж, да и никто во дворце, даже сама императрица Жозефина, никогда ничего не слышали об этих припадках императора. Любовники были в постели, когда, в самый апофеоз свидания, Наполеон вдруг потерял сознание, сделался бледным, как полотно, и

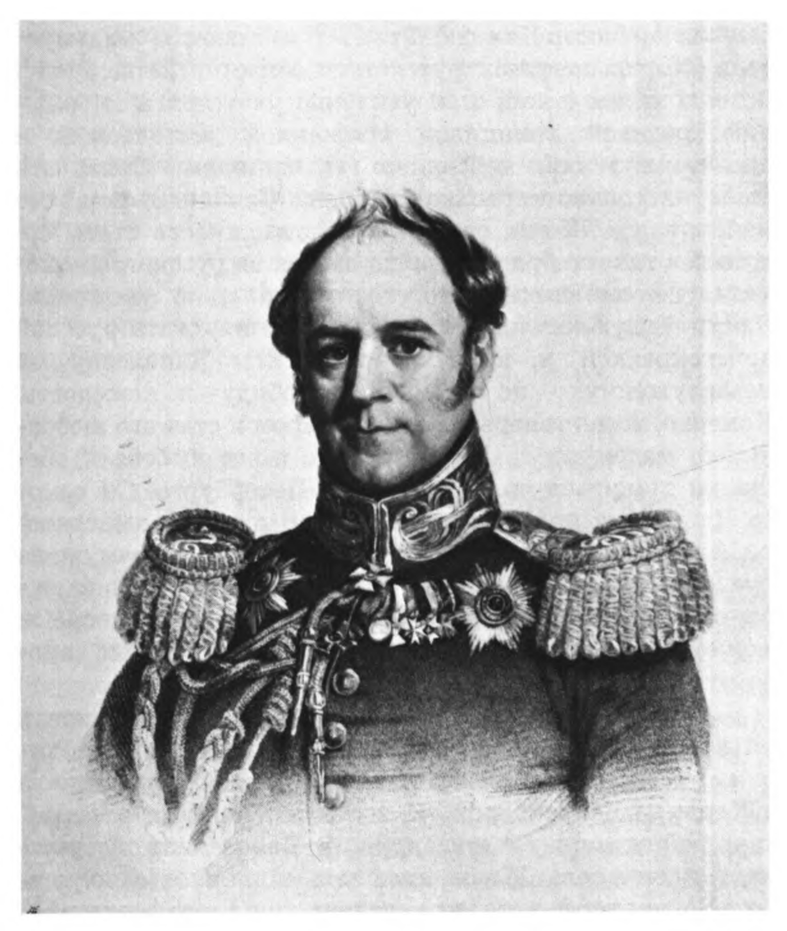
его подруга решила, что он скоропостижно скончался. Мадемуазель Жорж впала в истерику. Голая, она начала прыгать около лежащего на кровати нагого императора и кричать что есть силы: «Помогите! Помогите! Он умер!» Во дворце поднялась невообразимая паника. Сначала прибежали дежурившие в соседней комнате Констан и Рустан, потом слуги и прислужники, которые также дежурили во дворце, и, наконец, спавшая в своих апартаментах, императрица Жозефина, накинувшая на себя лишь ночной халат. Послали за дворцовыми докторами, но как раз в это время Наполеон сам вдруг пришел в себя. Увидев себя голым со своей любовницей, в окружении прислуги и дежурных офицеров охраны, а также и стоявшую тут же в одном ночном халате свою супругу, ревнивую императрицу Жозефину, император пришел в бешеную ярость и чуть не впал во второй припадок. Однако он овладел собой, выгнал всех вон, и обозвав свою возлюбленную безмозглой дурой, велел ей убираться прочь и никогда больше не показываться ему на глаза. Так кончился роман мадемуазель Жорж с вершителем судеб Франции императором Наполеоном.

□

После Тильзитского мира, заключенного между Александром и Наполеоном в июле 1807 г., царь назначил в Париж своим послом генерала графа Петра Александровича Толстого, бывшего петербургского генерал-губернатора и деятельного участника войн Александра с Наполеоном; на этом посту Толстой пробыл до 1808 года. Толстой не доверял Наполеону и постоянно предостерегал Александра о тайных агрессивных замыслах французов против России и против остальных государств Европы, главным образом, Австрии, Англии и Пруссии. Советником его при русском посольстве в Париже был его бывший сослуживец полковник Александр Христофорович Бенкендорф, который при императоре Николае Первом стал начальником Третьего отделения и шефом жандармов, т. е., фактически, директором полиции империи и шефом императорской раз-

ведки. Будучи советником русского посольства в Париже, он в подробностях знал о происках Англии и Австрии и об их усилиях переманить на свою сторону бывшую любовницу Наполеона, знаменитую мадемуазель Жорж, которая была хорошо осведомлена о внутренней и внешней политике Франции и могла принести значительную пользу в борьбе России и ее союзников против Наполеона. Зная, однако, о провале попыток Англии и Франции, Бенкендорф поступил гораздо более осмотрительно. Благодаря связям русского богача Николая Демидова и его сыновей, у которых на приемах бывали артисты Комеди Франсез и, конечно, мадемуазель Жорж, советник русского посольства Бенкендорф познакомился с ней, стал усиленно ухаживать за молодой красивой женщиной, обиженной Наполеоном, и представлял себя в Париже ее женихом. Связь эта была настолько серьезно устроена Бенкендорфом, что мадемуазель Жорж поверила в возможность стать его женой и таким образом, выйдя замуж за русского дипломата и полковника, которого ожидала, по уверениям Демидовых, блестящая карьера в России, стать русской аристократкой и, конечно, отплатить Наполеону за незаслуженную, по ее мнению, обиду и немилость. Конечно, живя теперь с Бенкендорфом и став его любовницей, мадемуазель Жорж верила в его любовь и обещания жениться на ней в Санкт-Петербурге. От самого Наполеона она много слышала о русском императоре Александре и теперь, рассчитывая выйти замуж за русского аристократа, вернее немца на русской службе, она надеялась быть принятой при русском дворе и, может быть, соблазнить теперь своей красотой и самого русского императора.

А что эти намерения Бенкендорфа представлялись ей весьма серьезными, доказывают ее письма из России к матери, письма, которые она упорно подписывала «Жорж де Бенкендорф». И когда теперь, во время разгара войны между Александром и Наполеоном, несчастная мадемуазель Жорж, наконец, поняла, что полковник Бенкендорф интересовался ею лишь для осведомления русской секретной службы о ее любовнике импера-

Граф Александр Христофорович Бенкендорф

торе Наполеоне, в порыве отчаяния и разочарования в людях она обратилась к самому русскому царю, который никогда ей ничего не обещал, никогда ее не обманывал радужными надеждами, но который казался ей человеком высшей морали, не сравнимым ни с Наполеоном, ни с Бенкендорфом. И в этом, конечно, она не ошиблась.

Сведения, которые сам император Александр получил от мадемуазель Жорж, были весьма важными для русской разведки: за эти несколько лет интимной жизни с первым консулом, а потом с императором Франции, мадемуазель Жорж получила от Наполеона множество сведений о его характере, слабостях, отношениях с разными людьми из его окружения. Так, мадемуазель Жорж подробно поведала царю о дрязгах в самой семье Наполеона, о его соперничестве с некоторыми из его братьев, о ненависти всей его родни к императрице Жозефине... Она рассказала Александру, что до брака с Наполеоном Жозефина была любовницей члена Директории Барраса, который, чтобы отделаться от нее, выдал ее за генерала Наполеона Бонапарта, получившего за это должность главнокомандующего в Италии. Жозефина была почти на десять лет старше Наполеона и скрывала свой возраст. Они состояли только в гражданском браке, и Жозефина тайно сообщила эту подробность папе Пию Седьмому в самый канун коронации. Папа потребовал от Наполеона оформить брак до коронации, и за день перед торжеством дядя Наполеона Кардинал Феш секретно обвенчал их...

Мадемуазель Жорж рассказала Александру о вражде Наполеона с некоторыми своими маршалами, и в частности, с Бернадотом. Она также сообщила об очень важных для Александра отношениях Наполеона с его «великим шамбелланом» Талейраном, фактическим руководителем внешней политики Франции. Она рассказала царю, что Наполеон презрительно называл Талейрана «хромым дьяволом» и что он как-то поведал ей, что Талейран получил от Австрийского императора сто тысяч франков за сведения, которые министр дос-

Граф Николай Александрович Толстой, посланник императора Александра при французском дворе (Портрет кисти Анжелики Кауфман, гравюра Моргена)

тавлял Меттерниху о намерениях Наполеона... И все же Наполеон терпел старого интригана, который слишком много знал и от которого он не мог отделаться... На основании этих сведений Александр сам ассигновал на подкуп Талейрана громадные суммы — свыше миллиона золотых рублей — и разрешил его брак с дочерью Курляндского герцога, вдова которого фактически стала любовницей Талейрана... Много других тайн французского двора открыла императору Александру мадемуазель Жорж... Впрочем, несомненно, у русской разведки были и иные важные источники информации, такие, как бежавшие в Россию французские эмигранты и множество недовольных политикой Наполеона бывших его сотрудников.

Впрочем, сам французский император не раз жаловался русскому царю и в своих личных письмах, и через своего посла в России генерала графа Коленкура, что посланник Александра в Париже «вмешивается не в свои дела», и требовал немедленно его отозвать из Франции...

Конечно, французы не оставались в долгу у русских, и правительство Наполеона содержало множество осведомителей в России. Они были не только среди живущих в Санкт-Петербурге и Москве французских эмигрантов, но и между сановниками Александра и его дипломатами, которым не хватало относительно скудного жалованья чиновников посольств. Впрочем, это не касалось самих послов, которые, как граф Толстой, были богатыми помещиками, да и на оклады им царское правительство не скупилось, считая приличное их содержание вопросом чести для самой империи...

18. УЧАСТИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА В ВОЙНЕ

Несмотря на свои две победы над союзниками, Наполеон возобновил переговоры о перемирии через Австрию. Оно состоялось в Пойшвице, было подписано

4 июня 1813 года и заключено на шесть недель, до 20 июля, и впоследствии продолжено еще на три недели, до 10 августа включительно. Это перемирие было большой личной победой императора Александра, твердость которого, невзирая на поражения, импонировала не только Наполеону, но и Австрии. Его последовательность и упорство сломили малодушие прусского короля и вдохновили союзных офицеров и солдат.

Французы немедленно очистили Бреславль и согласились установить с союзниками нейтральную полосу. Главная квартира союзников была перенесена в Рейхенбах, а сам Александр поселился в его окрестностях, в замке Петерсвальд. Наполеон же отправился в Дрезден. Твердость Александра просто гипнотизировала Наполеона, который после поражения в России потерял веру в себя и в свою непобедимость. За обеденным столом в Дрездене он сказал своим приближенным: «...Если союзники искренне не стремятся к миру, это перемирие может оказаться роковым для нас...» Впоследствии, уже находясь на острове Св. Елены, Наполеон признавал свою действительно роковую ошибку: «Не следовало мне соглашаться на это перемирие после победы в Бауцене. Я уже был в Бреславле, и если бы продолжал безостановочное движение вперед, русские и пруссаки ушли бы за Вислу, поляки снова взялись за оружие и мой тесть никогда не отважился бы явно восстать против меня...» Очевидно, впрочем, что третья большая победа Наполеона заставила бы русских отступить в Польшу, Пруссия была бы окончательно подавлена и император Франц и Меттерних сохранили бы нейтралитет и, может быть, даже возобновили свой союзный договор с Наполеоном.

В сущности, исход войны теперь зависел от того, к какой стороне присоединится свежая, хорошо вооруженная Австрия. Престиж Александра после разгрома французов в России и его твердость в теперешней войне против Наполеона, несмотря на недавние поражения при Люцене и при Бауцене, побудили Австрию присоединиться к союзникам. Император Франц и Меттерних, через которых шли переговоры о перемирии, были

удивлены тем, что инициатива мирных переговоров исходила не от Александра, а от Наполеона, и что именно Александр ставил весьма серьезные условия, а Наполеон довольно легко шел на уступки. Несомненно, император Александр искусно проводил эту игру, ставкой в которой была Австрия.

14 и 15 июня Англия, зорко следящая за переговорами, касающимися общего врага, и, несомненно, верящая в звезду русского царя, подписала с союзниками тайный договор, обязуясь в случае продолжения войны предоставить им внушительную денежную субсидию.

16 июня император Александр приехал в Опочну, в Северной Богемии, погостить у своей сестры, великой княгини Екатерины Павловны. Сюда прибыл также князь Меттерних, посланный императором Францем для переговоров с Александром. Сам австрийский император, ввиду заключения тайного договора с Александром, переселился временно в Гичин. В результате переговоров Австрия 27 июня заключила в Рейхенбахе секретную конвенцию с Россией и Пруссией, в силу которой она обязывалась объявить войну Наполеону, если до истечения перемирия он не согласится предоставить союзникам Варшавское герцогство и очистить все занятые французами прусские, австрийские и другие германские земли. Это соглашение фактически означало присоединение Австрии к коалиции России и Пруссии, в которой также участвовал от имени Швеции наследный принц Бернадот, в прошлом маршал Наполеона, женившийся на его бывшей невесте Дезире Клари.

Однако, несмотря на эти блестящие успехи Александра, ставшего вождем европейской коалиции против Наполеона, у царя были некоторые трудности в самой России. Канцлер империи граф Румянцев, оставшийся в Санкт-Петербурге после отъезда императора Александра в Вильну в декабре 1812 года, не сочувствовал новой политике царя — его решительному вмешательству в европейские дела и отсутствию в России. Он чувствовал себя «канцлером не у дел», обреченным

Клеменс Лотар, князь фон Меттерних,
канцлер и министр иностранных дел Австрии
(Портрет кисти Фр. Жерара)

фактически, как он писал самому императору и графу Аракчееву, «лишь слыть государственным канцлером, но пребывать отлученным от участия и сведения государственных проблем...» Его это тяготило, и он неоднократно выражал желание уйти в отставку, чтобы жить в Вене среди своих многочисленных западных друзей. Александр написал Румянцеву длинное и весьма дружеское письмо, объясняя, что ему, Александру, необходимо для блага России продолжать войну с Наполеоном, чтобы навсегда избежать тягостных событий Отечественной войны, и прося канцлера оставаться на своем посту.

Со своей стороны, Наполеон всеми силами хотел достигнуть полного примирения с Александром и продолжал действовать в этом направлении. Он негодовал на Австрию, которая, вырвавшись из своей от него зависимости, в явном ожидании перекинуться на сторону Александра, присвоила роль судьи между ним и союзниками. Все еще надеясь, что его бывший посланник при Александре сможет перебросить мост между ними, Наполеон писал Коленкуру: «Россия имеет полное право на выгодные условия мира. Она купила их ценою двух тяжких походов, опустошением областей, потерею столицы, Австрия же, напротив, не заслуживает ничего. Ничто не огорчило бы меня так, как если бы Австрия в награду за свое вероломство получила бы выгоды и славу восстановления мира в Европе...»

26 июня Меттерних прибыл в Дрезден для переговоров с Наполеоном о мире с союзниками. Французский император принял его весьма сухо, даже не скрывая своего к нему презрения: «Сколько вам дала Англия, — спросил он австрийского канцлера, — за то, чтобы вы сделались моим врагом?» Этот весьма оскорбительный вопрос еще более оттолкнул Меттерниха от Наполеона и, может быть, более всего способствовал окончательному разрыву Австрии с Францией. Все же Наполеон согласился уничтожить союзный договор с Австрией, подписанный в 1812 году, и на посредничество Австрии между ним и союзниками. Он потребовал созвать в Праге конгресс для переговоров о восстановле-

нии европейского мира, в которых участвовала бы и Англия.

10 августа в Праге открылись эти переговоры, которые, как и следовало ожидать, не привели ни к чему, поскольку в действительности никто не хотел мира, но позволили обоим лагерям выиграть время, чтобы закончить свое вооружение. Граф Нессельроде, ближайший советник Александра по иностранной политике, записал в дневнике: «Нет конгресса, который бы был более безрезультатным... В сущности, никто искренно не желал мира...» Сам Александр, слушая эти бессмысленные прения, выразился так: «Только меч может и должен решить это дело...» Длились эти переговоры менее двух дней. Меттерних 12 августа прислал от имени Австрии графу Нарбонну, французскому послу при венском дворе, ноту с объявлением войны Франции.

Но уже накануне, в ночь с 10 на 11 августа, на всем пространстве от Праги до главной квартиры союзников запылали сигнальные костры, возвестившие об окончании перемирия. В ту же ночь главнокомандующий союзными войсками Барклай-де-Толли послал на неприятельские аванпосты объявление о прекращении перемирия. На другой день русско-прусские войска численностью 126.500 человек выступили из Силезии в Богемию — так начался осенний поход 1813 года. Командование Богемской союзнической армией было поручено князю Шварценбергу. В сущности же, не принимая титул главнокомандующего, всей кампанией руководил император Александр: хотя в пражском Градчине пребывали одновременно с императором Александром австрийский император Франц и прусский король Фридрих-Вильгельм с внушительными военными свитами, царь имел решительное влияние на все движения союзных армий.

Союзники располагали весьма внушительными силами: главная Богемская армия под начальством австрийского фельдмаршала князя Шварценберга в 237.000 человек с 764 тяжелыми орудиями, которая включала русские, австрийские и прусские войска; Силезская армия под начальством фельдмаршала графа Блюхера

Принц Карл фон Шварценберг,
главнокомандующий союзных армий
(Портрет кисти Фр. Жерара).

в 100.000 человек с 340 тяжелыми орудиями с участием русских и прусских войск; Северная армия в 155.000 человек под начальством шведского наследного принца Бернадота с 359 тяжелыми орудиями, с участием русских, прусских и шведских войск. Кроме того, на Нижней Эльбе союзники располагали отдельным корпусом в 28.000 человек с 62 тяжелыми орудиями под начальством шведского принца Карла-Иоанна и резервной «Польской армией», находившейся в Варшавском герцогстве, которой командовал генерал Беннигсен (она могла принять участие в войне только в первой половине сентября). Итак, союзники имели огромную армию в 492 тысячи человек с 1.383 тяжелыми орудиями. Наполеон мог выставить также весьма внушительную армию в 440 тысяч человек с 1.200 тяжелыми орудиями.

22-го августа началось наступательное движение Богемской армии к Дрездену. Однако к четырем часам пополудни 25 августа союзники успели сконцентрировать при Дрездене лишь 60 тысяч человек. Все утро прошло в бесполезных спорах между штабными генералами, в то время как император Александр и прусский король Фридрих-Вильгельм с князем Шварценбергом наблюдали с холма при селении Рекниц за движением войск около города. Шварценберг допустил роковую ошибку: вместо того, чтобы сразу сломить французский Сен-Сирский корпус, который был значительно слабее союзной армии, он приказал отложить сражение до следующего утра под тем предлогом, что необходимо дождаться прибытия остальных войск. Это дало французам целые сутки, чтобы поспеть к Дрездену на выручку Сен-Сирскому корпусу.

Итак, 26 августа началось знаменитое Дрезденское сражение. Император Александр появился в 11 часов утра на Рекницком холме, откуда он мог наблюдать движение французских войск по дороге на левом берегу Эльбы. Шварценберг снова решил приостановить наступление, и опять начались бесконечные споры. Генерал Моро, который по приглашению Александра участвовал в сражении, видя бездействие Шварценберга, пришел в крайнее возбуждение и, бросив в гневе шля-

пу на землю, сказал князю Шварценбергу: Теперь я больше не удивляюсь, что вот уже 17 лет подряд вас всегда бьют...» Император Александр старался его успокоить и отвел в сторону. «Государь, — сказал ему Моро, — этот человек все погубит...»

Действительно, Шварценберг своими противоречащими одно другому распоряжениям едва не проиграл Дрезденское сражение. Решив отменить наступление, он так и не нашел своего начальника штаба генерала Радецкого, и, пока он его отыскивал, войска, исполняя его прежнюю команду, пятью колоннами двинулись вперед на фронте, раскинутом на 15 верст. Это случилось в 4 часа пополудни. В 6 часов, т. е. через два часа, Наполеон перешел в хорошо организованное наступление и отбросил наступавших союзников. «Император Александр, — пишет в своей реляции Данилевский, — очень долго оставался на поле сражения, во мраке ненастного осеннего вечера, пока погода не утихла, и не заблистали тысячи костров, разложенных войсками. В штабе же опять происходили совещания, что на следующий день надлежало предпринять...»

Ввиду того, что к ночи около 160 тысяч человек сосредоточились под Дрезденом, решили оставить войска на занимаемых ими позициях. Наполеон был убежден, что ночью союзники отступят. Однако этого не произошло. Александр, переночевав в замке Нетниц, в 6 часов утра — это было 27 августа — верхом выехал на позицию. Войска провели ужасную ночь, рассказывает Данилевский, под открытым небом, при страшной буре, в грязи на биваках и при полном отсутствии продовольствия. Обе армии стояли одна против другой на самом близком расстоянии. В седьмом часу, несмотря на страшный ливень, началась сильная канонада. Генерал Моро, который стоял всего лишь в нескольких шагах позади императора, был тяжело ранен. Ядро оторвало ему правую руку и раздробило левое колено. Одновременно союзники узнали, что Мюрат захватил 16 орудий и несколько боевых знамен и что за Плауэнским оврагом четыре австрийских полка, бросив оружие, сдались французам. Вечером Шварценберг настоятельно потре-

бовал отступления: около 30 тысяч солдат убитыми и ранеными были потеряны союзниками в этих боях. Наступление врага остановила сильная буря. Сам Наполеон, промокший до костей, с трудом добрался до дворца своего друга и союзника саксонского короля. На поздравления саксонского военного министра генерала Герсдорфа Наполеон гордо отвечал: «Буря спасла союзников от полного истребления... Я хотел овладеть высотами, но из-за ливня не смог это сделать. Надеюсь придти в Богемию прежде, чем отступят туда мои противники; я достигну Праги одновременно с ними... Я доволен сегодняшними успехами, но там, где меня нет, все идет плохо...»

Однако, к счастью для союзников, разбитые под Дрезденом войска не подверглись энергичному преследованию. Наполеон, простудившись, заболел, и французы ограничились лишь захватом брошенных войсками повозок. 29 августа он возвратился в Дрезден с большинством своим солдат. Генерал Вандам один преследовал отступающие войска. Однако, союзные войска оказали сильное сопротивление, и 29, и 30 августа в сражении при Кульме французы потерпели полное поражение. Своевременные распоряжения императора Александра, который приостановил отступление, спасли армию после двухдневного сражения.

Император Александр предложил возобновить бой на следующее утро, опасаясь отступления через горы в столь ненастную погоду. Но Шварценберг настоятельно потребовал отступления: австрийские солдаты были до того изнурены от голода, что многие падали мертвыми в строю. Источники утверждают, что более трети людей шли босиком. Ко всем невзгодам, испытанным союзниками, нужно прибавить и громадные жертвы, понесенные ими в битве при Дрездене, — 30 тысяч убитых и раненых. Император Александр, видя все это, должен был, скрепя сердце, согласиться на отступление. Возвращаясь вечером на ночлег, Александр встретил длинный ряд повозок с ранеными русскими солдатами и офицерами. Царь подъезжал ко многим из них, ласково разговаривал, спрашивал о их нуждах и, называя своими

сотоварищами, благодарил их за подвиг во имя родины. «Как после этого, — пишет очевидец капитан Данилевский, — офицерам и солдатам было не боготворить Александра, который делил с ними и непогоду, и опасности и старался утешить раненых на поле битвы...»

Это была первая победа союзных войск, победа, которую историки с полным правом приписывают самому Александру. «Пленные, — рассказывает Данилевский, — проходили целыми колоннами перед государем. Наконец, издали показался сам генерал Вандам, плененный казаками. На другой день, по приказанию царя, этот французский генерал был отправлен в Москву. Одновременно прибыл курьер от Блюхера с донесением о разгроме французов при Кацбахе».

Победа при Кульме, которую одержал лично Александр, сразу подняла дух всей союзной армии. Потерпевшей поражение под Дрезденом и расстроенной хаотичным отступлением армии необходима была первая победа, которая и стала поворотным пунктом в этой кампании.

Перед победой при Кульме Шварценберг, совсем отчаявшись в успехе, решил уже отвести австрийскую армию за реку Эгер, а Меттерних снова убеждал императора Франца выйти из коалиции. Однако победы при Кульме, при Грос-Беерне и Кацбахе, как и победа Северной армии при Денневице, спасли союзников. 9 сентября по инициативе императора Александра в Теплице Россия новым договором скрепила свой союз с Австрией и Пруссией. В силу этого соглашения все три участвовавших в коалиции государства обязались содержать до окончания войны армии по 150 тысяч человек каждая и не договариваться о мире отдельно, а заключать мир с Наполеоном по взаимному согласию и при непременных определенных условиях.

26-го сентября резервная Польская армия, организованная по распоряжению Александра генералом Беннигсеном, пришла к окрестностям Теплица — резиденции царя. Союзники теперь располагали значительным перевесом над французами. Все были согласны перейти к общему решительному наступлению.

Генерал Вандамм, разбитый союзниками при Кульме, сдается со своей армией и орудиями. Впереди император Александр принимает сдающихся французов
(Современная гравюра)

19. ЛЕЙПЦИГСКАЯ ПОБЕДА АЛЕКСАНДРА

Император Александр настаивал перед союзниками на том, что надо использовать последние их победы на нескольких фронтах, чтобы перейти к решительному наступлению всеми армиями одновременно, одним общим массивным ударом ошеломить Наполеона и этой победой закончить кампанию. Таким образом, под давлением Александра в главной квартире решено было немедленно атаковать Наполеона, двинув армии Богемскую и Беннигсена в Саксонию, а Силезскую и Северную армии переправить через Эльбу, и направить затем все армии к Лейпцигу.

Итак, 16-го октября почти все союзнические силы были уже сосредоточены вокруг Лейпцига, кроме армии Беннигсена и корпуса Коллоредо, которые подошли на следующий день. В главной квартире решили немедленно атаковать французов, чтобы предупредить сосредоточение сил Наполеона. Однако относительно плана атаки опять возникли сильные разногласия. Желая зайти неприятелю в тыл, Шварценберг намеревался сконцентрировать главные силы в долине между реками Плейса и Эльстер. Император Александр обычным своим спокойным тоном старался доказать Шварценбергу нецелесообразность этого плана, но австрийский маршал продолжал настаивать на своем. «Император Франц и король Фридрих-Вильгельм, — пишет Данилевский, — избегали взять сторону либо императора Александра, либо князя Шварценберга, однако от времени до времени делали несущественные замечания и соглашались то с императором Александром, то с Шварценбергом». Тут проявился твердый и решительный характер царя: Александр сказал главнокомандующему тоном, не терпящим возражения: «Ну хорошо, господин маршал, так как вы упорствуете, делайте с австрийской армией, что хотите, однако, что касается русских войск великого князя Константина и Барклая, они пойдут направо от реки Плейсы, где они должны быть, и никуда больше...»

По поводу этого исторического спора Данилевский

делает относительно характера императора Александра интересное замечание, ценное для историка своей объективностью, впрочем, весьма удивительной для того времени: «Сколько я ни наблюдал Государя, рассуждающего о военных делах на поле, должен сказать, что его мнения были самые основательные и дальновидные... Но у него была какая-то недоверчивость к самому себе, и он имел тот недостаток для военного человека, что он не скоро оценивал местное положение поля сражения или, говоря техническим языком, он с трудом мог ориентироваться...»

Тем не менее, сражение 16-го октября полностью подтвердило высказанное накануне мнение царя: Шварценберг, упорствуя на своем плане, все же двинул австрийские войска в долину между Плейсою и Эльстером и жестоко поплатился за эту ошибку: войска генерала Мерфельда и принца Гессен-Гамбургского попали в мешок, окруженные армиями Наполеона...

Утром 16-го октября император Александр рано прибыл на поле сражения — армия еще строилась в боевой порядок. Сосредоточенный, ехал он шагом к первой линии, как вдруг, к началу десятого часа, раздался гул первого пушечного выстрела французов. Милорадович, бывший около Александра, сказал царю по-французски: «Неприятель салютирует прибытие Вашего Величества...»

Вскоре войска двинулись в атаку на французов, однако повсюду они встретили сильное сопротивление. Уже три часа кипел бой, но нигде русские войска не продвинулись ни на шаг. Тогда Наполеон решился прорвать центр союзников и отбросить их к Плейсе... Слабость Богемской армии состояла в том, что Шварценберг увел от главного фронта австрийские войска и атака велась разбросанными силами на фронте, протянувшемся более чем на восемь миль. Около двух часов пополудни Наполеон двинул свои главные силы и всю кавалерию против центра союзной армии и вскоре достиг селения Госсы, близкого к холму, на котором стоял Александр. Генералы свиты умоляли царя удалиться, так как к этому месту подходил самый центр

сражения. Но Александр, как всегда в моменты большой опасности, не обращал на их увещания никакого внимания, напряженно следил за сражением, постоянно заботясь посылать подкрепления туда, где французы успевали опрокинуть войска союзников...

Все генералы свиты царя говорили между собой, что сражение уже проиграно. «Я смотрел нарочно на государя, — пишет Данилевский, — на спокойном его лице ни разу не прочел я смущения... Видя наступающих французских кирасир, император приказал находящемуся около него конвою казаков ударить по ним... Положение императора было тем опаснее, потому что за его спиной находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста». В эту критическую минуту сражения император распорядился ввести в действие резервную артиллерию. Подозвав к себе начальника артиллерии генерала Сухозанета, государь указал на поле сражения: «Видишь, теперь тот лучше, кто прежде всех сюда поспеет. Далеко ли твоя артиллерия?» — «Он будет здесь через 2 минуты», — ответил сообразительный генерал, заблаговременно приказавший резервным своим батареям идти скорым шагом к Госсе...

Заметив сосредоточение неприятельских сил у Вахау, Александр немедленно приказал своему гвардейскому корпусу атаковать французов. 112 русских орудий открыли огонь по наступающим французам: это и была резервная артиллерия Александра. На расстоянии не более тысячи шагов обе армии открыли интенсивный обстрел. Милорадович заметил царю, что канонада эта была «громче канонады при Бородине...» Обстрел длился целых полтора часа...

Между тем, Наполеон, видя, что центр союзной армии прорван, послал своего адъютанта в Лейпциг поздравить Саксонского короля с победой. Он приказал всем лейпцигским церквам звонить в колокола. Обращаясь к стоявшему около него графу Дарю, Наполеон сказал: «Земля все еще вертится в нашу пользу...» Однако французский император ошибался в своей преждевременной оценке. Прорыв центра союзнической армии

остался фактически безрезультатным, так как французы понесли страшные потери — обе стороны за один этот день потеряли 30.000 человек убитыми и ранеными — и у них не было достаточно резервов, чтобы использовать этот прорыв и одержать конечную победу... Кроме того, наступательные действия Блюхера, предпринятые в этот же день у Мекерна, на севере от Лейпцига, сопровождались большим успехом: он захватил 53 орудия и 200 пленных. Конечно, этот успех Блюхера стал возможен только благодаря активности на главном фронте — результат успешных распоряжений Александра. Эта активность нейтрализовала французский прорыв. У Наполеона не хватило сил использовать его для окончательного удара...

Несомненно, этот первый этап Лейпцигского боя был одним из самых блестящих результатов, достигнутых лично Александром за всю его военную карьеру. Это и успешная критика плана Шварценберга подняла очень высоко престиж русского царя, который, в сущности, стал играть роль главнокомандующего союзных сил. Так прошел этот исторический день 16-го октября, прошел под знаком личной победы Александра над Наполеоном...

На другой день, верно оценив действительные результаты вчерашнего боя, Наполеон решился прибегнуть к переговорам. Он отправил к союзным государям взятого накануне — вследствие катастрофической ошибки Шварценберга — в плен австрийского генерала Мерфельда с предложением немедленно заключить перемирие и потом начать переговоры о мире. Его предложения содержали существенные уступки, которые указывали на его весьма шаткое положение. Все это было, несомненно, результатом твердой и храброй политики Александра и его прямого участия в битве. Если бы накануне боя были приняты предложения Шварценберга, то поражение союзников было бы неминуемым: его спас Александр своим реалистичным планом сражения и своими быстрыми, не менее решительными распоряжениями о контакте во время самого боя. Конечно, немало сделал для успеха союзников своей

вчерашней победой над французами в северных предместьях Лейпцига и разделявший мнение царя прусский маршал Блюхер.

Мы можем только удивляться, как далеко шел в своих теперешних уступках ранее столь несговорчивый французский император. Сущность его предложений заключалась в следующем: он полностью уступал союзникам Варшавское герцогство, Голландию и Ганзейские города, отказывался от Рейнского союза и признавал независимость Испании и Италии. Единственное его требование было возвратить завоеванные англичанами французские колонии.

Любопытен разговор Наполеона с плененным австрийским генералом Мерфельдом, который он полностью передал союзным государям: «Пришлите ко мне когонибудь, к кому я мог бы иметь доверие, — сказал Наполеон Мерфельду, — и тогда мы придем к соглашению... Если пожелают, я отступлю за Заалу, но русские и пруссаки должны будут также отступить за Эльбу, а вы — в Богемию, а несчастная Саксония, которая столько пострадала от войны, останется нейтральной...»

Мерфельд возразил императору: «Но союзники уверены, что осенью вы будете принуждены сами отойти за Рейн...»

Наполеон перебил его: «Для этого надо мне проиграть сражение. Это может случиться, но пока этого еще не случилось...»

Затем Наполеон добавил: «Надеюсь, эти мои слова, вами переданные обоим императорам, возбудят в их памяти красноречивые воспоминания...»

Графа Мерфельда немедленно препроводили на передовую линию фронта и той же ночью князь Шварценберг отослал его к императору Александру. Любопытно, что он направил Мерфельда не к своему императору Францу, а именно к русскому царю, что указывает: теперь и сам австрийский главнокомандующий считал Александра неоспоримым вождем союзников. Однако Александр продолжал проводить твердую и неуступчивую в отношении Наполеона политику: на присланные предложения Наполеона не последовало

никакого ответа; ожидая его, тот потерял целый день. Ночью с 17-го на 18-ое октября он отступил ближе к Лейпцигу и занял позицию милях в семи от города.

Было прекрасное осеннее утро 18-го октября, когда началась знаменитая «битва народов», прозванная немецкими историками Volkerschlacht. Император Александр прибыл к войскам весьма рано, прежде чем они выступили с биваков. Следуя за колоннами, он переезжал с одного холма на другой под ядрами, постоянно летевшими над ним. Одно ядро упало совсем близко около царя, и генералы свиты настоятельно просили его отъехать в тыл. Но он ответил любимой своей поговоркой: «Одна беда никогда не приходит, посмотрите, сейчас прилетит другое ядро...» И действительно, едва успел он это сказать, как просвистела граната, которая взорвалась весьма близко около царя и осколками своими ранила несколько солдат его конвоя...

Император Франц и король Фридрих-Вильгельм теперь стали неразлучны с Александром, в лице которого все признавали действительного главнокомандующего: к нему беспрерывно прибывали адъютанты от разных корпусных командиров, от армий Беннигсена, шведского наследного принца Бернадота и фельдмаршала Блюхера, который посылал свои доклады не королю Фридриху-Вильгельму, своему государю, а Александру.

Самым радостным событием этого дня был переход саксонского главнокомандующего генерала Рюсселя на сторону союзников: около трех часов дня он явился к Александру с сообщением, что со всем своим войском присоединяется к союзникам. Александр похвалил его, назвав настоящим саксонским патриотом...

В сумерки все командующие собрались вокруг Александра, спрашивая его инструкций. Шварценберг сам был между ними и почтительно молчал. Решили с рассветом приготовить войска к новому бою, в случае же, если французы отступят с занятой ими позиции, двинуться к Лейпцигу и штурмовать город. Император Александр считал отступление Наполеона неминуемым и давал всем полковым командирам соответствующие

инструкции. Участники совещания свидетельствовали, что царь просто изумлял всех их своим несомненным знанием стратегии своими определенными и ясными формулировками, достойными самого видного специалиста военного дела...

Александр хотел начать преследовать французов сейчас же, но и теперь Шварценберг, ссылаясь на усталость солдат, упросил царя отложить это намерение... 19-го октября с рассветом Александр уже объезжал войска, благодарил солдат и офицеров за вчерашние победы и призывал наступающие к Лейпцигу колонны штурмовать город. Подъехав к войскам графа Витгенштейна, император остановил лошадь и, обернувшись, сказал солдатам: «Ребята! Вы вчера дрались как храбрые, доблестные воины, как непобедимые герои: будьте же сегодня великодушны к побежденным нами неприятелям и к несчастным жителям города. Ваш государь этого желает, и если вы преданы мне, в чем я убежден, то вы исполните мое приказание...» Слова эти были с быстротою молнии переданы во все ряды наступавших войск. Около полудня, сам император Александр, невзирая на все еще продолжавшийся бой, въехал в Лейпциг. Данилевский отмечает, что, по официальным данным союзного командования, в трехдневном Лейпцигском сражении выбыло из строя 50.000 человек: 22.000 русских, 16.000 пруссаков и 12.000 австрийцев. Шведы же имели наименьшие потери в этом сражении: всего триста человек. Это объясняется не столько нерешительными действиями наследного принца Бернадота, сколько его стараниями щадить своих солдат. Любопытно отметить, что Бернадот всю эту осеннюю кампанию щадил также и французов. После сражения при Денневице Бернадот признавался графу Рошешуару, адъютанту императора Александра: «Французам не нужно больше императора: титул этот впрочем не французский. Франции нужен король, но король-солдат. Династия Бурбонов уже совсем выродилась, она никогда не выплывет уже со дна. Нет человека, более подходящего стать королем Франции, чем я...»

Наполеон, преследуемый союзническими армиями,

с остатками своего разбитого войска быстро подвигался к Рейну — французской границе.

Перейдя границу, Наполеон покинул армию и быстрым ходом вернулся в Париж. С этого дня фактически померкла его слава и вера в его непобедимость. Блестящая звезда с этого дня засветилась на европейском горизонте — звезда императора Александра, становившегося действительным арбитром Европы.

Отныне, независимость всей Германии была обеспечена, и первый из прежде покорных Наполеону немецких принцев — баварский король присоединился к союзникам и объявил войну Франции... 1-го ноября французская армия выступила из Франкфурта и на следующий день в Майнце перешла на левый берег Рейна...

Шварценберг спешил со своей австрийской армией к Франкфурту, стараясь всеми силами опередить остальных союзников: по его плану император Франц должен был торжественно вступить в этот древний имперский город прежде императора Александра, являясь как бы главою победоносной союзнической коалиции. Сначала император Александр вообще не обратил внимания на этот маршрут Шварценберга, но, вероятно, предупрежденный королем Фридрихом-Вильгельмом, соперником императора Франца в германских делах, относительно австрийских намерений, со свойственной ему решительностью и ловкостью расстроил эти планы венских политиков. Российско-прусская кавалерия, изменив свой прежний маршрут, двинулась ускоренным темпом к Франкфурту. 5 ноября император Александр с блестящей свитой и 7.500 всадниками торжественно вошел во Франкфурт, встречаемый населением как освободитель Европы и победитель Наполеона. При въезде в город русского царя встретили все нотабли Франкфурта во главе с католическим архиепископом и городскими старейшинами и при трезвоне церковных колоколов.

На другой день Александр в роли хозяина принял прибывшего с опозданием императора Франца и, встретив его у заставы, сопровождал по главным улицам до

Император Александр, австрийский император Франц, прусский король Фридрих-Вильгельм и шведский наследник престола князь Бернадот торжественно въезжают в Лейпциг после знаменитой «Битвы народов» (Современная австрийская гравюра)

Соборной площади. Большинство войск, выстроенных по улицам, были русские кирасиры...

7-го ноября император Александр писал канцлеру графу Румянцеву в Санкт-Петербург: «Вот мы уже во Франкфурте и наши аванпосты стоят на Рейне...»

20. РОЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА В НАСТУПЛЕНИИ ВО ФРАНЦИИ

Союзные войска, утомленные и понесшие столько жертв, но не расстроенные трудной кампанией и длительным походом, расположились вдоль берегов Рейна, надеясь на длительный отдых и на то, что, может быть, придет конец этой долгой кровопролитной войне.

Теперь, когда изгнанный из России и германских земель Наполеон вернулся во Францию, сторонники мира и дипломатических переговоров снова подняли голову. Император Франц и его канцлер Меттерних, для которых Наполеон все же был укротителем французской революции, способным обуздать вечно бурлящую Францию, вовсе не стремились к его низложению, а только к ослаблению его могущества. При этом их немало беспокоил рост русского влияния и стремительный восход императора Александра, становившегося истинным арбитром Европы. Даже Англия, хотя и частично, потому что боялась за судьбу своих колоний, теперь стояла за мир с Францией. Последние войны с Наполеоном тяжело били по ее карману, и она просто не хотела продолжать свои субсидии России, Австрии и Пруссии.

Устала от войны и Россия, которая понесла самые большие потери в кампаниях 1812 и 1813 годов. Многие русские политические и военные деятели находили, что гораздо выгоднее заключить мир с Наполеоном, чем продолжать войну с Францией за чуждое для России дело — освобождение Германии. Сторонники этой политики во главе с канцлером Румянцевым, графом Арак-

чеевым, адмиралом Шишковым и другими находились в самом окружении императора Александра. Они заявляли государю, что настало время заключить мир и что дальнейшее продолжение войны не обещает России никакой пользы, а лишь непосильные жертвы. В своих Записках Меттерних пишет: «Русская армия не заявляла претензий, она считала, что ее цель уже достигнута.»

Один Александр не верил в возможность прочного мира до тех пор, пока Наполеон сидит на французском престоле, и был намерен продолжать войну до его низвержения. Он требовал подписания мира французами в самом Париже. Для него прочный мир был невозможен, пока Европа и сама Франция не будут полностью освобождены от влияния Наполеона. Он считал, что, поскольку французские военные силы находятся в полном расстройстве, было бы роковой ошибкой дать Наполеону время создать новую армию и что всякий мирный договор с ним — это только перемирие, передышка, которая необходима Наполеону для новой агрессии. «Я не могу каждый раз поспевать к вам на помощь за 400 лье», — говорил Александр своим союзникам.

Однако мнение царя поддерживали лишь два прусских маршала — Блюхер и Гнейзенау, а король Фридрих-Вильгельм считал весьма опасным вторжение во Францию, вспоминая злополучный поход 1792 года и все следующие поражения, понесенные Пруссией от французов.

Союзники Александра требовали от Наполеона признания независимости Германии, Италии и Голландии и восстановления династии Бурбонов в Испании, соглашаясь на сохранение естественных границ самой Франции, т. е. Рейна, Альп и Пиренеев. Это были те условия, при которых Меттерних соглашался начать мирные переговоры с Наполеоном. В случае принятия Наполеоном этих условий, Меттерних предлагал объявить нейтральным какой-либо город на правом берегу Рейна и пригласить туда уполномоченных всех воюющих государств. При этом Меттерних все же соглашался с дово-

дами Александра в пользу продолжения войны до самого открытия мирного конгресса.

Большой ошибкой Наполеона было то, что он намеренно медлил с решительным ответом, продолжая, однако, усиленным темпом перевооружение Франции. Эти обстоятельства ловко использовал Александр, потребовав на военном совете во Франкфурте, состоявшемся 1-го декабря, приступить к зимнему походу и вторжению во Францию. Также под его влиянием союзники объявили, что они воюют не против Франции, а лишь против Наполеона, и это был первый шаг к его низложению — основной цели политики Александра. Не подлежит сомнению, что без энергичного вмешательства Александра Наполеон ценою некоторых уступок сохранил бы свое положение и остался бы на своем троне.

Итак, 11-го декабря союзническая главная квартира выступила из Франкфурта. По предложению Александра главные силы предполагали вторгнуться в пределы Франции со стороны верхнего Рейна. Однако, к большому неудовольствию царя и несмотря на его призыв к Лагарпу, своему бывшему воспитателю, соблюдать нейтралитет Швейцарии, австрийцы вошли в эту страну, и Александру пришлось смириться со свершившимся фактом. 13-го января 1814 года главная квартира союзников обосновалась в Базеле.

Перед тем, как перейти французскую границу, покидая Базель, Александр в первый раз заговорил о своем намерении создать общую наднациональную организацию с целью «вернуть каждой нации полное и целостное пользование своих прав и институций и поставить всех их и нас самих под покровительство всеобщего союза, чтобы избавить их от поползновений завоевателей и гарантировать их независимость: на этих основах с Божией помощью надеемся мы установить эту новую систему».

Александр выехал из Швейцарии и перешел границу Франции 16-го января 1814 года. Он провел свой первый ночлег в городе Дель. Главная армия союзников медленно продвигалась к Лангру, восемью колоннами, фронтовой линией длиной в 350 миль 1-го янва-

ря перешла Рейн между Мангеймом и Кобленцем и вошла во Францию Силезская армия Блюхера. Она беспрепятственно продвинулась к городу Нанси и заняла его 27-го января.

На обоих фронтах погода была плохая. Дожди, снег, морозы и оттепели, однако, не останавливали продвижение союзных войск по территории Франции. По своему обыкновению Шварценберг старался замедлять наступление, а император Александр неустанно торопил его. Приученный с детства переносить непогоду он, по словам очевидцев, большею частью ехал верхом, в одном мундире и как обычно был одет лучше всех. При этом он не уставал очаровывать спутников своей неизменной приветливостью. В городах, где ему приходилось ночевать, Александр принимал местные власти и видных жителей, успокаивал их и обнадеживал своим покровительством. Войскам -- офицерам и солдатам — было строжайше приказано дружественно относиться к населению и соблюдать порядок и дисциплину. «Более чем непогода, — пишет Данилевский, — обуревало нас несогласие насчет военных действий, возникавшее по временам между союзными армиями. Единственно присутствие Александра, который, будучи главою союза, всем старался угождать, нередко с самоотвержением, и через это склонял всех на свое мнение, делало не только возможным успехи разнородного ополчения, но избавляло от погибели армии, которые без него сделались бы жертвой своих несогласий...»

Очевидцы свидетельствуют, что, когда ночью приходили важные донесения, Александр, часто пренебрегая сном, вставал с кровати, поспешно одевался и, предшествуемый дежурным офицером, фонарем освещающим дорогу, ходил в эту ненастную зимнюю непогоду пешком по грязным улицам деревень к союзным государям и даже к князю Шварценбергу, будил их и читал им донесения, а также уславливался с ними о принятии соответственных мер. Так проявлял себя на войне, в походах этот необыкновенный человек, рожденный быть вождем своих современников.

22-го января император Александр с войсками и

главной квартирой прибыл в город Лангр и провел здесь пять дней. К нему присоединились король Фридрих-Вильгельм и император Франц. К большому огорчению Меттерниха, который находил, что русский царь и без того преисполнен революционными идеями, в Лангр по его приглашению прибыл «якобинец» Лагарп. Радость Александра от свидания со своим бывшим воспитателем и другом, с которым он не виделся с 1802 года, точно выражена в его приветственном письме Лагарпу после его приезда в Лангр. «У меня просто не хватает слов, — писал ему император, — чтобы выразить вам всю мою радость снова прижать вас к сердцу и лишний раз выразить вам мою признательность за все, что я вам должен... Во всех тяжких переживаниях меня всегда поддерживает мысль остаться достойным ваших бывших забот и придает мне смелость...» Представляя своего бывшего воспитателя прусскому королю Фридриху-Вильгельму и его сыновьям, Александр сказал: «Всеми моими знаниями и тем, чем я стал, если все же я стал чем-нибудь, я должен господину Лагарпу...»

В Лангре между союзниками снова возникли прения и споры. Предстояло разрешить все тот же вопрос: довольствоваться ли приобретенными успехами и заключить с Наполеоном выгодный мир или продолжать войну, имея в виду полностью восстановить в Европе существовавший до революции 1789 года порядок вещей. Александр, как всегда, стоял за продолжение войны до полной победы, император Франц и король Фридрих-Вильгельм склонялись к заключению мира... В конце концов, остановились на полумере: продолжать войну и вместе с тем вступить в переговоры с Наполеоном, требуя от него возвращения всех завоеваний, сделанных Францией с 1792 года. Для достижения этой цели союзники после трехнедельных обсуждений решили открыть конгресс в Шатильоне.

Все это время уполномоченный французского императора граф Коленкур ожидал решения. Само это обстоятельство, несомненно, указывает, как необходимо

было Наполеону окончить войну и начать переговоры. Армия его была дезорганизована, финансы расстроены. Мир был ему необходим гораздо более чем союзникам.

Получив весьма скорое согласие французского императора, союзники назначили своих уполномоченных на конгресс в Шатильоне: с русской стороны — граф Разумовский, с австрийской — граф Стадион, с прусской — барон Гумбольдт, с английской — трое уполномоченных: лорды Каткарт, Стюарт и Абердин, к которым впоследствии присоединился лорд Кастельри.

Император Александр, хотя и нисколько не сочувствовал этому общему решению союзников, считая, что оно увеличивает шансы Наполеона, был принужден согласиться с мнением большинства. Однако, он предписал своему канцлеру «не торопиться с ведением переговоров и позволить военные события довести до желанных результатов». Император же Франц и Меттерних все более и более склонялись в пользу соглашения с Наполеоном, несомненно, боясь слишком большого политического и военного влияния России. Англия вполне разделяла воззрения Австрии. Пруссия, несмотря на свою близость с Россией, как всегда колебалась: Кнезебек и многие другие старались повлиять на короля, чтобы тот прекратил войну с Наполеоном, который после всех этих поражений перестал быть опасным. Сторонниками политики Александра в Пруссии были, по выражению Меттерниха, только «отъявленные якобинцы» — так он называл Штейна, Блюхера, Гнейзенау и Йорка. Единственным непоколебимым противником Наполеона оставался император Александр, который энергично требовал продолжать войну, считая, что низложение Наполеона — единственное средство обеспечить мир в Европе и успех союзной коалиции.

Едва союзники приняли решение о созыве конгресса в Шатильоне, как ночью с 28-го на 29-е января к императору Александру прискакал из Шомона — главной квартиры князя Шварценберга — адъютант с весьма важным известием. Главнокомандующий доносил царю, что Наполеон начал наступательные действия. Александр, несмотря на мрачную, бурную январскую

ночь, немедленно отправился в Шомон на чрезвычайное заседание союзников. Таким образом, желание Александра осуществилось благодаря самому Наполеону: военные действия продолжались параллельно с открытием дипломатических переговоров и такое положение сохранялось во время всей кампании 1814 года.

Тем временем Наполеон покинул Париж, назначив императрицу Марию-Луизу регентшей, а старшего брата своего, бывшего Испанского короля Иосифа, — императорским наместником. Наполеон 29-го января при Бриенне, куда Блюхер прибыл со своей Силезской армией, неожиданно атаковал его и едва не взял в плен. Блюхер стремительно отступил по дороге на Бар-сюр-Об для соединения с главной армией Шварценберга. Союзники располагали 90.000 бойцами. Наполеон же смог им противопоставить лишь армию в 40.000 человек. Но, несмотря на свое численное превосходство, Шварценберг не решался атаковать армию Наполеона. Все же по настоянию Александра 1-го февраля союзники напали на французов при селении Ла-Ротиере. Александр опять оказался прав: Наполеон потерпел поражение, потеряв 6.000 человек и 63 тяжелых орудия. Он отступил к городу Троа. Однако Шварценберг сделал еще одну ошибку: он не воспользовался поражением французов и превосходством своих сил и довольно вяло преследовал армию Наполеона, которая успела отойти на новую позицию.

Хотя Александр требовал чтобы обе армии действовали совместно, используя свое численное превосходство, Шварценберг на военном совете при Бриенне настоял на том, чтобы едва соединившиеся союзнические армии опять разъединились и продолжали наступление к Парижу, одна — по долине Марны, другая — по долине Сены. Конечно, Наполеон снова использовал это столь выгодное для него положение и с армией в 35.000 ограничился нападениями лишь на Блюхера, нанеся ему четыре последовательные поражения. Таким образом, Силезская армия потеряла 15.000 человек — треть своего состава — и 50 орудий...

В то время как Наполеон наносил армии Блюхера

поражение за поражением, князь Шварценберг, как обыкновенно, бездействовал и своими колебаниями и нерешительностью фактически способствовал успехам французов. Заняв 7-го февраля город Троа, он расположил армию на зимние квартиры в его окрестностях, хотя Александр настоятельно требовал, чтобы Шварценберг двинулся в тыл Наполеону и атаковал французов. Но тот, имея от своего правительства, т. е. от императора Франца и Меттерниха, тайное предписание не переходить Сену, продолжал разбрасывать силы главной армии. Он приказал трем корпусам овладеть переправой через Сену при Ножане, а остальными силами намеревался двинуться к Сансу и Фонтенбло для обхода французов, т. е. одновременно преследовал две цели в противоположных направлениях.

Слабые французские силы маршала Удино отступили 15-го февраля за реку Иер и соединились с сорокатысячной армией маршала Макдональда, присланной им в подмогу Наполеоном. Опасность союзного наступления на Париж спасла армию Блюхера от окончательного разгрома: Наполеону пришлось немедленно направить войска на выручку маршалов Удино и Макдональда. За 36 часов Наполеон прошел со своей гвардией более 90 миль, не останавливаясь ни днем, ни ночью — пехота следовала за кавалерией на реквизированных у населения подводах. Таким образом, Наполеон успел сосредоточить в Гине более 60.000 человек и перешел в наступление. Опять Шварценберг, несмотря на то, что он располагал двойными силами по сравнению с наполеоновскими, решил отвести армию в Троа на недавно оставленные там зимние квартиры и приказал Блюхеру примкнуть к нему.

17 февраля Наполеон разбил разрозненные корпуса графа Палена при Мормане, а 18 — принца Вюртембергского у Монтеро. Эти победы французов окончательно обескуражили Шварценберга, и он был готов дать приказ к отступлению.

Однако 24-го февраля, перед отходом армии из Троа, по требованию Александра союзные государи в восемь часов утра собрались в резиденции короля Фрид-

риха-Вильгельма на экстренное совещание, взяв с собою нескольких министров и генералов. Кроме Александра, все они были в подавленном настроении и требовали послать маршалу Бертье письмо с предложением перемирия. Один Александр настаивал на том, чтобы довести войну до низложения Наполеона, т. е. на давно установившемся своем убеждении. Он был тверд в своем убеждении, хотя даже люди его окружения — граф Нессельроде, князь Волконский и генерал Толь — склонились к общему настроению союзников и советовали царю согласиться на мир.

В Троа прибыл из Шатильона лорд Кастельри, представитель английского короля, чтобы осведомиться о создавшемся серьезном положении. Он настоятельно советовал Александру согласиться на мир с Наполеоном, «чтобы не быть принужденными снова вернуться назад за Рейн...» Лорд Кастельри добавил: «У меня есть инструкции моего правительства использовать положение, чтобы заключить мир, тем более, что я вижу, что коалиция распадается...» Александр отвечал ему с твердостью: «Милорд, это будет не мир, а только перемирие, которое заставит вас сложить оружие лишь временно. Я не смогу опять бежать спасать вас за четыреста миль с моей армией. Я не соглашусь на мир до тех пор, пока Наполеон будет на престоле...»

Как и предполагал Александр, переговоры союзников с Наполеоном не привели ни к чему. Видя их колебания, Наполеон начал новое наступление и, принудив союзников отступить, занял Троа. Александр, однако, считал, что дальнейшее отступление совершенно деморализует армию и окончательно погубит ее. Он потребовал созвать немедленно военный совет, который состоялся 25-го февраля в Бар-сюр-Об. На нем присутствовали, кроме трех союзных государей, Шварценберг, генералы Радецкий, Дибич, Волконский и Кнезебек, дипломаты — Меттерних, Гарденберг, Нессельроде и лорд Кастельри. Большинство сходилось на том, что надо отступить обеими армиями. На этом настаивал и главнокомандующий князь Шварценберг, Меттерних и сам император Франц.

И опять император Александр один энергично воспротивившись отступлению, сказал: «В случае отступления я отделюсь от главной квартиры с находящимися здесь всеми русскими войсками, гвардией, гренадерами и корпусом графа Витгенштейна, соединюсь с маршалом Блюхером и пойду на Париж». «Надеюсь, — прибавил царь, обращаясь к королю прусскому, — что Ваше Величество, как верный союзник, много раз доказавший мне свою дружбу, не откажется идти со мной...» Король Фридрих-Вильгельм отвечал, что он не расстанется с императором Александром. «Я давно уже предоставил мои войска Его Величеству...», — добавил он. Видя, что он остается в изоляции, император Франц, вопреки мнению всех своих сотрудников, присоединился к Александру и прусскому королю. «Почему же меня оставлять одного?» — сказал он, обращаясь к ним обоим.

Итак, император Александр снова одержал блестящую дипломатическую победу на этом столь решительном военном совещании в Бар-сюр-Об. Он собственноручно написал заключительный протокол этого совещания, который сохранился до наших дней. Таким образом, Александр успел коренным образом изменить положение: армия Блюхера стала главной, а армия Шварценберга из главной превратилась во вспомогательную.

21. КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

После блестящей победы над Шварценбергом на военном совещании союзников в Бар-сюр-Об император Александр вернулся в Шомон, где пробыл две недели. Здесь 1-го марта союзники скрепили коалицию взаимным договором, в силу которого Россия, Австрия, Пруссия и Англия обязались, что, в случае отказа Франции подписать мирный договор, каждая из стран выставит против общего неприятеля по 150.000 человек, Англия же, кроме того, взялась уплачивать остальным союз-

никам ежегодно по пять миллионов фунтов стерлингов в форме субсидии. Таким образом, благодаря энергии и решительности Александра, коалиция была спасена от распада.

Заняв Троа, Наполеон, убедившись в невозможности вовлечь союзников в новое генеральное сражение, направил против армии Шварценберга маршалов Удино и Макдональда с 75-тысячным войском, а сам в третий раз двинулся против Блюхера, который со своей главной армией вступил в долину Марны на пути к Парижу. Однако на этот раз он не смог добиться никаких решительных результатов и 9-го и 10-го марта потерпел поражение в битве под Лаоном. Однако, Наполеон все же выиграл незначительное сражение при Реймсе 13-го марта, где он остановился, чтобы дать отдых своим утомленным солдатам.

Проведя в Реймсе трое суток, 17-го марта Наполеон снова атаковал Шварценберга. Когда Наполеон предпринял свое последнее наступательное движение против Блюхера, он фактически открывал армии Шварценберга доступ к Парижу. Но зная нерешительный характер Шварценберга, Наполеон правильно рассчитывал, что тот вообще не отважится на этот рискованный шаг, и оказался прав: союзный главнокомандующий, конечно, не воспользовался благоприятным обстоятельством. Только 3-го марта, окончательно удостоверившись в движении Наполеона в долину Марны, Шварценберг приступил к весьма осторожному наступлению к потерянному им Троа. Передовые его корпуса снова заняли Троа 4-го марта. Располагая сильной армией в 90.000 человек, он все же предпочитал бездействовать и выжидать. Видя, что и Наполеон бездействует, он наконец решился 11-го марта продолжать наступление, чтобы вытеснить французов с их позиции на берегах реки Сены, но ограничился незначительными столкновениями. Однако, узнав о победе Наполеона при Реймсе, Шварценберг опять заколебался и готовился к отступлению. Одновременно он предпринял ряд совсем нецелесообразных движений, растянув армию

на пространстве 70 миль между Ножаном и Бриенном.

В это время император Александр покинул Шомон и снова прибыл в Троа, где он назначил встречу с секретным агентом Талейрана бароном Витролем, присланным из Парижа. Осторожный Александр, однако, принял его не сразу, поручив переговорить с ним своему советнику графу Нессельроде. Витроль был яростным сторонником короля Людовика XVIII, и, несомненно, гениальный, но абсолютно беспринципный Талейран, в то время министр иностранных дел Наполеона, понимая, что наполеоновские дни сочтены, уже выдвигал короля-эмигранта, при восстановлении которого рассчитывал сохранить свой пост. Понимая, что Александр является фактическим вождем союзников, Талейран именно к нему, а не к императору Францу и его канцлеру Меттерниху, с которыми он также был в секретной связи, послал своего агента.

Барон Витроль произвел на графа Нессельроде положительное впечатление, и тот рекомендовал императору Александру принять его. 17-го марта встреча состоялась. Витроль сообщил Александру важные сведения о состоянии умов французов, уставших от бессмысленных войн Наполеона. Он настаивал на том, что союзникам будет легко овладеть Парижем благодаря численному перевесу над «узурпатором» Наполеоном. В своем продолжительном докладе царю Витроль также утверждал, что большинство парижан и вообще французов теперь мечтают о восстановлении Бурбонов и что, именно рассчитывая на эту перемену, население столицы окажет союзникам, и, конечно, прежде всего императору Александру, самый радушный прием. К величайшему удивлению Витроля, обсуждая вопрос о будущем режиме Франции в случае низвержения Наполеона, царь недвусмысленно высказался против восстановления на престоле династии Бурбонов. «Если бы вы их знали, — сказал ему Александр, — вы бы убедились, что тяжесть этой короны была бы слишком велика для них... Может быть, рационально организованная республика была бы гораздо более подходящей французскому духу. Ведь не напрасно же идеи

свободы так долго процветали в такой стране, как ваша...»

Витроль был ошеломлен этими словами русского царя. «Боже Великий! — пишет Витроль в своих записках. — Где мы находились 17-го марта! Император Александр, царь над царями, объединенными для спасения мира, говорил мне о республике». Приверженец монархии, Витроль постарался разубедить своего августейшего собеседника. Выслушав почтительно Александра, французский аристократ ответил: «Война должна быть на политической, а не на чисто стратегической основе. Следует узнать желание народа в провинциях, которые молчат, и в Париже, где о нем можно услышать... Соберите свои силы и не оборачивайтесь назад, идите прямо на Париж, и я даю Вашему Величеству голову на отсечение, если общественное мнение Франции не заговорит громко в пользу реставрации монархии...»

Эта столь убежденная речь Витроля произвела впечатление на Александра: мысль идти на Париж и там искать решение вопроса о будущем политическом устройстве Франции и ее управлении вполне соответствовала сокровенным демократическим убеждениям Александра. Он ласково улыбнулся и, пожав руку своему собеседнику, сказал на прощание: «Господин де Витроль, в тот день, когда я буду в Париже, я не признаю другого союзника, кроме французского народа. Я обещаю вам, что этот разговор будет чреват большими последствиями...» Этими словами, которые барон де Витроль записал в свой дневник, как и рассказ о столь памятной для него встрече, русский император окончил беседу.

На следующий день, 18-го марта, царь отправился в главную квартиру главнокомандующего, перенесенную теперь в Арси. Как свидетельствуют современники — генерал Толь и капитан Данилевский — и другие источники, император Александр хотел спасти армию от гибельных последствий невыгодного распределения сил, установившегося по вине Шварценберга. Генерал Толь встретил Александра следующими словами: «Вели-

чайшее счастье, что Ваше Величество приехали, вы исправите наши ошибки...» На проведенном затем совещании, по настоятельному требованию императора Александра, которому Шварценберг не смел не подчиниться, решено было разбросанные между Троа, Арси и Лемоном союзные корпуса, которые врозь легко могли быть наголову разбиты Наполеоном, немедленно сосредоточить в одном центре.

Одновременно пришло известие, что переговоры в Шатильоне окончательно прерваны, а значит, мнение Александра, что лишь мечом можно окончательно решить спорные вопросы с Наполеоном, снова получило блестящее подтверждение. Наполеон атаковал Шварценберга 20-го марта при Арси. Около полудня Александр прибыл верхом из Троа с маленькой свитой. На холмах перед Арси, где находилась главная армия, Александр сошел с лошади и, идя по полю с Барклаем, громко выразил свое негодование по поводу распоряжений Шварценберга: «Эти австрийцы стоили мне немало седых волос...» Это слышал Данилевский, который в своей реляции добавил, что царь «весьма редко обнаруживал, что происходило в душе его».

На следующий день Наполеон, который намеревался возобновить вчерашний бой, убедившись в огромном превосходстве союзнических сил, внезапно отступил. Однако Шварценберг, так боявшийся своего противника, что одно присутствие Наполеона уже сковывало его действия, не посмел преследовать его.

23-го марта Александр находился в Пужи, где в этот день была, как пишет в своих записках граф Аракчеев, по распоряжению царя отслужена панихида по покойном императоре Павле. В тот же день маршал Блюхер переслал Александру перехваченное письмо Наполеона к Марии-Луизе, в котором тот сообщал своей жене, что намерен атаковать союзников. Это ценное сведение позволило принять ответные меры. Сообщив о них императору Францу, в штабе решили двинуть главную армию к Шалону и объединить ее с силезской армией Блюхера. Кроме того, решено было, что для безопасности император Франц вместе со всеми дипло-

матами покинет Бар-сюр-Об и через Шатильон отправится в Дижон. Парки и обозы решено было также из Шомона и Лангра переслать в Дижон. Союзники перехватили также важное письмо к Наполеону от министра полиции Савари и другие конфиденциальные письма. В них говорилось о настроениях в Париже — о всеобщем неудовольствии и о жажде мира. Савари сообщал Наполеону, что в Париже множество влиятельных лиц враждебны правительству и что, в случае приближения союзной армии к Парижу, он не отвечает за спокойствие в столице.

После многих споров между союзниками и консультаций императора Александра с Барклаем, Дибичем, Толем и Волконским царь выехал из Сомпюи и, догнав прусского короля и главнокомандующего Шварценберга в поле, велел генералу Толю разложить на траве военную карту и, объясняя свой план, разработанный совместно со своими советниками, настойчиво убеждал их в необходимости немедленно идти на Париж. Любопытно, что Шварценберг, несмотря на сопротивление некоторых генералов его штаба, вдруг согласился с царем и изменил свои прежние распоряжения. Обо всем этом подробно рассказывает ген. Толь в своих записках. Таким образом, смелое решение идти на Париж всецело принадлежит императору Александру. Конечно, после многих ошибок князь Шварценберг потерял весь свой авторитет и уже не мог состязаться с царем, показавшим себя гораздо более способным военным стратегом, чем главнокомандующий. Кроме того, Александр, особенно после присоединения к его мнению короля Фридриха-Вильгельма и самого императора Франца на историческом военном совете в Бар-сюр-Об и поражения Шварценберга на этом заседании, приобрел неоспоримый авторитет у союзников и играл роль вождя коалиции. Шварценберг уже никак не мог противиться его мнению и оспаривать его авторитет...

Итак, 25-го марта началось движение союзных войск к Парижу. За исключением нескольких отдель-

ных отрядов со специальными функциями, внушительная союзническая армия в 170.000 человек настоящей лавиной двинулась на столицу Франции.

В тот же день произошло первое сражение союзников с французами — при Фер-Шампенуазе армия столкнулась с корпусами маршалов Мармона и Мортие, которые с 17 тысячами солдат шли на соединение с Наполеоном. Артиллерия и кавалерия союзников атаковали французов, и они отступили, оставляя на поле брани убитых и раненых, тысячи пленных и десятки орудий. Вечером появились на том же месте дивизии генералов Пакто и Аме, которые также шли с 6 тысячами солдат на подмогу Наполеону. Русские, ожесточенные только что закончившимся сражением, врезались во французские каре, которые были окружены со всех сторон, но отказывались сдаться. В пылу боя русские начали избивать неприятелей, даже тех, кто побросал оружие. Вторым этим сражением руководил сам Александр. Видя трагичное положение французов, император со своим лейб-казачьим полком, несмотря на мольбы своего окружения, с риском для собственной жизни бросился в центр французских каре. Тем приближенным, которые умоляли его не подвергать себя смертельной опасности, Александр отвечал: «Хочу пощадить их...» И действительно, при виде царя посреди поля брани русские остановились и прекратили резню.

Так окончились оба эти сражения: французы в общей сложности потеряли убитыми, ранеными и пленными 11.000 человек. Кроме того, русским досталось 75 тяжелых орудий.

Вечером плененные французские генералы во главе с Пакто были представлены императору Александру, который похвалил их за патриотизм и за храбрость в бою. Одновременно царь позаботился о судьбе раненых и пленных и распорядился о гуманном к ним отношении.

Сражавшиеся с союзными войсками 25-го марта маршалы Мармон и Мортие, потерпев поражение, отступили к Парижу и 29-го марта подошли к нему с

южной стороны при Шарантоне. Вечером с союзной армией близко подошел к Парижу сам император Александр, которому был приготовлен ночлег в замке Бонди, всего в 7 милях от столицы. На следующий день должна была в сражении решиться судьба Парижа. Союзные войска насчитывали 100 тысяч человек, из которых 63.400 были русские. Для защиты города брат Наполеона, бывший испанский король Иосиф, имел в своем распоряжении лишь 40.000 человек и 154 тяжелых орудия. В это число входили 24.000 человек корпусов Мармона и Мортие и около 12.000 человек Национальной гвардии. Положение Франции было весьма тяжелым: к наступающей стотысячной армии союзников добавилась еще неприятность: герцог Веллингтон, выгнав французов из Испании, занял город Бордо, австрийцы — Лион.

Все это осложнялось положением в самой столице: там уже зрела измена Наполеону, которой умело руководил сам министр иностранных дел императора, бывший епископ Талейран — секретный агент Александра, связанный также с заклятым врагом Наполеона канцлером Австрии Меттернихом. Талейран должен был по распоряжению императора сопровождать регентшу Марию-Луизу и маленького Римского короля в замок Рамбуйе, а оттуда — в Блуа, но он уклонился от этого приказа Наполеона и остался в Париже, ожидая прибытия союзной армии и, конечно, прежде всего императора Александра, правительство которого платило Талейрану весьма крупные суммы и устроило его второй брак с дочерью Курляндского герцога, подданного Александра.

Рано на рассвете 30-го марта вся свита императора Александра и союзнические генералы во дворе замка Бонди верхом на лошадях ожидали выезда царя на поле сражения. Уже слышны были выстрелы пушек со стороны Роменвильских высот. В это время в замок Бонди привели захваченного в плен французского капитана, военного инженера Пейра. Император пожелал его видеть, более получаса расспрашивал о настроениях в Париже и, угостив кофе, к удивлению француз-

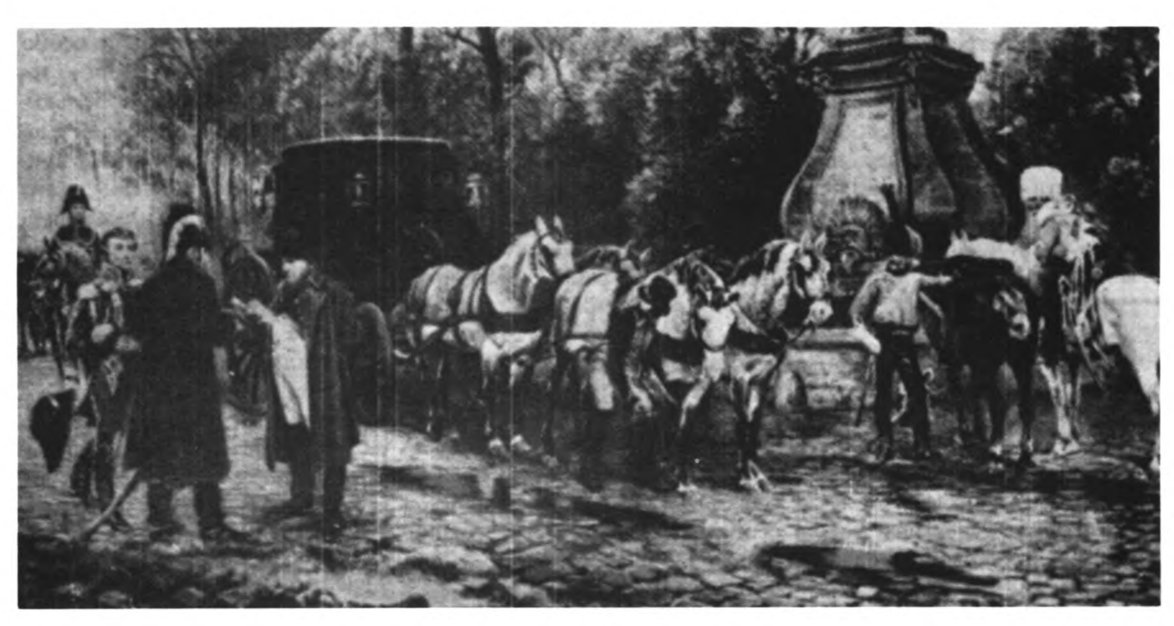
ского пленника, отпустил его с поручением передать главнокомандующему неприятельских войск следующую декларацию: «Император Александр стоит перед стенами Парижа с многочисленной армией и требует сдачи города. Он ведет войну не с Францией, а с Наполеоном». Царь приказал вместе с Пейра ехать флигель-адъютанту полковнику Орлову, дав ему следующий наказ: «Идите! Я уполномочиваю вас прекратить огонь всюду, где вы найдете необходимым. Я даю вам право, без какой-либо ответственности с вашей стороны, прекращать самые решительные атаки и даже приостановлять самую победу, чтобы предотвратить и избежать большие беды...» Император добавил, что Париж, оставшись без вождя, не сможет сопротивляться. «Но даруя мне власть и победу, — сказал Александр, — Бог требует от меня пользоваться ими лишь для установления мира и спокойствия на земле... И если мы сможем установить этот мир без войны, тем лучше, в противном случае подчинимся необходимости и будем воевать, потому что волей или неволей, под развалинами или под позолоченными потолками Европа будет спать сегодня в Париже...» Царь произнес эту речь на своем великолепном французском языке, конечно, с целью повлиять на французского капитана, чтобы тот по возможности успешно выполнил свою столь ответственную миссию.

М. Ф. Орлов, который участвовал от имени царя в переговорах о капитуляции Парижа, так пишет о самом Александре, личность которого вдохновляла сражавшихся за победу России русских воинов: «Император Александр, величественный и гордый, когда дело касалось интересов Европы, скромный и смиренный, как шла речь только о нем самом, либо о его славе, принимая на себя роль пассивного орудия Провидения, в действительности был повелителем судеб мира». «По первым словам его, — добавляет Орлов, — я понял, что настоящий день должен ознаменоваться решительной битвой, капитуляцией французов и великодушием победителей.

Орлов с французским офицером поскакал в Пантен, где в то время уже шла перестрелка. Несколько раз парламентеры пытались прекратить кровопролитие, но все их усилия были напрасны. Человеколюбивое желание императора Александра не могло быть исполнено. Ожесточенные бои завязались по всей линии.

В пятом часу пополудни все позиции были потеряны французами, кроме высот Монмартра. Между тем, король Иосиф, получивший доклад маршала Мармона о невозможности продолжать защиту Парижа, поспешно выехал в Блуа и предоставил маршалам вступить в переговоры с русским императором и князем Шварценбергом, позволив им отступить и отвести войска за реку Луару. К царю явился в качестве парламентера один из генералов Национальной гвардии, но без каких-либо официальных полномочий. Александр отказался принять его и послал того же полковника Орлова к маршалу Мармону со следующими конкретными предложениями: «Огонь прекратится; французские войска отойдут за укрепленные заставы; немедленно будет назначена комиссия для переговоров о сдаче Парижа». Маршал Мармон изъявил согласие. Возвратившись назад, Орлов нашел Александра на Бельвильских высотах. Тот расставлял батарею из 24 орудий. Царь подозвал к себе Нессельроде и приказал ему вместе с адъютантом Орловым начать переговоры, присоединив к ним адъютанта князя Шварценберга графа Пара. Они направились к Пантенской заставе, где встретились с маршалом Мармоном. В это время французские войска выходили из Парижа. Однако снова раздалась близкая канонада. Это был заключительный акт сражения под Парижем: генерал граф Ланжерон, французский эмигрант, перешедший на службу России, штурмом овладел Монмартром.

Пока посланные императором договаривались с французскими маршалами, император Александр верхом объезжал свои войска, расположенные около Бельвиля и Шомона, и поздравлял их с победой. Однако победа эта обошлась весьма дорого союзникам. 30-го

В Жювизи, 10 миль от Парижа, император Наполеон узнает о капитуляции столицы
(Современная французская гравюра)

марта, в день взятия Парижа, они потеряли 8.400 человек, из которых 6.000 — русских.

Окончательные переговоры о сдаче Парижа были, между тем, перенесены в дом маршала Мармона. Там собралось большое общество, которое с волнением ожидало решения участи французской столицы. Во главе его находился Талейран. Он подошел к флигель-адъютанту Орлову и сказал ему: «Господин, благоволите поднести к ногам Его Величества Императора России выражение глубокого уважения принца Беневентского». «Князь, — ответил Талейрану полковник Орлов, — будьте уверены, я передам Его Величеству ваше поручение...» Легкая, едва заметная улыбка, которая скользнула по лицу наполеоновского министра иностранных дел, теперь официально перешедшего на сторону Александра, показывала, что он и адъютант царя вполне понимали друг друга.

Наконец, в третьем часу ночи акт о капитуляции Парижа, составленный Орловым, конечно, по указанию царя, был подписан. Немедленно отбыла в главную квартиру императора Александра официальная делегация Парижа, которая состояла из префекта полиции Пакье, Сенского губернатора Шаброля, нескольких представителей муниципального совета Парижа и начальников Национальной гвардии. По прибытии в резиденцию Александра замок Бонди Орлов ввел делегацию в парадный зал замка, представил ее членов графу Нессельроде и оставил их для беседы. Сам же он поспешил в спальню царя, где почивал Александр, уставший от событий этого памятного дня, в которых принимал столь деятельное участие. Лежа в постели, император спросил своего флигель-адъютанта:

— Ну, какие новости вы мне несете?

-- Государь, это капитуляция Парижа, — ответил Орлов, передавая императору документ, подписанный маршалом Мармоном и остальными уполномоченными. Царь взял бумагу, внимательно прочитал ее, сложил, спрятал под подушку и сказал:

— Поздравляю вас, имя ваше теперь будет связано с этим великим событием...

Затем император заставил Орлова рассказать ему все подробности проведенного у маршала Мармона вечера. Он слушал внимательно и высказал немалое удивление, когда узнал о встрече Орлова с Талейраном.

— Это пока лишь анекдот, — сказал Александр, — но он может превратиться в историю...

Все это внес Орлов в свои записки, добавив, что после той ночной беседы Александр отпустил его, и, даже не дождавшись его ухода, повернулся на бок и сейчас же заснул глубоким сном.

22. ПЕРВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ПАРИЖЕ. РУССКАЯ ПАСХА В ПАРИЖЕ.

Поговорив с делегатами Парижа об условиях только что подписанной капитуляции столицы, о настроениях жителей, о готовящихся переменах во Франции, Нессельроде перешел с ними в столовую замка, где им сервировали утренний кофе и холодные закуски. Полковник Орлов, который знал, что делегаты, поглощенные переговорами, ничего не ели со вчерашнего дня, по указанию царя распорядился обо всем этом: Александр никогда не забывал о подобных вещах. Это распоряжение он дал Нессельроде еще накануне вечером, когда они разговаривали о предполагаемом приеме после подписания капитуляции.

Так наступил этот памятный день — 31-го марта. Было уже около шести часов утра, когда дежурный адъютант сообщил графу Нессельроде, что император только что встал и готов принять делегацию. Возглавляющий ее префект полиции Парижа Пакье и полковник Орлов оставили в своих мемуарах описание приема. Граф Нессельроде представил императору поименно всех членов делегации, каждому Александр сказал несколько любезных слов и, пригласив всех сесть, обратился к ним со словами, которые в тот же вечер Пакье записал в свой дневник. Расхаживая взад и вперед по

залу, Александр произнес импровизированную речь, несколько раз подчеркнув, что у него есть один непримиримый враг во Франции — Наполеон, который нарушил данное им слово, напал на Россию самым вероломным способом, разрушив и опустошив страну, и что никогда он, Александр, не заключит с ним мира. Царь сказал, что питает самые дружеские чувства к французскому народу, что уважает французский народ и Францию. Перейдя затем к подробностям взятия Парижа, император заявил, что он согласился предоставить охрану спокойствия столицы Национальной гвардии и что ничего не потребует от жителей Парижа — никакой военной контрибуции, кроме продовольствия для армии, войска которой будут расположены биваком. «Скажите парижанам, господа делегаты, — закончил император, — что я не вхожу в их стены врагом и что только от них самих зависит приобрести мою дружбу...» И Александр снова повторил: «Скажите им, что во Франции у меня лишь один непримиримый враг — Наполеон, с которым я никогда не помирюсь и с которым мир для меня никогда не будет подписан...» И Пакье добавляет: «Эту мысль повторил он двадцать раз и всегда с самым большим возбуждением, ходя по залу из одного конца в другой...»

Отпустив делегацию, Александр приказал Нессельроде немедленно отправиться в город к Талейрану и условиться с ним о мерах, которые следовало принять по отношению к населению столицы на первых порах. Нессельроде въехал в Париж без охраны, в сопровождении лишь одного казака. Нессельроде так описывает свою встречу с Талейраном: «Я ехал к Талейрану по городу и удивлялся, наблюдая парижан: народ, казалось, собрался, чтобы погулять на празднике, а не для того, чтобы присутствовать при вступлении неприятельских войск... Талейран сидел перед туалетным столиком и полупричесанный выбежал ко мне навстречу, бросился в мои объятия и осыпал меня пудрой. Несколько успокоившись, он велел позвать людей, с которыми находился в секретном заговоре. Это были герцог Дальберг, аббат де Пратт и барон Луи...» Нессельроде

Дом Талейрана в Париже, в котором пребывал
император Александр
(Современная литография)

подробно передал им намерения царя. Он сообщил своим собеседникам, что Александр твердо решил лишь одно — не оставлять Наполеона на французском престоле. Что касается установления нового государственного режима, Нессельроде сказал, что царь хочет лично решать этот вопрос совместно с выдающимися представителями Франции, с которыми он войдет в соглашение.

Александр сам выбрал себе резиденцию во дворце «Елисее-Бурбон». Однако Талейран устроил хитрую интригу. Царь получил анонимную записку, в которой говорилось, что под дворцом мины, и, передав письмо Нессельроде, поручил ему посоветоваться с Талейраном. Когда Нессельроде рассказал французу об этой анонимной записке, Талейран разыграл крайнее удивление и отказывался верить. Однако, задумавшись, он сказал Нессельроде: «Знаете что... все же надо нам проявить осторожность. Прав или не прав этот доносчик, лучше императору не рисковать. Я предлагаю Его Величеству поселиться в моем собственном доме. Я буду этому чрезмерно рад и, конечно, могу гарантировать полную безопасность императору Александру в моем доме...». Как предполагают многие историки, все это было придумано самим Талейраном, чтобы иметь поближе к себе русского императора и влиять на его решения.

Во время этой встречи в замок Бонди прибыл граф Коленкур, посланный Наполеоном для переговоров с Александром. Теперь Наполеон предлагал сейчас же начать переговоры с царем на условиях, сходных с теми, которые несколько месяцев назад союзники предлагали ему в Шатильоне, но которые тогда Наполеон не принял.

Александр ценил Коленкура и сохранил к нему приятельские чувства, существовавшие между ними во времена, когда тот был посланником Наполеона в России. Однако он откровенно заявил Коленкуру: «Теперь мой долг упрочить спокойствие Европы, и поэтому ни я, ни союзные со мною монархи не станут вести переговоры с Наполеоном...»

Напрасно Коленкур старался убедить Александра в том, что союзные монархи низвержением с престола императора Наполеона, которого все они признали, будут фактически потворствовать революции. Царь ответил ему: «Союзные монархи не желают ниспровержения престолов... Во Франции они будут поддерживать не какую-либо партию недовольных теперешним ее правительством, а общий голос почетнейших граждан Франции. Мы решились продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее снова в будущем, может быть, при гораздо менее выгодных обстоятельствах. Мы будем сражаться, пока не достигнем прочного мира, который не можем надеяться получить от человека, опустошившего Европу от Москвы до Кадиса...» В заключение Александр сказал Коленкуру: «Я обещаю принимать вас во всякое время в Париже, когда вы захотите меня видеть, помня ваши ко мне отношения в прошлом, которые я особенно ценил...»

Выходя из замка Бонди, Коленкур увидел лошадь, приготовленную для предстоящего въезда Александра в Париж, и сразу узнал ее: это была светло-серая лошадь Эклипс — подарок Наполеона, который сам Коленкур в бытность свою посланником при русском дворе вручил Александру.

31-го марта утром император Александр торжественно выехал из замка Бонди и окруженный свитой из тысячи с лишним человек, вместе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом и главнокомандующим князем Шварценбергом, вступил в Париж. Перед ним двигались на лошадях русская и прусская кавалерийские гвардии, шли австрийские и русские гренадеры, гвардейская пехота и три кирасирские дивизии с артиллерией. Погода была прекрасная, и празднично одетые жители столицы наполняли улицы и площади, по которым ехал царь и сопровождавшие его войска. На балконах и даже на крышах домов толпились люди. Все шумно приветствовали Александра и выражали свое восторженное настроение криками: «Да здравствует царь Александр! Да здравствуют русские! Да здравствуют союзники!»... Женщины не стеснялись восхищать-

ся красотой и привлекательностью Александра, который жестами приветствовал парижан. Изредка он разговаривал с ехавшими рядом с ним генералами и шутил. Генерал Ермолов вспоминает в своих записках, что царь, подозвав его к себе незаметно и указав на князя Шварценберга, сказал по-русски: «По милости этого толстяка у меня было много бессонных ночей.»

В пятом часу, по окончании парада, император Александр отправился пешком к дому Талейрана на улицу Сен-Флорентин. Там все было готово для приема столь знатного гостя. Вечером на экстренное совещание к царю пришли король прусский и князь Шварценберг. Александр пригласил также Талейрана, герцога Дальберга, принца Лихтенштейна, графа Нессельроде и генерала Поццо ди Борго. Александр, совсем не выглядевший утомленным долгим парадом, открыл собрание краткой речью, в которой заявил, что единственной целью союзников и его самого является достижение справедливого и прочного мира, и что союзники готовы признать всякое правительство, которое было бы признано всеми французами: регентство императрицы Марии-Луизы, господство Бернадота, республику или Бурбонов. Все присутствующие, однако, высказались, что никто, кроме Бурбонов, не может заменить Наполеона и что единственная реальная возможность, которая будет принята громадным большинством французского народа, это реставрация прежней законной династии. Талейран произнес весьма аргументированную речь в пользу Бурбонов, которую заключил словами: «Возможны лишь две комбинации — Наполеон или Людовик XVIII. Республика — невозможна, регентство Марии-Луизы или Бернадот — пустая интрига, одни только Бурбоны — принципиальное решение...» Александр сказал, что он считает высказанный единодушный отзыв мнением большинства французов и, убедясь, что его одобряют прусский король и Шварценберг, добавил: «Нам, чужеземцам, не подобает провозглашать низложение Наполеона, и еще менее можем мы призывать Бурбонов на престол Франции. Кто же возьмет на себя почин в этих двух великих актах?»

Талейран указал на Сенат и взялся устроить это дело, но поставил условие: союзные монархи должны объявить всенародно, что не станут вести переговоры с Наполеоном или с кем-либо из членов его семейства, и приглашают Сенат немедленно назначить временное правительство.

Соответственная прокламация была тут же составлена Нессельроде и Дальбергом и затем несколько исправлена и подписана Александром. На следующий день, 1-го апреля, ее распространили по всему Парижу.

Под руководством Талейрана собрался на заседание Сенат и 1-го апреля учредил временное правительство Франции. 2-го апреля, опять под влиянием Талейрана, Сенат постановил, что Наполеон и вся его семья лишаются прав на французский престол. Затем Александр принял всех членов Сената, которых поименно представил ему Талейран, и произнес следующую речь: «Господа сенаторы Франции! Я друг французского народа, и то, что вы сегодня сделали, еще более усиливает это мое чувство. Справедливо и мудро дать Франции стабильные и либеральные институции, которые отвечали бы теперешнему просвещенному духу. Мои союзники и я пришли лишь, чтобы покровительствовать свободе ваших решений. Как доказательство этого постоянного моего союза с вашим народом, я возвращаю Франции всех пленных французов. Временное правительство просило меня об этом, и я удовлетворяю это желание, возвращая ваших пленных Сенату после принятых вами сегодня решений...»

Позднее император принял Коленкура и объявил ему о необходимости отречения Наполеона. «Только на этом основании, — добавил он, — возможно вести с ним переговоры. Поверьте, у меня нет к нему никакой неприязни. Наполеон несчастен, и с этого момента я ему прощаю все зло, которое он причинил России. Но Франция и Европа нуждаются в мире, а с ним они никогда не будут иметь мир. Мы безвозвратно приняли это решение...» И еще Александр сказал: «Пусть он требует то, что он хочет для себя лично. Ему будет предоставлено выбрать такое местопребывание,

которое он пожелает». Коленкур спросил царя, какое владение может быть предназначено Наполеону. Тот ответил, что, даже если он захочет жить в России, он готов удовлетворить это желание. В конце концов, выбор пал на остров Эльбу. «Идите, — сказал Александр Коленкуру, — и убедите вашего государя, что необходимо примириться с этим, и тогда посмотрим, что сделать... Все, что будет достойно и почетно, будет сделано».

Тем временем Наполеон все еще надеялся одержать конечную победу и спасти свою империю и свой трон. Он укрепился в замке Фонтенбло, готовясь после сосредоточения оставшихся верными ему войск продолжать борьбу и идти на Париж. Возвращение Коленкура и его доклад о разговоре с русским императором не только не поколебали, но еще более утвердили его в этом намерении. Значительная часть армии все еще сохраняла верность Наполеону и все еще верила в его звезду. Однако маршалы, утомленные бесконечными его войнами и сознающие силу Александра и союзников, были решительно против новой авантюры. После капитуляции Парижа они стали искать компромиссное решение и в долгих прениях убедили Наполеона отказаться от престола и передать его сыну. Четвертого марта Наполеон подписал «условное отречение» в пользу своего малолетнего сына — Римского короля. Он уполномочил Коленкура и маршалов Нея и Макдональда войти в переговоры с союзниками. Зная нерасположение Александра к Бурбонам, они надеялись уговорить царя признать права Римского короля и регентство Марии-Луизы. Они полагали, что ее отец император Франц и его канцлер Меттерних также поддержат эту альтернативу. Они прибыли в Париж поздно ночью и немедленно были приняты императором Александром. Выслушав маршалов и Коленкура, которого Александр очень уважал, царь действительно проявил некоторое колебание, особенно, когда понял, что Наполеон не склонен отречься от престола безусловно и что он может начать новую войну.

В это время маршал Мармон, считая, что Наполеон уже не сможет вернуть себе прошлое положение, перешел к союзникам. С ним была значительная часть армии. Измена Мармона, в которой немалую роль играл Талейран, снова заставила Александра вернуться к прежнему решению. Конечно, имея возможность постоянного общения с царем, который все еще пребывал в его доме, Талейран опять успел склонить Александра на свою сторону. Одновременно Талейран энергично влиял и на Сенат, утвердивший новую конституцию, одна из статей которой постановляла, что Людовик, брат казненного последнего короля, «призывается на престол свободною волей французского народа» и что после принесения присяги конституции он будет провозглашен «королем французов» — новая формула французской монархии (вместо «королем Франции»), указывающая на то, что Людовик XVIII выбран королем волею французов, а не благодаря наследственному праву...

Тут случилось на вид незначительное событие, которое прошло незамеченным из-за всех прочих событий мирового значения, но которое, однако, говорит о глубокой внутренней перемене в настроениях императора Александра и которое предопределило весь остальной период его жизни...

Пасха в 1814 году была ранняя, и страстная неделя наступила как раз в самом начале апреля, в самый разгар кипения политических страстей и споров. Александр позднее рассказал князю А. Н. Голицыну о своих тогдашних переживаниях, которые, по его собственному самоанализу, представляли следствие трагических потрясений Отечественной войны 1812 года и все продолжавшегося драматического единоборства с Наполеоном в 1813 году. Невольное участие в убийстве отца, превращение еще совсем молодого человека, в котором бурлили страсти и кипели неизбежные для всех одаренных людей противоречия, в самодержца-царя самой пространной империи мира, оставили в его ранимой душе глубокий след.

С самого раннего детства умного и чувствительного мальчика поражали противоречия, превратившиеся для него в неразрешимую психологическую драму: с одной стороны византийская православная традиция — философия христианского аскетизма, в которой он был воспитан с самых ранних лет, с другой — сложнейший психологический образ его гениальной бабушки, создательницы российского великодержавия, и совсем противоположная идеалам православного аскетизма ее частная жизнь, с человеческими слабостями, которые невольно ему приходилось нередко наблюдать. Его поражали и ее вольтерьянство, и материалистические концепции, как-то странно уживавшиеся с церковными обрядами и постами, которые строго соблюдались при ее дворе. Кроме всего этого — жизненная драма ее отношений с сыном, наследником престола, а потом и императором Павлом, его отцом. Затем еще одно неизгладимое противоречие между крайним абсолютизмом его бабушки и его отца и демократическими, даже революционными идеями его воспитателя Лагарпа, к которым он испытывал сильное природное тяготение. Наконец, участие в мировых событиях, встречи и разговоры с Наполеоном, противоречия его ближайших советников — достаточно вспомнить о либеральном Сперанском и ультрареакционном тиране Аракчееве и пр., и пр. Сцены великолепия дворцовой жизни сменялись у него невзгодами поля брани, где сам он не раз видел смерть в глаза, слышал стоны умирающих и наблюдал, как косила смерть сотни и тысячи его офицеров и солдат и почему-то щадила его самого... По его собственному признанию, из беспечного материалиста, доведенного почти до атеизма, он постепенно превращался в верующего христианина. Кроме того, у него в душе, конечно, был и наследственный от душевнобольного отца болезненный мистицизм, который все еще побеждала его сильная воля.

«Наше вступление в Париж, — говорил Александр Голицыну, — было великолепным... Все спешили обнимать мои колена, все стремились прикоснуться ко мне; народ бросался целовать мои руки, ноги, хватались

даже за стремена, оглашали воздух радостными криками, поздравлениями. Но душа моя ощущала тогда в себе другую радость. Она таяла в беспредельной преданности Господу, сотворившему чудо Своего милосердия. Душа моя жаждала уединения, жаждала субботствования; сердце мое порывалось пролить перед Господом все чувствования мои. Словом, мне хотелось говеть и приобщиться Святых Тайн. Но в Париже не было русской церкви. Милующий Промысл, когда начнет благодетельствовать, тогда бывает всегда безмерен в своей изобретательности. И вот, к крайнему моему изумлению, вдруг приходят ко мне с донесением, что столь желанная мною русская церковь нашлась в Париже: последний наш посол, выезжая из столицы Франции, передал свою посольскую церковь на сохранение в дом американского посланника. И вот, сейчас же против моей резиденции французы наняли чей-то дом, и церковь русская была устроена; а от дома моего, в котором я жил уединенно, тогда же французы сделали переход для удобного посещения церкви».

Напомню, что Александр в эти начальные дни апреля 1814 года жил в доме Талейрана. Как ни странно, Талейран, бывший католический епископ, бросивший рясу и ставший великим политиком, человек, с точки зрения христианской морали весьма предосудительный, нашел у американского посланника перенесенную из русского посольства православную церковь. Конечно, это сделал для Александра сам Талейран, понимавший, как бывший епископ, желание русского царя говеть. Кроме того, у него были прекрасные отношения с американским посланником, так как во время террора якобинцев во Франции он эмигрировал в Америку и пробыл там несколько лет. Это позволяет мне заключить, что именно Талейран «нашел» эту русскую церковь для Александра...

«Французское правительство, — продолжает Александр свой рассказ князю Голицыну, — узнав о моем обете, немедленно распорядилось, чтобы по той улице никакие экипажи не ездили.

Шарль Морис, принц де Талейран —
министр иностранных дел Франции
(Современная французская литография)

И вот ничто уже не мешало исполнить мою обязанность перед Господом. Бывало, всякий день хожу в церковь. Но, ходя туда и возвращаясь обратно в дом, трудно, однако ж, мне было сохранять чувство своего ничтожества, которого требует святая наша церковь в подвиге покаяния: как, бывало, только покажусь на улицу, так густейшая толпа — что есть только лучшего в парижском обществе, — толпа кавалеров и дам тесно обступят и смотрят на меня с воодушевлением признательного чувства, с тем доброжелательством, которое для лиц нашего звания так сладко и обаятельно видеть в людях. С трудом каждый раз пробирался я на уединенную свою квартиру. Никогда с таким благоговением и спокойствием я не говел, как в многолюдной столице Франции. Промысл излил на меня от Своей десницы все милости.

Он послал мне все возможное спокойствие к исполнению этого священного долга. Но прежде, чем я к тому приступил, душа моя была, однако ж, не без смущения: мне совершенно известно было, что грозные еще своим отчаянием полчища Наполеона стягивались в самом близком расстоянии от Фонтенбло; следовательно, союзные армии, так недавно вступившие в стены столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслаждения; мне скоро надлежало выводить их для нового боя, может быть, отчаяннейшего, чем все прежние; мне надлежало также принять все возможные меры, чтоб сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться даже и от малейшего успеха Наполеона. Как же мне, говорю, было спокойно говеть, когда надлежало, может быть, в скорейшее время выводить войска из Парижа? Но я и здесь повторяю то же, что, если кого милующий Промысл начнет миловать, тогда бывает безмерен в божественной своей изобретательности. И вот в самом начале моего говения добровольное отречение Наполеона как будто нарочно поспешило в радостном для меня благовестии 4-го апреля этого 1814 года, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мне

все средства начать и продолжать мое хождение в церковь...»

Как будто слышим мы в этом рассказе не голос императора Александра, а таинственного, смиренного сибирского старца Федора Кузмича...

Я передал эту исповедь царя по запискам князя Александра Николаевича Голицына, одного из интимных приятелей императора Александра, бывшего при нем министром духовных дел и народного просвещения, близкого к государю с самого детства[1]).

Император Александр пожелал также, чтобы одновременно с ним самим говели и все русские войска: последовал приказ, воспрещавший офицерам и солдатам посещение на это время театров, шумных народных собраний и всяких других публичных увеселений...

10-го апреля, в самый день Православной Пасхи[2]), парижане были свидетелями совершенно нового, невиданного ими зрелища. Об этом также сам царь рассказал Голицыну: «Еще скажу тебе о новой и отрадной для меня минуте в продолжение всей моей жизни, — говорил император. — Я тогда живо ощущал апофеоз русской славы между иноплеменниками: я даже их самих увлек и заставил разделять с нами нацио-

---

[1]) Князь Александр Николаевич Голицын (1773-1844), бывший с раннего возраста интимным другом императора Александра Павловича и его доверенным лицом, после его воцарения был назначен обер-прокурором Синода (в 1803 г.) С 1816-го года стал министром народного просвещения, а в 1817 году возглавил новое министерство духовных дел и народного просвещения. С 1813 года Голицын был президентом Российского Библейского Общества. Он являлся в России исполнителем мероприятий Александра, связанных с идеями основанного царем Священного Союза. В конце царствования Александра I, в 1824 году, вследствие происков известного ставленника графа Аракчеева архимандрита Фотия, был смещен с постов министра и президента Библейского Общества, но полностью сохранил свою дружбу с царем и свое положение при дворе, которое не изменилось и при императоре Николае I.

Он записал свои разговоры с императором Александром, и его записки являются ценнейшим материалом для изучения подлинного характера этого замечательного государя и его эволюции в поздние годы царствования.

[2]) По старому стилю — 29-го марта 1814 года.

нальное торжество наше. Это вот как случилось. На то место, где пал кроткий и добрый Людовик XVI, я привел и поставил своих воинов; по моему приказанию поставлен был амвон и созваны были все русские священники, которых только найти было можно. И вот, при бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов, вся площадь огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная была эта минута для моего сердца, умилителен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтоб в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по короле французском. Русский царь всенародно молился вместе со своим народом, и тем как бы очищал место, где пролилась кровь царственной жертвы. Духовное наше торжество в полноте достигло своей цели: оно невольно наполнило благоговением и самые сердца французские. Не могу не сказать тебе, Голицын, хотя это и вне теперешнего моего рассказа, что мне было даже забавно тогда видеть, как французские маршалы, как многочисленная фаланга генералов французских теснилась возле русского креста и друг друга толкала, чтобы иметь возможность к нему приложиться. Так обаяние было всеобщее, так оторопели французы от духовного торжества русских».

В этот же день император Александр вспомнил про своего воспитателя Лагарпа. Он пожаловал ему орден св. Андрея Первозванного. На другое утро после вступления в Париж князь Волконский от имени императора послал Данилевского к супруге Лагарпа известить ее, что муж ее находится в безопасности в Дижоне, в главной квартире австрийского императора, и предложить ей от имени его величества всевозможные услуги, караул для загородного дома ее в Плиссе-Пике

и, если нужно, деньги. Сверх того, ему приказано было сказать ей, что государь не имел еще ни одной свободной минуты, чтобы ее посетить, но что в самом скором времени лично у нее будет. Госпожа Лагарп была очень тронута вниманием царя и сквозь слезы ответила Данилевскому: «Вы видите, я плачу, мои слезы — вот мой ответ...»

Император Александр исполнил свое обещание. Он посетил госпожу Лагарп в доме, где она снимала скромную квартиру на четвертом этаже.

— Вы очень переменились, — сказал ей император.

— Ваше Величество, — ответила госпожа Лагарп, — и я, как все, терпела горе...

— Вы меня не поняли, — продолжал Александр. — Бывало вы сидели подле воспитанника вашего супруга и дружески с ним разговаривали, а теперь стоите перед ним. Надеюсь, что наши прежние отношения не изменились.

10-го апреля Меттерних и Кастельри, наконец, прибыли из Дижона в Париж. После аудиенции у Александра канцлер писал императору Францу: «Я нашел русского императора в весьма разумном настроении. Он бредит гораздо меньше, чем я ожидал. Князь Шварценберг также остался очень доволен им...»

Это презрительное выражение австрийского канцлера намекает на «политические бредни» царя, т. е. его, по мнению Меттерниха, увлечения идеями французской революции, в чем он всегда обвинял Александра. Очевидно, император Франц и его канцлер весьма опасались, что царь может установить во Франции республику. Видимо, встреча Меттерниха с Талейраном разубедила канцлера в этом. Известие, что царь живет в доме Талейрана, совсем успокоило его, так как он справедливо заключил, что Александр попал под влияние его французского единомышленника.

23. РОЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА В ОККУПАЦИИ ПАРИЖА

Взыскательный и реалистичный политик, канцлер Меттерних, столь скупой на комплименты, особенно по отношению к русскому царю, которого он считал попавшим под влияние революционных идей, безусловно, был не только удивлен, но и весьма удовлетворен результатами, достигнутыми управлением императора Александра в оккупированном союзниками Париже. Возражал он только против одного пункта — соглашения Александра с побежденным французским императором, а именно, против предоставления во владение Наполеону острова Эльбы. Он выражал — впрочем, вполне основательное — опасение за будущее спокойствие Европы, находя, что в политике, а тем более с Наполеоном, великодушие неуместно. Александр, уже под полным влиянием завладевшего им мистического настроения, отвечал австрийскому канцлеру, что к побежденному врагу надо быть гуманным, как и в частной жизни, и добавлял, что взять назад свое слово он не может и что нельзя сомневаться в добрых намерениях человека и в обещаниях государя и солдата, не оскорбляя его...

Из-за громадного престижа, которым теперь пользовался Александр, будучи главным архитектором союзнической победы, Меттерниху пришлось покориться воле царя, и он против воли согласился подписать приготовленный Александром договор.

«Я скрепляю своей подписью этот договор, — сказал Меттерних царю, — но помните, не пройдет и двух лет, как этот договор снова приведет нас на поле брани...»

Итак, 11 апреля союзники подписали этот, так называемый Фонтенблоский договор, определивший судьбу бывшего императора Франции и его семьи. Наполеон несколько дней колебался, но в конце концов согласился подписать этот столь роковой для него документ.

20 апреля Наполеон в сопровождении союзных комиссаров выехал из замка Фонтенбло и 15 мая после довольно долгого путешествия прибыл на остров Эль-

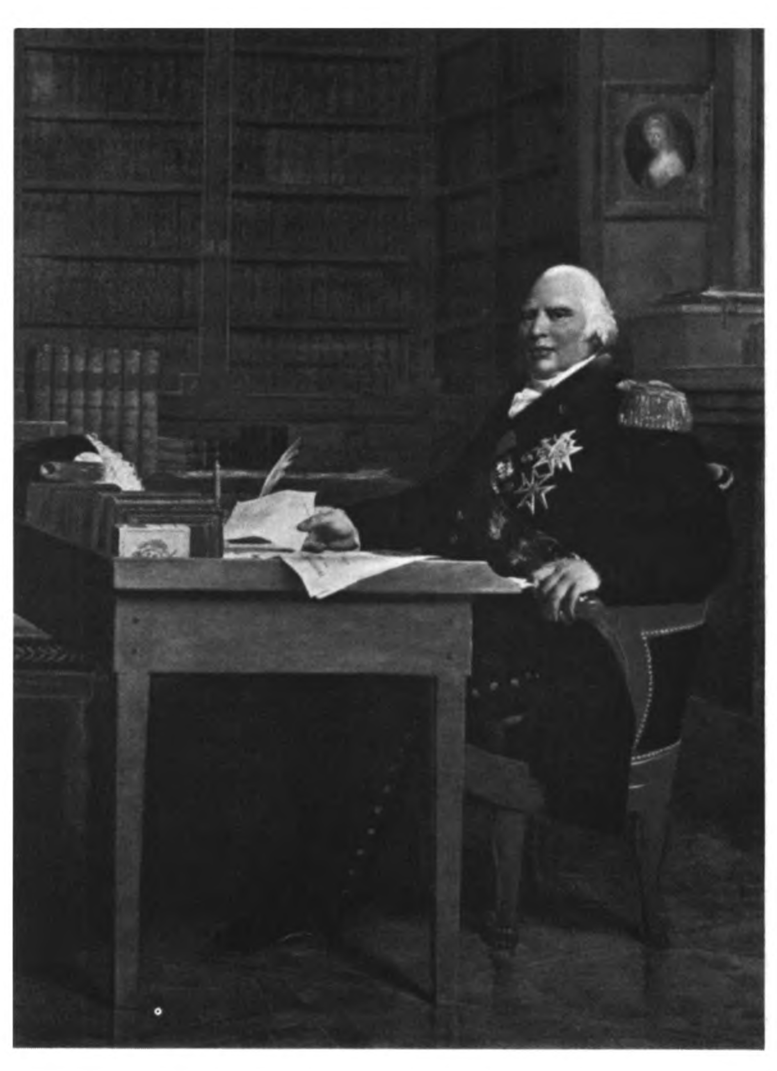
бу. Через три дня после отъезда мужа императрица Мария-Луиза с сыном Наполеона отправилась — по решению союзников, но, конечно, и по желанию ее отца императора Франца, и по собственному — в Вену.

Но еще 13 апреля брат короля Людовика Восемнадцатого граф д'Артуа в генеральском мундире Национальной гвардии, торжественно встреченный парижанами, въехал в столицу и вступил в свои обязанности наместника короля.

После благополучного окончания всех этих столь ответственных и сложных дел Александр все еще вынужден был оставаться в Париже, главным образом, для заключения мирного договора с новым французским правительством. Однако была у царя и еще одна немаловажная политическая задача — заставить короля Людовика принять обещанную Александром французскому народу конституцию и обеспечить Франции свободные учреждения, а этого было нелегко добиться из-за упорства Людовика...

Новый французский государь, который теперь пребывал в Англии, прощаясь в Лондоне с принцем-регентом, заявил ему, что восстановлением своим на престоле Франции обязан он, после Всевышнего Промысла, более всего благоразумным советам принца, усилиям английского правительства и непоколебимому постоянству английского народа. Этими словами Людовик Восемнадцатый в сущности выражал всю свою будущую внешнюю политику: приязнь к Англии и к ее западным союзникам и неприязнь к России и, в частности, к самому императору Александру. Очевидно, Людовик на всю жизнь запомнил и не мог простить отцу Александра, покойному императору Павлу, что, оказав ему сначала гостеприимство в Митаве, тот бесцеремонно выгнал его и всю его семью среди лютой русской зимы. Поэтому король ни слова не сказал о том, что освобождением Франции он обязан прежде всего русскому царю...

24 апреля Людовик отплыл из Дувра, высадился в Кале и 29 апреля прибыл в Компьень. Узнав о прибытии короля в Кале, Александр отправил к нему гене-

Король Людовик XVIII в Тюилерийском дворце
(Современная литография)

рал-адъютанта графа Поццо ди Борго с личным посланием, в котором советовал Людовику не уклоняться от либеральных идей, воспринятых французами, и даровать стране свободную конституцию. Король, однако, принял эти советы царя с нескрываемой холодностью и ответил на послание весьма неопределенно. Тогда Александр, надеясь лично повлиять на Людовика, сам отправился в Компьень. Царь при этом руководствовался лишь искренним желанием водворить во Франции длительное спокойствие.

Об этой встрече с Людовиком Александр подробно рассказал своему флигель-адъютанту князю Волконскому, который записал этот рассказ, дошедший до нас. Людовик, принимая Александра, сел в кресло и предложил высокому гостю обыкновенный стул. Он выслушал Александра спокойно, не перебивая и ничего не отвергая, но и ни с чем не соглашаясь. Он много говорил о Всевышнем Промысле, о силе великого принципа законности, представителем которого он являлся, но, конечно, преднамеренно не сказал ни слова благодарности в связи с участием русского царя в борьбе с Наполеоном и о жертвах русских воинов, проливших столько крови за освобождение Франции.

Император Александр был весьма недоволен этим холодным приемом. Он сказал Волконскому: «Вполне естественно, что король, больной и дряхлый, сидел в кресле, но я в таком случае приказал бы подать для гостя также кресло...» Граф Нессельроде, сопровождавший государя в поездке, в своих записках так отзывается об этой встрече: «Король проявил неуместную надменность в отношении к государю, которому он обязан был своим возвращением на престол. Император был очень оскорблен этим поведением, и оно повлияло на последующие отношения обоих монархов».

Когда король прибыл в Сент-Уэн и собирался въехать в Париж, император сообщил ему, что он сможет появиться в столице не прежде, чем приняв конституцию Сената или, по крайней мере, обнародовав декларацию, что он дарует конституцию народу... Коро-

лю пришлось подчиниться. Он объявил, что «дарует конституционную хартию». Так выработанная Сенатом французская конституция и вошла в историю под именем «Сент-Уэнской хартии». Затем Людовик торжественно въехал в Париж. Но после этого отношения между государями еще более ухудшились.

Людовик, некрасивый и толстый старик, очень завидовал популярности Александра, которым восторгались женщины. «Боже, какой он красивый! Какой статный и молодой!» — громко восклицали парижанки и парижане, видя его, скачущего верхом по улицам Парижа без охраны, в красивой форме, всегда весело улыбающегося и элегантно отвечающего легким жестом руки на их приветствия. Людовик же проезжал в своей карете, сопровождаемый гвардией телохранителей. Виктор Гюго рассказывает, что нередко старые циничные парижские торговки громко говорили между собой: «Ну что, согласилась бы ты лечь с ним в одну кровать?» Людовик болезненно переживал свою непопулярность и не без ехидства в разговорах со своими приближенными называл Александра «маленьким парижским корольком...»

Вот случай, про который писали русские и французские современники. После водворения своего в Тюильрийском дворце Людовик пригласил однажды императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма на ужин. Вошел он в столовую залу первым и сел на почетное место, нарушая протокол элементарной вежливости. Когда же один из лакеев, поднося блюдо, подошел прежде всех к императору Александру, король грозно закричал: «Мне, пожалуйста!» Со своей стороны, император Александр, вспоминая об этом ужине, говорил своим приближенным: «Мы, северные варвары, более вежливы у себя дома...» Не раз посмеивался он над высокомерием Бурбонов: «Людовик Четырнадцатый во времена своего наибольшего могущества не принял бы меня иначе: можно было подумать, что этот Людовик возвратил мне потерянный престол...»

К большому неудовольствию Людовика и его приближенных, Александр после этих первых контактов с

королем стал оказывать явное предпочтение проживающим в столице членам семьи Наполеона. Он неоднократно посещал в Мальмезоне первую жену Наполеона императрицу Жозефину и подружился с ее дочерью королевой Гортензией. Наверно, раскаивался Александр, что под влиянием Талейрана согласился на реставрацию Бурбонов, а не внял предложению маршалов признать маленького Римского короля французским государем, а его мать императрицу Марию-Луизу регентшей Франции. «Эти люди, — говорил Александр про Бурбонов, — никогда не привыкнут держать себя как подобает, в особенности к прошедшему через революцию французскому народу».

Александр и союзники готовились к миру, который собирались подписать в Париже. Среди забот, связанных с устройством французских и общеевропейских дел, самой трудной для царя была забота о решении польского вопроса. Найдя в себе мужество и волю простить французам их опустошающее нашествие на Россию, Александр простил и полякам яростное их участие в этом нашествии. Александр помнил мечты своей юности и искренне хотел восстановить Польшу. Союзники знали эти настроения царя и боялись их: для Австрии и Пруссии восстановление Польши в ее прежних границах означало потерю присоединенных к ним польских провинций во время разделов Польши при Екатерине. Для Александра же это значило, что он, русский император, став польским королем, сохранял в своем владении польские провинции, завоеванные Екатериной.

Когда Александр и союзники начали свое победоносное наступление, Адам Чарторыйский, бывший министр иностранных дел Александра и друг его детства, поспешил явиться к царю на союзническую квартиру в Шомоне. Появление Чарторыйского вызвало настоящий переполох среди союзников. Меттерних открыто говорил, что из-за интриг Чарторыйского и его влияния на царя распад коалиции неминуем. Теперь польский магнат снова прибыл к Александру, но уже в Париж. Однако царь просил Чарторыйского обождать

предстоящего конгресса в Вене, где обещал поставить на рассмотрение польский вопрос.

Умеренность и тактичность Александра в отношении к польскому вопросу позволили союзникам договориться и подписать 30 мая Парижский мир. В силу этого договора Франция снова вошла в свои естественные границы, существовавшие до 1792 года. Население ее составило чуть больше 15.360.000 человек.

Александр настоял, чтобы завоеванные Наполеоном и перенесенные из разных городов Европы произведения искусства, украшавшие парижские музеи, остались во Франции, так как, по выражению Александра, «в Париже они окажутся более доступными для всей Европы». В договоре был секретный пункт, по которому Франция признавала распоряжения союзников относительно потерянных ею владений. Англия сохраняла Мальту, но обязалась вернуть Франции почти все отнятые у нее англичанами колонии. Наконец, решено было в течение двух месяцев собрать конгресс в Вене.

Прусский король настаивал на уплате Францией 132 миллионов франков за содержание наполеоновских войск в 1812 году. Но Людовик категорически отказался признать это требование, заявив: «Мы лучше истратим 300 миллионов на войну с пруссаками, нежели уплатим эту сумму». Опять император Александр заступился за Францию и убедил Фридриха-Вильгельма не настаивать на этом требовании.

18 мая в день праздника сошествия Св. Духа император Александр по случаю заключения мира отдал по армии приказ, который оканчивался словами: «Закончена война, для свободы народов и царств подъятая. Победа, сопровождавшая знамена ваши, водрузила их в стенах Парижа. При самых вратах его ударил гром ваш. Побежденный неприятель простер руку к примирению. Нет мщения! Нет вражды! Вы даровали ему мир, залог мира во вселенной. Храбрые воины, вам, первым виновникам успехов, принадлежит слава мира! Вы снискали право на благодарность отечества, именем отечества ее объявляю».

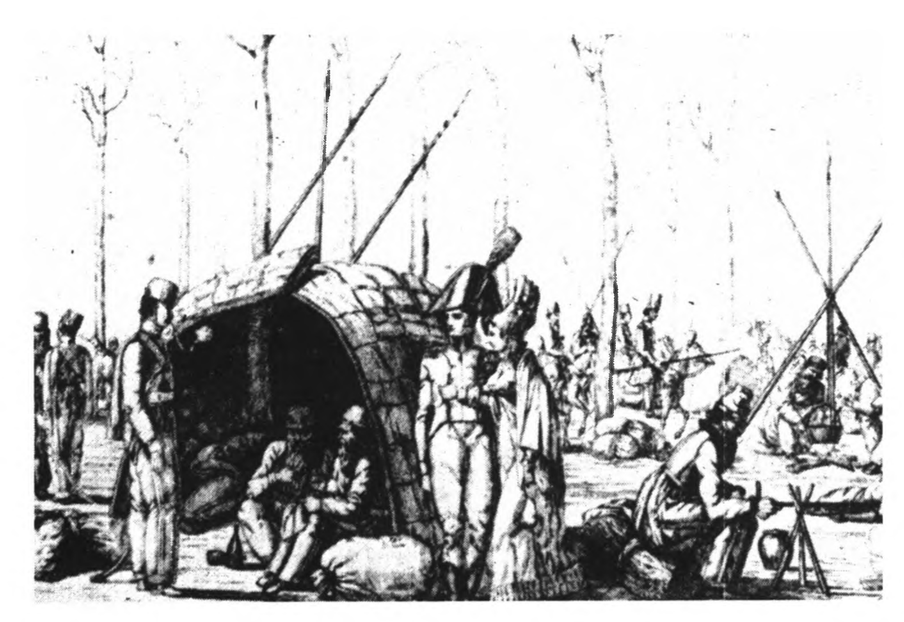
Накануне, 17 мая, умерла императрица Жозефина.

Погребальные почести первой супруге Наполеона были отданы русской гвардией.

Союзники требовали от Людовика официального исполнения обязательства о даровании конституции, принятого им еще 3 мая. Король, уведомленный, что союзнические войска не выступят из Парижа, пока он не исполнит это обязательство, назначил торжественное заседание Сената и законодательного собрания на 4 июня — день провозглашения обещанной в Сент-Уэне конституционной хартии...

Своим поведением Александр продолжал удивлять и восхищать французов; тогда как король Фридрих-Вильгельм и австрийский император Франц во время своего пребывания в Париже оставались как-то в тени и их сравнительно мало видели вне определенных близких им кругов, Александр, напротив, часто ездил верхом по Парижу и осматривал музеи и общественные учреждения, ища случай понравиться французам и возбудить их симпатию. Все эти свои частые поездки царь делал без конвоя или даже личной охраны и, более того, несмотря на настоятельные мольбы префекта Пакье, не предупреждая о том французскую полицию. Обо всем этом подробно писал в своих мемуарах сам Пакье.

Современник и очевидец Н. Н. Муравьев оставил нам в своих записках далеко не привлекательную картину пребывания в Париже русских солдат, картину тех испытаний и лишений, которые им приходилось переносить. «Во все время нашего пребывания в французской столице, — пишет он, — часто делались парады, так что солдатам в Париже было более трудно, чем в походах. Продовольствие их было весьма скудное, и они часто просто голодали. Кроме того, остерегаясь, что подстрекаемые голодом, они будут, как обыкновенно это случалось в те времена, просто воровать у населения, их держали как бы под арестом, безвыходно в казармах». Император Александр лично установил все эти строгости во избежание возможных конфликтов с населением. Более того, он приказал французской национальной гвардии арестовывать русских солдат,

Бивак казаков на Елисейских Полях в Париже
(Современная французская гравюра)

когда их встречали на улицах, что, конечно, вызывало уличные конфликты и драки. Современники пишут, что это несправедливое отношение к русским солдатам вызывало весьма печальное явление: массовые их побеги, так что при выступлении русской армии из Парижа многие из них, опасаясь военного суда, просто укрывались в столице или даже убегали в провинцию.

Однако не только русские солдаты, но и офицеры переживали значительные притеснения во Франции. Многие современники пишут о драконовских мерах генерала Сакена, назначенного царем военным губернатором Парижа, применявшихся им по случаю малейших проделок офицеров или конфликтов, возникавших между ними и французами. Несомненно, сам Александр из-за своего пристрастия к Франции и французам предписывал все эти строгости своему военному губернатору. Кроме того, царь назначил комендантом Парижа своего флигель-адъютанта графа Рошешуара, бывшего эмигранта времен французской революции. Он окружил себя французами и, как описывают русские офицеры, побывавшие во Франции во время оккупации, всегда вслушивался в их доносы и внушения, неизменно поддерживая французов при их конфликтах с русскими. Несомненно, это несправедливое к ним отношение их собственного начальства и легко напрашивающееся сравнение между их неволей и сравнительно свободной и счастливой жизнью французов вызывало в русском офицерстве те специфические настроения, которые создали условия для возникновения революционного движения 1825 года, известного под названием движения декабристов...

Накануне 4 июня — дня, назначенного королем Людовиком заседания Сената для провозглашения дарованной им конституции, — Александр покинул Париж и отбыл в Англию с королем Фридрихом-Вильгельмом, пожелавшим его сопровождать в Лондон. В тот же день император Франц со своим канцлером Меттернихом также уехал из французской столицы в Вену. Перед отъездом Александр назначил генерал-адъютанта Поц-

цо ди Борго своим послом при дворе Людовика Восемнадцатого и отдал распоряжение генералу Сакену сложить с себя функции военного губернатора Парижа и сдать все городские караулы национальной гвардии.

Так окончилась военная оккупация Парижа и Франции русскими и союзническими войсками.

24. УЧАСТИЕ АЛЕКСАНДРА В ВЕНСКОМ КОГРЕССЕ. СПОРЫ С СОЮЗНИКАМИ.

Прибыв в Германию, в Брухзал, где в то время гостила у своей матери маркграфини императрица Елизавета Алексеевна, император Александр получил из России поданное ему Святейшим Синодом, Государственным Советом и Сенатом прошение о принятии царем титула «Благословенный». Одновременно испрашивалось соизволение государя выбить памятную медаль и воздвигнуть в Ст.-Петербурге памятник с надписью: «Александру Благословенному, Императору Всероссийскому, великодушному держав восстановителю, от признательной России». Послание это привезли посланные от этих — самых высоких — институций в России уполномоченные: князь Александр Куракин, генерал Тормасов и граф А. Н. Салтыков. Однако Александр отказался от почестей. Он ответил посланием, которое заканчивалось словами: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как я в сердце своем соорудил памятник в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю его! Да благоденствует Россия и да будет надо мною и над нею благословение Божие...»

Столица между тем готовилась к торжественной встрече государя. Но уже 19-го июля Александр послал санкт-петербургскому военному губернатору Вязмитинову рескрипт, в котором, между прочим, писал: «Дошло до моего сведения, что делаются разные приготов-

ления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, считаю их еще менее приличными ныне. Один Всевышний является причиной знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все мы должны смириться...» Царь в этом послании воспрещал устраивать ему какие-либо встречи и приемы. И генералу Вязмитинову пришлось приказать быстро разобрать все построенные триумфальные арки и сооружения для иллюминации.

25-го июля царь приехал в Санкт-Петербург, и на следующий день было назначено торжественное молебствие в Казанском соборе. Александр с братом своим цесаревичем Константином Павловичем сопровождали верхом парадную карету, в которой сидела императрица-мать Мария Федоровна с великой княжной Анной Павловной. Этой церковной церемонией началось и окончилось единственное торжество по поводу возвращения императора в Россию после полуторагодового отсутствия. Пробыл царь на родине всего около двух с половиной месяцев и в середине сентября через Пулавы отбыл в Вену на международный конгресс.

Александр надеялся поставить перед конгрессом самый трудный и сложный польский вопрос, который волновал его еще с юношеских лет. Став царем, он чувствовал, что несет ответственность за учиненные его бабкой Екатериной пресловутые «разделы» Польши и фактическое уничтожение Польского королевства, значительную часть которого она присоединила к своей империи. Как он признавался в юные годы своему другу и почти сверстнику князю Адаму Чарторыйскому, эта историческая несправедливость камнем давила его сердце.

Я уже рассказывал об усилиях Александра в первые годы царствования восстановить Польское королевство и о его пребывании в Пулавах, в замке Чарторыйских. Александр, однако, хотел восстановить Польшу в рамках ее единения с Российской Империей, приняв, конечно, отдельно от русской, и польскую корону. Он считал, что это — единственно возможное раз-

решение польского вопроса, т. к., отделяясь от России, Польша все же оставалась бы под властью русского императора. Но и эта идея встретила немалые трудности. Первая — вековая неприязнь между русским и польским народами. Александр также видел сильную оппозицию со стороны Австрии и Пруссии, которые ни за что не хотели потерять присоединенные ими польские провинции, а восстановление Польши, даже в пределах принадлежащих России польских земель, угрожало ее будущим полным объединением под мощным скипетром русского царя. Кроме всех этих соображений, было еще одно — участие поляков в походе Наполеона 1812 г. и их активное содействие французам в разорении России. И тем не менее, отдавая себе отчет во всех этих трудностях, император рассчитывал на свой возросший до огромных размеров престиж после разгрома Наполеона и был уверен, что польская проблема в Вене будет разрешена окончательно. Он уже успел уговорить своего друга и союзника прусского короля Фридриха-Вильгельма уступить присоединенные к Пруссии польские провинции, получив взамен Саксонское королевство и присоединив его к Пруссии после низвержения с престола саксонского короля за его союз с Наполеоном...

Еще в начале войны 1813 года Александр писал Чарторыйскому: «...если по исходе всех этих событий я мог бы на минуту очутиться в недрах вашего семейства, это причинило бы мне безумную радость...» И вот теперь, перед прибытием на конгресс в Вену, царь решил, что пришла пора исполнить это намерение.

15 сентября Александр в дворцовой открытой карете, сопровождаемый генерал-адъютантом князем Волконским, прибыл в Пулавы. У подъезда царя ожидали князь и княгиня Чарторыйские со всей их семьей. «Вышедши из экипажа, — рассказывает в своем дневнике княгиня Чарторыйская, — император приветствовал нас с той вежливостью, которая так мила в равных нам и так трогательна в людях, стоящих выше нас. «Я счастлив, что опять в Пулавах, — сказал он, целуя мне руку, — чувствую себя дома». Он сердечно поздоровал-

ся с моей дочерью и бросился в объятия моего сына. Поклонившись всем гостям, он сказал, что вернется, чтобы познакомиться с ними, а теперь желает поговорить со мною. После тысячи любезных слов, что Пулавы для него поистине излюбленное и выбранное место, он коснулся прошедших и будущих дел. Он распространялся о том, как он ценит поляков за их храбрость: «Они защищают такое справедливое дело, что я желаю осчастливить их и работаю в этом направлении, но нужно терпение и вера в меня. В 1812 году я не мог противиться могущественному напору неприятеля, но решил бороться: мороз и голод помогли мне, и Бог наказал Наполеона. Теперь меня больше всего занимает Польша. Еду на конгресс, чтобы работать для нее, но надо действовать постепенно. У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один лишь друг — я...»

Эти записки матери князя Адама представляют для историка немалый интерес потому, что в них самим Александром выражена программа восстановления Польши...

Княгиня Чарторыйская дает в своем дневнике любопытную подробность: на другое утро, возвращаясь с прогулки во дворец, император Александр был встречен поджидавшею его толпой народа, преимущественно евреев; их хотели удалить, но Александр сказал: «Оставьте их, это наше царское ремесло выслушивать жалобы народа». Он принимал прошения и передавал их князю Волконскому. Впоследствии оказалось, что все эти просьбы были удовлетворены. Уезжая из Пулав, Александр дружески простился со всеми и сказал: «До свидания через два месяца в Варшаве...» Эти его слова доказывают, что император был уверен в благоприятном для его польских планов исходе венских переговоров. Адам Чарторыйский, по приглашению Александра, отбыл с ним в Вену, но не в качестве русского представителя, а как защитник польских интересов и друг русского царя.

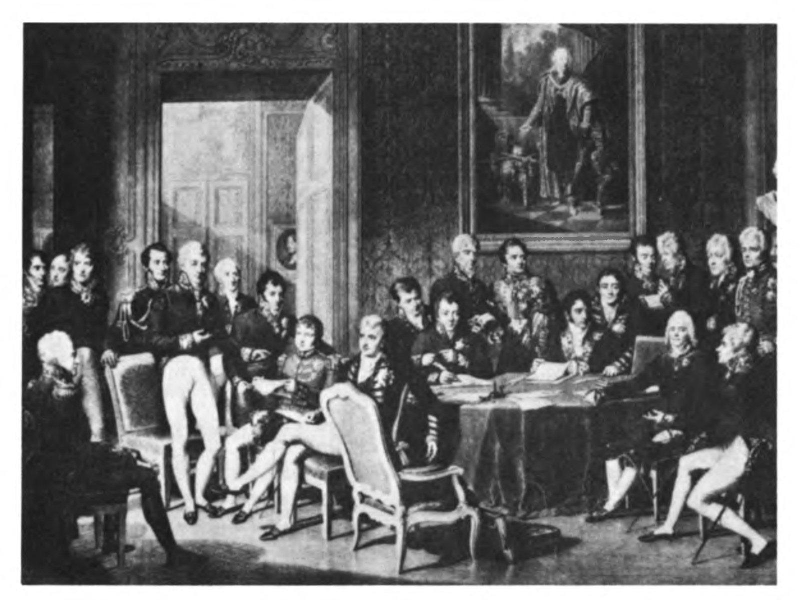
25-го сентября Александр торжественно въехал в Вену вместе с королем Фридрихом-Вильгельмом. Они

решили этим совместным въездом продемонстрировать австрийскому двору, что между ними существует полное согласие.

При царе, кроме Чарторыйского, находилась большая свита: генерал-адъютанты Волконский, Уваров, Чернышев, граф Ожаровский, князь Трубецкой, Кутузов и Жомини, флигель-адъютанты Брозин, Панкратьев и Киселев и статс-секретарь Марченко. Официальными уполномоченными Империи на Венском Конгрессе были графы Андрей Кириллович Разумовский, Нессельроде и Стакельберг, советники граф Поццо ди Борго, барон Анстет и граф Каподистрия. В австрийскую столицу приехали и члены императорской фамилии — императрица Елизавета Алексеевна, цесаревич Константин Павлович и сестры царя великие княгини Мария и Екатерина Павловны. В истории не встречается еще одного такого собрания коронованных особ, какое участвовало в Венском Конгрессе 1814 года. Дворец императора Франца Габсбурга был переполнен ими и их свитами.

Александр в краткой собственноручной записке на французском языке записал главные свои тезисы. На первом месте — «Варшавское герцогство». Вторым пунктом были границы Австрии, с перечислением ее владений. Третьим — Пруссия и ее расширение присоединением Саксонского королевства, части которого будут также уступлены герцогствам Веймарскому и Кобургскому. Он ставит в свою программу: «поддержать, по мере возможности, интересы герцога Ольденбургского». Намеревается он «защищать также интересы короля Вюртембергского и великих герцогов Баденского и Дармштадского». Из этих его программных пунктов видно, что он отлично разбирается в европейских делах и сосредоточивает свои интересы на защите прав своих родственников и союзников.

Следует отметить, что создание и сохранение общеевропейского союза против Наполеона в 1813 и 1814 гг. было прежде всего результатом внешней политики Александра. Он сумел объединить всю Европу и буквально повлек ее за собой против Франции. Для успеш-

Венский Конгресс в феврале 1815 г.
(Со знаменитой картины Изабейя)

ной борьбы против Наполеона он привлек на свою сторону Пруссию, потом — Австрию, и, что было значительно труднее, заручился крупными финансовыми контрибуциями Англии. Одновременно ему было необходимо убедить своих прежних союзников отступиться в угоду России от претензий на те спорные области, которые Александр считал нужными самой России. Чтобы достигнуть всего этого, предстояло успокоить их недоверие к России и уговорить Австрию отказаться от желания удержать на престоле Наполеона.

То, что, несмотря на соперничество трех великих держав и недоверие к России, Александр успел осуществить эти трудные задачи, показывает: у него был большой опыт в мировой дипломатии и, несомненно, незаурядный ум. Личное обаяние Александра и его рыцарское обращение с людьми немало помогли тому, что весы европейской политики склонились на сторону России.

Теперь ему предстояло разрешение, может быть, еще более трудной задачи: побороть явное недоброжелательство и зависть его бывших союзников к возраставшему могуществу России, ее военному превосходству и ее громадной территории.

Один из очевидцев событий Венского Конгресса занес в свой дневник поразительную характеристику Александра, которого знал со времен его юношества: «Образ мыслей его и самой его жизни изменился до такой степени, что самые близкие люди, издавна бывшие в его окружении, уверяли меня, что по возвращении его из Парижа они с трудом могли его узнать. Отбросив прежнюю нерешительность и робость, он сделался самостоятельным, твердым и предприимчивым, не допуская никого влиять на свои решения.

В первые годы его царствования вообще хвалили его за его кротость и милосердие, но оспаривали его политические дарования, не подозревая в нем военных способностей, и не предполагали силы в его характере. Жизненный опыт убедил его, что люди считали слабостью его расположение к добру, и теперь язвительная улыбка равнодушия явилась на лице его, скрытность

заступила место откровенности и стремление к уединению стало господствующей чертой его характера. Он пользовался теперь врожденной своей проницательностью преимущественно для того, чтобы открывать слабости и пороки у других людей, предугадывать их пагубные намерения и изобретать средства от них избавиться. Перестали доверять его ласкам... Он употребляет теперь своих генералов и дипломатов не как советников своих, но как исполнителей своей воли, и они боятся его, как слуги боятся своего господина... Как человек, по природным способностям своим, по образованию, по опытности, по знанию света, дел и людей, стоит он несравненно выше всех, его окружающих... Я не встретил на конгрессе ни одного русского, которого бы имел нужные дипломатические способности. Это обстоятельство объясняет, почему император употребляет преимущественно иностранцев и к ним имеет доверие... Невзирая на великое число чиновников русского дипломатического корпуса, находящихся в Вене, государь сам занимается беспрестанно делами, относящимися к конгрессу. В трудных случаях, где уполномоченные его встречают противоречие, он лично ведет переговоры и не только с монархами, но даже с их министрами, которые проводят с ним наедине по нескольку часов в его кабинете в жарких спорах. Мне часто случается приглашать к его величеству Меттерниха, Гарденберга, слышать из соседней комнаты весьма продолжительные громкие разговоры и споры. Они выскакивали из кабинета разгоряченные, вытирая потные лица.. Россия, — продолжает свои столь интересные замечания о царе, которого он так хорошо знал и при котором был фактически в роли частного секретаря, произведенный теперь уже в полковники Михайловский-Данилевский, — должна всегда сохранить в памяти, что она в роковую эпоху, ознаменованную столь важными событиями, имела такого государя, который, показав великие доблести в ратном деле, на общем европейском ареопаге, где надлежало рассечь новый гордиев узел, удержав за собой первенствующее место, лично вел переговоры с иностранными дворами, не страшился возражений

искуснейших государственных мужей своего века и торжествовал над ними не силою, но убеждением и превосходством своих умственных способностей».

К этим своим весьма ценным свидетельствам Данилевский добавляет любопытное мнение о сотрудниках императора Александра на Венском конгрессе: «Из шести уполномоченных наших на конгрессе один только граф А. К. Разумовский был природно русским, да и тот от России почти отрекся, двое лифляндцев — графы Нессельроде и Стакельберг, один эльзасец — барон Анстет, один корсиканец — граф Поццо ди Борго и один грек из Корфу — граф Каподистрия. К этим особам нужно присовокупить еще немца барона Штейна, который, хотя и не находился на службе ни у одной державы, но пользовался особенным доверием императора Александра. Он носил мундир прусский, но ордена на нем русские. В сомнительных и чрезвычайных случаях Государь обращался к его советам...»

К этим его ближайшим сотрудникам, особенно по польским делам, следует прибавить князя Чарторыйского.

Данилевский, будучи, как это видно из его писаний, русским патриотом, умышленно умалчивает о нем из-за его польского происхождения и потому, что он был фактически представителем не русских, а польских интересов на конгрессе, хотя официально присутствовал как личный друг царя.

К числу самых важных вопросов, которыми предстояло заниматься конгрессу, относилась судьба Саксонского королевства и Варшавского герцогства. Александр предоставлял большую часть Саксонии своему союзнику королю прусскому, взамен уступаемых им польских провинций. Варшавское герцогство Александр намеревался удержать за собой, восстановив прежнее наименование — Польское королевство. Этот план встретил, однако, дружный отпор Австрии и Англии, к которым присоединилась и Франция. Едва появившись в Вене, Талейран — представитель побежденной Франции — с неподражаемым искусством стал

на конгрессе одной из самых влиятельных фигур. «Талейран, — иронически говорил император Александр, — играет здесь роль представителя Людовика XIV...» А о своем участии в конгрессе он скромно замечал: «...я сумел сесть...» С Талейраном, Меттернихом и лордом Кастельри предстояло бороться Александру, и, надо сказать, царь был, как свидетельствуют эти именитые его противники, на высоте положения. Гениальный дипломат Талейран фактически стал настоящим вождем запада. Он очень умело занял позицию строгой законности, весьма подходящую его королю Людовику XVIII, представлявшему «законную» династию Франции, сменившую «узурпатора» Наполеона.

Интересны тайные доклады Талейрана Людовику о своей деятельности на конгрессе. Вот как описывает французский министр свою первую аудиенцию у императора Александра, состоявшуюся 1 октября: «...Александр не имел своего обычного приветливого вида: речь его была отрывистой, выражение серьезным и выступал он с некоторой торжественностью... я видел ясно, что он намерен разыграть роль.

— Прежде всего, — сказал Александр, — каково положение вашей страны?

— Такое хорошее, как только Вы, Ваше Величество, можете желать, и лучше, чем того можно было ожидать..

— А общественное настроение?

— Оно улучшается с каждым днем.

— А либеральные идеи?

— Их нигде нет столько, как во Франции.

— Но свобода печати?

— Она восстановлена, за исключением немногих ограничений, вызванных обстоятельствами: ограничения эти перестанут действовать после двух лет, а до того времени не помешают появляться в печати всему тому, что есть хорошего и полезного.

— А армия?

— Она вся за короля. 130.000 человек под знаменами, и по первому призыву можно созвать еще 300.000.

Затем император еще задал несколько вопросов

относительно маршалов, оппозиции палат и личного положения Талейрана, и потом сказал:

— Теперь поговорим о наших делах, их нужно окончить здесь.

— Это зависит от Вашего Величества. Они будут кончены скоро и благополучно, если Ваше Величество в них проявите то же самое благородство и величие души, какое явили в делах Франции.

— Однако необходимо, чтобы каждый нашел в них свои выгоды.

— И каждый свое право.

— Я сохраню за собой то, что имею.

— Ваше Величество изволите сохранить за собою лишь то, что вам законно принадлежит.

— Я в согласии с великим державами.

— Я не знаю, считаете ли вы, Ваше Величество, Францию в ряду таковых держав. Я прежде всего ставлю право, а потом выгоды.

— Выгоды Европы суть право.

— Эта речь, Государь, не ваша: она вам чужда и ваше сердце ее не признает.

— Нет, повторяю, выгоды Европы суть право.

Я тогда повернулся к стене, около которой находился, прислонился к ней головой, и, ударяя по облегающему стену дереву, воскликнул: «Европа! Несчастная Европа!» Оборотившись же к императору, спросил:

— Как бы не сказали, что вы ее потеряете?

Он ответил:

— Лучше война, чем отказаться от того, что занимаю.

Я опустил руки и встал в позу опечаленного, но решительного человека, который как бы говорил ему: «Не наша будет вина». Император промолчал несколько мгновений, а затем повторил:

— Да, лучше война.

Я оставался в том же положении. Александр сказал:

— Пора в театр, я обещал императору, и меня ждут.

Он вышел, но еще раз вернулся, пожал мои обе руки и изменившимся голосом сказал:

— Прощайте, прощайте, мы еще увидимся.

Во время всего этого разговора Польша и Саксония ни разу не были названы. Желая назвать Саксонию, Александр употребил выражение: «Те, которые предали интересы Европы». Я возразил:

— Государь, это лишь вопрос даты...

Намекая на его поведение в 1807 году...»

В заключение всего этого донесения Талейран признается, что положение представителя короля Франции на конгрессе весьма трудное и что оно с каждым днем может ухудшиться. «Император Александр, побуждаемый Лагарпом и князем Чарторыйским, дает своему честолюбию полный простор. Пруссия рассчитывает на большие приобретения. Трусливая Австрия одержима постыдным честолюбием и готова идти на уступки ради поддержки своих интересов; английский уполномоченный слаб...»

Этот примечательный разговор Александра с Талейраном чрезвычайно ценен для историков. Он показывает как высок был престиж царя и его главенствующую роль на Венском конгрессе. Разговаривает Александр с Талейраном тоном вершителя судеб мира, при этом и сам Талейран, несмотря на все свое природное ехидство и на всю неприязнь, сохраняет к русскому императору почтительный тон зависимого к всемогущему. И все же своими комплиментами он дает исключительный отпор коротким, но категорическим вопросам царя, которыми Александр показывает, что отнюдь не признает роль «представителя Людовика XIV», которую гениальный французский дипломат искусно пытается играть. Талейран умело и весьма дипломатично защищает почти недостижимую после провала Наполеона идею: Франция все же остается «великой силой», а ее король, больше всех других государей пострадавший от Наполеона, является представителем законности и права. Он осмеливается оспаривать все претензии русского царя именно во имя закона и права Европы...

Не следует забывать, что Меттерних, который был фактическим «хозяином», оказывающим гостеприимст-

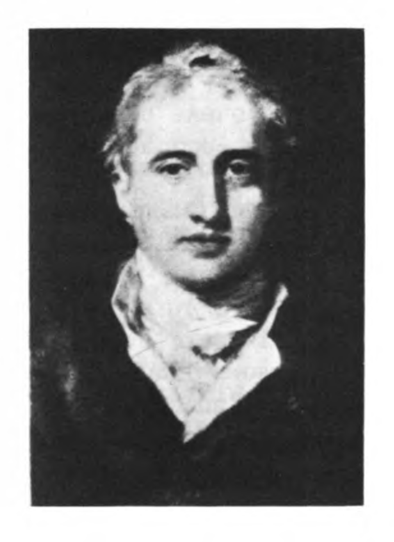
во участникам конгресса, приглашал Талейрана отнюдь не как равного представителям Австрии, Англии, Пруссии и России — тогдашних великих сил Европы, а лишь в качестве наблюдателя, да и то лишь на предварительную конференцию, на одинаковых правах с испанским посланником. Однако уже с самого начала обстановка на конгрессе коренным образом изменилась. На аудиенции, состоявшейся 1 октября, Талейран, не имея на то никакого права, фактически говорил с царем от имени всего Запада, блестяще защищая интересы западных держав против интересов России и выражая полную солидарность Франции с великими силами Запада. Конечно, он осведомил Меттерниха и лорда Кастельри об этом своем разговоре с царем во всех подробностях. И несомненно, именно Австрия и Англия решили привлечь Талейрана к равному с ними участию в конгрессе. 9 октября Меттерних, приглашая Талейрана на вторую предварительную конференцию, написал ему: «Если вы зайдете ко мне немного раньше, то будет возможно нам поговорить о весьма важных вещах». «Явившись на это приглашение, — писал Талейран Людовику, — я во время нашего разговора умышленно с иронией упомянул о **союзниках.**

— Не говорите более о союзниках, — ответил Меттерних, — их нет более.

Меня очень обрадовало это заявление князя Меттерниха и, воспользовавшись этим признанием, я сказал ему:

— Однако, здесь есть люди, которые должны быть таковыми, в том смысле, что даже без явного соглашения между ними все они должны бы думать одинаково и желать одного и того же. Как у вас не хватает храбрости помешать России поясом окружить ваши главные и важнейшие владения — Венгрию и Богемию? Как вы можете позволить, чтобы владения старого, доброго соседа, за членом семьи которого замужем эрцгерцогиня, были бы уступлены вашему естественному врагу? Не странно ли, что мы намерены этому противиться, а вы с этим соглашаетесь? Я признаю, что при теперешних обстоятельствах Саксонский король должен при-

нести известные жертвы, но я никогда не соглашусь с вами, если вы намерены лишить его всех владений и передать Саксонское королевство Пруссии, как, впрочем, Люксембург и Майнц. Тем более я не допущу, чтобы Россия перешла Вислу и имела в Европе 44 миллиона подданных, а границы свои на Одере.

Меттерних, выслушав меня, взял меня за руку и сказал:

— Мы менее с вами расходимся, чем вы полагаете: я вам обещаю, что Пруссия не получит ни Люксембурга, ни Майнца. Мы также вовсе не желаем, чтобы Россия чрезмерно увеличивалась; что же касается Саксонии, то мы употребим все усилия, чтобы сохранить ее, если не целиком, то по крайней мере большую часть».

Этим разговором Талейран успел пробить брешь во вписанном в Парижский договор тайном соглашении между бывшими союзниками, по которому Людовик XVIII вообще не должен участвовать в переговорах о разделе завоеванных у Франции территорий. Этот разговор имел важнейшие последствия: Талейран и Меттерних начали с тех пор работать над образованием тройственного союза между Францией, Австрией и Англией, цель которого — противиться притязаниям России и Пруссии, в том числе и силой оружия.

23 октября, по просьбе Талейрана, состоялась вторая его встреча с императором. И о ней Талейран подробно докладывал королю:

« — В Париже, — сказал Александр Талейрану, — вы стояли за Польское королевство; что же побудило вас переменить мнение?

— Мое мнение, Государь, остается тем же. В Париже дело шло о восстановлении всей Польши. Я хотел тогда, как и теперь, ее независимости. Но в настоящее время речь идет о совсем другом: вопрос поставлен теперь в зависимость от границ, которые устраивали бы Австрию и Пруссию...»

Очевидно Талейран, впрочем, стараясь не критиковать прямо своего могущественного собеседника, говоря об обеспечении «границ Австрии и Пруссии», намекает на прошлое намерение Александра. Тот ведь хотел

воссоздать независимое Польское королевство, а не присоединенное к империи Александра, фактически входящее в Россию вассальное Польское королевство, корону которого присвоил бы себе сам русский император. И царь точно понял этот язвительный намек Талейрана. Он ответил:

— Они не должны беспокоиться. Впрочем, у меня двести тысяч человек в герцогстве Варшавском, пусть же меня выгонят! Я отдал Саксонию Пруссии, Австрия на это не согласна.

— Я не знаю, согласна ли она. Позволю себе в этом сомневаться, до такой степени это противоречит австрийским интересам. Впрочем, как может согласиться Австрия сделать Пруссию собственницей того, что принадлежит не ей, а Саксонскому королю?

— Если Саксонский король не отречется, его отвезут в Россию, там он и умрет. Один король там уже умер.

— Ваше Величество, позвольте мне с этим не согласиться: не для того собрался конгресс, чтобы видеть такое покушение.

— Как так покушение? Вот еще! Разве не отправился в Россию Станислав? Почему бы и королю Саксонскому туда не отправиться. Положение их одно и то же. Я тут не нахожу никакой разницы... Я полагал, что Франция кое-чем мне обязана. Вы всегда говорите мне о принципах: ваше «общественное право» для меня ровно ничего не значит. Я не знаю, что это такое. Какое употребление, думаете вы, я могу сделать из всех ваших пергаментов и договоров? Для меня превыше всего этого одно — данное мной слово. Я его дал и сдержу: я обещал Саксонию Прусскому королю в то время, как мы сошлись вместе.

— Ваше Величество обещали Прусскому королю от 9 до 10 миллионов душ, вы можете ему их дать и без уничтожения Саксонии.

— Саксонский король — изменник.

— Государь, такой эпитет никогда не может быть дан какому-либо королю; нельзя, чтобы подобный эпитет относился к коронованным особам.

В конце нашей полуторачасовой беседы после минутного молчания император Александр заключил:

— Король Прусский будет королем Прусским и Саксонским, как я буду императором Российским и королем Польским. Предупредительность, которую Франция окажет мне относительно этих двух пунктов, послужит мне мерилом моего отношения к ней».

Этот второй разговор между Александром и Талейраном показывает, что разногласие между союзниками далеко не улажено и что фактически они разделены на два не только соперничающих, но уже явно враждующих лагеря. Тон разговора гораздо более категоричный и решительный у обоих. Александр ясно говорит о войне, и для него французский министр иностранных дел представляет не только бывшую наполеоновскую Францию, а и три западные великие силы того времени — Австрию, Англию и присоединившуюся к ним Францию. А против них — уже весьма мощная Россия и ее союзница Пруссия.

Гораздо более резкий характер приняло столкновение между Александром и австрийским канцлером Меттернихом, которого царь совершенно правильно считал вождем антирусских настроений и сил конгресса. Антагонизм этот между ними начался гораздо раньше, еще в 1813 году, когда, после разгрома Наполеона в России и успешного наступления союзников на Западе, во время осенней кампании, Александр требовал назначения генерала Моро главнокомандующим, а Меттерних настоял на австрийском ставленнике князе Шварценберге. Второй конфликт между ними произошел, когда, вопреки обещанию Александра Лагарпу соблюдать нейтралитет Швейцарии, Шварценберг заставил австрийскую армию вторгнуться во Францию через территорию Швейцарской республики. Раздоры между ними продолжались после взятия Парижа, когда Александр начал вести совсем самостоятельную политику по отношению Франции и даже перестал зондировать мнение Австрии... Теперь, на конгрессе, царь окончательно убедился, что Меттерних неустанно и настойчи-

во преследует цель организовать западные силы против намерений и проектов России. В своих записках австрийский канцлер признает, что сама судьба предназначила ему бороться с двумя монархами — Наполеоном и Александром — и победить их. Меттерних добавляет, что его оппозиция выводила из себя царя, который, теряя самообладание, позволял себе осыпать его в венских салонах самым неуместным сарказмом и зло критиковать.

Талейран в своем донесении королю Людовику 31 октября писал: «Император Александр имел с Меттернихом разговор, в котором, как утверждают, он обращался к австрийскому канцлеру с таким высокомерием и резкостью выражений, какие были бы чрезвычайными даже по отношению к одному из его слуг. Меттерних ему сказал относительно Польши, что если речь идет о создании Польского королевства, австрийцы сами могли бы это осуществить. Император не только назвал это замечание неуместным и неприличным, но даже увлекся до того, что сказал, что Меттерних единственный человек во всей Австрии, который позволил себе такой тон. Говорят еще, что дело зашло так далеко, что Меттерних заявил, что будет просить своего государя назначить представлять Австрию на конгрессе вместо него другого министра. Меттерних вышел после этого разговора в таком состоянии, в каком близкие к нему люди никогда его не видали».

На этом размолвка между царем и Меттернихом не закончилась. В разговоре с прусским представителем графом Гарденбергом Меттерних дал понять, что «Император Александр, видимо, более заботится о Польше, чем о передаче Саксонии Пруссии...». Крайне встревоженный этим сообщением австрийского канцлера Гарденберг поспешил передать его царю. Со своей стороны, Александр тотчас же отправился к императору Францу и объявил ему, что, поскольку он считает себя лично оскорбленным Меттернихом, он решил вызвать его на дуэль. Франц ответил, что если царь желает настаивать на своем намерении, то Меттерних, конечно, при-

мет его вызов, хотя не мешало бы им предварительно объясниться... Однако, Александр не пожелал объясниться с канцлером лично, а послал к Меттерниху своего генерал-адъютанта Ожаровского. Меттерних оправдывался глухотой Гарденберга и тем, что тот его не совсем понял. Александр заявил, что удовлетворен этим ответом, и дело о дуэли на том и кончилось. Однако Александр все же не мог простить этой выходки Меттерниха и более на приемах и на балах канцлера не появлялся. При частых встречах в венских салонах они оба делали вид, что просто не замечают друг друга...

Вообще, на этих венских приемах русские представители при официальных делегатах обыкновенно стояли группой в стороне и предпочитали разговаривать между собой. Как-то раз, на обеде в Эцердорфе, Александр подошел к ним и сказал: «Обращайтесь как можно вежливее с иностранцами, надобно им показать, что мы не медведи...» Приемы и торжества на конгрессе не прекращались. Так 18 октября в Пратере по случаю годовщины лейпцигской битвы австрийцы дали обед на 30.000 человек. На параде перед этим обедом Александр при приближении гренадерского полка, который носил его имя, стал во главе первого взвода, обнажил шпагу и прошел с полком, отдавая честь императору Францу, что очень тронуло присутствующих венцев. На следующий день Александр пригласил на обед в великолепный дворец графа А. К. Разумовского более 300 человек — кроме двух императоров с их супругами, четырех королей и тридцати коронованных особ, принадлежащих к разным княжеским домам, на этом обеде присутствовали военные командиры разных национальностей, участвовавшие в знаменитом этом сражении, при котором союзники одержали решительную победу над Наполеоном.

Император Александр, по приглашению императора Франца, посетил Венгрию, где ему устроили множество оваций на торжественных обедах и балах. Полковник Данилевский в своих записках вспоминает, что царь был особенно тронут приходом приветствовавших

его южных славян, которые не переставали выражать свои восторженные чувства к «единоплеменному русскому царю...» Он добавляет также, что и венгры проявляли к императору Александру и к русским вообще «истинно дружеское расположение...»

Возвратясь в Вену, Александр нашел на конгрессе все то же неприязненное к нему и к России отношение. Данилевский 28 ноября записал в своем дневнике: «Слухи о несогласии держав, участвующих в конгрессе, усиливаются с каждым днем, и начинают говорить о войне, которая должна скоро разгореться между ними... известно, что многие державы вооружаются против России, в особенности англичане... Они утверждают, что не следует уступать нам Польшу, потому что Россия, требуя этот край, обнаруживает намерение занять в политической системе Европы место Наполеона...»

Говоря о положении дел на конгрессе, Данилевский заключает: «Два с половиной месяца были достаточны для европейских кабинетов, чтобы успеть в своих неприязненных к нам отношениях... Едва мы представили требования насчет Польши, как все восстали против нас и стали грозить войной, утверждая, что Россия желает присвоить себе диктаторскую власть. В Вене встретили нас не как избавителей, но как людей, пагубному влиянию которых надо противодействовать. Менее чем в три месяца мы завоевали Францию и Париж, но за такое же время не можем кончить дел конгресса».

В ноябре Александр в третий раз принял Талейрана, считая необходимым вновь обменяться с ним мыслями о положении дел на конгрессе.

Император спросил у Талейрана:

— Ну, как идут дела, и не переменили ли вы занимаемую вами позицию?

— Ваше Величество, положение всегда остается тем же самым, однако, если вы пожелаете восстановить всю Польшу, но в полной ее независимости, мы готовы вас поддержать.

— В Париже я желал восстановления Польши, и вы это одобряли, я того же желаю еще и теперь как

человек, всегда преданный либеральным идеям, которых я никогда не покину. Но в моем положении желания человека не могут служить руководством для государя. Быть может, настанет день, когда окажется возможным восстановить всю Польшу, но в настоящее время об этом нельзя думать. Если речь идет лишь о разделе герцогства Варшавского, то это является более делом Австрии и Пруссии, чем нашим. Раз эти две державы признают себя удовлетворенными в этом отношении, мы также будем удовлетворены. Пока же этого не случится, наша обязанность их поддерживать, хотя Австрия допустила возникновение всех этих затруднений, которые ей было так легко устранить и предупредить.

— Это как?

— Потребовав при заключении союза с вами занятия принадлежавшей Австрии части Варшавского герцогства ее войсками. Вы бы ей, вероятно, в этом не отказали, и если бы она заняла этот край, вы бы не подумали у нее его отнять.

— Австрия и я согласны между собой.

— Не так думают об этом в публике.

— Мы не расходимся в существенных пунктах; спор идет теперь всего лишь из-за нескольких деревень.

— Этот вопрос имеет для Франции второстепенное значение, но что касается Саксонии — то для нас она играет первостепенную роль.

— Действительно, саксонская проблема имеет для Бурбонского дома семейное значение.

— Нисколько, Государь, саксонский вопрос вовсе не вопрос об отдельной личности или семействе; это дело касается интересов всех королей, оно касается, прежде всего, Вашего Величества, ибо ваша собственная выгода требует сохранить приобретенную вами личную славу, блеск которой падает на вашу империю. Ваше Величество должны о ней заботиться не только для себя, но для вашей страны, для которой ваша слава — наследственное достояние. Вы довершите ее, оказывая покровительство и требуя уважения к принципам, которые служат основой общественного порядка и

всеобщей безопасности. Я говорю с вами, Государь, не как французский министр, а как искренне привязанный к вам человек.

— Вы говорите о принципах, но ведь это тоже принцип — держать данное слово, а я дал слово.

— Бывают разные обязательства, и принятое вами обязательство, Ваше Величество, при переходе через Неман по отношению к Европе должно иметь превосходство над всеми другими. Позвольте, Государь, еще прибавить, что на вмешательство России в дела Европы смотрят вообще с ревностью и беспокойством, и если оно было терпимо, то единственно ради личного характера Вашего Величества. Поэтому необходимо, чтобы этот характер всецело сохранился.

— Это дело, которое касается только лично меня и в котором лишь я один могу быть судьей.

— Простите, Государь, когда принадлежишь истории, весь мир является судьей.

— Послушайте, поторгуемся: будьте уступчивы в саксонском вопросе, и я тем же отплачу вам в неаполитанском. С этой стороны у меня нет обязательств.

Талейран ответил, что такая торговля невозможна, так как между этими двумя вопросами нет никакой связи. Александр предложил поддержать Францию в «неаполитанском вопросе», т. е. низложить короля Мюрата, зятя Наполеона, и предоставить Неаполитанское королевство младшей ветви Бурбонской династии. Однако, вопрос о присоединении Польши к России так волновал западных союзников, что они не могли по этому пункту уступить...

— Ну, так убедите пруссаков, чтобы они вернули мне мое слово, — отвечал на хитрость Талейрана не менее тонким аргументом Александр. Но Талейран не сдавался:

— Я очень редко вижусь с ними, и конечно, мне не удастся их в этом убедить. Но Ваше Величество располагает всеми средствами для этого. Вы имеете влияние на ум короля. При этом располагаете и всеми средствами, чтобы удовлетворить пруссаков.

— Это каким образом?

— Уделив им что-нибудь побольше из Польши.

— Вы предлагаете мне весьма странный способ: вы хотите, чтобы я пожертвовал тем, что мне принадлежит, и им отдал мою собственность.

Посылая этот доклад королю, Талейран лаконично заключил: «До сего времени император Александр не поддался...»

Князь Адам Чарторыйский не менее Талейрана удивлялся настойчивости царя в польском вопросе. Он писал отцу: «Император продолжает постоянствовать в своих намерениях. Его твердость и непоколебимость относительно Польши служит для меня предметом удивления и уважения. Все кабинеты против него: никто не говорит нам доброго слова, не помогает нам искренно. Здешние русские тоже страшно негодуют и не извиняют императора: этот хор чужих и своих старается перекричать один другого... На меня тоже падает гнев...».

Талейран, однако, действовал решительно. Он, конечно, как и прежде сообщил все сказанное Александром во время этой последней аудиенции королю под предлогом — «чтобы дело не представлялось в ложном свете». По мнению Талейрана, королю Людовику предстояла новая миссия — «спасти Европу от гибели, которая угрожала из-за честолюбия некоторых держав, слепоты и малодушия других».

В декабре 1814 года Талейран, договорившись с Меттернихом, встретился с лордом Кастельри и предложил ему подписать совместно с Австрией и Францией «маленькую конвенцию» с целью обеспечить права Саксонского короля.

— Конвенция? — переспросил представитель Англии. — То есть вы предлагаете союз?

— Из этой конвенции может выйти и союз, — ответил Талейран.

Вскоре старания Талейрана увенчались полным успехом. 3 января 1815 года Талейран, Меттерних и Кастельри подписали договор, в силу которого Австрия,

Англия и Франция обязывались выставить по 150.000 солдат каждая в случае войны, взаимно условиться о выборе главнокомандующего и не заключать сепаратного мира, а лишь мир с общего согласия. Предполагалось расширить конвенцию в будущем и пригласить к участию еще некоторые страны — Баварию, Нидерланды и др.

Талейран немедленно с верным человеком послал конвенцию Людовику для ратификации, настоятельно умоляя сохранить все в строгой тайне, поскорее подписать документ и послать обратно в Вену с надежным курьером. 19 января Талейран получил обратно ратифицированную Людовиком конвенцию. Он в тот же самый день написал королю. «Теперь, Государь, коалиция разрушена и разрушена навсегда. Франция более не изолирована в Европе. Вы действуете в союзе с двумя великими державами, тремя второстепенными державами, а вскоре присоединятся к нам все государства, которые руководятся противореволюционными принципами. Вы будете в полном смысле главой и душой этого союза...»

Блестящий дипломат, Талейран предложил Меттерниху и Кастельри совместно с Францией действовать в отношении турецкого султана, начать в случае необходимости диверсионную войну с Россией. Дело зашло так далеко, что князь Шварценберг получил задание составить подробный план военных действий против России.

Александр ничего не знал о планах союзников, и тайна этого секретного договора была соблюдена настолько удачно, что царь продолжал через Талейрана начатые с Людовиком XVIII переговоры о браке великой княжны Анны Павловны с герцогом Беррийским. Даже Пруссия колебалась: хотя сам король Фридрих-Вильгельм все еще оставался верен Александру, его министры решительно были против увеличения территории России даже за счет присоединения Саксонии.

А тем временем случилось событие, которое расстроило все антирусские планы союзников — Наполеон высадился около Антиба и оттуда направился в Париж.

25. МИСТИКА БАРОНЕССЫ КРЮДЕНЕР

В те драматические дни, когда бывшая гроза Европы — Наполеон, словно падающая комета, опять появился на зыбком небосклоне Запада, император Александр показал себя первостепенным дипломатом и настоящим арбитром мира. Он не стал мстить своим вероломным союзникам за их заговор и за их русофобскую политику. Ошеломленные бегством Наполеона и его триумфальным появлением во Франции участники Венского конгресса услышали спокойный голос Александра, который говорил о нерасторгаемом союзе с ними России против общего врага. Благодаря блестящему уму и необыкновенной силе воли Александр вернул себе положение лидера Запада и возобновил единение союзников. Но спокойствие его было лишь внешним. В истерзанной душе его бушевала буря. Сомнения по поводу возложенной на него самим Богом миссии спасать Европу от Наполеона одолевали его. Во время этих столь драматических событий у него не было никакой опоры в его собственной русской среде. Как доказывают тайные доклады и совещания Талейрана с Меттернихом, Александр, и только он, проводил в жизнь свою политику, отстаивая интересы России перед самыми блестящими вождями западной дипломатии. Как никогда ему нужен был понимающий его друг, на которого мог бы он опереться, чтобы восстановить веру в себя, в свою миссию на земле. И именно в эту столь тяжелую для него пору в его жизнь вошла необыкновенная женщина — баронесса Юлиана-Варвара де Крюденер.

□

Хитрый и недоверчивый грек граф Каподистрия еще во время заключения мира в Париже предупреждал императора Александра, что конгресс в Вене окажется опасным для России и для самого Александра. Царь тогда ответил ему: «Все это лишь теория: не беспокойтесь, я сумею выйти из этих трудностей...» Однако события подтвердили пессимистические прогнозы

Каподистрии. Пока Талейран тайно подготовлял коалицию против Александра, Пруссия, самая близкая союзница царя, начала колебаться: какой путь избрать, чтобы приобрести максимальные выгоды — и сохранить польские провинции, и получить, если не всю, то хотя бы часть Саксонии. Прусские министры вовсе не сочувствовали союзу и дружбе короля Фридриха-Вильгельма с русским царем. Вильгельм Гумбольдт в одном докладе королю даже открыто высказывал мнение, что расширение пределов России нежелательно, добавляя, что Пруссия в союзе с Англией и Австрией должна воспротивиться намерениям царя восстановить Польшу. Прусский министр Гарденберг, со своей стороны, заявлял, что Пруссия не откажется разойтись с Россией, если ей будет гарантировано присоединение Саксонии. Эти слухи доходили до ушей императора Александра, и он, чтобы прояснить положение, пригласил на обед Фридриха-Вильгельма. Разговор был продолжительным. Александр убедил собеседника заставить своих министров поддержать союз с Россией. Таким образом, Талейрану не удалось изолировать совершенно Россию и заставить Пруссию перейти на сторону Франции, Австрии и Англии. Впрочем, несмотря на все усилия Талейрана, и Австрия, и Англия все же не желали дойти до открытой войны с Россией. Именно в это время, время колебаний и раздоров между союзниками, Наполеон покинул остров Эльбу и снова начал борьбу за французский престол. Он, несомненно, был хорошо осведомлен о разладах между своими врагами и решил, что настал удобный момент действовать.

Восторженно встреченный своими бывшими маршалами, которых Людовик Восемнадцатый восстановил, стремясь привлечь их на свою сторону, и почти всей французской армией, оставшейся преданной ее бывшему кумиру, Наполеон без единого сражения достиг Парижа. Людовик поспешно бежал в Бельгию, готовясь снова эмигрировать в Англию, если акция Наполеона окажется успешной. Людовик так торопился сбежать из Тюильрийского дворца, что даже забыл захватить с собой тайный договор между Францией, Авст-

рией и Англией, в котором союзники соглашались предоставить коалиции по 150 тысяч солдат для войны с Россией, т. е. всего 450 тысяч человек.

Найдя договор, ратифицированный 3 января 1815 года, на письменном столе бежавшего короля, Наполеон решил немедленно использовать этот столь важный документ, чтобы переслать его Александру и таким образом расстроить всю коалицию против него. Он немедленно призвал секретаря русского посольства Будягина, оставшегося на своем посту в Париже, и поручил ему передать в руки царя эту потрясающую бумагу. Будягин немедленно отправился в Вену и 8 апреля вручил документ Александру. Царь теперь имел в руках этот договор, позволявший ему наглядно убедиться в двуличии и неприязни к нему его союзников. На следующее утро Александр вызвал Генриха Штейна, бывшего прусского министра, который со времен занятия Пруссии Наполеоном в 1812 году жил в Санкт-Петербурге и был советником царя по европейским делам. Штейн принимал неофициальное участие в Венском конгрессе тоже в качестве советника царя. Александр дал ему прочесть присланный Наполеоном документ и затем сказал:

— Я пригласил к себе также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидетелем нашего разговора.

Вскоре в кабинет Александра вошел Меттерних. Император показал ему бумагу и спросил:

— Известен ли вам этот документ?

Меттерних не изменился в лице, но молчал. Видимо, он придумывал оправдание и хотел заговорить, но император прервал его:

— Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, чем когда-либо.

С этими словами он бросил договор в пылающий камин и окончил аудиенцию с обоими министрами.

Наполеон предпринял еще и другой шаг, который показывает, как он стремился восстановить прежние

дружеские отношения со своим нынешним непримиримым врагом Александром. Он знал, что его приемная дочь Гортензия близка к царю. И используя эту дружбу, Наполеон написал ей пространное письмо, которое просил ее прочесть Александру. Наполеон старался убедить царя, что вся Франция перешла на его сторону, что он готов согласиться на решение всех спорных вопросов и не будет противиться восстановлению Польши в том состоянии, в котором пожелает видеть его царь.

Но все попытки Наполеона привести свое возвращение на французский престол к мирной развязке и отвлечь Александра от его союзников оказались тщетными. Александр не мог простить ему разорение России в 1812 году и нарушения клятвенных обещаний вечного мира, взятых на себя в Тильзите. 25 марта Александр со своими союзниками подписал новую декларацию, на основании которой Бонапарт был признан нарушителем общего мира и спокойствия и объявлен стоящим вне покровительства законов. Декларация эта сопровождалась заключением нового договора между союзниками на основании Шомонского мира. Россия, Англия, Австрия и Пруссия обязались каждая выставить по 150 тысяч человек против Наполеона. Кроме того, Англия обязалась предоставить союзникам военную субсидию в 5 миллионов фунтов стерлингов.

Всего против Наполеона союзники выставили огромную армию в 800 тысяч человек, и в том числе 67 тысяч русских под начальством фельдмаршала графа Барклая де Толли.. Судьба Наполеона уже была решена.

Прибытие Наполеона во Францию и необходимость западных союзников снова заручиться поддержкой Александра, представляющего самую значительную силу, способную снова сломить Наполеона, — все это ускорило разрешение главных спорных вопросов между союзниками. 3 мая 1815 года были подписаны соглашения между Россией, Австрией и Пруссией, определявшие судьбу Варшавского герцогства: оно было фактически присоединено к России под названием Царства

Польского, за исключением Познани, Кракова, объявленного вольным городом, и соляных копей Велички, возвращенных Австрии вместе с Тарнопольской областью, которая с 1809 года принадлежала России. Александр принял титул короля Польского, обязуясь дать Польше отдельный от России представительный образ правления и национальные учреждения. В тот же день Пруссия заключила договор с Саксонией, в силу которого саксонский король уступал прусскому почти всю Лузацию и часть Саксонии. Наконец, 8 июня союзники подписали акт германского союза, а на следующий день — главный, заключительный акт Венского конгресса.

На основании этого заключительного акта Россия увеличила свою территорию на 2.100 кв. миль с населением более трех миллионов человек; Австрия приобрела 2.300 кв. миль с десятью миллионами человек, Пруссия — 2.217 кв. миль с 5.362.000 человек...

Союзные монархи поспешили приехать из Вены в свои главные квартиры. В день отъезда из Вены Александр возвел графа Разумовского в княжеское достоинство — «за отличные услуги, оказанные отечеству во время Венского конгресса». Царь остановился на несколько дней в Мюнхене и Штутгарте и 4 июня прибыл в Гейльбронн, где тогда находилась главная квартира русской армии. Именно здесь, в Гейльбронне, произошла его первая встреча со знаменитой баронессой Юлианой де Крюденер, имевшей в течение нескольких последующих лет необыкновенное мистическое влияние на Александра, влияние, которое дало новое направление всей его последующей жизни, заставило в конце концов отказаться от престола и уйти в частную жизнь, превратившись в странника, проживающего в Сибири под именем старца Федора Кузмича...

□

Юлиана-Варвара фон Витингоф, баронесса фон Крюденер (1764-1824) родилась в Риге, покоренной в 1721 г. Петром Великим и присоединенной им к Рос-

Юлиана-Варвара де Виттенгоф, баронесса де Крюденер
(Современная гравюра неизвестного художника)

сийской империи. Таким образом, она вовсе не была «рожденной русской», как неправильно твердят многие западные историки, хотя, как и все остальные балтийские немцы, была подданной русского царя. Ее отец — богатый рижский купец, семья которого, как, впрочем, и семья матери, с давних пор принадлежала к балтийско-немецкой аристократии. Они дали дочери блестящее французское образование, что было в моде в те времена в богатых дворянских семьях на Западе. Позднее они выдали ее за видного балтийского аристократа — барона фон Крюденер, который был на целых двадцать лет старше ее и служил русским послом при прусском короле в Берлине. Конечно, этот неравный брак не оказался счастливым. Хотя до фактического развода дело не дошло, но жили они почти всю свою жизнь отдельно.

Мадам де Крюденер прославилась своими любовными связями с многочисленными, всегда молодыми и красивыми людьми разных европейских национальностей — начинающими карьеру дипломатическими атташе или офицерами, которым она, благодаря колоссальным связям мужа, покровительствовала в Берлине, Венеции, Копенгагене, Париже. Еще при его жизни у нее была в Париже продолжительная связь с известным красавцем оперным певцом Гара. После смерти супруга мадам де Крюденер осталась богатейшей вдовой и вела жизнь, полную наслаждений, прожигая громадное состояние в Париже во время Директории, Консулата и начала царствования Наполеона. Все двери были широко открыты перед веселой богатой вдовой, которую ее биографы описывают в эти годы, как все еще чрезвычайно привлекательную, очень красивую женщину, прекрасно воспитанную и способную пользоваться самым большим успехом. Танцевала она божественно и даже стала знаменита в Париже изобретенным ею самой танцем, которым увлекалось тогдашнее веселящееся французское общество и который назывался «танец с шалью». В Париже все — и мужчины, и женщины — обожали ее компанию. У нее были друзья во всех слоях общества — в литератур-

ных кругах, среди аристократов и даже лиц императорских и королевских фамилий. Мадам де Крюденер особенно сблизилась в эти годы с королевой Гортензией, дочерью императрицы Жозефины, которая стала женой брата Наполеона Голландского короля Луи...

В литературных кругах ее друзьями стали крупнейшие интеллектуалы Франции: мадам де Сталь, Шатобриан, Бенжамен Констан, Бернарден де Сен-Пьер. Эти и множество других писателей и поэтов поддерживали с ней приятельские отношения. Знаменитая писательница мадам де Сталь так была обворожена балтийской красавицей, что в своем романе «Дельфина» оставила описание мадам де Крюденер и ее «танца с шалью». Несомненно, эти связи и побудили мадам де Крюденер к литературному творчеству, и она начала писать романы и повести. Однако, несмотря на все ее способности, ни одно из этих ее произведений не пережило ее самое.

Все же надо сказать несколько слов о ее романе «Валерия», который даже сделался «романом дня», может быть, не столь из-за литературных качеств, как из-за гениальной рекламы, которую сама мадам де Крюденер устроила своему произведению.

Эту ее черту стоит выделить, так как она теми же методами рекламы пользовалась для влияния на царя, хотя действовала тут в другом плане, ничего общего с литературной рекламой не имеющем. «Валерия» — это, в сущности, ее частичная биография, где она рассказывает историю своих любовных похождений, конечно, не без обычных преувеличений, добавок и идеализации собственной личности. Впрочем, весьма характерно ее описание себя самой. Мадам де Крюденер описывает себя в «Валерии» **как женщину властную, с сильной волей, всегда господствующую над мужчинами — ее обожателями.** Она способна внушать им сильную страсть к себе, хотя предпочитает не отвечать им взаимностью. Валерия — «фатальная женщина» для своих любовников, потому что, внушая им неудержимую любовь к себе, она остается к ним холодной и бесчувственной. Кроме того, она в своих письмах уже в эти ранние годы приписывает успехи романа «Валерия» сверхъестест-

венным силам. Один из ее самых авторитетных биографов, однако, оставил нам весьма любопытное объяснение причин этого успеха. Просто здесь, как и позже, в своем необыкновенном воздействии на императора Александра, практичная мадам де Крюденер следовала французской пословице: «Помоги себе сам, и Бог тебе поможет...» Более того, в мире религии и мистики, где она, несомненно, добилась успехов посущественнее, чем на литературном поприще, этот не слишком рационалистический метод оказался еще более успешным.

Вот, что пишет этот ее биограф: «Много дней подряд мадам де Крюденер в своей роскошной карете посещала инкогнито все самые модные магазины Парижа, спрашивая шали, шляпы, перья, искусственные гирлянды или ленты "а-ля Валери"...» Стоящие за прилавками продавщицы, естественно, стремились со всей возможной почтительностью услужить богатой покупательнице. Услыхав: "а-ля Валери", они выглядели озадаченными, застигнутыми врасплох. И тогда очаровательная покупательница, любезно улыбаясь, спрашивала: «Как, неужели вы не читали знаменитый роман «Валерия»? — и таким образом вербовала своему роману читательниц. Эти ее маневры возбудили такой интерес к ее героине, что в продолжение менее чем недели весь тираж «Валерии» был распродан...

Но вот наступил и для нее Дамасский путь Апостола Павла. Несмотря на недоверие и острую критику большинства ее биографов и, в частности, отрицательное мнение великого князя Николая, автора знаменитой биографии императора Александра Первого, где этот автор объясняет мистические импульсы баронессы де Крюденер лишь желанием получить от царя значительные денежные средства, все же нельзя, безусловно, отказать ей в наличии возвышенных религиозно-мистических мотивов.

В 1804 году баронесса де Крюденер, после всей этой веселой парижской жизни, вернулась в Ригу, посетила свою старую мать, которая часто болела и просила ее приехать проститься с ней, пока она еще жива...

Однажды, рассказывает она, глядя в окно дома своей матери, выходящее на улицу, она увидела проходящего по противоположной стороне улицы одного из своих обожателей. Тот, вежливо сняв шляпу, приветствовал ее. Она даже не успела улыбнуться в ответ на его любезный поклон, как он упал мертвым. Позднее она узнала, что умер он от разрыва сердца.

Неожиданная смерть знакомого человека, и при этом страстного ее обожателя, возымела необыкновенное воздействие на впечатлительную, романтичную мадам де Крюденер, озадачила ее и ужаснула. Для нее это было, как она позднее писала многим своим друзьям, страшным предупреждением Всевышнего. Она вспомнила все забытые проповеди пасторов-пуритан рижских кирх, которые она так ревностно посещала в юные годы со своей матерью. Как предстанет она теперь перед лицом Предвечного Судьи, после ее суетной жизни, светских удовольствий и любовных увлечений? Она писала своим бывшим приятельницам на Западе письма, полные отчаяния и раскаяния в своем прошлом и просто не находила себе покоя. Днем и ночью грезилась ей ее предстоящая смерть и осуждение на вечные муки великой грешницы...

Не находя себе покоя, — рассказывала она одной из своих близких парижских приятельниц, — чтобы как-то убить время, она пошла к знакомому сапожнику заказать себе пару новых сапожек. Они ей не были даже нужны, но что-то толкало ее навестить этого человека. Ее поразил беспечный и счастливый вид мастера: он сидел за станком и весело распевал себе под нос какую-то песенку. Мадам де Крюденер, которая все еще остро переживала свою драму, спросила сапожника, что сделало его таким беспечным и счастливым в этом мире несчастий и слез. Тут начался разговор, который и переменил всю ее жизнь: он рассказал ей, что сделался членом общества «Моравских братьев» и что с тех пор, как вошел в эту христианскую общину, обрел спокойствие и счастье, переродился и стал другим человеком. Не теряя ни дня, она посе-

тила «Моравских братьев», и с тех пор началась ее новая жизнь во Христе...

Разочарованная в светской жизни, под влиянием секты Моравских братьев она все больше отдавалась крайнему мистическому пиетизму и из тщеславной светской женщины обратилась в кающуюся грешницу. Вернувшись на Запад, она познакомилась с известным мистиком-пиетистом Юнг-Штиллингом, влияние которого еще более утвердило ее в этом новом направлении ее жизни. С присущей ей экзальтацией она вообразила, что сам Христос поручил ей высокую миссию восстановить чистую христианскую веру в материалистическом западном мире, вскормленном в духе французских энциклопедистов XVIII века, атеизме Вольтера и Дидро, и обращать неверующих...

В 1814 году госпожа де Крюденер сблизилась в Карлсруэ с пребывавшей там фрейлиной русского двора графиней Р. С. Стурдза и благодаря ей проникла к императрице Елизавете Алексеевне. Однако ее целью было сблизиться с самим императором Александром, про мистический характер и душевное настроение которого она знала от своего друга Юнг-Штиллинга. Царь в 1814 году во время своего пребывания в Брухзале имел с ним несколько бесед на религиозные темы.

Кто такой был Иоганн-Генрих Юнг-Штиллинг? Както на ужине во дворце Баденского герцога сам герцог представил императору Александру этого человека — глубокого старика, бывшего профессора экономических и финансовых наук Гейдельбергского университета, который был также доктором медицины Страсбургского университета. Больше всего Александра заинтересовало то, что Юнг-Штиллинг был вождем пиетистского движения в Германии, автором нескольких знаменитых мистических книг, переведенных на все языки мира, включая и русский. Этот мистик-пиетист был очень известен в Германии. Король Фридрих-Вильгельм говорил царю, что он, несомненно, великий маг и владеет искусством общения с потусторонним миром. Александр, который с большим уважением относился к немецким ученым, с удивлением узнал, что сам баден-

ский герцог дал ему профессорскую кафедру при Гейдельбергском университете и ранг тайного советника при своем дворе. Однако д-р Юнг-Штиллинг был профессором не эзотерических наук, а весьма практической дисциплины — заведовал кафедрой финансовых и экономических наук. Еще более поразило царя то обстоятельство, что этот мистик-пиетист, окончивший медицинский факультет Страсбургского университета, был виднейшим специалистом по глазным болезням. Был он также другом знаменитых немецких поэтов Гете и Гердера, и сам Гете написал его биографию.

Александр встречался с ним несколько раз, прося, чтобы Юнг-Штиллинг связал его с потусторонним миром и, прежде всего, с убиенным его отцом императором Павлом. Мы не знаем, каков был результат этих попыток царя, но свидетельства современников утверждают, что мистик-пиетист имел на Александра немалое влияние, виделся с ним каждый раз, когда царь приезжал в Баден, и проводил с ним наедине целые вечера.

Однако, несмотря на свою огромную энциклопедическую образованность, Юнг-Штиллинг был не совсем нормальным человеком. В эти годы он слыл пророком и близким своим последователям говорил даже, что является перевоплощением Христа. Одной из его пламенных почитательниц была и баронесса Юлиана де Крюденер. Вполне вероятно, что именно Юнг-Штиллинг дал ей идею сблизиться с Александром и сообщил об интересе царя к потустороннему миру и о его желании связаться с духом покойного отца. Это, возможно, и дало хитрой и предприимчивой женщине ключ к знакомству с царем. Пророчества, советы и утешения приблизили г-жу де Крюденер к Александру, чьей подданной она фактически являлась как жительница Риги.

В продолжение Венского конгресса баронесса регулярно переписывалась с фрейлиной Стурдза и в письмах своих не раз говорила о своем желании познакомиться с императором Александром. «Мне кажется, что я уже много знаю о нем, и я знаю также, что Господь даст мне радость его видеть... Я имею множество вещей

сообщить ему, потому что мне многое открылось про него. Господь один может подготовить его сердце к покаянию и преклонению перед Христом и истиной...» Кроме того, г-жа де Крюденер намекала на какие-то открытые ей самим Богом тайны: «Буря приближается... Эти лилии появились, чтобы исчезнуть...» Фрейлина Стурдза была сама поражена этими таинственными предсказаниями, которые — она была убеждена — относились к самому императору. В таком духе велась переписка между этими двумя женщинами. 4 февраля 1815 года, когда сам Александр переживал необыкновенные трудности с Меттернихом и Талейраном, баронесса де Крюденер писала фрейлине Стурдза: «Величие миссии Императора в последнее время еще открылось мне так, что мне непозволительно в ней сомневаться. Я преклоняюсь перед щедротами Господа, который дал столько благословений этому орудию милосердия. Ах, как мало мир знает о всем том, что ожидает его, когда священная политика возьмет все бразды, и когда солнце правосудия покажется и самым слепым. Да, милый друг, я убеждена, что имею множество вещей сказать ему, и хотя Князь Тьмы делает все возможное, чтобы удалить и помешать тем, кто будет говорить с ним о божественных вещах, Всемогущий будет сильнее его. Бог, который любит пользоваться теми, кто в глазах света служит предметом унижения и насмешек, приготовил мое сердце к тому смирению, которое не ищет одобрения людей. Я только ничтожество. Он — все, и земные цари трепещут перед Ним...»

Фрейлина Стурдза, пораженная таинственными пророчествами, показала письмо Александру, который, в свою очередь, заинтересовался этой таинственной личностью, говорящей от имени Бога и желающей сообщить ему какие-то важные тайны, касающиеся его самого. Царь поручил фрейлине написать баронессе, что он «почтет для себя счастьем встретиться с ней».

Страшные испытания Отечественной войны, опустошение европейской России нашествием Наполеона, противоречивые чувства, вызванные войной и дружескими встречами с Наполеоном, невероятные зигзаги

мировой политики, участие в кровавых сражениях, поражения и победы, вид человеческих страданий, тяжких ранений и смерти — все пережитое изменило характер и настроения Александра: его беспечная, хотя и прошедшая в переживаниях юность прошла, сменившись зрелыми годами и принесенными ими тяжелыми испытаниями. Этот контраст поселил тревогу в его душе, по природе склонной к сентиментальной романтике.

Религиозные искания, может быть, особенно интенсивные из-за болезненной наследственности от сумасшедшего отца, не давали ему покоя. Вообще, вся его натура представляла странное сочетание екатерининского гения и, хотя и в гораздо меньшей степени, болезненной эмоциональности императора Павла. С годами эта психическая болезненность постепенно брала верх в его столь сложном характере. Однако, будучи с юношеских лет по примеру своей гениальной бабушки и еще больше из-за влияния его воспитателя Лагарпа — приверженца энциклопедистов — равнодушным к византийскому православию (хотя и следуя по привычке его внешним формам), Александр не находил в нем ни духовного удовлетворения, ни ответа на волнующие его вопросы бытия.

На Западе познакомился он с протестантством квакеров и с католицизмом. Квакеры до некоторой степени привлекали Александра, но их практицизм отталкивал его, как и папский католицизм в образе аморального, сбросившего рясу грубого карьериста епископа Талейрана. Более привлекательными казались ему «Моравские братья», напоминавшие морально и верованиями ранних христиан. Во время своих западных походов Александр в Силезии посещал общины «Моравских братьев», в Бадене несколько раз встречался и беседовал с Юнг-Штиллингом, в Лондоне познакомился с квакерами и другими протестантскими сектами, которые импонировали ему более, чем родное православие.

Все же Александр не примыкал ни к одному из этих западных верований. Настало неспокойное время Венского конгресса, с его политическими интригами, приемами и балами. Но вот грянул гром с ясного неба:

Наполеон покинул свой остров Эльбу и высадился в Антибе, намереваясь достичь Парижа и снова завоевать отнятую у него империю. И в этом водовороте Александр опять вернулся к своим религиозным исканиям. Под влиянием всех этих разнообразных событий он прибыл в Гейльбронн.

«Наконец, я вздохнул свободнее, — рассказывал Александр о своем пребывании в Гейльбронне близкой к нему фрейлине Р. С. Стурдза, — и первым моим движением было взять Евангелие, которое всегда со мною, но отуманенный рассудок мой не проникал в смысл того, что я читал; мысли мои были бессвязны, сердце стеснено. Я оставил книгу и думал, каким бы утешением была для меня в подобную минуту беседа с сочувствующим душевно мне человеком. Эта мысль напомнила мне о вас и о том, что вы мне говорили о г-же Крюденер, а также и о желании, высказанном мною вам, познакомиться с ней. Где она теперь находится, спрашивал я себя, и где мне ее встретить? Не успел я остановиться на этой мысли, как услышал стук в дверь. Это был князь Волконский: с видом нетерпения и досады он сказал мне, что поневоле беспокоит меня в такой час только потому, чтобы отделаться от женщины, которая настоятельно требует свидания со мною, и назвал г-жу Крюденер. Вы можете судить о моем удивлении! Мне казалось, что это сон. Такой внезапный ответ на мою мысль представился мне не случайностью. Я принял ее тотчас же, и она, как бы читая в душе моей, обратилась ко мне с сильными и утешительными словами, успокоившими тревожные мысли, которыми я так давно мучился. Ее появление оказалось для меня благодеянием».

В этой первой встрече подняла она перед удивленным императором завесу всей его жизни, представив его прошлое со всеми заблуждениями тщеславия и суетной гордости. Она говорила, что минутное пробуждение совести, сознание своих слабостей и временное раскаяние не есть еще полное искупление грехов и не ведет к духовному возрождению. «Нет, государь, — сказала она ему, — вы еще не приблизились к Богоче-

ловеку, как преступник, просящий о помиловании. Вы еще не получили прощения от Того, Кто один на земле лишь имеет власть отпускать грехи. Вы еще пребываете в своих грехах. Вы еще не смирились перед Иисусом, не сказали еще, как мытарь, от глубины сердца: «Боже, я великий грешник, помилуй меня!» И вот почему вы не находите душевного мира. Послушайте слова женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия креста Христова».

В заключение г-жа Крюденер сказала: «Государь, я прошу вас простить мне тон, каким я говорила. Поверьте, что я со всей искренностью сердца и перед Богом сказала вам истины, которые еще не были вам сказаны. Я только исполнила священный долг относительно вас».

«Не бойтесь, — ответил ей Александр, — все ваши слова находят оправдание в моем сердце: вы помогли мне открыть в самом себе вещи, которых я никогда еще в себе не сознавал. Я благодарю за это Бога».

Так окончилась эта первая встреча Александра с г-жой де Крюденер. Царь сказал, что ему всегда приятно ее принять и что она вольна приходить видеть его, когда захочет.

По привычке, приобретенной во время кампаний 1813 и 1814 годов, император желал непременно находиться в самом центре военных действий. Австрийцы, конечно, были недовольны этим: они не хотели непосредственной близости с ним, чтобы не дать ему возможности вмешиваться лично во все дела своей главной квартиры. Они прислали ему из Гейдельберга извещение о том, что, к сожалению, в этом небольшом городке трудно найти подходящее помещение для него, а потому они полагают, что его величество гораздо спокойнее будет продолжать пребывание в Гейльбронне. Император приказал ответить, что просит отвести ему в Гейдельберге один или два дома и что главная квартира его расположится в окрестных деревнях. Затем Александр 6 июня переехал в Гейдельберг и окончательно поселился за городом, на берегу Некара, в

доме англичанина Пикфорда. Здесь царь пробыл до 22 июня, ожидая приближения к Рейну своей армии.

Г-жа де Крюденер не замедлила — конечно, по приглашению Александра — переехать в Гейдельберг и поселиться недалеко от дома, в котором находилась резиденция царя. Там в уединении проводил он большую часть своих вечеров, рассказывая ей про скорби и неприятности, которыми омрачалась преисполненная горестями жизнь его. В его резиденцию со своим новым воспитателем генерал-адъютантом Коновницыным приехали младшие братья царя — великие князья Николай и Михаил Павловичи. В день их приезда, пишет очевидец, император пробыл целый вечер с ними. Они оба сопровождали императора со всей русской армией в ее марше к Парижу.

А пока Наполеон весьма скоро успел собрать свою новую армию и разбил англо-прусскую армию фельдмаршала Блюхера при Линьи. Это известие вызвало тревогу в союзной главной квартире, и 20 июня был созван военный совет, который решил послать обе армии, русскую и австрийскую, к Нанси и сосредоточить их между Базелем и Майнцем.

Опасения союзников, однако, продолжались недолго. Известие о решительной победе при Ватерлоо заставило их как можно скорее двинуться на Париж. Уже на следующий день император Александр перенес свою главную квартиру в Мангейм.

События во Франции после победы союзников шли к окончательной развязке: 25 июня Наполеон вторично отрекся от престола в пользу своего сына — Римского короля, а сам отправился в Рошефор. Теперь оставалось только бежавшему из Франции королю Людовику Восемнадцатому возвратиться в Париж и принять престол из рук временного правительства.

Однако, посланный в Париж специальный курьер генерал-адъютант граф Чернышев прибыл с известием, что население столицы настроено против Людовика и вообще против Бурбонов. Веллингтон, подтверждая это заключение Чернышева, со своей стороны настаивал, что присутствие императора Александра, пользо-

вавшегося огромной популярностью среди парижан, необходимо в столице Франции и что только он один может усмирить французов и восстановить порядок.

Александр получил это известие, встретив Чернышева в Сен-Дизье, находящемся около 200 миль от столицы, куда он прибыл во главе наступающих союзных войск. Царь немедленно решил опередить армию и выехать по направлению к Парижу. Он покинул Сен-Дизье 9 июля, сопровождаемый императором Францем и королем Фридрихом-Вильгельмом. Для охраны переезда было послано заблаговременно на каждую станцию до города Мо по полусотне казаков, далее монархи продолжали путь без конвоя. При Александре находились графы Нессельроде и Каподистрия, князь Волконский и полковник Михайловский-Данилевский. Все поместились в девяти экипажах. Решено было не отставать друг от друга и ехать вместе. Данилевский пишет: «Можно удивляться, с какой смелостью Государь отважился на опасный путь, в котором сотня решительных французов могла переменить участь вселенной...»

10 июля Александр со своими спутниками благополучно прибыл в Париж. Он остановился в Елисейском дворце. Когда парижане, не ожидавшие так скоро увидеть царя, узнали его, они повсюду устраивали ему шумные овации.

Через полчаса, уже после Александра, прибыл король Людовик. Однако, на этот раз хитрый и практичный король, особенно после своего постыдного бегства и успешного занятия Парижа Наполеоном, лишился прежней спеси и замашек а-ля Людовик Четырнадцатый. На этот раз он поспешил первым приветствовать покровителя и вторичного освободителя Франции от Наполеона. Оба монарха провели вместе более часа в весьма сердечном разговоре с глазу на глаз. Когда они вышли из кабинета, в котором беседовали, на Александре была звезда и голубая лента французского ордена Святого Духа, улыбающийся Людовик в присутствии русских офицеров сказал императору: «Ваше Величество, объявите этим господам, что на Вас не лента ордена Андрея Первозванного...»

Прибытие Александра действительно успокоило французов: все партии, кроме крайних бонапартистов, признавали его своим покровителем и спасителем Франции. Популярность царя возросла еще более, когда населению стало известно, что прусский маршал Блюхер намеревался взорвать Иенский мост и приступил к приготовлениям, невзирая на протесты французского правительства, а император Александр запретил исполнить намеченное пруссаками варварское распоряжение. Кроме того, царь значительно уменьшил контрибуцию, наложенную Блюхером на Париж.

Александр, несмотря на возбуждение, царившее в городе, и не обращая внимания на разные предупреждения и увещевания французской полиции, ходил по Парижу пешком, часто один, или прогуливался по Елисейским полям верхом, в сопровождении одного конюшего. На официальные приемы ездил царь в открытой карете, с двумя лакеями-французами, и с кучером, также французом, без какой-либо охраны...

Большие строгости в армии, однако, вызывали неудовольствие русских солдат и младших офицеров. Как и во время оккупации 1814 года, возобновились частые побеги солдат. Царь тогда приказал графу Нессельроде снестись с французским правительством, чтобы оно запретило укрывательство русских беглецов и выдавало их русским военным властям...

Вообще, заметно было, что характер царя изменился за последнее время. Становился он все более и более взыскательным и строгим: «Строгость, — не раз говорил он, — причина того, что наша русская армия — самая храбрая и прекрасная на свете...»

Как-то раз, он страшно разгневался на князя Волконского, своего любимого генерал-адъютанта, за то, что затерялась важная бумага — доклад русского посланника при Нидерландском дворе. Александр в своем гневе, который напоминал поведение его покойного отца императора Павла, неумеренного по отношению даже к самым близким ему людям, кричал при всех, «что он ушлет его в такое место, которого князь не найдет на всех своих картах...» Данилевский, который рассказы-

Князь С. Г. Волконский

вает про это происшествие, дополняет, что, «хотя князь в сем деле был не виноват, потому что, как мне известно, он положил полученную из Брюсселя депешу в кабинете государя, где она во множестве бумаг, вероятно, затерялась, он, тем не менее, был этим чрезмерно огорчен, никого за весь день, кроме меня, к себе не допускал, говорил мне, что он все бросит и уедет в Россию и, наконец, просил меня принести ему Библию...» Данилевский продолжает свой рассказ: «Под вечер Государь послал за князем и, смеясь, сказал ему: «Не правда ли, что ты был виноват? Помиримся». «Вы бранитесь при всех, — отвечал Волконский, — а миритесь наедине...» Они пробыли вдвоем час, и на другой день был назначен званный обед, на котором император хотел всему двору показать, что он более не гневается на своего любимца, и, между прочим, сказал: «Люди, живущие вместе, иногда ссорятся, но зато скоро и мирятся, например, как мы с Волконским...»

Конечно, в этой своего рода самокритике видно влияние баронессы Крюденер. По приглашению императора Александра, она прибыла в Париж 14 июля и поселилась поблизости от Елисейского дворца, в отеле Монщеню. Царь часто виделся с ней и проводил у нее целые вечера. Присутствовавший на этих встречах бывший женевский пастор Эмпейтаз поместил в своих заметках об императоре Александре несколько весьма любопытных рассказов. «Император, — пишет он, — все больше и больше проникался убеждением, какую силу на человека имеет сила покаяния и смиренная молитва. Однажды он сказал мне: «Могу вас уверить, что часто, когда находился я в особенно трудных положениях, я выходил из них через молитву. Я вам скажу нечто, что весьма удивило бы свет, если бы об этом знали: в рассуждениях с моими министрами, которые весьма далеки от моих принципов, когда у них противоположные взгляды, вместо того, чтобы ссориться, я внутренне молюсь и вижу, как они мало-помалу приближаются к принципам милосердия и справедливости...»

Образ самой жизни императора Александра в корне переменился под влиянием его общения с г-жой де

Крюденер: он все больше и больше впадал в крайний мистицизм. Он стал уединяться от людей и от двора, избегая праздников и увеселений. Сама баронесса Крюденер признавала свое огромное влияние на эти перемены в характере царя: «Он обязан иногда бывать в свете, но он больше никогда не посещает спектакли или балы, и он говорил мне, что все эти увеселения производят на него впечатление похорон и что он уже не может понимать светских людей, предлагающих ему удовольствия...»

Все эти крайние настроения, конечно, не возникали исключительно под влиянием мистической экзальтации г-жи де Крюденер. Они скорее находили отклик этим ее внушениям, но, несомненно, прежде всего были результатом тяжкой наследственности Александра, перешедшей к нему от его душевнобольного отца, сумасшедшего императора Павла...

Изнуренная длительным последним походом русская армия все же довольно скоро оправилась, и перед ее возвращением в Россию Александр пожелал щегольнуть и показать свои войска как союзникам, так и неприятелям. Он хотел продемонстрировать огромные силы, на которые он опирался в своей политике. С другой стороны, этот последний парад во Франции должен был служить как бы объявлением: русские войска уходят, и война прекращается.

Итак, после некоторых колебаний Александр решил провести этот грандиозный парад 6 сентября, после уборки хлеба с полей, на обширной равнине около города Вертю, между Эпернэ, Бриенном и Шалоном. 7 сентября отмечалась годовщина памятного для русских Бородинского сражения, а затем, 10 сентября, устраивался настоящий смотр в присутствии союзных государей и многих приглашенных иностранцев. Военное торжество должно было закончиться 11 сентября, в день св. Александра Невского и тезоименитства царя, церковным торжеством. В параде участвовало более 150 тысяч человек с 540 орудиями. Наблюдая величественное зрелище, царь сказал своим близким: «Я вижу, что моя армия

первая в мире: для нее нет ничего невозможного, и даже судя лишь по ее внешнему виду, никакие войска не могут с ней сравниться...» В день св. Александра Невского одновременно происходило богослужение в семи походных церквах. 13 сентября Александр возвратился в Париж, где пробыл еще две недели, посвятив их мирным переговорам с Францией.

Встретившись с баронессой де Крюденер почти сразу после своего возвращения с парада, император сказал ей: «Смотр в Вертю был одним из самых прекрасных дней моей жизни, и никогда я не забуду его». И продолжал: «Сердце мое было исполнено любви к моим врагам, и я смог молиться очень пламенно за всех их. И плача у подножия креста Христова, я молился за спасение Франции...»

Общение с экзальтированной баронессой де Крюденер и побудило царя к мистической идее основать со всеми другими государями Европы знаменитый Священный Союз, покоящийся на непреложных принципах христианского учения, союз, который связал бы всех братскими узами христианской религии и был бы для европейских государств, как и для самих народов Европы, словно Евангелие, обязательным для исполнения по совести, по чувству и по долгу. Александр сказал своей вдохновительнице: «Я оставлю Францию, но до своего отъезда я хочу публичным актом воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу... за оказанное нам покровительство и призвать народы стать в повиновение Евангелию. Я принес вам проект этого акта и прошу вас внимательно рассмотреть его, и если вы не одобрите какого-нибудь выражения, то укажите мне его. Я желаю, чтобы император Австрийский и король Прусский присоединились ко мне в этом акте богопочитания, чтобы люди видели, что мы, как восточные волхвы-короли, признаем верховную власть Бога-Спасителя. Присоединитесь ко мне молитвенно, чтобы Бог вдохновил моих союзников и расположил их подписать этот акт».

Александр собственноручно написал весь этот международный договор и поручил графу Каподистрии лишь

облечь его в обычную форму: «По существу ничего не изменяйте! — сказал ему Александр. — Это мое дело, я его начал и с Божией помощью окончу...»

Договор братского христианского союза, задуманного Александром и названного им Священным Союзом, состоял из трех статей, в силу которых союзники обязывались: 1. Пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать помощь и содействие друг другу, управлять своими подданными в том же духе братства для охранения веры, правды и мира. 2. Почитать себя членами единого христианского народа, поставленными Провидением для управления тремя ветвями одного и того же семейства. 3. Пригласить все державы к признанию этих правил и ко вступлению в Священный Союз. Вообще же, государи, подписавшие договор, обязывались «как в управлении собственными подданными, так и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями Св. Евангелия».

Первым изъявил согласие подписать договор прусский король Фридрих-Вильгельм, ради которого этот документ и был фактически задуман. Он обменялся с Александром взаимной клятвой дружбы и верности над саркофагом Фридриха Великого в Потсдаме. В договоре воплотились мысли, высказанные тремя монархами в их беседе после Бауценского сражения: «Если Господь благословит наши начинания, то мы воздадим хвалу Ему перед лицом всего мира». Конечно, в теперешнем предложении императора Александра эти мысли были выражены в гораздо более категорической и требовательной форме — уже не как благочестивое пожелание, а как обязательство. Гораздо сдержаннее отнесся к предложению царя император Франц, которому папский нунций советовал согласовать этот религиозный проект с Папой Римским и подписать его лишь под эгидой Святого Престола. Однако, канцлер Меттерних успокоил Франца, уверив его, что на проект Александра следует смотреть как на безобидную болтовню. В своих записках он называет Священный Союз «праздным и звучным монументом». Меттерних объяс-

нил императору Францу, что, присоединившись к этому союзу, Австрия приобретает драгоценную возможность поставить Российскую империю с ее громадной армией во главе мировой реакции и, таким образом, продолжать австрийскую политическую линию на подавление революционных сил Европы. Точно тем же способом Меттерних успокоил и Римского Папу.

Впрочем, все государи Европы, кроме Папы и султана, получили приглашение стать членами Священного Союза. Эти веские политические соображения канцлера убедили императора Франца подписать договор, предложенный Александром.

Принц-регент Великобритании формально не подписал договор, однако прислал личное письмо, в котором заявлял, что «совершенно одобряет условия этого договора». Причина отказа Англии подписать акт — она хотела быть свободной от обязательств на случай войны с Россией.

Оставался мир с Францией. Переговоры союзников шли медленно и сопровождались большими трениями. Все же 20 ноября 1815 года мир был в конце концов подписан. В процессе обсуждения его условий Пруссия, например, предлагала отнять у Франции завоеванные еще при Людовике Четырнадцатом Эльзас и Лотарингию, как и линию северных крепостей. Один Александр прямо и решительно высказался против лишения Франции завоеваний Людовика Четырнадцатого, ссылаясь на общее заявление союзников, что единственная цель войны — низвержение Наполеона и восстановление порядка, установленного первым парижским миром. Личный престиж императора Александра был таков, что его мнение восторжествовало, и Пруссии пришлось отказаться от своих требований.

Итак, исключительно благодаря энергичной поддержке царя, Франция понесла умеренные потери и сохранила свои границы 1790 года. Для обеспечения уплаты контрибуции в 700 миллионов франков (из которых Россия получала 100 миллионов) и спокойствия страны союзные войска заняли 17 крепостей в северо-восточных департаментах. Срок оккупации Франции

был определен на 5 лет, а численность союзных войск ограничена 150 тысячами человек. Срок этот, опять же по предложению Александра, сокращался на три года, «если окажется возможным предоставить охранение внутреннего спокойствия страны ее собственному правительству». Главнокомандующим оккупационных войск был назначен герцог Веллингтон. В состав войск входил корпус графа М. С. Воронцова численностью в 27 тысяч человек с 84 орудиями. Однако, вопреки настояниям императора Александра, под давлением Австрии, Пруссии и Англии предметы искусства, захваченные французами во время революционных войн, возвращались их прежним владельцам.

10 декабря 1815 года первый уполномоченный России при заключении Парижского мира князь Разумовский получил от императора Александра титул «Светлейшего».

Теперь, после вторичной войны с Наполеоном и после Парижского мира 1815 года, Людовик весьма почтительно относился к Александру и вслушивался в его советы и внушения. Так, по желанию царя он уволил главу французского правительства Талейрана и назначил на его место одесского генерал-губернатора и личного друга Александра герцога Ришелье, которого в Одессе заменил граф Ланжерон. (Между прочим, внучатый племянник знаменитого кардинала Ришелье с трудом согласился принять пост главы французского правительства и сделал это только по настоянию императора Александра.)

Александр, оставив князя Разумовского в Париже, выехал из французской столицы в Брюссель 25 сентября 1815 года. Царя сопровождали только князь Волконский и полковник Михайловский-Данилевский. Все остальные члены свиты направились прямо в Берлин. Император без какой-либо охраны прибыл в Дижо, где присутствовал на маневрах австрийской армии. Данилевский описывает довольно подробно это путешествие, «заключающее в себе более пятисот верст, где ни один вооруженный не сопровождал государя, невзирая на то, что мы ехали в земле неприятельской, где умы нахо-

дились в чрезвычайном брожении». Он добавляет, что «жители мест, отдаленных от большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины толпились на почтовых дворах, чтобы взглянуть на повелителя Франции и спасителя ее, как они его называли, подавали ему просьбы и говорили о своих нуждах, как настоящему своему монарху...»

Из Дижона Александр поехал в Базель. Маршрут по Швейцарии, приготовленный Лагарпом, был несколько сокращен Александром, торопившимся в Берлин. Царь посетил лишь Цюрих и Констанц и 11-го октября прибыл в Линдау. «Дорогою в Цюрих, из Базеля, — пишет Данилевский, — Государь много шел пешком, любовался богатством земли и неоднократно заходил в крестьянские дома... Душа его, конечно, страдала, когда он сравнивал состояние вольных швейцарских поселян с нашими крестьянами. Сердце государя напитано свободою: если бы он родился в республике, то он был бы ревностнейшим защитником прав народных...» И Данилевский, который столько лет был при Александре и хорошо знал царя и лично, и через своего друга и покровителя генерал-адъютанта князя Волконского, дает следующую характеристику царя: «Он первый начал в России вводить некоторое подобие конституционных форм и ограничивать власть самодержавную, но вельможи, окружавшие его, и помещики русские не созрели еще до политических теорий, составляющих предмет наших современников. Он не мог сохранить привязанности к людям, которые не в состоянии ценить оснований, делающих общества счастливыми; от сего происходит, может быть, его неуважение к русским, предпочтение иностранцев и, мне даже страшно думать, некоторое охлаждение к России, которая монарха своего до сих пор в полной мере не умеет ценить. Признаемся, что не он, а мы виноваты... никто его не понимал: напротив, многие на него роптали...»

В своем весьма интересном для историка дневнике Данилевский, к этой столь положительной оценке Александра, добавляет кое-что и о странностях царя,

которые, несомненно, были проявлением его болезненной наследственности. Так, по приезде в Линдау Данилевский записал в своем дневнике — конечно, не предназначенном им для печати, — что у Александра весьма подавленное настроение, выражающееся в ничем не оправданных придирках к своим окружающим: «...Вот уже два дня, — пишет он, — как Государь скучен, бранит своих камердинеров и князя Волконского, который с ним почти вырос, всю жизнь был с ним неразлучен и душевно его любит. Я не знаю, как согласовать суровость, которую он сегодня показывает, с обыкновенной его любезностью, особенно к иностранцам. Например, чиновников города Линдау Государь так обворожил, что они, выходя от него, были в истинном восхищении. Когда же они уехали и никого в доме не осталось, кроме нас, русских, он опять начал сердиться». И не без горечи, Данилевский заключает: «Таковые противоречия ясно обнаруживают притворство, составляющее одну из главных черт его характера. Я сохраню навсегда истинное уважение к великим его способностям и политическим дарованиям, но не испытываю одинаковое чувство к его личным качествам...»

Как будто Данилевский видит в Александре две различные природы: несомненную одаренность, которая напоминает государственный гений его бабушки Екатерины Великой, и странности, однако, конечно, не в такой степени, в какой они были развиты у его отца, сумасшедшего императора Павла. Современные психиатры отмечают, что потомки душевнобольных родителей почти всегда обнаруживают, разумеется, в разной мере, болезненную наследственность. Пока, впрочем, эти симптомы у Александра были еще мало заметны. Но с возрастом, по воспоминаниям знавших императора близких к нему людей, они все больше и больше проявлялись в характере царя. Он становился, как его отец, крайним мистиком и приближал к себе представителей пиетизма и мистицизма...

Дальнейшее путешествие Александра проходило через Ульм и Нюрнберг. В Богемии царь остановился

на несколько дней у князя Шварценберга, бывшего главнокомандующего, в его поместье Ворлик. Однажды, гуляя с собравшимся здесь обществом, Александр увидел крестьянина, пахавшего в поле, подошел к нему и, став на его место, провел сохою борозду. Находившийся тут же художник воспроизвел впоследствии этот эпизод на картине.

От Шварценберга царь уже безостановочно продолжал путь через Прагу и Силезию и 24 октября, сопутствуемый королем Фридрихом-Вильгельмом, торжественно въехал в Берлин, где провел около двух недель. Здесь на торжественном обеде была объявлена помолвка прусской принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны, с великим князем Николаем Павловичем, братом Александра и будущим императором Николаем Павловичем...

8-го ноября император покинул Берлин и через Франкфурт проследовал в Калиш. Здесь он на другое утро в первый раз надел польский мундир и звезду Белого Орла. 12-го ноября царь верхом въехал в Варшаву в сопровождении польских войск и большой свиты польских сановников. Толпы народа приветствовали его возгласами: «Да здравствует наш король Александр!» Мать князя Адама Чарторыйского, прибывшая из Пулав со своими дочерьми, с балкона дворца Мокроновских наблюдала шествие Александра. Царь заметил ее и отвесил ей поклон. На Саксонской площади польские войска прошли перед своим королем церемониальным маршем. На Краковской площади с одной стороны стояли строем воспитанники мужских школ, с другой — воспитанницы женских школ. Перед костелом духовенство ожидало своего короля. Александр принял благословение епископа Келецкого.

На следующий день был бал у князя Адама Чарторыйского. Император-король открыл его с матерью своего друга... «Все это, — записала княгиня Чарторыйская в своем дневнике, — казалось мне каким-то сновидением: существует Польша, король польский в национальном мундире и цветах. Слезы полились из

моих глаз: у меня есть родина и я оставлю ее своим детям...»

Император Александр возвратил полякам политическую независимость и по своему обыкновению рассыпал щедроты на все сословия. Он снял запрещение с имений тех польских помещиков, которые служили еще недавно под вражескими России знаменами Наполеона, учредил штат своего варшавского двора, назначив в него польских генерал-адъютантов и флигель-адъютантов, а многих польских девиц пожаловал во фрейлины. Несмотря на то, что почти вся Польша была с Наполеоном во время последних войн, он старался показать всем полякам особое свое благоволение...

27 ноября император-король подписал конституционную хартию Царства Польского. Оставалось еще назначить наместника. Это звание до последней минуты рассчитывал получить князь Адам Чарторыйский, но Александр, неожиданно для всех, назначил ветерана наполеоновских войн безногого генерала Зайончека. «Это происходило, — пишет Данилевский, — во втором часу пополуночи, я стоял в комнате перед кабинетом Государя с князем Волконским и со статс-секретарем Марченко, как вдруг вошел с расстроенным видом князь Чарторыйский и ходил по комнате взад и вперед более четверти часа, и не только не взглянул на нас за все это время ни одного разу, но даже не поклонился нам: он был как в исступлении, вероятно, от оскорбленного самолюбия...» Что произошло между ним и Александром — осталось тайной, он вышел из кабинета императора-короля с таким же расстроенным лицом, как и вошел к нему.

Почему же после их столь долгой дружбы, начавшейся, когда они еще были совсем молодыми людьми, после того, как Адам Чарторыйский был одним из ближайших советников Александра и его министром иностранных дел, царь теперь, когда воплотился идеал, который оба они лелеяли с юношеского возраста, решил отстранить его и назначить на его место чуждого ему польского генерала-инвалида? Вероятно, Александр

боялся большого влияния князя Адама Чарторыйского и его популярности у поляков, опасаясь, что тот может в будущем стать вождем народа и добиться полной независимости поляков от ненавидимых ими русских, причинивших им столько горя и национальных катастроф.

30 ноября Александр выехал из Варшавы и ночью на 14 декабря возвратился в Санкт-Петербург. Накануне, из-за границы прибыла императрица Елизавета Алексеевна.

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА С БАРОНЕССОЙ ДЕ КРЮДЕНЕР

Чтобы понять всю сложность отношений императора Александра и баронессы де Крюденер и в особенности неожиданную развязку этих отношений, нам следует возвратиться на несколько месяцев назад, ко времени пышного парада русских войск в долине Вертю. Я уже о нем рассказывал. Теперь упомяну лишь о триумфальном участии в нем баронессы де Крюденер. Оно, это участие, в сущности, и стало непосредственной причиной немилости, в которую она впала. Другая причина — ее неуместное самохвальство, жестоко задевшее самолюбие царя. Французские историки пишут, что ее поведение в Вертю восстановило против нее как русских, так и французов. Кто она, эта пятидесятилетняя женщина, чтобы обладать таким влиянием на русского самодержца? Никогда, добавляли некоторые из них, даже морганатическая супруга Людовика Четырнадцатого не имела подобных претензий и не стремилась так бравировать своим влиянием. Волконский, как вспоминает его адъютант, не раз обращал внимание государя на его столь уязвимое положение, в особенности перед французами.

Западные историки, которые не могут проникнуть в бездну русской мистической души императора Александра, стараются объяснить отношения между царем и пиетисткой-евангелисткой баронессой де Крюденер

просто любовным увлечением царя пятидесятилетней, но все еще физически привлекательной красавицей, когда-то пленявшей весь послереволюционный Париж Директории, Консулата и первых лет Империи Наполеона. В сущности, в водовороте светских увлечений Александр жаждал евангельской чистоты, уединения, отречения от мирской суеты и, не находя успокоения у представителей византийского казенного православия, искал его в духовном общении с этой необыкновенной женщиной, несомненно, напоминавшей ему образ бывшей грешницы Марии Магдалины, которая, раскаявшись, первая сподобилась узреть воскресшего Господа.

Конечно, ничего не понимающие в этой русской мистике западные политики-материалисты и, прежде всего, бывший католический епископ, а теперь министр иностранных дел короля Людовика Восемнадцатого принц Талейран и эпикуреец Меттерних, канцлер австрийского императора Франца, злостно насмехались над «любовным увлечением» царя, считая эту связь доказательством его неуравновешенности и типичной «русской причудой». Оба министра — один в Вене, другой в Париже — не жалели усилий для привлечения к осуществлению своих планов самых красивых и обаятельных женщин обеих столиц. Они побуждали этих дам сделать все возможное, чтобы соблазнить царя и освободить его от навязчивой женщины, полицейские досье которой были столь компрометирующими в их глазах. Она могла привести царя к еще более левым убеждениям, близким к идеям республиканца Лагарпа, но теперь на евангельской почве «Моравских братьев».

Однако, несмотря на усилия Талейрана и Меттерниха, их попытки вовлечь царя в любовную авантюру западного толка и таким образом влиять на его политику не имели успеха. Метод, обычно безотказно действующий на западных людей, — «убить чувство ядом смехотворного» — не оказывал на мистика-царя никакого влияния.

Его адъютанты и, прежде всего, князь Волконский, боготворившие своего государя, ненавидели взбалмош-

ную балтийскую немку, которую они — может быть, не без основания — считали опаснейшей интриганкой и ханжой. Вольно или невольно они разделяли мнение западных салонов и выслушивали с нескрываемым огорчением злостные намеки на увлечение царя отцветшей бывшей звездой Парижа и Вены, сумевшей опутать наивного государя откровениями свыше.

Прибыв в Париж после победы союзников над Наполеоном, Александр поселился во дворце «Елисее-Бурбон», который в то время, как и теперь, находился у знаменитых парижских Елисейских Полей, в центре французской столицы. Баронесса де Крюденер поспешила по приглашению царя прибыть в Париж, но несмотря на предоставленные ей щедрые средства государя, поселилась в маленькой скромной гостинице Латинского квартала, где уже тогда селились студенты Сорбонны. Адъютанты Александра умышленно ничего не предприняли, чтобы обеспечить назойливой баронессе более приличную и близкую к Елисейскому дворцу резиденцию, удобную для ее ночных встреч с императором. Более того, они всеми силами толкали государя на светские аристократические балы и приемы, где Александра окружали самые изящные и красивые женщины Парижа, которых, как признается в своих мемуарах Талейран, он подбирал царю сам. Но император, вежливо улыбаясь, нетерпеливо ожидал конца приемов и балов; он торопился к своей мистической вдохновительнице, которая теперь его заботами поселилась в одном из соседних домов, отделенных лишь садом и калиткой от Елисейского дворца. Резиденция эта называлась «Отель Моншеню» и скоро сделалась одной из знаменитостей Парижа, так как в своем салоне баронесса де Крюденер, разумеется, используя близость с императором Александром, принимала всех тогдашних знаменитостей французской столицы. Назовем лишь постоянно посещавших ее писателей Шатобриана, мадам де Сталь, Бенжамена Констана и близких ко двору Людовика герцогинь де Бурбон, де Дюра, д'Эскар, знаменитую красавицу мадам Рекамье... Когда все они, наконец, уходили, унося с собой сплетни

Парижа, дверца ограды открывалась, и сам император входил в салон своей вдохновительницы.

Евангелистка, впрочем, умела с необыкновенным успехом выкачивать крупные суммы августейшего покровителя. В своих мемуарах она признает, что как-то, «по вдохновению свыше», царь оставил ей на столе бурсу с пятьюстами золотыми луидорами — по тому времени целое состояние, на которые она содержала и себя, и всех своих прихлебателей, тех самых, чьи нелестные досье до сих пор сохранились в архивах французской полиции. Впрочем, было в ней что-то распутинское: известно, например, что она всеми силами покровительствовала установлению любовной связи Бенжамена Констана, который был в то время женатым человеком, с обаятельной мадам Рекамье, что уж никак не согласовывалось с евангельскими принципами и проповедью баронессой чистой жизни.

Связь мадам де Крюденер с императором, несомненно, не имела никакой плотской основы. Не раз записывала она в дневник и писала своим близким пасторам, что Александр просил ее «молиться Всевышнему за то, чтобы Он спас его от искушений развращенной парижской жизни... ибо человек является столь немощным, что лишь Божественная Благодать может спасти его от искушений, которые со всех сторон соблазняют его».

О чистоте их отношений свидетельствуют и дошедшие до нас письма императора Александра к баронессе де Крюденер и ее ответы: «Если вы можете усовершенствоваться без моей помощи, я уйду от вас, но где же вы найдете кого-либо другого, который заменил бы меня при вас? Где найдете вы сердце, способное, как мое, понять вас?» В этих словах нет ни малейшего намека на плотскую связь, но доказательство лишь их обоюдного увлечения пиетизмом, их мистицизма, может быть, и болезненного, с точки зрения современной психологии, но удовлетворяемого не в плотской любви, а в долгих ночных молениях и во взаимном внутреннем созерцании Бога. Не раз — признает баронесса де Крюденер — она вместе с царем старалась приобщиться молитвой ко Всевышнему. Эти долгие ночные моления

Александра в компании экзальтированной евангелистки могут показаться нам странными. Но разве в наше время не таким же воздействием на народные массы пользуются евангелисты типа Билли Грэма и многие другие протестантские проповедники? Они оказывают немалое влияние на президентов и на их министров и теперь, и никому в Америке не приходит в голову объявить этих государственных деятелей ненормальными и помешанными на религиозной почве.

□

В начале сентября 1815 года, в расцвете своего влияния на царя, баронесса де Крюденер убедила Александра произвести массовые маневры в обширной долине Виртю, около города Шалона. В этих маневрах должны были участвовать 150 тысяч солдат и офицеров и свыше 500 тяжелых артиллерийских орудий. Нет сомнения, что император хотел продемонстрировать громадную военную мощь России и повлиять на союзников, чтобы они решили в пользу России снова поставленный на рассмотрение перед конгрессом в Вене щекотливый вопрос о воссоздании Польши под скипетром Александра. Приглашая баронессу участвовать в этих грандиозных маневрах, император, очевидно, хотел отблагодарить ее за посредничество перед Богом, которое помогло ему одержать конечную победу над Наполеоном.

В долине Виртю были воздвигнуты семь монументальных походных церквей с позолоченными иконостасами, поставленными на задрапированных красным бархатом эстрадах. Перед престолами в золотых парчовых ризах и митрах служили прибывшие из России архиереи вместе с многочисленными священниками и в сопровождении стройного пения солдатских хоров.

Александр прибыл на парад в великолепной дворцовой открытой карете, в которой рядом с ним, вся в белом, в широкой соломенной шляпе, сидела торжествующая баронесса де Крюденер. За каретой еха-

ла верхом на лошадях многочисленная свита в золоте и орденах. В ее составе было немало представителей австрийской, английской и прусской армий, которые, в сущности, без помощи русских, победили Наполеона. Офицеры Веллингтона и Блюхера, как замечают современные источники, не без иронии и удивления глядели на эти благодарственные молебны по случаю победы над Наполеоном. Французский критик Сент-Бев не менее иронически пишет, что «даже король-солнце Людовик Четырнадцатый в торжествах Компьенского лагеря не оказал своей морганатической супруге мадам де Мэнтенон таких восторженных почестей, какими отличил баронессу де Крюденер император Александр во время маневров в Вертю». Сама баронесса в своих воспоминаниях пишет, что день маневров в Вертю был самый счастливый день в ее жизни. В обнародованном ею памфлете она вспоминает «об этой памятной сцене как прелюдии того события, когда столько царей преклоняет колено перед Царем Небесным, объявляя миру воцарение нового времени — священной истории, которой суждено возродить человечество...» Она, конечно, намекала на создание Священного Союза, идею которого она, по внушению Всевышнего, подарила императору Александру. Это ее, естественно, ложное утверждение как раз и послужило началом конца ее отношений с императором. Ее претензии и бахвальство просто взорвали Александра, наполнив его душу справедливым негодованием. Правда, впоследствии она уничтожила свою брошюру и даже опровергла сама себя, написав: «Священный Союз всецело является делом Бога и Императора. Спрошенная Государем, я одобрила этот проект и всецело посвятила себя содействию этому грандиозному проекту, который он предпринял». Но было уже поздно. Это неудержимое самовосхваление баронессы подорвало все чувства к ней императора. Он понял, что ее цель вовсе не посредничать между Богом и им самим, как она постоянно внушала ему, а просто создать себе за его спиной колоссальную рекламу.

Нет, конечно же, не баронесса Крюденер внушила

царю идею Священного Союза. Это была его давняя собственная идея, в основе которой лежали уроки его воспитателя Лагарпа и социальная философия французских энциклопедистов восемнадцатого века, философия, заимствованная ими в античной Греции. Еще раньше мысли античных философов вдохновляли французского короля Генриха Четвертого. О том же подробно писал еще в семнадцатом веке в своем знаменитом «Проекте вечного мира» французский мыслитель аббат де Сент-Пьер. Это произведение было коньком Лагарпа, и он не раз рассматривал его со своим учеником еще во времена Екатерины. Баронесса де Крюденер не имела ни культуры, ни знаний Александра, и самый проект Священного Союза не мог прийти в ее весьма легкомысленную голову. Однако она внушила Александру, что Бог через нее благословил эту его инициативу и поможет ее осуществлению. Но все это Александр обсуждал со своим другом прусским королем Фридрихом-Вильгельмом гораздо раньше своего знакомства с баронессой де Крюденер, еще во времена Лейпцигской кампании 1813 года. Весьма вероятно, что евангелистка мадам де Крюденер способствовала лишь протестантско-догматическому оформлению документа — его посвящению Св. Троице и включению в него призыва к европейским государям работать на поприще всеобщего мира «во славу Божию».

Талейран докладывал королю Людовику, что «предложенный императором Александром международный договор — Священный Союз — скорее представляет собой забавную мечту... Во вступлении три договаривающиеся между собой государства — Австрия, Россия и Пруссия — заявляют свою готовность основывать свои отношения на незыблемой истине, содержащейся в вечной религии нашего Господа Иисуса Христа, и т. д., и т. п.» Меттерних назвал этот документ свидетельством высшего мистицизма, сущей бессмыслицей, а лорд Кастельри докладывал лорду Ливерпулю не без злой иронии: «Предприятие это всецело принадлежит императору России, сознание которого последнее время при-

няло глубоко религиозную окраску... Австрийский император и король Прусский подписали этот документ, по словам Меттерниха, с некоторым сомнением, считая его автора не в своем уме...» Он добавляет, что император Александр вызвал их обоих — его и лорда Веллингтона, — сообщив им, между прочим, что самое большое удовольствие доставило ему подписать «эту исповедь христианской веры в Париже — самом неверующем городе Европы...»

Царь, очевидно, понимал, что заявления баронессы де Крюденер об ее участии в создании проекта договора лишь усилили недоверие к нему и сарказм салонов Вены и Парижа... Кроме того, претензии баронессы делали его смешным в глазах всех умеренных и здравомыслящих людей Запада.

Александр уехал в Россию, раздраженный поведением баронессы де Крюденер. Она появлялась в селениях Швейцарии и Германии, проповедуя сомнительную мораль своей новой религии, последователи которой исповедовали свободную любовь, жили в постоянных конфликтах с полицией, судами, местными властями, обвиняющими ее и ее последователей в нарушениях общепринятой морали и слишком распущенных нравах. Все эти полицейские и судебные процессы доходили до императора Александра и доставляли ему немало моральных терзаний.

С таким настроением вернулся он в Россию, твердо решив порвать со своей бывшей вдохновительницей, всецело разочарованный в ней, ее религиозных приемах и ее мистицизме.

26. ПАГУБНОЕ ВЛИЯНИЕ МЕТТЕРНИХА НА АЛЕКСАНДРА

По свидетельству современников, в характере императора Александра произошла заметная перемена, которую многие констатировали сразу после его возвращения в Россию в декабре 1815 года. Известный своими

весьма объективными и даже в некоторых случаях критическими «записками» Вигель пишет: «Император Александр казался скучен, говорят, даже сердит. Никакими восторгами Петербург его не встретил. Казалось, Россия познала, что наступило для нее время тихое, но сумрачное...»

Государь сделался более взыскательным и строгим в отношении к военной дисциплине: офицерам запрещено было носить гражданское платье и приказано обращать внимание на строжайшее соблюдение установленной формы в одежде. Вместе с тем Александр принял строжайшие меры к искоренению злоупотреблений во всех частях государственного управления. Влияние графа Аракчеева на царя еще более усилилось, и все эти перемены Александр осуществлял не без его настойчивых советов. Многие высшие чиновники, сотрудники царя, которые имели весьма значительную власть во время отсутствия Александра, были просто сняты со своих должностей и уволены. Так, статс-секретарь Молчанов, распоряжавшийся важнейшими делами государства и пользовавшийся доверием императора в течение многих лет, пока царь находился за границей, был снят со службы. Также был уволен долголетний управляющий военным министерством князь А. И. Горчаков, а все его главные сотрудники — Самбурский, Приклонский и другие отданы под суд за злоупотребления и рассажены по гауптвахтам.

Обновилось армейское начальство: военным министром был назначен генерал-адъютант Коновницын, в обязанности которого входило заведование всеми хозяйственными частями армии. Однако по новому распоряжению царя он был подчинен начальнику Главного штаба, которым был назначен один из самых близких сотрудников и друзей царя генерал-адъютант князь П. М. Волконский. Все остальные высшие начальники армии, кроме двух — инспектора артиллерии генерала барона Меллер-Закомельского и инженерного корпуса генерала Опермана, — были уволены в отставку и заменены приближенными царя...

Следует сказать и о другом важном предприятии

императора: 1 января 1816 года был издан указ о немедленной высылке из Санкт-Петербурга всех монахов Иезуитского ордена и воспрещение в будущем их въезда в Санкт-Петербург и в Москву. Несмотря на сильные морозы, они были отправлены в кибитках в Полоцк, в находящиеся там иезуитские монастыри. Одновременно император приказал саму католическую церковь «поставить в то устройство, в коем она пребывала в царствование императрицы Екатерины Второй и до 1800 года». Высылка иезуитов была вызвана переходом в католичество некоторых светских дам столичного общества и воспитанников иезуитского колледжа в Санкт-Петербурге.

6 января был по указу императора обнародован заключительный акт Священного Союза. Святейший Синод распорядился выставить его во всех церквах империи, а также рассказывать о нем в проповедях епископов и священников. В этом акте говорилось о заключении в Париже между Александром, австрийским императором и прусским королем Священного Союза — договора, в котором от имени трех монархов торжественно объявлено: «Обязуемся мы взаимно, как между собою, так и в отношении подданных наших, принять правило, почерпнутое из словес и учения Спасителя нашего Иисуса Христа, благовествующего людям жить, аки братиям, не во вражде и злобе, но в мире и любви».

В самый же день русского Нового года по старому стилю, т. е. 12 января по западному Грегорианскому календарю, император Александр издал манифест, в котором прежде всего благодарил свою армию за победу над Наполеоном и блестящие подвиги. В нем также оценивались мировые события со времени Французской революции 1789 года до текущего 1816 года. Поражает в этом манифесте Александра резкость выражений относительно Франции. Париж назван «гнездом разврата, мятежей и пагубы народной», Наполеон — «простолюдином, чужеземным хищником, преступником, присвоившим себе лишь Богу свойственное право единовластного над всеми владычества».

Александр, оставя все свои прежние либеральные и демократические убеждения, под влиянием огромной внутренней перемены, происшедшей в нем самом, все больше и больше впадал в болезненный крайний мистицизм. Однако, благодаря своей сильной воле и огромной армии, он стал основателем нового порядка и в самой России, и во всей Европе. Он упорно отстаивал в последующие годы царствования незыблемость постановлений основанного им Священного Союза.

Четырехлетняя тяжелая борьба Александра с Наполеоном потребовала высшего напряжения физических и духовных сил. В результате у Александра появились крайняя усталость и душевное утомление, которые объясняют коренной перелом в его психике и характере. Александр последних лет своего царствования уже был не прежним Александром. Царь, несомненно, сам чувствовал наступившую в нем внутреннюю перемену. Он все более и более уединялся, впадая в болезненную мистику, граничащую с острым нервным расстройством. Инстинктивно он искал в других людях силу, которую уже не ощущал в себе. Отсюда и психологическая необходимость опереться на посредственных, но волевых людей, вроде баронессы Крюденер, фанатика-психопата Фотия и хитрого карьериста графа Аракчеева.

Историк, убежденный приверженец монархии, с горечью писал: «Говорят, что у нас теперь только один вельможа — граф Аракчеев. Бог с ним и со всеми...» Впрочем, Аракчеев и сам говорил, что у него «на шее дела всего государства...» Действительно, он сделался не только первым, но единственным министром огромной империи. Все прочие сановники России утратили всякое влияние на государственные дела.

Все более и более уединяясь, Александр гораздо раньше 1825 года покинул трон и реальную власть и, как свидетельствуют его изумительные письма к Аракчееву, чувствовал свою зависимость от этого беспринципного, но волевого и хитрого временщика. Царь всячески стремился ему угодить, предлагая ему высшие награды, снимая со своей шеи усыпанные бриллианта-

ми ордена и надевая их на него. Но рассудительный и весьма расчетливый царедворец отказывался от царских почестей, чтобы не возбуждать зависть и возмущение против себя.

Психологически это исключительное влияние Аракчеева на царя объясняется страшными терзаниями совести Александра, сопровождавшими процесс начавшейся у него душевной деградации. Совесть мучала его за участие в заговоре против отца. Причем Павел звал на помощь Аракчеева, оставшегося ему верным и единственно способным спасти его от насильственной смерти, но Пален, с согласия Александра, не допустил Аракчеева к царю, оставив того ждать у заставы, пока сам вместе с другими заговорщиками не покончил с Павлом. Современники этой эпохи с горестью вспоминали о том, как был ласков в прошлом в обращении с ними государь, и сравнивали это обращение с грубостью и высокомерием кичливого временщика. С четырех часов утра собирались высшие чиновники империи к Аракчееву и часами, а иногда и целый день ждали, когда тот соблаговолит принять их.

Князь Волконский называл графа Аракчеева «проклятым змеем» и добавлял, что «изверг сей губит Россию, погубит и государя». В одном из писем Волконский пишет: «Сожалею только о том, что со временем, конечно, государь узнает все неистовства злодея, коих честному человеку переносить нельзя, открыть же их нет возможности, по непонятному ослеплению государя к нему». Другой близкий к Александру человек — генерал-адъютант Закревский — называет Аракчеева «вреднейшим человеком в России, но сие переменить может только одна могила». Так же думали об Аракчееве почти все видные люди, но считали, что повлиять на царя и отстранить злого временщика невозможно.

24 октября 1817 года Александр назначил своего друга князя А. Н. Голицына, главноуправляющего духовными делами и иностранными исповеданиями, министром народного просвещения, объединив эти два ведомства в одно министерство, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просве-

щения». Деятельность князя Голицына, по выражению Вигеля, «по уши влезшего в мистицизм», была тесно связана с развитием учрежденного в 1812 году в Санкт-Петербурге Российского Библейского общества, президентом которого был тот же Голицын. В 1824 году Библейское общество имело в России 89 отделений и напечатало 448.109 книг Священного Писания. В новом министерстве было проведено одно весьма прогрессивное новшество: господствующую веру уравняли не только с остальными христианскими исповеданиями, но, исходя из принципа самой широкой веротерпимости, устанавливалась равноправность всех религий — в первый раз в России получали официальное признание иудейская и магометанская вера.

Однако, министерство это просуществовало сравнительно недолго: оно, как и Библейское общество, было упразднено в 1824 году под давлением на государя фанатика и изувера архимандрита Фотия, который еще более усилил мистическое настроение царя.

Таким образом, к концу своего царствования Александр впал в совсем крайнюю мистическую экзальтацию, свидетельствующую о его болезненном душевном состоянии. Вероятно, однако, царь в моменты просветления отдавал себе отчет в этих своих бедах, но уже не имел силы воли побороть их. Несомненно, это была одна из причин принятого им решения оставить престол и уйти в частную жизнь.

Чтобы картина царствования императора Александра в эти последние десять лет была возможно более полной, следует также упомянуть о пресловутых военных поселениях, учрежденных Александром после его возвращения в Россию в 1815 году. Некоторые историки ошибочно считают, что инициатива военных поселений принадлежала Аракчееву. В сущности, это была идея самого императора, задуманная им еще в 1812 году. Она была продиктована великодушным побуждением не отрывать солдат в мирное время от своих семейств и хозяйств и вместе с тем облегчить государственные расходы по содержанию войска, а возложить их на самих поселян, наделив их при этом достаточным коли-

чеством земли и даже средствами ее обработки. Тщетно насильственно облагодетельствованные крестьяне массово подавали петиции царю о «защите крещенного народа от Аракчеева», тщетно некоторые приближенные Александра пытались уговорить его отказаться от этого «аракчеевского», как они думали, плана. Царь дал им весьма категорический ответ, который также свидетельствует о его тогдашнем внутреннем состоянии: «Военные поселения пребудут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Интересно проследить, как жил Александр в эти последние десять лет его царствования. Вот как описывают современники, которые были близки к нему, день царя. Вставал он рано, часу в восьмом. В половине девятого один из камердинеров извещал князя Волконского, что император оканчивает туалет: это означало, что ему надо уже идти к его величеству — никто, кроме Волконского, принимавшего приказания относительно двора и обеденного стола, не имел к царю входа. Вслед за тем Волконский докладывал текущие дела по военной части, а после него граф Аракчеев — все остальные дела. За их докладами следовали доклады по внешним делам на полчаса, которые делали граф Нессельроде и граф Каподистрия. Потом являлись главнокомандующий столицы генерал Вязмитинов и комендант Башуцкий с рапортами о состоянии караулов Санкт-Петербурга. Наконец, входили адъютанты с ординарцами и вестовыми, у которых царь осведомлялся о погоде и других менее значительных вопросах. Затем все отправлялись к разводу, продолжавшемуся обыкновенно час, до двенадцати часов. После развода царь завтракал, ездил гулять и много ходил пешком, невзирая даже на непогоду, и к трем часам возвращался к столу. Министры приезжали по вечерам, но довольно редко, обычно они представляли свои доклады через Аракчеева, и царь сам читал их и принимал свои решения, ставя на бумагах соответствующие резолюции.

С 1816 года в жизни Александра войны сменились

путешествиями. Никто из русских царей, кроме Петра Великого, столько не путешествовал, сколько он. Он часто посещал разные русские города: в 1816 году, например, посетил Москву, Тулу, Калугу, Ярославль, Чернигов, Киев, Житомир и Варшаву. Обыкновенно он ехал в одной карете с князем Волконским, но при въезде в большие города брал к себе в карету Аракчеева, чтобы показать всей России свое к нему доверие и милость. Прибыв в Киев, император посетил Печерскую Лавру и долго беседовал с находившимся в Лавре известным схимником Вассианом. «Благословите меня, — сказал ему император. — Еще в Петербурге наслышался о вас и пришел поговорить с вами. Благословите меня». Отшельник хотел поклониться царю в ноги, но император не позволил и, поцеловав его руку, сказал: «Поклоняться надлежит одному Богу. Я человек, как и прочие, и христианин. Исповедуйте меня так, как вообще исповедуете всех духовных сынов ваших».

Наместнику Лавры царь сказал: «Благословите как священник и обходитесь со мною, как с простым верующим, пришедшим в сию обитель искать путей к спасению; ибо все дела мои и вся слава принадлежит не мне, а имени Божию, научившему меня познавать истинное величие».

Из Киева император Александр отправился в Белую Церковь и остановился по случаю происходивших здесь смотров на два дня в Александрии, в имении графини Браницкой. Полковник Данилевский по этому поводу записал в своем дневнике: «Я провел оба вечера в одной комнате с государем и, не любя ни танцев, ни новых знакомств, я беспрестанно наблюдал императора и во всех поступках его находил мало искренности: все казалось личиною. По обыкновению своему он был весел и разговорчив, много танцевал и обхождением своим хотел заставить, чтобы забыли сан его, но, невзирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность обращения, у него проскальзывали по временам такие взгляды, которые обнаруживали, что душа его была в волнении и что мысли его устрем-

лены были совсем на другие предметы нежели на бал и на женщин, с которыми он любезничал, но иногда в его взоре было видно, что он — самодержец. Я думаю, что Теофраст и Лабрюер были бы в затруднении, если бы им надлежало изобразить его характер».

Направляясь в Варшаву, Александр намеревался ехать через Люблин на Пулавы, но, видимо, не желая встретиться с Чарторыйскими из-за своего конфликта с князем Адамом, выбрал путь через Брест-Литовск. В Варшаве цесаревич Константин Павлович представил брату руководимую им польскую армию в блестящем виде — результат его жестокой муштры, бесконечных учений и смотров...

По дороге в Санкт-Петербург Данилевский снова сопровождал царя в его экипаже и завтракал с ним на остановках. На одной из них он имел с царем любопытный разговор о теперешних границах России. По словам Данилевского, разговор этот завязался следующим образом: «Император спросил меня, — пишет Данилевский в своем дневнике, — понравился ли мне вид Пейпусского озера, которое мы только что миновали. Я отвечал, что оно привело мне на память древнюю границу России. С сим словом государь перестал кушать и, обращаясь ко мне, говорил почти беспрестанно один. Вот собственные его слова, мною в тот же день записанные: «Признайся, что с тех пор границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое имело бы столь выгодные границы. Возьмем от самого севера. Ботнический залив есть непреодолимая стена, а в окрестностях Торнео нападений бояться нам не должно, потому что там ходят одни олени и лапландцы. Мысль Петра Первого была, чтобы иметь границею Ботнический залив, но ему не удалось привести сего в исполнение. Обстоятельства заставили нас вести войну со шведами, и завоевание Финляндии имело уже для России величайшую пользу: без оного в 1812 году не могли бы мы, может быть, одержать успеха, потому что Наполеон имел в Бернадоте управителя своего, который, находясь в пяти маршах от нашей столицы, неминуемо принужден был бы соединить свои

силы с Наполеоновыми. Мне Бернадот несколько раз это сказывал и говорил, что он имел от Наполеона предписание объявить России войну; Бернадот же знал, что, хотя мы и могли иметь в войне неудачу, но что через несколько лет мы опять бы восстали, или по смерти Наполеона, или от перемены обстоятельств, и, укрепясь собственными силами своими, отомстили бы шведам. Теперь взглянем мы на нашу европейскую границу. Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые мы можем иметь в Европе; сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии в случае войны не зашевелятся, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Познань, и Австрия, у которой есть Галиция. Этим счастливым положением границ мы обязаны Промыслу Божию, и Он поставил Россию в такое состояние, что она более ничего желать не может. Посему она имеет беспристрастный голос в политических делах Европы, подобно человеку, достигшему всего, который всегда охотнее призывается другими в посредники. Это дало нам большой перевес в Венском конгрессе и в Париже, как во время первого, так и второго нашего там пребывания. Что касается Турции, то по многим соображениям, а особенно по бессилию ее, в котором она теперь находится, она есть для нас безопасный, а потому наилучший сосед. Францию разделить на части — пустая мысль, хотя многие державы и намеревались это сделать...» При этих словах, к крайнему сожалению моему, подали кофе и разговор прекратился».

Высказанные императором Александром мысли доказывают, как хорошо понимал он значение войн для установления самых выгодных для империи стратегических границ. В этих его признаниях содержится весьма логичное объяснение всей его международной политики, в частности, его польской политики: дать Польше известную независимость, восстановив Польское королевство в форме «царства Польского», связав этим ее навсегда с Россией, потому что Россия ей отдала все, что могла, и тогда поляки будут иметь претензии лишь

к Пруссии и Австрии, у которых все еще остались значительные польские территории.

О внутренней политике Александра можно судить по следующему: вводя в 1816 году военные поселения, Александр хотел этим нововведением ограничить власть помещиков в пользу государства, что позволило бы царю легче уничтожить крепостничество в России, так как крестьяне с этой реформой становились в сущности государственными и зависели теперь больше от центральной власти, чем от помещиков. Эстляндское дворянство неоднократно изъявляло царю желание отказаться от крепостного права на своих крестьян, и император издал закон 9 июня 1816 года. Эстляндское дворянство, сохраняя собственность на землю, более не владело крестьянами: отношения между помещиками и крестьянами отныне основывались на взаимном добровольном соглашении и контракте. После этого первого опыта личное, хотя и безземельное, освобождение крестьян от крепостничества Александр распространил на весь Остзейский край, в 1817 году на Курляндскую, а в 1819 году и на Лифляндскую губернии. Александр обратился по этому поводу к лифляндскому дворянству со следующими словами: «Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни лишь могут служить основою счастья народов». Царь несомненно хотел в дальнейшем распространить эти реформы на всю империю.

Обращение Александра к лифляндскому дворянству стало известно всей России, и вскоре 65 петербургских помещиков подали через генерал-адъютанта И. В. Васильчикова петицию царю «на основании изданных уже постановлений, обратить своих крепостных крестьян в обязанных...» Самый факт, что генерал-адъютант согласился передать государю петицию, показывает: эта инициатива, как и прежние, исходила от самого Александра.

Император приказал Аракчееву разработать проект об освобождении всех помещичьих крестьян из крепостного состояния. Узнав об этом проекте, заволно-

вались русские помещики, открыто заявляя, что своей реформой император просто разорит их, что Россия по своему древнему устройству и традициям чужда Западу и что сами крестьяне не желают освобождения. В феврале 1816 года, когда слухи о проектируемой реформе уже ходили по всей России, Н. М. Карамзин прибыл в Санкт-Петербург для представления первых вышедших из печати, восьми томов «Истории Государства Российского». Император, осведомленный, что Карамзин намерен от имени русского дворянства просить его не освобождать крестьян, мешкал с аудиенцией и, вообще, вряд ли принял бы Карамзина без настоятельного ходатайства Аракчеева. Несомненно, Аракчеев, заинтересованный в сохранении собственных крепостных, устроил Карамзину аудиенцию.

14 марта Карамзин, которому намекнули, что без содействия Аракчеева он не попадет к царю, посетил временщика. Зная, что цель аудиенции отвечает его интересам, Аракчеев принял историка и, очевидно, чтобы показать ему все значение своей милости, сказал ему: «Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнять волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться. Теперь уже поздно...» Этими ласковыми словами Аракчеев явно хотел высказать Карамзину свое удовольствие его миссией. Очевидно, Карамзин с успехом исполнил ее. Вот, как он сам описал свою аудиенцию у Александра: «Встретил ласково, обнял и провел со мною час сорок минут в разговоре, искреннем, милостивом, прекрасном. Все принято как нельзя лучше, дано на печатание 60 тысяч и чин, мне принадлежащий по закону. Печатать здесь, в Петербурге; весну и лето жить, если хочу, в Царском Селе; право быть искренним и проч.»

Вскоре царь пожаловал Карамзину еще и орден Св. Анны первой степени, а 28 января 1818 года Карамзин поднес императору Александру полный экземпляр своей «Истории».

В 1817 году Александр снова предпринял поездку по России, видимо, чтобы лично разузнать отношение

в стране к его проекту освобождения крестьян. 6 сентября выехал он из Царского Села, посетив Витебск, Могилев, Бобруйск, Чернигов, Киев. Всюду останавливался по нескольку дней, иногда более, разговаривая с населением, преимущественно с дворянами-помещиками, и всюду они настаивали на сохранении их законного и древнего права владеть своими крепостными крестьянами.

В Киеве Александр снова посетил схимника Вассиана и провел у него более часа. Мы можем лишь догадываться, о чем император с ним беседовал. Как со всеми остальными схимниками, которых он посещал, вероятно, говорил Александр о своем намерении отказаться от престола и о покаянии в грехах и, конечно же, прежде всего, о более всего мучившем его сознании, что участвовал он в убийстве собственного отца. Как известно, эта мысль все больше завладевала им, а все эти встречи с разными схимниками только увеличивали эти душевные терзания и все глубже толкали его в болезненный мистицизм.

27 марта 1818 года Александр торжественно открыл первое заседание польского Сейма. Произнес он свою речь не на русском, а на французском языке, чтобы показать, что Польша существует отдельно от России и независимо от нее. Между прочим, император сказал: «Устройство, сохранившееся в вашей стране с прошлого, позволило немедленное учреждение данных вам теперь либеральных институций, которые никогда не переставали быть моей заботой и спасительное воздействие которых, с Божией помощью, я надеюсь распространить на все страны, посланные мне Провидением Таким образом, вы представили мне возможность показать моему отечеству то, что я с давних времен готовлю для него, и что оно получит эти институции, как только достигнет необходимого развития для начинания такой важности...»

И Александр продолжал: «Вам предстоит доказать вашим современникам, что вечно священные либеральные институции, которые некоторые ошибочно смешивают с разрушительными доктринами, в наши дни гро-

зящими социальную нашу систему привести к ужасающей катастрофе, совсем не представляют опасности, но, что осуществляемые с искренними намерениями и добросовестно, они являются полезными человечеству для сохранения общественного порядка, с которым они полностью гармонируют, и позволят общими усилиями достигнуть реального благоденствия народов».

Русский перевод речи Александра был поручен князю П. А. Вяземскому, и этим переводом император остался очень доволен...

Почти одновременно Александр поручил составить проект конституции для России своему другу и советнику Новосильцеву в сотрудничестве с пребывавшим при нем французским юристом — специалистом по этим вопросам — Дешаном.

В дворянских кругах России шли оживленные споры об этих начинаниях царя между молодыми, которые стояли за реформы, и старыми, которые всеми силами противились отмене крепостничества и дарованию конституции. Карамзин, стоящий на реакционных позициях консервативных русских помещиков, отражает эти воззрения в письме своему другу поэту И. И. Дмитриеву: «Спят и видят во сне конституцию, — писал он, — судят, рядят, начинают и писать...»

А Данилевский в это же время занес в свой дневник следующую заметку: «Без сомнения, любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет увидеть, думал я, приведутся ли предположения сии в действие. Петр Великий не говорил, что русские дикие и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предварений».

Враждебное отношение как к дарованию России конституции, так и к отмене крепостного права, чрезвычайно огорчало императора, и он не только начал колебаться, но и совсем отказался от своих замыслов. Самые близкие люди говорили ему, что, очевидно, Россия еще не готова к переменам, и что, особенно в дворянских кругах, возникает большое недовольство императором.

Александру предстояло 8 сентября 1818 года отбыть на новый международный конгресс в Аахен, и рано утром он покинул Царское Село. 19 сентября он в Берлине присутствовал на закладке памятника в честь войн 1813—1815 годов. Его поразила речь, произнесенная по этому поводу лютеранским епископом Эйлертом, и царь пригласил его на другой день на беседу. Предметом разговора, как вспоминает Эйлерт, было настроение царя, который во всем видел вмешательство Бога и все в личной и общественной жизни объяснял непосредственным воздействием Провидения.

27 сентября Александр прибыл в Аахен, где он застал императора Франца и прусского короля Фридриха-Вильгельма. Там уже были представители государств, участвующих в конгрессе: князь Меттерних, герцог Ришелье, лорды Веллингтон и Кестельри, князь Гардегберг, а со стороны России граф Нессельроде и граф Каподистрия. 9 октября была заключена конвенция о выводе из Франции всех союзных войск и сдаче французскому правительству всех занятых союзниками крепостей с 1815 года.

Затем Александр заехал в Брюссель, в гости к своей сестре Анне Павловне, которая теперь стала нидерландской королевой. Перед отъездом из Аахена царь получил сообщение, что приверженцами Наполеона был организован заговор с целью захватить его в дороге, задержать заложником во Франции и заставить подписать декларацию об освобождении Наполеона со Св. Елены и о возведении на французский престол его сына. Александр даже не принял мер для своей охраны, приказав лишь написать нидерландскому королю, прося его принять соответствующие меры. В Брюсселе, несмотря на сведения, что город полон заговорщиками, Александр появлялся на многолюдных гуляниях в штатском и без свиты. 21 ноября он выехал из Брюсселя в Вену.

В Санкт-Петербурге он застал прибывших туда вождей английских квакеров Греллэ и Аллена, с которыми познакомился в Лондоне еще в 1814 году. Царь несколько раз приглашал их к себе, вел с ними беседы

на религиозные темы и даже молился вместе с ними.

В 1819 году Александр в Варшаве встретился наедине со своим братом великим князем Константином Павловичем. По свидетельству Константина, между ними был следующий разговор:

Александр: «Я должен сказать тебе, брат, что я хочу отречься от престола; я устал и не в силах сносить тягость управления. Я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае».

Константин: «Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего; буду вам служить и, если нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле, я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему».

При этих словах, по рассказу цесаревича Константина, царь обнял брата и поцеловал его «так крепко, как еще никогда за 45 лет нашей жизни он меня не целовал...» В заключение Александр сказал: «Когда придет время, то я дам тебе знать, и ты мысли свои напиши матушке...»

24 мая 1820 года в третьем часу дня в Царскосельском дворце над придворной церковью вспыхнул пожар и охватил галерею, а затем и весь главный корпус лицея, который сгорел дотла. Пожар продолжался целые сутки и распространился даже на покои государя, до янтарной комнаты. Это событие произвело на Александра весьма удручающее впечатление: он сказал своим близким, что видит в этом плохое предзнаменование и что, будучи в прошлом избалован счастьем, теперь ожидает противного.

27 июля 1820 года предпринял Александр свои обычные путешествия по России и по царству Польскому, а затем отправился на новый конгресс в Тропау. Там уже был император Франц с Меттернихом, однако, прусский король из-за болезни прибыл позже. Англия не направила в Тропау специального представителя, прибыл на конгресс только посланник при австрийском дворе лорд Стюарт. Франция поступила также:

ее представителями были посланник в Вене маркиз де Караман и посланник в Санкт-Петербурге ла Ферронэ. Россию представляли граф Нессельроде и граф Каподистрия. Прибыл на конгресс и граф Головкин.

В своих мемуарах Меттерних пишет, что Александр встретился с ним как «со старым товарищем по оружию...» Он добавляет, что на другой же день имел с царем долгий разговор, и что Александр сделался «весьма податливым. Он извиняется и доходит до того, что осуждает сам себя. Я нашел в нем прежнее любезное обращение, которым я восхищался еще в 1813 году...» Но, добавляет Меттерних, «стал он гораздо рассудительнее, чем в ту эпоху. Я просил его, чтобы он сам объяснил мне эту перемену. Он ответил мне с полной откровенностью: «Вы не понимаете, почему я теперь не тот, что прежде: я вам это объясню. Между 1813 годом и 1820 прошло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что я совершил в 1813. Не вы изменились, а я. Вам раскаиваться не в чем; не могу сказать того же про себя».

Меттерних, с удовлетворением говоря, что Александр сделался совсем податливым и что он мог весьма легко получить от царя, что ему было необходимо, в то же время выражал свою неприязнь к графу Каподистрии. «Если б я мог сделать из Каподистрии, что захочу, то все бы пошло скоро и легко. Император Александр возражает из-за своего министра: без Каподистрии все было бы давно улажено».

В Тропау Александр получил донесение из России от генерал-адъютанта Васильчикова о бунте в Семеновском полку и о том, что причина бунта — неблагоразумное поведение полковника Шварца, командира этого полка, который слишком придирчиво относился к младшим чинам и, наконец, вовсе вывел их из терпения. Александр счел необходимым немедленно сообщить эту новость Меттерниху, который после разговора с ним записал в свой дневник: «Царь убежден, что есть причина, заставившая три тысячи русских солдат взбунтоваться, вещь, которая чужда русскому характеру. Он идет так далеко, что воображает, что радика-

лы устроили этот заговор с целью запугать его и заставить вернуться в Санкт-Петербург. Я с ним не согласен. Это слишком невероятно — допустить, что в России радикалы уже могут располагать целыми полками! Однако, это доказывает, как император переменился».

Наблюдательный австрийский канцлер, который всегда считал Александра витающим в облаках фантазером, после этого разговора заключил, что у царя что-то неладно с головой, но, конечно, относясь к коронованным лицам с большим уважением, выразил свое мнение весьма мягко.

Тем временем, царь 14 ноября подписал приказ, по которому повелел преданных уже военному суду зачинщиков бунта «наказать по всей строгости законов», штаб и офицеров Семеновского гвардейского полка перевести в армейские полки, сохранив им, однако, преимущества гвардейских чинов, всех же нижних чинов полка распределить по разным полкам армии, чтобы они, раскаясь в своем преступлении, постарались усердной службой загладить свою вину. Как видно, царь поступил с виновниками бунта очень снисходительно.

Самого командира, полковника Шварца предали военному суду «за неумение поведением своим удержать полк в должном повиновении».

17 ноября царь написал Аракчееву: «Никто на свете меня не убедит, что сие происшествие было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с ними полковника Шварца... Тут кроются другие причины. Внушение, кажется, было не военное... признаюсь, что я его приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, которые мы имеем, все в сообщениях между собой... цель возмущения, кажется, была испугать». И Аракчеев, и великий князь Константин Павлович подливали масла в огонь и не только соглашались с царем, но еще более преувеличивали опасность. Константин Павлович писал также и Аракчееву: «Меры нужны самые деятельные, чтобы прекратить зло в самом начале и корне. Впрочем, мне кажется, что сие

заражение умов есть генеральное и замечено не только здесь, но и повсюду...»

Все это действовало еще больше на болезненное состояние царя. А на Западе революционные движения вспыхивали повсюду: в Неаполе началось восстание против короля Фердинанда, который с радостью принял военную интервенцию Австрии — 24 марта австрийцы вступили в Неаполь, и армия генерала Фримона восстановила и короля, и порядок.

Вспыхнула революция и в Пьемонте. Александр предложил императору Францу 100.000 солдат для ее обуздания, но австрийцы сами справились с ней. Не успел Меттерних потушить пожар в Пьемонте, пришло известие о греческом восстании — генерал-майор Ипсиланти, собрав в Бессарабии отряд из греков, болгар, сербов и русских добровольцев, 6 марта перешел Прут и вступил в Яссы. В то же время Владимиреску занял Бухарест. Вторжение Ипсиланти, при содействии Этерии, вызвало восстание греков в Морее и на островах Архипелага.

Хотя события на Балканском полуострове не имели ничего общего с брожением умов на Западе, Меттерних, под влияние которого Александр подпадал все больше и больше, успел убедить царя, что восстание греков — результат общего революционного плана. Одновременно Меттерних связал греческое восстание с деятельностью графа Каподистрия, надеясь отстранить его окончательно от Александра. Меттерних с гордостью заявлял: «Император Александр крепче держится за меня...» По наущению Меттерниха Александр сделал величайшую ошибку: он велел барону Строганову сообщить султанскому правительству, что царь всегда останется чужд покушениям, нарушающим спокойствие любой державы, включая и Турцию. Кроме того, князь Ипсиланти был исключен из русской службы и ему было объявлено, что император не одобряет его предприятия и что он не должен рассчитывать на русскую помощь. Это было страшным ударом для греков, борющихся за свое освобождение от турецкого ига и за общую с русскими православную веру.

Правительство султана, получив это уверение от русского посла в Константинополе, сочло его гарантией свободы действий против греков. Началось поголовное избиение христиан. В Константинополе Вселенский патриарх Григорий в день великого праздника Пасхи был повешен в полном облачении с несколькими из своих митрополитов, а потом тела их, снятые с виселиц, волочили по улицам и бросили в море.

Вся Россия встрепенулась при известиях о турецких неистовствах и была в недоумении по поводу этой политики Александра, попавшего полностью под влияние Меттерниха. «Из всех русских я один противлюсь войне с турками», — заявил царь в Лайбахе, жалуясь на вред, причиненный его популярности и народной любви к нему из-за политики Меттерниха, в которую хитрый канцлер умело вовлек Александра. Но поправить что-либо было поздно. Непоправимое зло свершилось. Однако, учитывая настроения всей России, возвратясь из Лайбаха, Александр отозвал своего посла из Константинополя: дипломатические отношения с Портой были прерваны, началась разработка планов новой войны с Турцией. Русский посол в Константинополе Строганов, вернувшись в Санкт-Петербург, подробно описал зверства турок против христиан, осквернение православных храмов и т. д. Немедленно всем грекам было предоставлено убежище в России, царь начал переговоры с Францией о военном союзе и о разделе Турции.

Однако при этом, уступая давлению Меттерниха, ко всеобщему удивлению, уволил графа Каподистрия, и тот покинул Россию. 31 мая 1822 г. Меттерних самодовольно докладывал императору Францу: «Я одержал самую полную победу, когда-либо одержанную одним двором над другим... Теперешний русский кабинет одним ударом уничтожил громадное дело Петра Великого и его наследников». Так он записал в своем дневнике. А в частном разговоре Меттерних прибавил: «Граф Каподистрия похоронен до конца своей жизни. Европа избавилась от великой опасности, которая ей угрожала из-за влияния этого человека.

Все это ясно указывает: император Александр был уже не тем, что прежде. Разочаровавшись во всем и, несомненно, сознавая свои ошибки, царь все больше и больше отчуждался от мира и вдавался в самый крайний мистицизм.

1 августа 1822 года Александр в рескрипте на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея повелел «закрыть все тайные общества, масонские ложи и другие, и учреждение их впредь не дозволять».

16 октября 1824 года Александр приехал на конгресс в Верону. Первую беседу он имел с представителем Франции Шатобрианом, известным автором «Гения Христианства». Александр, как бы оправдываясь, сказал Шатобриану, что, хотя в его интересах было объявить войну Турции и защищать Грецию, ему пришлось, заметив в греческом восстании некоторое влияние революции, воздержаться от вмешательства в греко-турецкую распрю.

Но самая интересная встреча Александра была с канцлером Меттернихом, который описал эту беседу с царем в своих мемуарах. Беседа эта имеет первостепенное значение для уяснения характера императора в конце его царствования: «Однажды, — рассказывает Меттерних, — я застал императора Александра в сильном возбуждении: он признался, что считает необходимым объясниться со мной по одному важному вопросу. «Нас хотят разлучить, — сказал мне царь, — и порвать узы, связывающие нас... Я считаю эти узы священными, ибо они объединяют нас в общих интересах. Вы хотите мира во вселенной, и я тоже не знаю иного желания, как сохранить мир. Враги европейского мира не заблуждаются на этот счет, они также не заблуждаются насчет силы противодействия, которую их козни встречают в нашем с вами единодушии. Им хотелось бы во что бы то ни стало устранить это препятствие, и поняв, что открытым путем им этого не достигнуть, они бросаются в окольные лазейки: меня осыпают упреками, зачем я отказался от своей независимости и позволяю вам руководить мною».

Меттерних ответил: «Все то, что вы мне сказали сегодня, для меня не новость: вас упрекают в том, что вы вполне подчиняетесь моим советам; с другой стороны, меня также обвиняют в том, что я жертвую интересами своей страны моим отношением к Вашему Величеству. Одно обвинение стоит другого. Совесть Вашего Величества так же чиста, как и моя. Мы служим одному и тому же делу, а это дело в одинаковой степени составляет достояние и России, и Австрии, и всего человечества. Давно уже я сделался мишенью неблагонамеренных кружков, и я вижу в искреннем согласии между нашими дворами единственный оплот, который все еще можно противопоставить вторжению общего беспорядка».

Но самый существенный успех Меттерниха состоял в том, что не австрийский канцлер, а сам Александр, как бы извиняясь перед ним за свои колебания, взял с него формальное обещание оставаться верным искреннему союзу с ним и не поддаваться никаким вражеским козням.

В своих мемуарах, однако, Меттерних указывает на одну новую черту в изменившемся характере Александра: явное утомление жизнью. Очевидно, нравственные страдания и душевные тревоги сделали из прежнего Александра — волевого и независимого — неуверенного в себе болезненного человека, искавшего возможности опереться на кого-нибудь и подчинить ему свою волю.

27. ПЕРВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ ИМПЕРАТОРА

Турецкие зверства над греками, надругательства магометан над православными церквами в Константинополе и во всей турецкой империи, недоумения и протесты в России, особенно из-за глумления над вселенским патриархом, повешенным вместе с тремя митро-

политами в самый момент пасхальной литургии, — все это было прежде всего ударом по престижу русского царя. Александр, конечно, оправдывался, обвиняя греков в революционных замыслах, побудивших их к восстанию. Но совесть мучила его за то, что он допустил эту трагедию своих православных братьев и даже сам потворствовал ей. По своей слабости, которая все больше и больше проявлялась в уступках царя по отношению к Меттерниху, Александр заявлял ,что дружественные чувства к нему его западных союзников внушали ему такое доверие, что он полностью предоставляет им дальнейшие переговоры с турками... Однако самые эти уступки — результат его болезненного состояния — в моменты просветления терзали его совесть. Встретившись на прогулке с императором Францем, он произвел на него удручающее впечатление человека, находящегося в сильной нервной депрессии, ожидающего, по его собственному признанию, близкой кончины... Конечно, именно из-за этой уступчивости царя переговоры относительно умиротворения Востока на Веронском конгрессе не привели ни к чему.

Дипломаты, присутствовавшие на конгрессе, отмечали в своих донесениях это подавленное настроение царя. Жил Александр в Вероне в большом уединении, обедал почти всегда один в своей резиденции и только изредка встречался с императором Францем, королем Фридрихом-Вильгельмом и с французским уполномоченным Шатобрианом, но встреч с Меттернихом избегал. Между прочим, Греция, так и не дождавшись вмешательства России, с отчаянием продолжала свою непосильную борьбу.

Отвечая на полученные им в Пильзене поздравления Меттерниха с новым 1823 годом, царь уверял австрийского канцлера в своей дружбе к императору Францу и к нему самому и восхвалял его блестящие таланты. Разница в его стиле прежних лет и теперешнем просто разительна. Он совсем поддался влиянию Меттерниха.

1 февраля, после почти шестимесячного отсутствия в России, Александр прибыл в Санкт-Петербург,

на другой день присутствовал на торжественном молебне в Казанском соборе и вернулся в Зимний дворец. У себя в кабинете он нашел письма Лагарпа и Паррота, которые настоятельно просили императора заступиться за несчастную Грецию, «поставленную турками на колени». Александр даже не ответил. Он сменил князя Волконского и назначил на его место, начальником генерального штаба, генерал-адъютанта барона Дибича. При первой же встрече с ним Александр сделал ему внушение насчет того, что надо сотрудничать с Аракчеевым, дав такую характеристику своему временщику: «Ты найдешь в нем человека необразованного, но единственного по своему трудолюбию и преданности ко мне: старайся с ним ладить и дружно жить. Ты будешь иметь с ним часто дело и оказывай ему возможную доверенность и уважение».

Александр, очевидно, хотел доказать Дибичу, что он выбрал и назначил его на этот пост по своему собственному усмотрению. В сущности же увольнение князя Волконского, несмотря на его давнишнюю дружбу с царем, устроил Аракчеев, под предлогом финансовых непорядков в военной администрации, и внушил Александру назначить на этот пост своего друга Дибича. Клика эта — архимандрит Фотий, ставленник Аракчеева Магницкий, к которым присоединился митрополит Серафим, и, конечно, при деятельном содействии самого Аракчеева — успела повлиять на царя, чтобы уволить князя Голицына с поста министра народного просвещения и даже председателя Библейского общества. В награду за свое содействие митрополит Серафим был назначен председателем Библейского общества, а министром народного просвещения, опять по рекомендации всесильного Аракчеева, стал адмирал Шишков. Произошло это так: когда Голицын заметил, что государь явно стал к нему холоден и начал принимать его доклады не лично, а через Аракчеева, он явился к Александру и сказал:

— Я чувствую, что пора мне уйти в отставку.

Однако, царь перебил его:

— И я, любезный князь, не раз уже хотел объяс-

ниться с вами чистосердечно. В самом деле, вверенное вам министерство как-то не удалось вам. Я думаю уволить вас от звания министра и упразднить самое это слишком сложное министерство, но принять вашу отставку никогда не соглашусь. Вы останетесь при мне, вернейший друг всего моего семейства, и, кроме того, я прошу вас оставить за собой звание члена Государственного совета, также прошу вас принять главное управление почтового департамента. Таким образом, дела пойдут по-старому, и я не лишусь вашей близости и ваших советов...

Еще ранее Александр уволил графа Ланжерона и назначил новороссийским генерал-губернатором и наместником в Бессарабии другого ставленника Аракчеева — графа М. С. Воронцова. Так клика Аракчеева и архимандрита Фотия фактически управляла Россией.

16 сентября умер Людовик XVIII. В качестве компенсации за увольнение с должности шефа штаба Александр назначил своего бывшего генерал-адъютанта чрезвычайным послом в Париж. Царь сказал князю Волконскому: «Избрав тебя в это посольство, я полагал, что тебе, который два раза входил в Париж с оружием в руках, приятно будет быть там в третий раз — мирным послом...» Князь Волконский выехал из Санкт-Петербурга 15 декабря и прибыл в Париж, пробыв там несколько месяцев. Коронация Карла X — последнего короля Франции, коронованного в Реймсе, была очень торжественной и состоялась уже в новом 1825 году...

19 ноября Александр был свидетелем ужасного бедствия, постигшего Санкт-Петербург. С 1777 года не было в столице такого страшного наводнения. Едва вода спала настолько, что можно было проехать по улицам, император отправился в самый центр наводнения, в Галерную. Тут увидел царь действительно потрясающую картину: целые кварталы были разрушены наводнением, трупы утопленников еще валялись по площадям и улицам. Обезумевшие люди громко рыдали.

Видимо, пораженный этой картиной народного бедствия, Александр вышел из экипажа, молча созерцая

толпившихся около него обездоленных людей. От глубокого волнения не мог он вымолвить ни слова: слезы текли по его лицу. Кто-то громко сказал из толпы:

— Бог нас карает за наши грехи...

— Нет, не за ваши, а за мои грехи! — ответил Александр и отдал распоряжения о временном приюте и о пособиях пострадавшим...

Этот спонтанный ответ показывает, что в его душе продолжалась и еще больше овладевала им внутренняя буря...

На другой день после наводнения граф Аракчеев, хорошо осведомленный обо всем, что происходило около императора, отправил личное послание Александру: «Я не мог спать всю ночь, зная ваше душевное расположение, а потому и глубоко уверен, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнем несчастии. Но Бог, конечно, иногда посылает подобные несчастия и для того, чтобы избранные его могли бы еще более показать страдательное свое попечение к несчастным. Ваше Величество, конечно, употребите оное в настоящее действие. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подания помощи беднейшим, а не богатым. Подданные ваши должны вам помогать; а потому осмеливаюсь представить вам мои мысли: Вашим, Батюшка, благоразумным распоряжением с моими малыми трудами составлен довольно знатный капитал военного поселения. Я, по званию своему, не требовал из оного даже столовых себе денег. Ныне испрашиваю в награду себе отделить из оного капитала один миллион на пособие беднейшим людям. За что, конечно, Бог поможет делу сему с пользою для отечества и славою Вашего Величества еще лучшим образом в исполнении своем продолжаться. Учредите, Батюшка, комитет из сострадательных людей, дабы они немедленно занялись помощью беднейшим людям. Они будут прославлять ваше имя, а я, слыша оное, буду иметь лучшее на свете сем удовольствие».

Я полностью привел письмо Аракчеева, чтобы можно было ощутить весьма характерный его стиль и показать стремление царедворца предугадывать все

мысли и намерения Александра. Именно этим во многом объясняется его влияние на Александра.

Император ответил ему немедленно: «Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексей Андреевич! А твое письмо несказанно меня утешило, ибо нельзя мне не сокрушаться душевно о вчерашнем несчастии, особливо же о погибших и оплакивающих их родных. Завтра побывай у меня, дабы все устроить. Навек искренно тебя любящий. **Александр**».

Дополню, что немедленно был учрежден особый комитет для раздачи пособий разоренным наводнением жителям столицы под председательством князя А. Б. Куракина. «Поезжайте отсюда прямо к министру финансов, который имеет повеление выдать каждому из вас по сто тысяч рублей на первый случай», — сказал членам комитета Александр со слезами на глазах, лично напутствуя их... Сам Александр передавал им свои впечатления: «Я бывал в кровопролитных сражениях, видел места после баталий, покрытые бездыханными телами, слыхал стоны раненых, но это неизбежный жребий войн; тут же я увидел людей, вдруг осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было любезнее в жизни: это ни с чем не может сравниться...»

Кроме всего этого, у царя было и личное тяжелое переживание в этом несчастном для него самого году. Хиромантка — француженка Мадам Буш, которую несколько лет тому назад он вывез из Парижа и привез с собою в Россию, каждый раз, когда она смотрела на его руку или гадала ему на картах, предсказывала предстоящие большие потрясения как раз в эти текущие два года: «Если переживете вы их и будет у вас лишь большая личная потеря, будете вы жить еще много, много лет», — повторяла ему француженка несколько раз.

Еще в самом начале 1824 года, 18 января, Александр, по своему обыкновению, уехал на несколько дней в Царское Село. «Бог даровал мне это место для моего отдыха и спокойствия, — говорил он своим близким. — Здесь отдыхаю я от шума столицы, и здесь я успе-

ваю сделать в один день столько, сколько не могу в городе сделать за целую неделю...»

Каждое утро император, несмотря на погоду, долго ездил верхом и ходил пешком в окрестностях Царского Села. После завтрака, на который он приглашал близких своих сотрудников, он, поговорив с ними о делах и выпив чашечку кофе, уходил в свои апартаменты и отдыхал полчаса, иногда час. Потом работал в своем кабинете, читая доклады Аракчеева и других министров, обдумывал свои резолюции и делал на полях замечания. Но настроение у Александра было тяжелое. Он чувствовал себя очень усталым, главным образом, от самого управления, и все чаще думал о своем отречении от престола. Однако он хорошо понимал, какие внутренние и международные трудности может повлечь за собой такая акция, и эти мысли лишали его спокойствия и сна. Каждую ночь снился Александру все один и тот же страшный кошмар: драма в Михайловском замке — убийство несчастного, душевнобольного отца, в котором он сам был принужден участвовать. Эти тяжелые внутренние переживания отравляли его жизнь.

Чтобы понять его состояние, граничащее с настоящим психозом, постарался я восстановить всю эту драму с точки зрения самого Александра, — как она представлялась ему самому и как толкала его в бездну мистицизма, религии и молитвы, которые казались ему единственным путем к спасению, миру душевному, через искупление и личный подвиг.

Попробуем пережить его внутреннюю борьбу с самим собой и проникнуть в его многострадальную душу. Пребывание его на престоле всегда казалось ему непомерной тяжестью, а в особенности теперь, когда тяжелые разочарования сопутствовали самой его славе и когда все его усилия и победы, включая низвержение Наполеона, казались ему верхом человеческой суеты, бесцельными и ненужными усилиями, которые принесли неисчислимые человеческие жертвы и ради которых пролито столько крови и слез...

Он старался уйти в себя и восстановить в памяти

все события этой поистине шекспировской драмы в своей семье и в себе самом.

Вот как эти воспоминания чередовались в его сознании с его собственными переживаниями и рассказами близких ему людей, которых связал с ним мутный поток истории.

Отец Александра император Павел, как уже было описано в первых главах этой книги, был, несомненно, душевнобольным человеком, с весьма болезненной наследственностью от своего отца — императора Петра Федоровича. Его мании и умственные заскоки иногда в мельчайших подробностях повторялись у несчастного Павла, который, несмотря на свои эксцессы, садизм, манию прусской муштры всей армии, по душе — как это ни странно — был добрым и даже отзывчивым человеком. В то же время он часто впадал в религиозно экзальтированные крайности, которые по наследству проявлялись и в характере Александра. Именно эти проявления крайнего мистицизма, доходившие до болезненного ханжества, поражали таких умнейших дипломатов, как Меттерних и Талейран, которые были просто изумлены тем, как способности и неимоверная воля Александра странно уживаются в его необыкновенно одаренной личности с психическими недостатками. Но за ним была сила его армии и огромные ресурсы его необъятной империи, которые принуждали их терпеть эти «бредовые недомыслия» — так их называл прозорливый и уравновешенный австрийский канцлер, в конце концов почти сумевший превратить Александра в последователя своей политики — политики западноевропейской реакции...

Павел трагически погиб именно из-за своих болезненно-нетерпимых проявлений, граничивших с сумасшествием, от которых страдали очень многие, в том числе члены его семьи, его собственная жена императрица Мария Федоровна и его оба старших сына — великие князья Александр и Константин.

Александр, одаренный, как его бабушка великая Екатерина, чуткий душою, нежный, отзывчивый, получивший демократическое — в европейском смысле это-

го слова — воспитание, конечно, не мог равнодушно наблюдать эксцессы сумасшедшего своего отца и его постоянные неоправданные преследования невинных людей. Хитрый и методичный немец граф Пален, попавший в немилость, а затем сумевший снова приблизиться к Павлу, но жаждущий отомстить за все перенесенные от царя унижения, чтобы оградить себя и своих единомышленников от кары будущего самодержца юноши Александра, умело привлек сына к заговору против отца, привлек тем, что пообещал ему сохранить жизнь больного императора. Пален показал Александру составленный им самим указ об аресте его матери императрицы Марии Федоровны, его брата Константина и его самого, указ, который несчастный Павел подписал по внушению Палена. Тот уговорил Павла, что жена и сыновья готовят против него дворцовый переворот. Доверчивый и наивный по природе наследник престола, прочитав указ, согласился на «бескровный» переворот, но взял с Палена клятвенное обещание пощадить больного отца.

Разумеется, конспираторы не могли рисковать своей собственной жизнью и оставить Павла живым. Они зверски расправились с душевнобольным императором, напав на него в спальне.

Это согласие, на которое вынудил его Пален, стало для несчастного Александра, любящего сына, воспитанного в культе отца, романтика и мистика в душе, причиной страшной травмы. Александр носил в своем сознании всю жизнь чувство, что он совершил преступление — участвовал в убийстве отца. Жестокие муки совести, несомненно, навели впечатлительного Александра на мысль о необходимом искуплении совершенного им греха. Нет ничего невероятного в том, что мысль эта развивалась, усиливалась и приняла такую тяжкую форму, как добровольное, суровое, полное аскетических подвигов и лишений отшельничество в сибирских дебрях. Именно из-за этого отречение от престола должно было быть тайным, чтобы оно не выглядело признанием вины царствующего императора в убийстве собственного отца. Это опозорило бы всю династию Рома-

новых. Нельзя тут не вспомнить, что Александр давно испытывал желание отречься от престола и перейти к частной жизни.

«Великий Князь Александр, — писала графиня Дарья Христофоровна Ливен, супруга любимца императора Павла и его военного министра графа Х. А. Ливена, — был молод, все видели, что он скорбит и терзается за других, оплакивая жертвы подозрительной тирании, которая отражалась прежде всего на нем самом».

А вот как Н. А. Энгельгардт в своей статье «Окровавленный труп» описывает в «Историческом Вестнике» (декабрь 1907 года) тот столь трагичный момент, когда только что ставший императором юноша Александр увидел обезображенное тело отца:

«Едва императрица Мария Федоровна вошла в опочивальню и увидела тело супруга, она издала громкий вопль.

Шталмейстер Муханов и доктор Роджерсон поддержали Марию Федоровну. Ее дочери, Великие Княжны, тихо плакали.

С минуту все стояли неподвижно. Страшная тишина была вокруг мертвеца. Тогда императрица стала приближаться к телу. Колени ее медленно сгибались, и она поникла, целуя маленькую, изящную, уже пожелтевшую, восковую руку императора.

— Ах, друг мой..., — могла она только промолвить вить.

Вдруг загрохотали барабаны караула, стоявшего в коридоре.

Вошли Александр и Елизавета, сопровождаемые графом Паленом и князем Платоном Зубовым.

Златокудрый юный Александр, несмотря на всю скорбь свою, приехавший из Зимнего дворца, овеянный весенним дыханием солнечного, прелестного утра, получив уже множество знаков беспредельного обожания со стороны государственных чиновников, гвардии и толпившегося на улицах радостного народа, входя в опочивальню, внес с собой струю жизни и отражение

блеска ее на нежных алых устах и в прекрасных очах своих.

Но когда он впервые увидел изуродованное лицо своего отца, с надвинутым на проломленный висок и зашибленный глаз краем шляпы, накрашенное и подмазанное и все же, несмотря на гримировку, обнаруживающее ужасные кровоподтеки, тогда юноша впервые ясно понял и представил себе, что произошло с несчастным родителем его. Пораженный, немой, побелев, как полотно, неподвижно остановился он, вперив широко раскрытый, полный ужаса взор на страшные останки самодержца.

Императрица-мать на шум обернулась к входящим. Несколько мгновений она переводила взор с сына на мертвого мужа и обратно.

Затем, отступив от тела, она сказала сыну негромко, но отчетливо, с выражением глубочайшего горя и совершенного достоинства: «Теперь вас поздравляю. Вы император».

При этих словах Император Александр рухнул без памяти, громко ударившись головой об пол.

Никто не успел поддержать его.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла под руку шталмейстера Муханова и, поддерживаемая им и графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты...»

Несомненно, это описание либо самого очевидца трагической сцены, либо сделанное со слов очевидца — чрезвычайно важно. Это рассказ о самом начале страшной психической травмы юноши-царя. Этот контраст между переживаниями радости первых весенних дней и восторга ликующей толпы и видом обезображенного трупа убитого заговорщиками отца остался в памяти Александра на всю жизнь, отравляя душу и зовя к искуплению.

Вскоре Александр встретился с Аракчеевым, который, несомненно, поведал молодому царю о том, как покойный отец взывал к нему, ожидая помощи верного ему своего бывшего любимца, и о том, как его, при-

бывшего из Новгорода, не допустил к царю всесильный заговорщик Пален. С той минуты Александр к чувству искупления присоединил и чувство глубокой признательности Аракчееву за то, что тот попытался спасти окруженного врагами несчастного императора. Отсюда понятно и всесильное влияние графа Аракчеева на Александра до самого конца его царствования.

19 сентября 1823 года Александр производил смотр войск в Брест-Литовске. Подозвав к себе одного полковника, царь велел ему подъехать ближе и, так как он плохо слышал на одно ухо, повернуть к нему боком свою лошадь (оба они были верхом). Офицер исполнил приказание царя. Но когда лошадь приблизилась к императору, она сильно ударила его подковой в левое бедро. Император, почувствовав острую боль, все же овладел собой и продолжал смотр. Вернувшись в свою резиденцию, Александр почувствовал себя хуже. Боль в бедре усилилась. Бывший при нем лейб-медик Виллье, который никогда его не покидал, предписал ему лечь в постель и поставил на ушибленное место согревающие компрессы. Пролежав несколько дней, Александр вернулся в Санкт-Петербург, где продолжал свои срочные дела. Так без особых осложнений прошел конец этого 1823 года. Хотя ушибленное бедро время от времени болело, оно не причиняло ему особых хлопот, и доктор Виллье считал, что боли скоро пройдут.

Наступило Рождество с его долгими церковными службами, а потом балами, маскарадами и приемами. Однако император чувствовал сильную усталость, сменявшую нервное возбуждение. Больше и больше им овладевали неизлечимый пессимизм, сильное желание покинуть престол и уйти в частную жизнь. Спасение находил он в долгих молитвах, простаивая часами на коленях перед иконами в своей спальне утром и вечером, перед сном. Впоследствии лейб-медик Тарасов не раз констатировал у царя большие мозоли на коленях. Эти молитвы и присутствие на церковных службах были проявлением все больше и больше овладевавшего им мистицизма.

После праздников, в начале 1824 года Александр

выехал в Царское Село, ища в уединении успокоения, которого нигде не находил. Каждое утро он изнурял себя долгими прогулками по окрестностям Царского Села на лошади или пешком в любую погоду.

Физически Александр Павлович был очень крепким человеком. С самого детства под руководством своей бабушки Екатерины Второй он воспитывался в спартанском духе. Он был хорошо сложен, владел искусством верховой езды, охотно участвовал во всех солдатских занятиях. Александр много путешествовал по России и по многим странам Европы. Он также, как мы видели, лично возглавлял все военные походы и побывал в сражениях против Наполеона, не страшась при этом оказаться под огнем. И никогда не слышали его подчиненные, чтобы жаловался он на усталость или серьезное недомогание. Очевидно, предстояла ему долгая жизнь...

В морозный день 24 января 1824 года после продолжительной прогулки пешком и верхом император вернулся в Царскосельский дворец. Он почувствовал себя весьма плохо: есть совсем не хотелось, он ощутил сильные приступы лихорадки с жестокой головной болью, тошнотой и рвотой. Александр решил немедленно вернуться в город, в Зимний дворец, где за ходом его болезни могли следить самые близкие к нему и самые авторитетные врачи.

В дороге его, с трудом сидевшего в дворцовой карете, поддерживали два адъютанта. Приехав в Зимний, Александр вызвал своего лейб-медика доктора Виллье Один из адъютантов, сопровождавших императора по дороге в столицу, описал медику состояние царя. Очень встревоженный этим рассказом, Виллье поспешил к больному царю. Определив по описанию адъютанта, что положение весьма серьезное, Виллье по пути во дворец заехал ко второму лейб-медику д-ру Тарасову и взял его с собой. Оба они тщательно осмотрели Александра и, посоветовавшись, поставили общий диагноз. Позднее д-р Тарасов записал в своих заметках: «Император Александр был очень религиозным человеком и чрезвычайно исполнительным христианином».

Врачи констатировали сильную горячку с рожистым воспалением на левой ноге. В течение трех недель состояние царя не улучшалось. Опасения медиков были настолько серьезны, что они признали необходимым издавать бюллетени о здоровье больного. Виллье страшно испугался, когда заметил начало гангрены в области рожистого воспаления. Ему едва удалось овладеть собой, чтобы скрыть серьезность положения от самого больного.

Однако пессимизм Виллье не оправдался. 8 февраля император почувствовал себя лучше, температура спала, появился аппетит. Одновременно с этим общим улучшением, омертвевшая от рожистого воспаления ткань отделилась, и рана стала заживать прямо на глазах. Скоро император мог уже вставать с постели и сидеть в кресле.

Растревоженный слухами о болезни брата, из Варшавы прибыл цесаревич Константин Павлович. Д. К. Тарасов так описывает встречу братьев: «Цесаревич в полной парадной форме польского главнокомандующего вбежал поспешно в спальню царя, упал на колени у дивана и, залившись слезами, целовал брата в губы, глаза и грудь и, наконец, склонившись к ногам императора, лежавшего на диване, стал целовать больную ногу Его Величества. Эта сцена была столь трогательна, что и я не мог удержаться от слез. Я поспешил выйти из комнаты, оставив обоих августейших братьев во взаимных объятиях и слезах».

По настоянию императрицы Марии Федоровны, несмотря на все еще болезненное состояние Александра, бракосочетание младшего брата царя великого князя Михаила Павловича с великой княгиней Еленой Павловной, дочерью принца Вюртембергского, перед миропомазанием называвшейся Фредерикой-Шарлоттой-Марией, состоялось 20 февраля 1824 года, но не в дворцовой церкви, а в комнате, смежной с кабинетом царя. Там была поставлена походная церковь, чтобы он, все еще не совсем оправившийся после болезни, мог присутствовать на церемонии. Во время брако-

сочетания император был одет в сюртук и сидел в кресле в дверях кабинета за занавесом. Дворцовая хроника отмечает все эти подробности, дополняя, что по случаю бракосочетания дочери прибыл из Германии ее отец принц Павел Вюртембергский, брат императрицы-матери Марии Федоровны. Так эта волевая и упрямая женщина пристраивала всю свою родню в России.

Молодая императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра, присутствовала на церемонии, хотя тоже была серьезно больна...

В начале марта Александр настолько окреп, что выехал на санях прогуляться по столице и осмотреть на Фонтанке только что оконченный цепной мост у Летнего сада, который он велел открыть для проезда. Собравшийся народ повсюду на улицах, по которым он проезжал, приветствовал выздоровевшего своего государя. На масленицу Александр был уже настолько здоров, что присутствовал на придворном маскараде, ежедневно стал выезжать верхом на развод гвардии и начал посещать разные общественные заведения столицы, хотя, по решению его докторов, больная нога его все еще нуждалась в перевязке.

Выздоровление Александра от столь серьезной болезни указывает на железное его здоровье и на весьма хорошее физическое состояние, сулившие ему долгую жизнь. Конечно, этим Александр был обязан тому воспитанию на европейский манер, которое дала ему его образованная и культурная бабушка, императрица Екатерина Вторая, а также своей умеренной жизни.

Как раз к этому времени возвратился из Франции генерал-адъютант князь Волконский, который во время своего пребывания на коронационных торжествах Карла X в Реймсе получил орден Св. Александра Невского. Это внимание царя уверило Волконского в том, что ему предстоит снова вступить в исполнение своей прежней службы — начальника генерального штаба. Но влияние Аракчеева на царя было так сильно, что занимавший эту должность временно генерал Дибич сохранил ее за собой.

28. ОТЪЕЗД В ТАГАНРОГ

После страшного петербургского наводнения, которое причинило столько забот и переживаний императору Александру, постигло его новое огорчение. 20-го ноября 1824 года скончался один из самых любимых генерал-адъютантов царя — командующий гвардейским корпусом Ф. П. Уваров. Лично преданный Александру, Уваров пользовался особенным доверием и привязанностью царя. С 1801 года, почти сразу после трагической кончины императора Павла, Александр назначил Уварова своим генерал-адъютантом, а вскоре после этого командующим всем гвардейским корпусом, практически вверив ему заботу о спокойствии и уверенности престола.

Историк Н. М. Карамзин 23 ноября 1824 года писал из Санкт-Петербурга своему другу И. И. Дмитриеву: «Здесь все печально и уныло... Мы здесь уже около недели и в беспокойстве о здоровье Императрицы Елизаветы Алексеевны, которая от простуды имела сильный кашель и жар. Я видел Государя в великом беспокойстве и в скорби трогательной».

Сведения о все большем распространении среди офицеров армии тайных обществ, угрожавших самому существованию государственного строя империи, еще больше усиливали пессимизм Александра. Об этом свидетельствует собственноручная записка царя, найденная позже в его бумагах: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит или, по крайней мере, разливается между войсками; что в обеих армиях и в отдельных корпусах есть по разным местам тайные общества и клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх того, большая часть разных штаб- и обер-офицеров...» Александра, несомненно, терзала мысль, что он был в прежние годы последователем этих либеральных идей и смотрел на них сквозь пальцы. Теперь же видел он, к

чему привел его собственный либерализм Россию и что теперь уже движение это невозможно остановить.

В молодости великий князь, а впоследствии император, Александр Павлович был известен и в России, и за границей как страстный покоритель женских сердец. Те, кто его знал, говорили, что любил он чувственно и даже проявлял страсть к своей весьма обаятельной сестре великой княгине Екатерине Павловне... Однако князь Адам Чарторыйский, который долгие годы был близким другом и наперсником Александра, разойдясь с ним, не без иронии писал в своих мемуарах, что «добродетель женщин, за которыми ухаживал Александр, не подвергалась решительно никакой опасности». Семейная жизнь Александра, как, впрочем, и весьма многих мужчин, слишком рано вступивших в брак, сложилась несчастливо. Властная императрица Екатерина Вторая, его бабушка, решив лишить престола сына цесаревича Павла Петровича, спешила женить внука, чтобы он мог наследовать и сесть вместо своего душевнобольного отца на русский престол. И она поспешила женить своего любимого внука «мосье Александра», как она ласково его называла, на очаровательной баденской принцессе Луизе, которая при переходе в православие была по русскому обычаю наречена великой княгиней Елизаветой Алексеевной... Ему едва исполнилось тогда 16 лет, ей же не было и пятнадцати. Екатерина с восхищением смотрела на этого красивого золотоволосого мальчика и на его молодую красавицу-жену, называя их «Амур и Психея».

Графиня Головина, неразлучная подруга юных лет Елизаветы Алексеевны и ее страстная, может быть, даже слишком страстная, обожательница пишет: «Александр любит жену, как брат, она же нуждалась в любви, подобной той, которую она сама к нему питала, если он сумел бы ее понять». Но Александр же обращался с женой по-мальчишески: трепал ее за волосы, щипал за ухо, дразнил. Установились между ними весьма сложные, даже болезненные отношения. Можно считать несомненным, что, не находя в Александре взаимности, Елизавета Алексеевна сошлась и некоторое вре-

мя жила с другом своего мужа князем Адамом Чарторыйским и что сам Александр толкал ее на эту связь. Однако скоро она оставила польского аристократа и страстно влюбилась в красивого молодого офицера Алексея Охотникова. При дворе царило убеждение, что обе ее дочери были не от Александра. Первая была дочерью Чарторыйского, походила на него лицом, вторая — Алексея Охотникова. Но любовь Елизаветы к Охотникову окончилась трагично: при выходе из театра он был убит ударом кинжала (личность убийцы так и не установлена). Елизавета Алексеевна поставила на его могиле памятник из белого мрамора — плачущая молодая женщина у сраженного бурей дуба.

С юных лет Александр искал в женщинах забвения, отдыха от сомнений и противоречий, томивших его душу. Первой и, в сущности, единственной страстной любовью Александра была очаровательная Мария Антоновна Нарышкина, урожденная княжна Святополк-Четвертинская. Известный мемуарист Вигель пишет в своих мемуарах, что она была «сверхъестественно красивая» (и тут же прибавляет про Александра: «Он — сфинкс, неразгаданный до гроба»). Писатель граф Жозеф де Местр писал о ней: «Она не Помпадур и не Монтеспан, а скорее Ла Вальер, с той разницей, что не хромает и никогда не станет кармелиткой». Однако, и эта связь не принесла Александру полного счастья. Нарышкина мучила Александра своими бесчисленными любовными приключениями, и он изнывал от ревности. Несмотря на свою страстную любовь к Марии Антоновне, в Вене Александр влюбился во вдову Багратиона и одновременно преследовал своими ухаживаниями красавицу Юлию Зичи. Адъютанты Александра зорко следили за слишком предприимчивыми поклонницами: Волконский, Уваров, Чернышев сменяли друг друга при молодом и, по их мнению, горячем императоре и ревниво оттесняли слишком, как им казалось, опасных для него поклонниц.

Однако постепенно страсть к красивым женщинам в сердце Александра сменялась увлечением мистикой, которое становилось все более и более болезненным.

В 1824 году Александра постигло большое горе: умерла его дочь от Марии Антоновны Нарышкиной — красавица Софья Нарышкина. Он все более сближался с графом Аракчеевым и архимандритом Фотием. Оба умели успокаивать Александра, когда он слышал упреки тех, кто обвинял его в трагической судьбе императора Павла... Под влиянием крайнего фанатика Фотия Александр отказался от своей либеральной политики и восстановил гонения против всех, кого считал вольнодумцами или атеистами.

Мысль отречься от своего великокняжеского титула, а позже — от престола, еще в юношеские годы часто возникала у Александра. В одном из писем к своему бывшему воспитателю швейцарцу Лагарпу великий князь Александр Павлович писал 21 февраля 1796 года: «Как часто я вспоминаю о вас и обо всем, что вы мне говорили, когда мы были вместе! Но это не могло изменить принятого мною решения отказаться со временем от своего звания. Оно с каждым днем становится для меня все более невыносимым по всему тому, что делается вокруг меня. Непостижимо, что происходит, почти не встречаешь честного человека; это ужасно.»

10 мая того же года он писал Виктору Павловичу Кочубею в длинном письме, которое передал их общему другу Гаррику, требуя, чтобы тот передал письмо лично в руки Кочубея, не через третье лицо, а если это невозможно, просто уничтожил его: «Придворная жизнь не для меня создана. Каждый день страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для такого высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал клятву себе отказаться тем или другим образом. Вот, любезный друг, важная тайна, которую я уже давно

хотел передать вам; считаю излишним просить вас не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, как дорого я мог бы за нее поплатиться. Я обдумал этот предмет со всех сторон. Надобно вам сказать, что первая мысль о нем родилась у меня прежде, чем я с вами познакомился, и что я не замедлил прийти к настоящему своему решению. В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а Империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей, возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления. Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнить его дурно. Следуя этому правилу, я и принял решение, о котором сказал вам выше.

Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно, частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы...»

О том, что Александр весьма тяготился троном, позже пишут и многие другие его современники. Очень интересны в этом отношении записки супруги императора Николая Павловича, младшего брата Александра, унаследовавшего его трон, императрицы Александры Федоровны. Она рассказывает о маневрах летом 1819 года под Красным Селом, на которых присутствовал сам Александр. Будучи доволен тем, как их провел его младший брат, Александр, сидя между ним и его супругой и дружески беседуя, вдруг переменил тон, сделался чрезвычайно серьезен и дал беседе совершенно неожиданный оборот: «Монархам, — произнес он, — для тяжелых и постоянных трудов, сопряженных с исполнением лежащих на них обязанностей, необходи-

мы сверх других качеств в нашем веке еще более, чем когда-либо, здоровье и физическая крепость, а я чувствую постоянное их ослабление и предвижу, что вскоре не буду более в состоянии исполнять эти обязанности так, как я всегда их понимал. Поэтому я считаю за долг и непреложно решился отказаться от престола, лишь только замечу по упадку своих сил, что настало тому время. Я не раз с братом Константином говорил об этом, но он, будучи одних со мною лет, в тех же семейных обстоятельствах и с врожденным сверх того отвращением к престолу решительно не хочет мне наследовать...»

Дневник императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая Павловича, мог бы многое раскрыть в тайне исчезновения или смерти мистика-царя. Была она с Александром в самых лучших отношениях и, как и императрица Елизавета Алексеевна, называла его «наш Ангел». В своем дневнике она очень много писала о нем. Этот дневник до революции находился в личной библиотеке императора Николая Второго. Великий князь Борис Владимирович говорил писателю Любимову, что он заметил, что несколько листов этого дневника были вырваны как раз после рассказа императрицы о намерении Александра отречься от престола. Все же в уцелевшем тексте находятся удивительные строки, написанные императрицей 15 августа 1826 года в Москве во время коронации. Пишет она по-немецки: «Конечно, при виде толпы, буду я думать о словах покойного государя, произнесенных им както, когда говорил он о своем отречении: "Как я буду радоваться, когда вы будете проезжать передо мной, а я из толпы, махая шапкой, буду кричать вам ура"...» Эти слова написаны Александрой Федоровной на языке, на котором произнес их Александр, т. е. на французском, на котором он говорил со своими близкими. И на пути к собору, быть может, ехавшая на коронацию Александра Федоровна с замиранием сердца вглядывалась в толпу, ища глаза, которые непременно бы сразу узнала, — глаза покойного государя. Верила ли она в его смерть? Или знала от своего супруга ту вели-

кую государственную тайну, которую бережно скрывали ото всех?

Симптоматично, что не о своем отречении говорит Александр. Это странное выражение, «потерянный в толпе», несомненно значит «никем не узнанный, принявший другой внешний облик». Что этот разговор между будущей императрицей и Александром действительно был, видно хотя бы и из того, что она записывает свои собственные мысли по-немецки, а мысли Александра — по-французски. И все же она пишет «покойного государя». Может быть, потому, что ее муж не счел возможным поведать ей семейную тайну Романовых?

С точки зрения государственного права, без официального отречения императора Александра сам Николай не мог быть признанным законным государем Российской империи. Именно поэтому, вероятно, посоветовавшись с матерью, Александр решил разыграть свою собственную смерть. Наполеон, наблюдая Александра в Тильзите во время их продолжительных вечерних встреч, как-то сказал своему советнику по русским делам графу Коленкуру: «Александр — настоящий Тальма!» Тальма же был самый знаменитый, гениальный актер Франции.

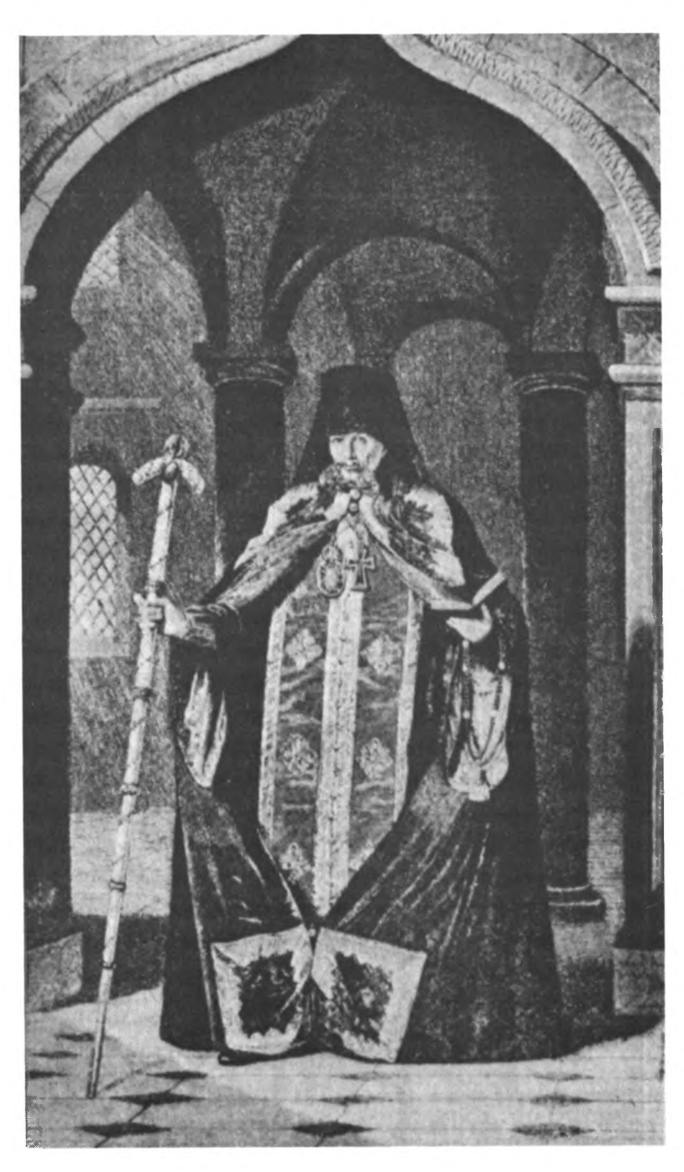
Впрочем, даже независимо от объективной исторической действительности, если предложить для оценки профессиональному психиатру эти столько раз высказанные близким ему людям мысли Александра, несомненное заключение будет, что с юношеских лет и до последних лет царствования Александр думал об отречении: престол был для него самой тяжелой проблемой всей его жизни.

В последние годы царствования настроение Александра было мрачным, мысли его вращались главным образом вокруг вопросов религии. Уже в 1818 году сказал он во время своего пребывания в Москве графине Софии Ивановне Соллогуб: «Возносясь духом к Богу, я отрешился от всех земных наслаждений. Призывая к себе на помощь религию, я приобрел то спокойствие,

тот мир душевный, который не променяю ни на какие блаженства земные...»

«Трудно изобразить состояние, в котором находился Петербург в последние годы царствования императора Александра, — пишет один современник. — Он был подернут каким-то нравственным туманом: мрачные взоры Александра, более печальные, чем суровые, отражались на самих жителях столицы... Говорили многие: "Чего ему надобно? Он стоит на высоте могущества..." Многие другие обстоятельства и некоторые семейные тяготили его душу». Последние годы жизни императора другой его современник даже назвал продолжительным затмением.

Роковое влияние оказывали на царя некоторые окружающие его крайние мистики и ближайшие сотрудники — несомненные психопаты. Таков был граф Аракчеев, который воспринял идею самого Александра о военных поселениях, но который, с присущим ему фанатизмом и узостью ума, значительно преувеличил проект царя и этим обратил его во вредную утопию. Таков же и мистик-пиетист Юнг-Штиллинг, который намеревался установить оккультную связь Александра с его покойным отцом; его психопатия доходила до того, что он считал себя перевоплотившимся Христом. К числу людей такого сорта принадлежала и баронесса Крюденер, которая внушала обвороженному ею царю, что сам Христос требует от него отречься от мирской суеты и отдаться покаянному созерцанию. Еще более опасным был знаменитый архимандрит Фотий, покоривший Александра своими болезненными бреднями. Вот, что сообщает о нем исследователь этого периода жизни императора Александра Г. Василич: «Фотий был по всем признакам, несомненно, душевнобольным человеком. После жалкого детства и семинарского школения он в 1817 году, на 25-м году жизни, был уже иеромонахом. В своей биографии, написанной им самим, но в третьем лице, Фотий пишет о себе: "В летнее время, некогда около августа месяца, после часа девятого, сел во власяном хитоне на стул, где было место моления, под образами, хотел встать и молиться Госпо-

Архимандрит Фотий
(Портрет кисти Джорджа Доу)

ду по обычаю. Но вдруг увидел он наяву четырех бесов, человекообразных, пришедших, безобразных, в сером виде, не великих по виду, и они, бегая было, все хотят его бить, но опасаются именно власяного хитона на нем и говорят они между собой: "Сей есть враг наш! Схватим его и будем бить", но ни един не смел приступить к нему и бить его. И вдруг, нечаянно наскочили на него, как волки, быстро, и один его так ощутительно ударил в грудь, что он, вскочив на ноги, от боли и страху испугался и, забыв молитву читать, вскоре на одр свой возлег и окрылся весь одеянием, дабы не видеть никого и ничего, и тако молитву, лежа, втайне сотворив вмале, весь трепетал от ужаса вражья"...»

Сблизившись с царем, Фотий, несомненно, рассказывал ему эти свои видения, искушавших и устрашавших его бесов, влияя на мистически настроенного Александра, и, хотел он того или нет, создавал в душе Александра глубокую депрессию.

Г. Василич, на основе рассказов современников-очевидцев, так описывает сближение психопата-монаха с царем: «В 1820 году через свои проповеди сблизился Фотий с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской. Эта женщина вскоре предоставила Фотию свои громадные средства и поддержала его своими сильными связями при дворе, куда он проник при ее помощи. Наконец, ему выхлопотали аудиенцию. Сам Фотий так описывает эту свою встречу с императором Александром. Шел он, «крестя стены, лестницы и коридоры, чтобы изгонять бесов, которых тьмы живут во дворце...» По его рассказу, царь «многократно просил моего благословения и целовал мою руку...» И Фотий продолжает: «Царь пал на колени перед Богом и, обратясь ко мне, сказал: «Возложи руце твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господу о мне, прости и разреши мя... После, знаменав (перекрестив, — В. Н.) главу цареву и лице, руки мои отнял; царь же поклонился мне в ноги, стоя на коленях...»

Г. Василич прибавляет: «От царя Фотий получил алмазный крест, а от императрицы Марии Федо-

ровны — золотые часы. В то же время получил Фотий назначение настоятелем новгородского Юрьева монастыря».

Архимандрит Фотий имел такое большое влияние на императора, что по его внушению Александр увольнял своих министров и упразднял даже самые министерства...

Вот один такой, весьма конкретный, случай, который поразил общественное мнение столицы и про который доносили своим правительствам иностранные послы. Однажды Фотий вступил в довольно острый спор с министром просвещения и духовных дел князем Голицыным, который был с давних лет в весьма дружеских отношениях с царем. Это произошло в доме покровительницы Фотия графини Орловой-Чесменской. Голицын был хорошо осведомлен о влиянии Фотия на царя, но все же не допускал, что Александр настолько духовно покорен этим монахом-изувером. Он высказался против суеверий и религиозных эксцессов Фотия, защищая умеренность и благоразумие христианских пастырей. Фотий, не терпевший никаких противоречий и уверенный в своем влиянии на царя, впал в страшный гнев. Министр не унимался и продолжал спорить со строптивым монахом. Фотий проклял его и предал анафеме. К удивлению Голицына, когда он явился на очередной доклад к царю, один из адъютантов объявил ему, что государь занят и не может его принять. На другой день Голицыну сообщили, что он уволен. Скоро, опять по совету Фотия, Александр уволил Голицына и с поста председателя Библейского общества и постановил расформировать само общество.

Александр готовился покинуть престол в 1823 году. 29 августа он подписал указ о престолонаследии и отречении от престола великого князя цесаревича Константина Павловича. Вот как это произошло. Царь окружил этот акт большой тайной, посвятив в свои намерения только московского архиепископа Филарета, в будущем ставшего митрополитом. Царь экстренно прибыл в Москву, велев Филарету под величайшим секретом положить подписанный указ, который показал

Митрополит московский Филарет
(С гравированного портрета Пожалостина)

ему лишь в запечатанном конверте, в алтарь Успенского собора.

Секретность этого весьма необыкновенного действия указывает на несомненное решение Александра подготовить себе заместителя и наследника в лице своего младшего брата великого князя Николая Павловича (которому, однако, не было сообщено решение Александра) и отстранить старшего после царя члена Романовской династии — цесаревича Константина Павловича.

Интересно отметить, что в роковом как для России, так и для самого Александра 1825 году, он, по свидетельству современников, по виду был здоров.

Однако, на душе у царя собирались грозовые тучи. Прежде всего, его очень беспокоила революционная активность тайных обществ в армии. Кроме полученных уже информации и донесений, незадолго до отъезда императора в Варшаву на открытие третьего польского Сейма граф Аракчеев сообщил ему о существовании Южного тайного общества, главные руководители которого входили в состав Второй армии и поставили себе целью ликвидировать монархию в России и убить Александра во время его поездки на юг России, в Крым или на Кавказ.

Тайный этот донос был прислан Аракчееву унтерофицером 3-го Украинского полка Шервудом. Аракчеев тайно вызвал его в свое имение Грузино, где подробно расспросил о готовящейся на юге акции. Аракчеев счел донесение Шервуда столь важным, что взял доносчика с собой в Петербург и представил императору, перед которым тот повторил свои показания. Александр выслушал Шервуда с большим вниманием и тут же приказал Аракчееву снабдить его всеми необходимыми средствами, чтобы он мог обнаружить всех злоумышленников. Полученные от Шервуда сведения заставили Александра отменить смотр войск Второй армии у Белой Церкви — смотр, где заговорщики намечали убийство императора и объявление России республикой. По той же причине император, посетив Поль-

шу, не поехал на юг России, а поспешил вернуться в Петербург через Ковно, Ригу и Ревель.

В столице Александр получил очень тревожный доклад лейб-медика Виллье. Консилиум лечивших императрицу врачей признал, что Елизавете Алексеевне необходимо удалиться из холодного и влажного климата Санкт-Петербурга на юг, в Крым. Виллье сказал царю, что после последней простуды у нее возник интенсивный туберкулезный процесс в легких и что теплый климат ей абсолютно необходим. На вопрос Александра, опасно ли это для ее жизни, лейб-медик ответил, что вряд ли удастся ее спасти и что она даже не сможет протянуть до конца зимы. После совещания с ним, с Тарасовым, Волконским и Дибичем Александр решил отправить тяжелобольную жену в Таганрог, куда он сам рассчитывал приехать вскоре, чтобы жить с ней в этом городе. Странно, что Виллье и царь остановились именно на Таганроге, климат которого совсем не подходит для такого рода больных. Известно, что Таганрогский залив зимой покрывается льдом и что там дуют сильные ветры. Не предопределило ли выбор города такое рассуждение: отсюда легко перебраться в Крым, на Кавказ и даже в Сибирь или в Турцию.

Незадолго до отъезда в Таганрог император поручил князю Голицыну привести в порядок бумаги в царском кабинете в Зимнем дворце. Сам по себе этот факт весьма знаменателен: значит, царь не надеялся на скорое возвращение или, может быть, вовсе не собирался возвращаться... Голицын вспоминает по этому поводу весьма симптоматичный последний разговор: «...Изъявляя свою непременную надежду, что государь возвратится из Таганрога в полном здравии, осмелился, однако, заметить, что неудобно оставлять акты, изменяющие порядок наследования престола, необнародованными при продолжительном отсутствии...» Конечно, Голицын напоминал царю о тайном отречении великого князя Константина и о назначении наследником престола их младшего брата великого князя Николая Павловича.

Александр сперва был поражен правильностью замечания Голицына, но потом задумался и ответил: «Оставим это Господу. Он лучше нас, простых смертных, сумеет решить все это...» Прибавлю, что и этот ответ царя не менее симптоматичен. Видимо, сам император еще не принял окончательного решения и продолжал колебаться — остаться на престоле или отказаться от власти и удалиться в частную жизнь.

Н. М. Карамзин тоже имел последний разговор с Александром за несколько дней до отъезда царя в Таганрог. «Государь, — сказал ему автор "Истории Государства Российского", — вам ничего нельзя откладывать, а вам еще столько дел остается закончить, чтобы конец вашего царства был бы такой же славный, как и его начало...» И Карамзин добавляет: «Движением головы в знак согласия и милой улыбкой он ответил на мой вопрос, добавив: "Да, я непременно закончу все и прежде всего дам основные законы России".» Это, конечно, не означало, что Александр собирался дать России конституцию.

Одновременно Александр назначил князя Волконского сопровождать в Таганрог императрицу Елизавету Алексеевну, а из своей свиты взял с собой лишь двух верных ему людей — генерала Дибича и лейб-медика Виллье.

Итак, императрица Елизавета Алексеевна отбыла в Таганрог раньше своего супруга, а именно, 15 сентября 1825 года.

Все эти обстоятельства, — как самый выбор Таганрога, так и ограниченность круга сопровождающих императрицу и императора, — весьма странны.

За два дня до отъезда государь отправился на молебствие в Александро-Невскую Лавру в сопровождении великих князей Николая и Михаила Павловичей и высших государственных сановников. В Лавре его ожидало все высшее духовенство столицы. После литургии государь пошел завтракать к митрополиту Серафиму и здесь, отозвав его в сторону, сказал шепотом:

— Прошу вас отслужить для меня одного завтра

панихиду, которую желаю отслушать перед отъездом в южные губернии.

— Панихиду? — спросил удивленный митрополит.

— Да, — ответил государь и тяжело вздохнул. — Отправляясь куда-либо, я обыкновенно приношу молитву в Казанском соборе, но настоящее мое путешествие не похоже на прежние... И к тому же здесь почивают мои малолетние дочери и вблизи отсюда столь же дорогая мне... Да будет мой путь под покровом этих ангелов...

«Было ли то грустное предчувствие, навеянное встречей со схимником, или твердая решимость не возвращаться императором? Кто может решить этот загадочный вопрос?» — так заканчивает сцену последнего расставания императора Александра Павловича с его столицей историк Н. К. Шильдер. Не правдоподобнее ли последнее предположение историка-специалиста царствования Александра Первого?

Комментируя неожиданный и секретный отъезд императора из Санкт-Петербурга в Таганрог, супруга министра иностранных дел графиня М. Д. Нессельроде 2 декабря 1825 года писала графу Н. Д. Гурьеру: «Случились странные вещи... Самое примечательное то, что обыкновенно перед отъездом Государя богослужение совершалось в Казанском соборе, на этот раз оно происходило в Невской Лавре, между четырьмя и пятью часами утра; там он молился с жаром и со слезами. Ко дню Св. Александра он всегда делал какой-либо дар монастырю: в этот раз он пожертвовал на целый год свечей, ладана и масла...» Этот символичный дар, сделанный как будто на панихиду, удивил даже духовенство. О нем сообщает московскому митрополиту Филарету ревельский епископ Григорий, замечая, что теперь остается только молиться Богу, но не уточняя — за здравие или за упокой.

Никто хоронить императора Александра не собирался: был он еще в расцвете сил, и ему шел только сорок восьмой год. Правда, волосы его поредели, и стал он немного сутуловатый, но все еще сохранял привле-

кательность человека, едва входящего в зрелый возраст.

Выехал император Александр из своей резиденции Каменноостровского дворца на самой заре, в четыре часа утра. Ехал он один, без свиты и даже без дежурных охранников, в экипаже, который вел его любимый кучер Илья Байков. Впоследствии вспоминал Байков, что велел государь остановиться на Троицком мосту, перекрестился на крепостной собор Петра и Павла и затем долго любовался Зимним дворцом и набережной Невы.

— Какой великолепный вид и какое прекрасное здание! — сказал царь своему кучеру Илье. — Видел ли ты комету? — спросил его еще император.

— Видел, государь.

— Знаешь, что она предвещает?

— Бедствие и горесть.

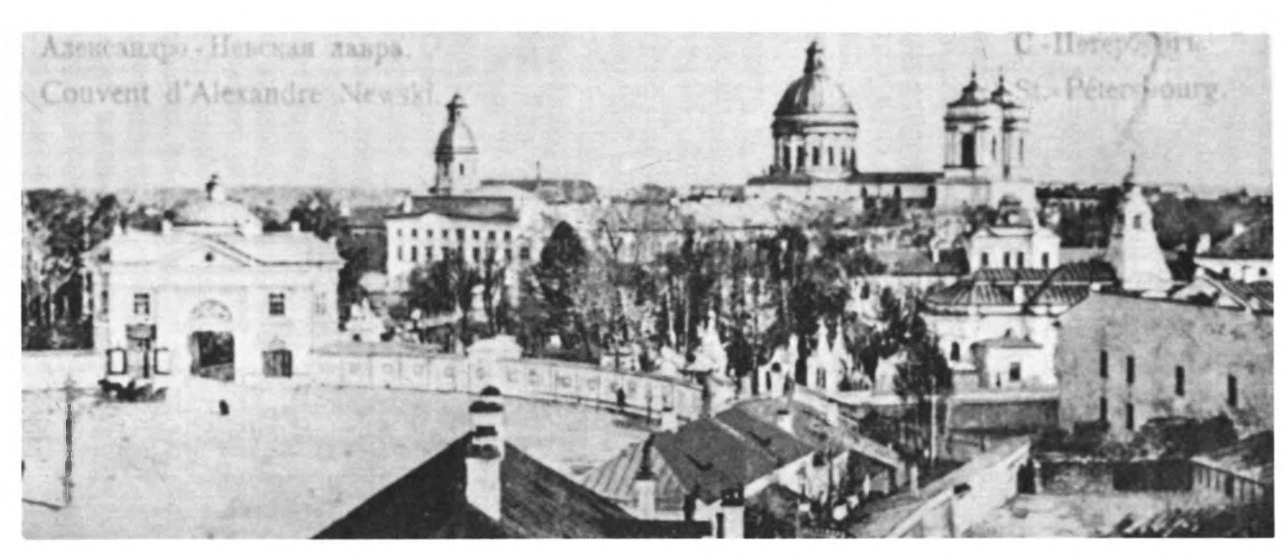
Потом, помолчав, государь заключил:

— Так Богу угодно.

Нужно заметить, что эти последние слова часто повторял Федор Кузмич.

В Петербурге с 1 сентября до 1 ноября 1825 года была видна темная комета, лучи которой были видны на большом пространстве. Потом заметили, что она летала и лучи ее простирались к западу. Именно об этой комете говорил царь со своим кучером.

Александр прибыл в Невскую Лавру точно в четыре с половиной утра. У входа Лавры ожидал его санкт-петербургский митрополит Серафим во главе монастырской братии. Он благословил государя, поднес ему крест и окропил его святой водой. Велев запереть все ворота Лавры, государь вошел в собор, предшествуемый митрополитом и соборными старцами. Толпившиеся около государя монахи заметили, что был он без шпаги (впрочем, выезжая из столицы, император издал приказ, чтобы по пути его в Таганрог не было в его честь полагающихся военных смотров). Шествие подошло к раке Св. Александра Невского, и царь остановился против самой раки, стал на колени и усердно

Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге
(Фотография начала XX века)

молился в продолжение всей службы. Монахи видели, как слезы текли по лицу царя.

Монахи рассказывали прибывавшим в Лавру богомольцам, число которых сильно возросло, когда по городу разнесся слух о ночной службе, что после молебствия император посетил пребывавшего в Лавре схимника Алексия. Про него говорили, что у него дар прозрения и ясновидения и что спит он не в постели, как все остальные монахи, а в черном гробу — для обуздания плоти и подготовки к смерти. Неизвестно, какие мысли приходили в голову царю во время его продолжительной беседы со схимником Лавры, однако, можно смело себе вообразить, зная настроение царя в эти дни, что вид черного гроба, в котором спал этот отрекшийся от радостей жизни человек, служил царю тяжелым предчувствием и нерадостным предзнаменованием грядущего.

Стоит напомнить, что накануне отъезда из Петербурга посетил Александр Павловск, где жила его мать, властная и упрямая императрица Мария Федоровна, без согласия которой ничего не предпринималось в жизни императорской фамилии. Они несколько часов говорили наедине — не только без кого-либо из придворных, но даже без слуг. Потом придворные императрицы-матери вспоминали, что после этой тайной беседы Александр долго гулял по осеннему парку, ни с кем не разговаривал и, исполненный грусти, словно прощался с Павловском.

Вовсе не исключено, что Александр открыл матери свои тайные намерения отказаться от престола, но мы можем об этом только гадать. Вряд ли, однако, он посвятил ее во все подробности своих планов. Во-первых, Александр, будучи очень скрытным в своих намерениях, не рискнул бы пойти на открытый конфликт с матерью, если бы она не одобрила решение сына. Во-вторых, он даже не доверил ей договор между ним и его братом Константином об отречении.

Позднее во всем городе и даже при дворе люди спорили между собой: что это была за служба. «Панихида», — говорили одни. «По ком и по какому слу-

чаю?» — спрашивали их. «Молебен», — считали другие. «Конечно, молебен за здравие государя и за благополучие его путешествия», — утверждали третьи. «Но почему в этом храме и в этот ранний час? И почему присутствовали только монахи?» — спорили с ними оппоненты. Так и не знали в столице, что это была за служба в Невской Лавре, на которой, покидая столицу, присутствовал государь, один и без свиты.

29. ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТАГАНРОГЕ?

По официальной правительственной версии, император Александр отбыл из Санкт-Петербурга в Таганрог 15 сентября 1825 года, через два дня после таинственного молебна в Александро-Невской Лавре. Ехал царь в коляске, и сопровождали его только два человека: генерал-адъютант Дибич и лейб-медик д-р Виллье. Их вез кучер императора, преданный царю Илья Байков. Прибыли они в Таганрог 26 сентября, но император явился в резиденцию императрицы, где он и остановился окончательно, лишь 5 октября. Уже после того, как официально будет объявлено о смерти царя, появятся сообщения, что в первые дни по приезде император посетил схимника, позже канонизированного, преподобного Серафима Саровского, подвижничество и святость которого славились по всей Руси. Говорили, что Александр несколько часов провел с ним в душеспасительной беседе, но никто никогда не узнал о содержании их беседы. Один художник-современник нарисовал даже картину, где царь изображен во время разговора со святым старцем. Рассказывали, что в 1836 году — в год смерти Серафима Саровского — в Красноуфимске появился отшельник по имени Феодор Кузмич, который будто бы жил несколько лет послушником при старце и которого многие современники, знавшие его, отождествляли с бывшим императором Александром Благословенным.

Преподобный Серафим Саровский

О своем прибытии в Таганрог император Александр писал Аракчееву еще 28 сентября следующее: «Благодарю Бога, я достиг моего назначения, любезный Алексей Андреевич, весьма благополучно и, могу сказать, даже приятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. В Чугуеве я налюбовался успехами в построениях. О фронтовой части не могу ничего сказать, ибо кроме развода и пешего смотра поселенных и пеших эскадронов и кантонистов, я ничего не видел. Здесь мое помещение мне нравится. Воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее; впрочем, надеюсь, что сам увидишь».

Но едва император отправил это письмо, как в Таганроге было получено известие о трагичном происшествии в имении графа Аракчеева Грузине. 22 сентября дворовые люди зверски убили домоуправительницу Аракчеева цыганку Настасью Минкину, которая 25 лет была его любовницей. Всего два дня спустя после этой трагедии, 24 сентября, убитый горем Аракчеев писал императору Александру: «Случившееся со мною несчастие, потеря верного друга, жившего у меня в доме 25 лет, здоровье и рассудок мой так расстроило и ослабило, что я одной смерти себе желаю и ищу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшего тебе слугу! Друга моего зарезали ночью, и я не знаю еще, куда осиротевшую свою голову преклоню, но отсюда уеду».

Аракчеев так обезумел от пережитой им трагедии, что, несмотря на свою преданность императору, самовольно сложил в себя все свои обязанности. Командование военными поселениями он передал своему помощнику генералу Эйлеру, а вверенные ему гражданские дела — статс-секретарю Муравьеву.

Письмо Аракчеева — по свидетельству Дибича — крайне огорчило и встревожило Александра, который полагал, что «убийство это совершено в Грузине из ненависти к графу Аракчееву, с целью удалить его от дел...» Александр ответил своему любимцу немедленно. Его письмо раскрывает их очень близкие отноше-

ния и свидетельствует о громадном влиянии временщика на царя. Оно также позволяет заключить, что у императора еще не созрела мысль об отречении от престола. Он все еще колебался, не зная, как и когда осуществить свое намерение, и не выждать ли неминуемой смерти жены. Виллье и Тарасов в один голос твердили, что дни императрицы Елизаветы Алексеевны сочтены.

2 октября Александр писал Аракчееву: «Твое положение, твоя печаль крайне меня поразили. Это даже отразилось на моем здоровье... Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил. Место здесь уединенное. Будешь ты жить, как ты сам решишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать, необходима, а с отечеством и я неразлучен. Ты мне необходим...»

Здоровье императора было столь цветущим, что 23 октября он отправился на несколько дней в Землю Войска Донского и посетил Новочеркасск, Аксайскую станицу и Нахичевань. 27 октября он благополучно возвратился в Таганрог. А состояние императрицы, по мнению докторов, становилось все хуже и хуже.

Между тем, из южных военных поселений прибыл с важным докладом генерал граф Витт. Он осведомил царя о последних замыслах членов южных тайных обществ и вручил ему подробный список руководителей этих организаций. Александр выслушал Витта с большим вниманием, похвалил его и приказал продолжать секретное расследование деятельности тайных обществ. Однако, особенного беспокойства царь не проявил и не распорядился об арестах и увольнениях. Очевидно, был он занят другими мыслями.

8 ноября, взяв с собою только генерала Дибича, Александр отбыл в Крым. Он не счел необходимым взять в это путешествие лейб-медика Виллье и оставил его со своей больной супругой, что ясно говорит о весьма удовлетворительном состоянии его здоровья. Во время поездки по южному берегу Черного моря импе-

ратору особенно понравилось местоположение Ореанды, с ее живописными видами и южной растительностью. Александр купил ее и сказал Дибичу, что хочет построить здесь для себя дворец с прекрасным парком до самого моря. «Я скоро переселюсь в Крым, — сказал он Дибичу, — и буду жить в Ореанде как частное лицо... Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок позволят выйти в отставку». Царь чувствовал себя так хорошо, что, приближаясь к Севастополю, в 6 часов вечера ехал верхом, без шинели, в одном мундире и так прибыл в греческий монастырь Св. Георгия. К 8 часам вечера Александр был в Севастополе. Однако, здесь почувствовал он себя несколько усталым и, против своего обыкновения, отказался от приготовленного для него ужина, удалившись в свой кабинет. На следующий день он, несмотря на известное нерасположение, произвел смотр флота, инспектировал укрепления и посетил госпиталь и морские казармы. Конечно, все это утомило его, и в Бахчисарае, где его встретил д-р Виллье, Александр признался, что уже несколько дней страдает расстройством желудка.

12 ноября в Мариуполе поздно вечером (по официальной версии царь был уже серьезно болен) он потребовал к себе д-ра Виллье, который, по словам его коллеги д-ра Тарасова, поставил диагноз «полного развития сильного лихорадочного пароксизма». Сам Виллье, впрочем, никакого акта или письменного диагноза не составил. Тарасов также записал это по памяти, гораздо позднее. Это, в сущности, первый пробел, необъяснимый для столь методичного и пунктуального медика, и особенно странный при констатации опасного положения самого императора. Тут приходит на ум такая мысль. Установив, что царь серьезно болен, лейб-медик, конечно же, обязан был предупредить об этом императрицу Марию Федоровну и цесаревича Константина Павловича. Но ни он, ни д-р Тарасов этого не сделали. Почему? Ответ может быть только один: сам император не хотел еще привлекать к себе внимание императорской фамилии и правительства. Очевидно, у Александра, как и у его окружения, были для этого

Лейб-медик Я. В. Виллье —
друг Александра и один из главных организаторов
его ухода от власти
(Современный портрет)

весьма серьезные причины. Странное поведение самого Александра и его сопровождающих заставляет усомниться: а был ли царь действительно болен? Или, может быть, его болезнь служила прикрытием чего-то другого? Об описанной позже двенадцатичасовой мучительной агонии также никому не было сообщено. Ни Дибич, ни князь Волконский, весьма опытные и умные администраторы, также не сочли нужным уведомить наследника престола цесаревича Константина о начавшейся агонии императора — обстоятельство совершенно необъяснимое.

Дальше, гласит официальная правительственная версия, события развивались так: 20 ноября Виллье, наконец, поставил диагноз: "Febris gastrica biliosa", т. е. желчное воспаление желудка. Очевидно, лишь задним числом была составлена д-ром Виллье история болезни императора, которая именно из-за этого обстоятельства кажется весьма искусственной. 16 ноября император потребовал к себе Виллье, который нашел у больного «полное развитие сильного лихорадочного пароксизма». 17 ноября больной император возвратился в Таганрог. Д-р Виллье записал в своей памятной книжке: «Ночь была плохой. Отказывается принимать лекарства. Я в отчаянии. Боюсь, что это упрямство может иметь плохие последствия сегодня-завтра»... 20 ноября Виллье определил окончательный диагноз: «желчное воспаление желудка». 22 ноября Виллье пишет: «С 20 ноября я заметил, что его что-то занимает больше и мучит его ум, чем его выздоровление. Сегодня он хуже». Действительно, императора смущают сведения о заговоре. 22 ноября царь приказал Дибичу отправить полковника лейб-гвардии казачьего полка Николаева в Харьков помогать Шервуду в его розысках. 23 ноября Виллье записывает: «Когда я говорю, что необходимо пустить кровь и дать слабительное, он бесится и не благоволит даже разговаривать со мной...» Запись 24-го ноября: «Нет человеческой силы, которая смогла бы заставить этого человека быть разумным... Я чувствую себя очень несчастным...»

26 ноября Виллье с горестью констатирует: «Все

очень плохо, несмотря на то, что у него нет бреда... Я хотел ему дать питье, но, по своему обыкновению, он ответил отказом... "Убирайтесь вон", — сказал он мне. Я заплакал, и, видя это, он сказал: "Дорогой друг, надеюсь, вы на меня не сердитесь за это... У меня для этого есть причины"...»

27-го, как пишет автор официальной версии, «Государь исповедовался у протоиерея Федотова и причастился Св. Таинств, после того как в присутствии императрицы Елизаветы Алексеевны д-р Виллье объявил о скорой его кончине...».

Здесь, однако, об этой предполагаемой исповеди и утверждений официальной версии, что «священник умолял императора исполнять предписания врачей и что император согласился...», должен я упомянуть рассказ самого протоиерея Федотова, сообщенный полковнику Соломке. Вот этот знаменательный рассказ в изложении Соломки: «Дом протоиерея Федотова находился близ «дворца», — как жители Таганрога называли десятикомнатное одноэтажное здание, где пребывали император Александр и императрица Елизавета Алексеевна. Когда отец Федотов проходил мимо этой резиденции императорской четы, вдруг неожиданно с крыльца спустился к нему генерал Дибич: «Батюшка, — сказал протоиерею генерал Дибич, — Государь опасно болен, нужно немедленно его исповедать и приобщить...»

Священник немедленно отправился за Св. Дарами и весьма скоро возвратился. Тот же Дибич сразу провел его в опочивальню царя. Громадная эта комната была разделена перегородкой. В комнате было почти темно, светилась только одна лампадка перед иконами...

Генерал Дибич провел священника за перегородку. Там стояла кровать, на которой лежал какой-то человек, лицо которого священник даже не мог рассмотреть из-за темноты. Отец Федотов на скорую руку исповедал и причастил этого человека и вышел из опочивальни. Его проводил на улицу тот же генерал Дибич. Священник был очень удивлен обстоятельством, что во дворце не встретил он ни одного человека, как и никто, кроме генерала Дибича, не был при ложе того, кого

он называл императором Александром. На вопрос полковника Соломки, был ли этот человек действительно император Александр, отец Федотов ответил, что он никак в этом не уверен, так как даже не смог различить его лица и еле слышал его голос...

Приведенное подлинное свидетельство об исповеди и причащении «какого-то человека» явно противоречит официальные версии, по которой протоиерей Федотов уговаривал больного императора исполнять предписания врачей.

История эта в некоторой степени приподнимает — хотя и весьма маленький — краешек завесы. Император Александр, как мы много раз убедительно доказали, был крайне религиозным человеком. Он, конечно, вряд ли согласился бы на святотатственную исповедь. Но он, безусловно, нуждался в исповеди и причастии, с намерением начать свой подвиг искупления, покинуть престол и уйти в частную жизнь, чтобы по внушению или по совету старцев-схимников, с которыми он не раз продолжительно совещался, этим подвигом искупить свое участие в заговоре против своего отца, несчастного императора Павла, хотя он стремился лишь к его низложению, а не убийству...

И если хоть одно обстоятельство указывает на явное намерение умереть в глазах общества, подозрительными становятся и все остальные. Они лишь доказывают тесное сотрудничество этих самых близких к императору людей, членов его свиты, с ним самим, во исполнение его царской воли, которая как для Волконского и Дибича, так и для лейб-медиков докторов Виллье и Тарасова была священным долгом и целью их жизни.

Тот же полковник Соломка рассказал Е. С. Арзамасцеву, а последний — С. Ф. Хромову и И. Г. Чистякову, следующее:

«30 ноября 1825 года, поздно вечером, когда уже стемнело, Государь призвал меня и приказал мне оседлать трех лошадей. Когда лошади были оседланы, Государь Александр Павлович сел на одну из них, а на остальные две приказал сесть генералу Дибичу и мне.

Втроем поехали мы за город и отъехали верст семь. Тогда Государь остановился, сердечно попрощался с генералом Дибичем и со мной, велел нам вернуться назад и строго приказал никому ничего не говорить. Сам же он, пришпорив коня, быстро поскакал вперед и скрылся в темноте».

Следует заметить, что упомянутый выше Иван Григорьевич Чистяков, который записал эту странную, но весьма возможную историю, был по рангу статским советником и много лет занимал пост управляющего отделениями Государственного банка в Томске и Красноярске.

Несомненно, важен в данном случае факт, что указание полковника Соломки на сильное разложение тела находившегося в гробу человека находит себе подтверждение и в «Истории императора Александра Первого» Шильдера, а также и в статье великого князя Николая Михайловича. Прибавлю, что даже такой первостепенный историк, как Н. К. Шильдер, никогда не решался оспаривать, что под именем старца Феодора Кузмича скрывался сам император Александр Первый.

Но вернемся к официальной версии. «В четверг 1 декабря 1825 года в 10 часов 50 минут, — твердит протокол, — великий монарх испустил последний вздох. Императрица Елизавета Алексеевна, не отходившая от августейшего больного, закрыла глаза его и, сложивши свой платок, подвязала ему подбородок, а затем удалилась в свои покои...»

Между тем, генерал Дибич послал извещение о смерти императора в Варшаву, великому князю цесаревичу Константину Павловичу, который по закону являлся наследником престола, так как никто в России, кроме митрополита Филарета Московского, графа Аракчеева, князя Голицына и самого цесаревича Константина, не знал об отречении Константина и о тайном объявлении великого князя Николая Павловича, младшего брата Александра и Константина, наследником в секретном акте, находящемся в алтаре Успенского Собора еще с 14 февраля 1822 года.

В Санкт-Петербург известие пришло еще позднее.

Там знали только о тяжелой болезни Александра. И как раз 9 декабря во время торжественного молебствия в большой церкви Зимнего дворца за скорое выздоровление царя пришло известие о его смерти.

Великий князь Николай Павлович тотчас же присягнул императору Константину Павловичу и, поцеловав золотой крест, поднесенный ему митрополитом Серафимом, подписал присяжный лист. В письмах, посланных императрице-матери Марии Федоровне и своему младшему брату Николаю Павловичу из Варшавы, Константин, раскрывая тайну своего отречения, признал законным императором Николая Павловича, целовал крест и присягнул своему младшему брату. С тех пор между двумя братьями началась неслыханная и беспрецедентная в мировой истории борьба «не о возобладании императорской властью, а об отречении от нее...» Странное это междуцарствие окончилось лишь 26 декабря вступлением на престол императора Николая Первого.

В Вене канцлер императора Франца князь Меттерних, весьма хорошо осведомленный о русских событиях, бросил крылатую фразу: «Или я очень ошибаюсь, или история России начнется там, где только что окончился роман».

Тем временем в Таганроге 2 декабря происходило вскрытие и бальзамирование тела императора Александра. Знаменательно, что вскрытие с точностью — скажу даже, со слишком большой точностью — подтвердило все, сказанное во время болезни и предполагаемой смерти царя. «О, если бы он был сговорчив и послушен, — театрально восклицает Виллье, отмечая это в своих записках, — эта операция не имела бы места теперь...»

Заслуживает особого внимания личный медик Александра и один из самых близких к нему людей именно из-за его слишком настоятельного стремления доказать, что император Александр Павлович **действительно** умер в Таганроге, когда в этом еще не было никакой надобности, так как в 1825 году все при дворе были убеждены, что прибывший из Таганрога в Санкт-

Петербург гроб императора, хотя и закрытый, против русского обычая, особенно при царских погребениях — содержал останки Александра. Этот официальный придворный лекарь оставил слишком обстоятельное описание смерти государя в Таганроге, пытаясь внушить современникам, что именно его тело находилось в привезенном в столицу гробу, который был открыт лишь во дворце перед императрицей Марией Федоровной и членами императорской фамилии, причем императрица заявила: «Да, это действительно мой сын... мой Александр...»

Барон Яков Васильевич Виллье (1765—1854) был уроженцем Шотландии и учился медицинским наукам в университете Эдинбургском и Абердинском, получив диплом доктора, специалиста по хирургии. Приехал он в Россию еще при императрице Екатерине в 1790 году и сразу был назначен полковым врачом. В 1799 году он излечил весьма удачно Аракчеева и, рекомендованный им императору Павлу, был назначен лейб-хирургом при дворе.

Виллье особенно сблизился с императором Александром и после его воцарения стал главным врачом. Он пользовался необыкновенным доверием Александра и неотлучно находился при нем, сопровождая его во всех его походах и поездках в России и за границей. Уже в 1809 году Александр назначил Виллье президентом Медико-хирургической академии. Положение свое сохранил Виллье и после смерти Александра. Николай Первый сделал его главным инспектором всего медицинского управления Империи.

Виллье был необыкновенно богатым человеком и свое состояние оставил Медицинско-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Конечно, нажил он это громадное состояние не медицинской практикой. Оклады лейб-медиков были, как известно, весьма скромными. Из Англии он ничего не привез с собой. Даже свой титул баронета получил он по настоятельному ходатайству Александра перед лондонским двором.

Второй лейб-медик — Димитрий Климентьевич Тарасов был сыном бедного сельского священника и

тоже капитала своей практикой нажить не мог. Но и он оставил после себя значительное богатство и недвижимость. Очевидно, громадные состояния обоих, как, впрочем, и других близких к царю в Таганроге членов его свиты, — результат личного дара Александра.

В Государственном Императорском архиве, разряде 3, под номером 29 содержится следующий протокол, составленный лейб-медиком бароном Виллье, подписанный девятью докторами и засвидетельствованный генерал-адъютантом Чернышевым, прибывшим в Таганрог незадолго до кончины императора Александра: «Сие анатомическое исследование очевидно доказывает, что августейший наш Монарх был одержим острою болезнею, коею первоначально была поражена печень и прочие органы, служащие к отделению желчи; болезнь сия в продолжении своем постепенно перешла в жестокую горячку с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга и было, наконец, причиною смерти Е. И. Величества».

Весьма странно, что тело покойного императора — если это вообще было его тело, — вопреки русскому православному обычаю, было положено в герметически закрытый гроб и из дворца перенесено в греческий Александровский монастырь, где монахи отслужили торжественную панихиду по почившем, но, к их удивлению, опять у закрытого гроба, даже без исполнения обряда последнего целования, соблюдаемого в православной церкви. Объясняли это тем, что неопытность в бальзамировании медиков, употребивших низкокачественный спирт (другого в Таганроге и не было!), привела к тому, что тело покойного императора стало просто неузнаваемым, особенно из-за наступившего скорого процесса разложения.

Но было ли это действительно тело императора Александра? Начались нескончаемые толки не только в Таганроге, но по всей России, в особенности в обеих столицах — Москве и Санкт-Петербурге.

Историк Н. К. Шильдер пишет, что «возвращаясь

15 ноября из Крыма в Таганрог, уже больной император Александр, не доезжая до Орехова, встретил едущего из Санкт-Петербурга с бумагами фельдъегеря Маскова. Приняв бумаги, Государь приказал Маскову ехать за ним по направлению к Таганрогу. По неосторожности ямщика на каком-то крутом повороте Масков был выброшен из перекладной и, ударившись головой о камень, тут же скончался. Император, будучи случайным свидетелем этого происшествия, приказал врачу Тарасову оказать немедленную помощь пострадавшему, однако помощь оказалась излишней, Масков был уже мертвым». Шильдер подробно описывает весь этот эпизод, дополняя свой рассказ выдержкой из записок лейб-медика Тарасова. «Выслушав мое донесение, — пишет доктор Тарасов, — Государь встал с места и в слезах сказал: «Какое несчастие. Очень жаль этого человека». Потом, оборотясь к столу, позвонил в колокольчик, а я вышел. При этом я не мог не заметить в чертах его лица, хорошо изученного мною в продолжение многих лет, необыкновенное болезненное выражение. Оно представляло что-то тревожное и вместе с тем болезненное, выражение чувства лихорадочного озноба...»

В своих беседах с великим князем Николаем Михайловичем Н. К. Шильдер неоднократно останавливался на этом случае и обращал внимание великого князя на записки Тарасова. После ряда усилий в поисках кого-либо из потомков погибшего фельдъегеря Маскова Шильдеру удалось напасть на след профессора химии в Петербургском институте Аполлона Аполлоновича Курбатова. Великий князь Николай Михайлович в 1902 году, вскоре после кончины Шильдера, лично пригласил к себе профессора Курбатова, и вот что сам Курбатов, который приходился по матери внуком Маскова, передал великому князю, убежденному противнику взглядов, что император Александр не умер в Таганроге: «У них в семье сложилось не то убеждение, не то предположение, будто бы дед их Масков похоронен в Петропавловском соборе вместо императора Александра Первого, и это семейное предание у

Масковых было известно также и самому профессору Курбатову».

Для беспристрастного историка весьма важным является обстоятельство, что такое предание могло существовать в безусловно интеллигентной семье и что сам профессор Курбатов допускал его достоверность. Впрочем, оно хранилось в этой семье в строгой тайне и, по вполне понятной причине, его оглашения избегали. Интересно, что дети Маскова получили от правительства крупную сумму денег, которая им была дана по личному распоряжению императора Николая Павловича. Это и позволило всем им получить высшее образование.

В числе лиц, не веривших в кончину императора Александра в Таганроге, был и его лейб-медик доктор Димитрий Климентьевич Тарасов, который находился при императоре Александре вплоть до 2 декабря 1825 года, дня его предполагаемой смерти, и был одним из девяти врачей, подписавших протокол вскрытия тела царя. Однако, д-р Тарасов никогда не служил панихид по Александру, хотя боготворил его, до самого 1864 года, когда узнал, что в Сибири скончался известный старец Федор Кузмич, которого многие еще при его жизни считали ушедшим в частную жизнь императором Александром. Замечательно, что бывший его лейб-медик после 1864 года начал ежегодно в день смерти Федора Кузмича в Сибири служить панихиды по императору, и доктор Тарасов никогда не отслуживал эти панихиды в Петропавловском соборе, что было бы нормально, так как именно там находился гроб Александра, а либо в Казанском соборе, либо в какой-нибудь другой столичной церкви. Видимо, он не только не верил, что император Александр умер в Таганроге, а знал, что в гробу или было тело какого-то другого человека, или этот гроб был просто пуст.

Вот какой факт сообщает Лев Любимов в книге «Тайна императора Александра Первого» со слов графини А. И. Шуваловой, дочери министра императорского двора при Александре Третьем графа И. И. Воронцова-Дашкова. «Как-то раз — это было в конце

восьмидесятых годов, — рассказывает графиня Шувалова, — отец мой вернулся с большим опозданием домой и чрезвычайно взволнованный. Он сказал маме и мне, что вместе с Государем (императором Александром Третьим) был он в Петропавловском соборе, так как Государь решил вскрыть гробницу Александра Первого. Присутствие отца было необходимо, ибо ключи от царских усыпальниц хранились у него, как министра двора. При самом вскрытии, после удаления присутствующих, кроме Императора и его самого, было лишь четыре солдата золотой роты, поднявших крышку гроба. Гроб оказался пустым».

...Итак, 10 января 1826 года траурная процессия двинулась из Таганрога через Харьков, Курск, Орел, Тулу и прибыла в Москву. На козлах траурной колесницы сидел лейб-кучер покойного государя Илья Байков. Всем же шествием, по желанию императрицы Елизаветы Алексеевны, руководил генерал-адъютант граф Орлов-Денисов. В Москву гроб прибыл 15 февраля и был поставлен в Архангельском соборе, посреди гробниц русских царей. На другой день траурная процессия направилась через Тверь и Новгород к Петербургу. Императрица Мария Федоровна встретила гроб 26 февраля в Тосне. Виллье послан был императором Николаем Павловичем, чтобы осмотреть тело покойного государя. Виллье исполнил это поручение в Бабине 26 февраля и донес императору, что «не нашел ни малейшего признака химического разложения, и тело находится в совершенной сохранности».

11 марта Николай Павлович выехал из Царского Села верхом навстречу траурному шествию. Государя сопровождали его брат, великий князь Михаил Павлович, принц Вильгельм Прусский и принц Оранский. В Царском Селе гроб был внесен в дворцовую церковь. После панихиды все присутствующие удалились из церкви, осталась лишь императорская семья. Удалено было даже духовенство. Все эти меры указывают на то, что члены династии просто боялись обнаружения

подлога, так как скорее всего в гробу был какой-то другой покойник, но не Александр.

Позднее присутствующий с членами царской семьи принц Вильгельм Прусский, со временем ставший германским императором, вспоминал, что императрица-мать Мария Федоровна три раза подходила к открытому только для членов царской фамилии гробу, целовала руку покойника и сказала: «Да, это мой дорогой сын, мой дорогой Александр, но как он изменился, как он похудел...» Вильгельм, который также подошел ко гробу, просто не узнал своего родственника и нашел его очень изменившимся.

17 марта гроб был перенесен в Чесменскую дворцовую церковь и заменен новым парадным гробом. При этой замене присутствовали только генерал-адъютанты покойного царя. Вероятно, именно тогда, по тайному распоряжению императора Николая, тело, которое находилось в первом гробу, было оставлено там, а второй парадный гроб так и оставили пустым, чтобы не класть тело постороннего между покойными императорами и императрицами, почивавшими в Петропавловском соборе.

Так, 18 марта траурная процессия продолжила свой путь в Санкт-Петербург, и гроб, вопреки православной и царской традиции, герметически закупоренный, был, с положенной на его крышку золотой императорской короной, выставлен на поклонение народу в продолжение семи дней.

25 марта 1826 года в 11 часов дня, «во время сильной снежной метели», как вспоминают современники, следуя по Невскому проспекту, по Большой Садовой, по Царицыну Лугу, через Троицкий мост, траурная процессия достигла Петропавловского собора, где в тот же день состоялось торжественное отпевание «в Бозе почившего, самодержавнейшего, великого императора Александра Павловича всея Руси...»

30. ТАИНСТВЕННЫЙ СИБИРСКИЙ СТАРЕЦ ФЕОДОР КУЗМИЧ

Имя Феодора Кузмича (или Козмича) стало с 1836 года известно по всей России. Таинственная личность эта впервые появилась осенью того же года. Он был задержан в Красноуфимске, как не помнящий родства бродяга и, несмотря на увещания полиции и суда, отказался назвать себя, за что был наказан плетьми и сослан на поселение в Сибирь, в Томскую губернию.

Бывший много лет управляющим тюменским приказом о ссыльных, действительный статский советник Рафаил И. Кузовников нашел в архиве приказа следующие документы:

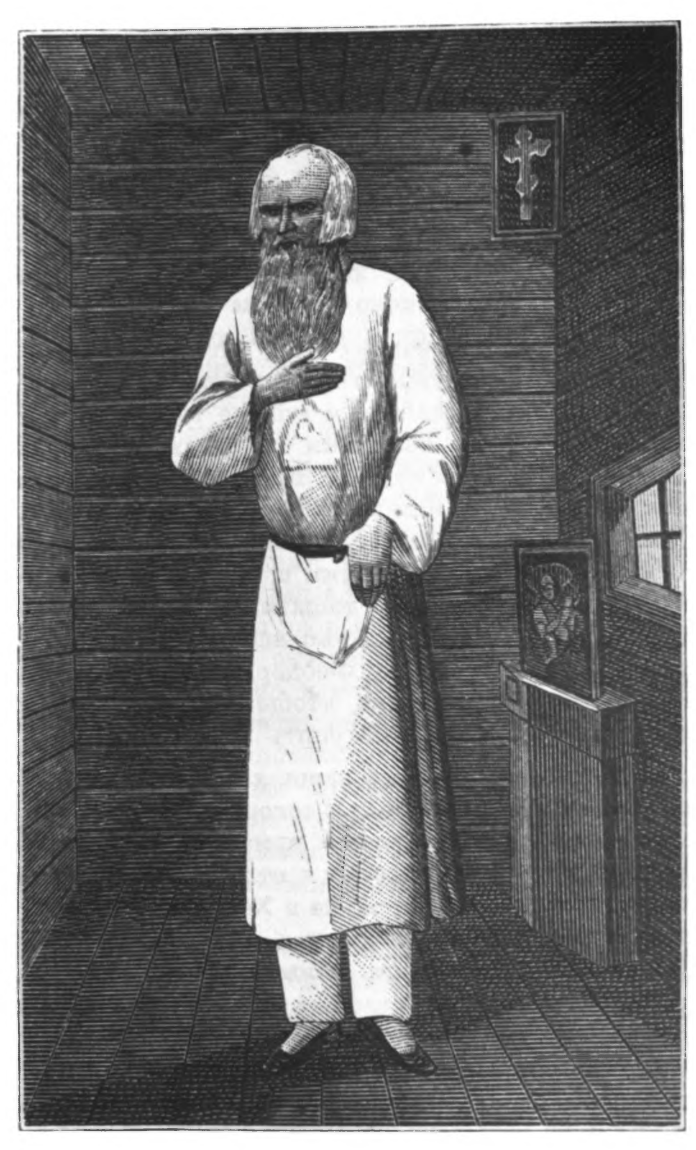
1. Предварительное уведомление красноуфимского городничего от 13 октября 1836 года за № 1212 о высылке в Сибирь бродяги Феодора Козьмина, Козмича же.

2. Решение Красноуфимского уездного суда от 10 сентября того же года.

3. Статейный список на этого ссыльного.

На основании этих документов, обнародованных Р. И. Кузовниковым в «Историческом вестнике» в июле 1895 года, вырисовывается картина того, как попал в Сибирь таинственный старец Феодор Кузмич.

4 сентября 1836 года в Кленовской волости, Красноуфимского уезда, Пермской губернии был задержан проезжавший на лошади, запряженной в телегу, неизвестный человек, который при допросе в Красноуфимском земском суде показал, что он — Феодор Козьмин, Козмич же, 70 лет, неграмотный, исповедания греко-российского, холост, не помнящий своего происхождения, с младенчества пропитывался у разных людей, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь, но дорогой, в Кленовской волости, крестьянами был задержан. По двукратному свидетельствованию Феодора Козьмина, произведенного в Красноуфимском земском и уездном судах, у него оказались следующие приметы: роста 2 аршина 6 с половиной вершков, волосы на голове и бороде — светло-русые с проседью, нос и рот

Старец Феодор Кузмич

(Клише с фотографии, сделанное Экспедицией заготовления государственных бумаг)

посредственные, подбородок кругловатый, от роду имеет не более 65 лет, на спине есть знаки наказания кнутом или плетью.

Очевидно, бумага эта, свидетельствующая «о знаках на спине наказания кнутом или плетью», была составлена после суда и исполнения приговора. Также симптоматично, что сам Феодор Кузмич заявляет, что ему 70 лет, а чиновники полицейского управления дают ему «не более 65 лет». Если Феодор Кузмич был действительно Александром, он говорил сущую правду: ему было в 1836 году около 70 лет.

Сохранились рассказы о том, что необыкновенно величественная наружность, чарующее выражение лица, приятное обхождение и манера говорить таинственного старца сразу выдавали его знатное происхождение. Это бросилось судьям в глаза, необыкновенно расположило их к незнакомцу и вызвало всеобщее сочувствие к его судьбе. Но самые настойчивые уговоры открыть свое звание и этим спастись от кары были тщетны. Старец упорно продолжал называть себя «бродягою». Одно это обстоятельство, несомненно, свидетельствует в пользу того, что Феодор Кузмич сам желал этого постыдного наказания, чтобы добровольно принятым на себя страданием искупить какую-то вину.

На основании существовавших тогда законов суд был просто вынужден самим Феодором Кузмичом вынести ему за бродяжничество приговор к наказанию двадцатью ударам плетьми и к отдаче в солдаты, а в случае негодности — к отсылке в Херсонскую крепость, за неспособность же к работам — к ссылке в Сибирь на поселение. Приговором этим, объявленным судом 3 октября 1836 года (по старому стилю), старец остался доволен и доверил за себя расписаться мещанину Григорию Шпыневу. Пермский губернатор, ввиду того, что «бродяге 65 лет», освободил его и от военной службы, и от принудительных крепостных работ, предписав отправить «на поселение в Сибирь...»

Итак, согласно одобренному губернатором решению суда 12 октября 1836 года Феодор Кузмич был бит

плетьми, а на следующий день отправлен в Сибирь под конвоем внутренней стражи.

19 декабря 1836 года в 44-й партии под № 117 он прибыл в Тюмень, а 23 декабря — в Томск. Следует отметить, что он не был скован, как остальные арестанты, и полицейское начальство обращалось с ним весьма гуманно. В Томске приписали его к деревне Зерцалам Боготольской волости Ачинского (впоследствии Мариинского) уезда, куда он и явился 8 апреля 1937 года вместе с остальными ссыльными.

Позже люди, знавшие его, например, архимандриты о. Лазарь и о. Виктор и другие монахи местного Алексиевского монастыря составили довольно подробное описание Феодора Кузмича. По этим данным, был он роста выше среднего, приблизительно около 2 аршин с 9-10 вершками, плечи широкие, грудь высокая, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замечательно белое, волосы на голове уже редкие, но еще кудрявые, борода длинная, немного вьющаяся, совершенно седая. Черты лица правильные, красивые и симпатичные. Характер у него был добрый, мягкий, немного вспыльчивый, но, в общем, скорее всего, флегматичный.

Подробно описано и его одеяние — крестьянское, но всегда чистое и очень опрятное: грубая толстая холщовая рубаха, подпоясанная тонким ремешком или веревочкой. Такие же штаны, 3-4 пары всегда очень чистых белых чулок, ежедневно сменяемых, обыкновенные кожаные башмаки. Сверх рубахи носил он летом длинный, темно-синий халат, а зимой — старую сибирскую доху.

Подчеркивается, что Феодор Кузмич был чрезвычайно аккуратным и опрятным старцем, содержал он себя и свою келью в неподражаемой чистоте, не выносил никакого беспорядка.

Около 5 лет прожил он на винокуренном заводе, в двух верстах от села Краснореченского, Боготольской волости. На принудительные работы его не посылали. Смотритель завода обходился с ним очень хорошо, любил его, заботился о нем и доставлял ему все необходимое. Остальные служащие и рабочие завода отно-

сились к нему заботливо и весьма почтительно.

Заметив у него желание удалиться куда-нибудь подальше от народа, казак Симеон Николаев Сидоров построил ему около своего дома в Белоярской станице, недалеко от Ачинска, небольшую избушку и уговорил старика переселиться к нему, на что тот охотно согласился. Крестьяне из соседних деревень часто приходили к нему и многие старались переманить к себе. Может быть, это слишком частое общение с ними и было ему в тягость, потому что, прожив там несколько месяцев, он переехал в деревню Зерцалы — место его приписки. Здесь поселился он у бывшего каторжника Ивана Иванова, человека семейного и крайне бедного. Однако, жизнь в его семье, очевидно, тяготила старца. В 1849 году богатейший местный крестьянин Иван Гаврилович Латышев построил для него в очень живописном месте, вниз по реке Чулвину, в двух верстах от села Краснореченского, маленькую, но уютную однокелейную избушку.

Сам Феодор Кузмич всячески избегал даже с близкими к нему людьми каких-либо разговоров о своем происхождении, и все знавшие его особенно подчеркивали, что никогда не стремился он играть какую-либо роль, добиваться интереса к себе людей и, вообще, не обнаруживал никаких признаков стремления к самозванству. Он также никогда не проповедовал никаких богословских теорий или сектантских взглядов, принадлежности к масонству или еще каким-то сходным обществам. Зато часто говорил он со своими собеседниками об истории, особенно о походах и сражениях во время Отечественной войны 1812-1815 годов, приводя мелкие подробности, какие мог знать лишь человек, в них лично участвовавший, говорил о Наполеоне и о других королях и полководцах того времени, как будто он хорошо с ними был знаком и даже близок.

«И цари, и полководцы, и архиереи такие же люди, как вы все, — поучал Феодор Кузмич своих сельских знакомых, — только Богу угодно было одних наделить властью великою, а других предназначить жить под их постоянным покровительством...»

Он учил крестьянских детей грамоте, знакомя их со священным писанием, историей, географией, но, по их воспоминаниям, ни в его поучениях, ни в разговорах с ним не было ничего тенденциозного или преувеличенного. Было в его келье несколько образов, среди которых большая икона Печерской Божией Матери и маленькая иконка Св. Александра Невского.

«По некоторым имеющимся данным, — пишет Д. Г. Романов, — можно заключить, что Феодор Кузмич имел обширную переписку с разными лицами через разных странников, и постоянно получал всякого рода сведения о положении дел в России, но тщательно скрывал от посторонних чернила и бумагу. Весьма тщательно скрывал Феодор Кузмич и свой почерк».

По описаниям знавших Феодора Кузмича людей, был он глух на одно ухо и поворачивал голову к тому, с кем говорил, чтобы слышать его другим ухом. Любопытно, что современники описывают тот же дефект у императора Александра, который тоже был глух на одно ухо и также старался повернуть голову к своему собеседнику, чтобы расслышать его другим, здоровым ухом.

Вот некоторые случаи из жизни Феодора Кузмича, которые наводят на мысль о том, что он и император Александр Павлович — одно и то же лицо. Известный историк Н. К. Шильдер, написавший лучшую «Историю царствования императора Александра Первого», изданную в нескольких объемистых томах, рассказывает: «В одной из соседних с селом Краснореченским деревень жили двое ссыльных бывших придворных служителей. Один из них тяжко заболел и, не имея возможности самому отправиться к Феодору Кузмичу, попросил своего товарища посетить старца и испросить исцеления».

Замечу, что византийские, а также германские императоры и французские короли, по свидетельству средневековых хроник, часто посещали больницы и накладывали руки на больных с целью излечить их с Божией помощью. Особенно известным королем-целителем был французский король Людовик Девятый,

канонизированный Римской церковью. Помазание королей и императоров, как и посвящение епископов, по традиционному верованию христианских церквей, давало им этот дар исцеления. Александр хорошо знал историю Запада и Востока и верил, что Бог помогал ему как коронованному императору и фактическому главе Русской Церкви...

Он часто говорил, участвуя в сражениях, что вражеские пули не тронут его и что Бог помогает ему в борьбе с Наполеоном, которого по решению Синода епископы и священники в своих проповедях во время войн с ним Александра называли «антихристом». Если Феодор Кузмич (или Козмич, как называет его историк Шильдер) был действительно отказавшимся от престола императором Александром, то именно это обстоятельство объясняет его многочисленные врачевания больных, прибегавших к его молитве.

Дальше Шильдер пишет: «Товарищ при помощи одного человека, имевшего доступ к Феодору Козмичу, был принят последним в его келье, а провожатый остался в сенях. Посетитель, войдя в келью, бросился в ноги старцу и, стоя перед ним на коленях с поникшей головой, с невольным страхом рассказал ему, в чем было дело. Кончив, он почувствовал, что старец обеими руками поднял его, и в то же время он услышал, не веря ушам своим, чудный, кроткий, знакомый голос. Встал, поднял голову и, взглянув на старца, с криком, как сноп, без чувств повалился на пол. Перед ним, как он утверждал, стоял и говорил сам император Александр Павлович, но только старец с седой бородой. Феодор Козмич отворил дверь и кротко сказал провожатому: «Возьмите и вынесите его бережно: он очнется и оправится, но скажите ему, чтобы он никому не говорил, что он видел и слышал. Больной же его товарищ выздоровеет...» Так и произошло. Очнувшись, посетитель поведал провожатому и товарищу своему, что в старце он узнал императора Александра Павловича. С тех пор в Сибири и распространилась народная молва о таинственном происхождении Феодора Козмича».

Не менее важное свидетельство о связях Феодора Кузмича с императорской фамилией приведено в статье великого князя Николая Михайловича «Легенда о кончине императора Александра Первого в Сибири в образе старца Феодора Козмича». Этот эпизод рассказан старшей дочерью С. Ф. Хромова Анной Семеновной Оконешниковой, у которого позже побывал сам Феодор Кузмич.

«Когда Феодор Козмич жил еще в селе Коробейниковском, то мы с отцом (С. Ф. Хромовым) приехали к нему в гости, — рассказывает А. С. Оконешникова. — Старец вышел к нам на крыльцо и сказал: «Подождите меня здесь, у меня гости». Мы отошли немного в сторону от кельи и подождали у лесочка. Прошло около двух часов. Наконец, из кельи в сопровождении Феодора Козмича выходят молодая барыня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на наследника цесаревича Николая Александровича (старшего сына императора Александра Второго, брата Александра Третьего, вскоре скончавшегося от туберкулеза). Старец проводил их довольно далеко, и, когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, что Феодор Козмич никому не позволял. Пока они не исчезли друг у друга из виду, они все время друг другу кланялись. Проводив гостей, Феодор Козмич вернулся к нам с сияющим лицом и сказал моему отцу: «Деды-то меня как знали, отцы-то меня как знали, а внуки и правнуки вот каким видят...»

Дополню, что «барыня», которая с цесаревичем Николаем Александровичем посетила старца, была его невеста датская принцесса Дагмар, принявшая при переходе в православие имя Марии Феодоровны и после смерти своего жениха вышедшая замуж за его брата будущего императора Александра Третьего.

Из других высокопоставленных лиц, часто посещавших старца и даже останавливавшихся у него в келье, был, по свидетельству современников, Иркутский архиепископ Афанасий, который слыл лучшим его другом.

Д. Г. Романов в своей книге «Таинственный старец

Феодор Козмич в Сибири и император Александр Благословенный» рассказывает занимательную историю краснореченской сироты, вышедшей впоследствии замуж за майора Федорова, благодаря протекции влиятельных друзей старца в Киеве и Кременчуге.

«Особенно отеческой любовью и заботливостью, — пишет Романов, — окружал Феодор Козмич одну молодую девушку, дочь бедного краснореченского крестьянина Александру Никифоровну, еще несколько лет тому назад проживавшую в Томске и хорошо известную многим местным жителям под именем «майорши Феодоровой». Историю эту узнал Романов от М. Ф. Мельницкого со слов самой А. Н. Феодоровой.

Александра Никифоровна родилась в 1827 году в селе Краснореченском и, рано лишившись родителей, попала под покровительство местного священника отца Поликарпа. Ей было 12 лет, когда она в первый раз увидела Феодора Козмича. Он относился к ней как к родной дочери, учил грамоте, преподавал и другие школьные науки: историю, географию, Закон Божий и заботился о ее воспитании. Она же привязалась к старцу. Когда ей исполнилось 22 года, Феодор Кузмич послал девушку на поклонение в Почаевский монастырь к игумену этой знаменитой обители. Прочитав письмо старца, тот принял Александру Никифоровну весьма отечески и сразу послал ее к графине Остен-Сакен, супруге Димитрия Ерофеевича Остен-Сакена, щедрого благодетеля Почаевского монастыря. Графиня и граф встретили ее как родную, долго расспрашивали про ее жизнь и весьма интересовались ее покровителем, старцем Феодором Кузмичом. Она подробно рассказала им о нем, о том, как он помогает людям своими советами, как лечит больных, как учит крестьянских детей и т. д. Несколько раз хотела она ехать домой в Краснореченск, где жила со своими братьями, но гостеприимные хозяева настаивали, чтобы она не торопилась и продолжала жить у них. Вдруг осенью того же 1849 года, в Кременчуг прибыл сам император Николай Павлович. Царь остановился у весьма близких с ним графа и графини Остен-Сакен. Целые

сутки провела Александра Никифоровна под одной кровлей с самодержцем. Она на всю жизнь запомнила, как милостиво обращался с ней Николай Павлович. Царь расспрашивал ее весьма подробно о жизни и трудностях крестьян ее деревни, об их священнике и т. д. и, по ее словам, немало вопросов задавал ей о ее благодетеле и воспитателе старце Феодоре Козмиче. Перед отъездом Николай Павлович дал ей собственноручную записку-пропуск к себе, приглашал приехать в Петербург и посетить его в Зимнем дворце.

Обо всем этом Александра подробно рассказала, возвратясь домой. Как-то раз, смотря на своего покровителя, Саша, как он ласково называл ее с детства, вдруг сказала ему:

— Батюшка Феодор Кузмич! Как вы на императора Александра Павловича похожи!

«Как только я это сказала, — вспоминает Александра Никифоровна, — он весь в лице изменился, поднялся с места, брови нахмурились, да строго так на меня:

— А ты почем знаешь? Кто это тебя научил так сказать мне?

Я и испугалась.

— Никто, — говорю, — батюшка, это я так спроста сказала. Я видела во весь рост портрет императора Александра Павловича у графа Остен-Сакена, мне и пришла мысль, что вы на него похожи, и так держите руку, как он!»

Ничего не сказал ей на это старец, повернулся только и вышел в другую комнатку и, как она увидела, обтер рукавом своей рубашки полившиеся из глаз слезы. Больше она никогда не говорила об этом его сходстве с покойным Александром.

Часто рассказывал ей старец о войнах, которые губят ни в чем неповинный народ, о Наполеоне, о Париже, и удивлял ее знанием подробностей о сражениях и о переговорах русских с французами, как будто он сам был там.

Так жили они еще несколько лет. Александра ухаживала за старцем, прибирала его келью, готовила

скромные его обеды, стирала и штопала белье. В 1857 году послал ее старец на поклонение в Киево-Печерскую лавру, велев поклониться двум отшельникам, которых он знал, одному — жившему в горных, другому — в нижних пещерах. Она сопротивлялась, не хотела оставлять своего покровителя, так привыкла и привязалась к нему, живя около него все эти годы. Но так как он настаивал, не смела она более ослушаться его и поехала в Киев. Приехав в лавру, она побывала у игумена и сказала ему, что поручил ей Феодор Кузмич передать привет этим двум отшельникам. Игумен дал ей проводника и сейчас же отправил ее к ним. Провела она с ними целый день, рассказывая о Феодоре Кузмиче и о его жизни в Сибири.

Игумен устроил ее с другими странницами в доме благодетеля лавры майора Феодорова, который особенно радушно принял ее. Через несколько дней игумен позвал ее и сообщил ей, что ее хочет видеть преосвященный Исидор экзарх Грузии, архиепископ Тифлисский, который в то время пребывал в лавре. Она весьма удивилась и ответила игумену, что незнакома с этим владыкой и не хочет утруждать преосвященного своим визитом. Но игумен настоял. Владыка Исидор принял ее сердечно, сказал ей, что она очень понравилась майору Феодорову и что тот хочет на ней жениться. Так воспитанница Феодора Кузмича вышла замуж за состоятельного майора и стала «майоршей Феодоровой».

Еще перед самым отъездом в Киев Александры Никифоровны богатый купец Хромов, о котором была речь выше, построил около своего дома маленький, но весьма уютный домик для Феодора Кузмича, которого очень почитал и настоятельно приглашал к себе. Годы шли, и, чувствуя, что заметно стареет и не может уже без ухода, Феодор Кузмич 31 октября 1858 года переехал к купцу Хромову. Своим бывшим соседям оставил Феодор Кузмич несколько икон и особый, нарисованный им самим вензель: большую заглавную букву «А», увенчанную императорской короной, сказав им на прощание: «Берегите этот вензель на память обо

мне». До революции иконы и вензель Феодора Кузмича хранились в маленькой церкви села Краснореченского.

В многочисленных книгах, написанных в России почитателями Феодора Кузмича, рассказываются еще многие факты, свидетельствующие о его связях с императором Николаем Павловичем, его братом великим князем Михаилом Павловичем и некоторыми другими видными лицами той эпохи.

Если император Александр действительно не скончался в Таганроге и укрылся под именем крестьянина Феодора Кузмича, то кажется странным отсутствие сведений о том, где и под каким именем он укрывался до ареста красноуфимской полицией осенью 1836 года. Вопрос об этом периоде его жизни остается открытым. Нет данных, которые позволили бы на него ответить.

Д. Г. Романов и некоторые другие авторы высказывают предположение, что, когда во время своего путешествия из Петербурга в Таганрог Александр посетил знаменитого отшельника Св. Серафима Саровского и долго с ним беседовал, тот, быть может, наложил на царя это странное покаяние. Романов даже указывает на совпадение даты смерти подвижника Серафима Саровского и появления в Красноуфимске загадочного старца Феодора Кузмича.

По большим праздникам после обедни заходил Феодор Кузмич обыкновенно к двум старушкам, Марии и Марфе и пил у них чай. Знал он их еще с 1837 года, когда прибыли они вместе с ним в одной партии, сосланные в Сибирь за какую-то провинность своими господами, в имении которых жили между Изборском и Псковом, в Псковской губернии, и занимались огородничеством. В Сибири, куда их сослали на жительство, как и Феодора Кузмича, около города Ачинска продолжали они выращивать овощи и фрукты и неплохо зарабатывали на жизнь, продавая их на базаре в Ачинске. Относились они к Феодору Кузмичу с большим почтением и любовью и часто угощали его чаем, а по воскресеньям и праздникам — и обедами. Выпивал он неизменно две чашки чаю, никогда боль-

ше. Очень любил оладьи с сахаром и охотно их ел, говоря своим хозяйкам, что «от таких оладий и сам царь не отказался бы». Но он никогда не дотрагивался до вина и строго порицал пьянство. В нем не было ничего сектантского: ел он мало, но все, чем его потчевали, и даже от мяса не отказывался.

Знаменательно, что они устраивали для старца особенно вкусный праздничный обед в день праздника Св. Александра Невского, приготовляя в его честь разные пироги и другие деревенские яства, особенно, любимые им оладьи с сахаром. По воспоминаниям знавших его, в этот день проводил он у них все послеобеденное время, ел более обыкновенного, был особенно весел и разговорчив и рассказывал старушкам и их редким гостям о Петербурге, о торжествах во дворце, удивляя присутствовавших знанием придворной жизни, видных людей и событий конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века. Знал он государственных деятелей, министров, полководцев, архиереев и давал о них поразительно верные отзывы. С большим благоговением отзывался о митрополите Филарете и об архимандрите Фотии. Много рассказывал о графе Аракчееве и о его военных поселениях, вспоминал о полководцах Суворове и Кутузове. Особенно ласково отзывался о Кутузове, называл его великим полководцем, спасшим Россию от Наполеона, и говорил, что Александр завидовал ему. Весьма симптоматично, что Феодор Кузмич никогда не упоминал об императоре Павле и не давал характеристики ни ему, ни императору Александру. Однажды, когда речь зашла о трагической кончине императора Павла, сказал он купцу Хромову, у которого тогда жил: «Александр не знал, что дойдут до убийства». С. Ф. Хромов часто пытался узнать у старца, кто он, но Феодор Кузмич отвечал ему: «Нет, это никогда не может быть открыто. Об этом спрашивали меня преосвященные Иннокентий Камчатский и Афанасий Томский, но и им не открыто...»

В 1849 году Феодор Кузмич снова поселился близ села Краснореченского, где для него был построен отдельный домик-келья богатым местным крестьяни-

ном Иваном Гавриловичем Латышевым. Там он прожил целых восемь лет. Домик был построен в очень живописном месте: на самом берегу реки, примерно в двух верстах от села Краснореченского. Историк Н. К. Шильдер, который не раз вспоминает о знаменитом сибирском отшельнике Феодоре Кузмиче и допускает возможность отождествления его с императором Александром Первым, достоверно знал, что его в этой резиденции посещали не только местные жители, но и путешественники, а среди них и высокопоставленные лица. Так, несколько раз здесь навещал Феодора Кузмича преосвященный Афанасий, епископ Иркутский... По свидетельству современников, с некоторыми посетителями беседовал он на иностранных языках. Многие из местных жителей твердили, что в беседах своих обнаруживал старец большие и разнообразные знания, знакомство со светской жизнью, с придворными порядками, с видными государственными людьми. Обладая необыкновенной памятью, он с увлечением рассказывал о минувших годах, об Отечественной войне, о пребывании императора Александра Павловича в Париже и при этом говорил обо всем, как очевидец, но о своей роли во всех этих событиях никогда не упоминал, точно так же, как о своем происхождении и своем прошлом. Очевидно, он не хотел, чтобы и другие касались этого вопроса. Однако вспоминали также, что говорил он и о великих русских полководцах, о Суворове и Кутузове, которых ценил очень высоко. Особенно интересно его замечание об отношении Александра к Кутузову: «Александр завидовал Кутузову». Кто бы из современников мог лучше знать о скрытых и интимных чувствах царя к знаменитому полководцу?

Известно, что, когда Феодор Кузмич жил на пасеке Латышева, т. е. в конце 50-х годов, старца посетил будущий знаменитый писатель Лев Николаевич Толстой. Был он тогда еще молодым человеком, но уже в эти годы обнаруживался у него блестящий талант писателя: именно тогда он написал первые свои повести — «Детство» (в 1852 году), «Отрочество» (в 1854 году), а до этого в своем родовом имении учил грамоте крестьян-

ских детей, может быть, вдохновляясь примером Феодора Кузмича, с которым, встретившись на пасеке Латышева, провел целый день в его келье.

Толстой состоял в родстве по материнской линии с князьями Волконскими, один из которых — П. М. Волконский — был любимым генерал-адъютантом Александра, а несколько — декабристами, сосланными на каторгу в Сибирь. Конечно же, он слышал про Феодора Кузмича, таинственного сибирского старца, которого людская молва отождествляла с самим императором Александром Благословенным, с молодости боготворимым Толстым.

Мы можем судить о необыкновенном впечатлении, которое произвел на Льва Николаевича Толстого Феодор Кузмич — и своей личностью, и своей жизнью, — по обнародованным Толстым впечатлениям об этой встрече в Сибири в журнале «Огонек» (№17 от 15 мая 1905 г.). «Я помню ощущение, какое я испытывал, когда перестал быть нигилистом и меня потянуло к вере народной. Я шел, погружаясь, как человек входит в море и чувствует, что вот-вот он окунется и поплывет, и как хорошо стало на душе, когда я окунулся и ушел с головой в эту захватывающую великую стихию. Я увидел иной мир перед собою, огромный мир людей, живущих не на словах только, а на деле непосредственной близостью к Богу, сознавая себя работниками Его и послушно, с радостью исполняя то, что от них требует Бог. Не то, что я хочу, а то, что хочешь Ты. В этом все ценное отличие русских людей от других народов. Оттого русская народная душа и чужда страсти обогащения и захвата, и льнет больше к чувству отречения от мира. В этом отношении чистейшим воплощением русской души был Император Александр I.

Ах, какое сказание я о нем знаю. Я непременно обработаю когда-нибудь этот сюжет. Это дивная драма, изумительная по своей глубине и по своей разящей, сильной, национальной правде...»

Эти слова говорил Толстой И. Тенерамо. И после этого разговора И. Тенерамо публикует «сказание» Л. Н.

Толстого. В нем Толстой пишет, что, в сущности, император Александр не умер в Таганроге и не он был погребен в императорской усыпальнице в Петропавловском соборе в Петербурге, а фельдъегерь Масков. Сам же император, под другим именем, наказанный плетьми, был по законам того времени сослан за бродяжничество на поселение в Сибирь. «В далекую, затерянную среди оврагов и долин сибирскую деревню привели высокого стройного солдата... и отдали под надзор начальства...»

«Лев Николаевич на минуту остановился. Умиленный поэтичностью взволновавшего его образа, — пишет И. Тенерамо, — он не мог продолжать дальше рассказ. Спазмы сдавили его горло, а в глазах стояли светлые, лучистые слезы великого сердцеведа.

— И вот, рассказывают, — продолжал он с дрожью в голосе, когда прошли спазмы, — долго прожил он в той деревне, научился хозяйству, помогал крестьянам и учил детей их грамоте.

Славился он также тем, что знал болезни и людей лечил. Часто его люди заставали за молитвой, и в это время к нему подводили больных.

Случилось, что пригнали в ту деревню двух ссыльных, и из них один был старый придворный служитель. Вскоре служитель этот заболел тяжкой болезнью и уже был при смерти.

Положили его люди на повозку и привезли к старцу, когда тот молился.

Александр быстро взглянул на больного и узнал в нем своего старого придворного слугу, работавшего в саду.

Узнал его и служитель.

От великой радости и неожиданного счастья поднялся больной на ноги и хотел припасть к руке Александра.

Но тот мягко отстранил его и велел всем выйти.

— Ты никому не расскажешь? — обратился он к больному.

— Всем, всему миру расскажу, что мои глаза видели и что мои руки чувствовали...

И от сильного волнения он упал на землю и лишился чувств.

Подхватили его люди и унесли домой.

Когда он очнулся и поведал окружавшим его все, что с ним было, народ бросился к Александру.

Но Александра уж не было.

С той поры, рассказывают, долго бродил по Сибири высокий, стройный старик и где-то около Уральских гор, у самой границы Европы, встретил свой последний час.

Какая то была величественная минута, должно быть... Какое высокое освобождение души».

Так закончил Толстой, глубоко взволнованный налетевшими на него воспоминаниями. Конечно, под именем Михаила Силина, которое Толстой дал сибирскому отшельнику, чтобы не раскрывать его настоящее имя, легко узнать добровольного ссыльного Феодора Кузмича, потрясающую историю которого великий русский писатель так правдиво рассказал потомкам.

Как я уже не раз указывал, несомненные исторические свидетельства подтверждают, что император Александр еще задолго до отъезда в Таганрог тяготился своим положением, не чувствовал себя счастливым на престоле и все чаще и чаще возвращался к мысли, лелеянной им с самых юных лет, — отречься от престола и уйти в частную жизнь. Стоит вспомнить пророческие слова, сказанные им после вторжения Наполеона в Россию: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подпишу стыд моего отечества и добрых моих подчиненных...»

Александр именно это и сделал, когда пришлось ему пережить личную драму. Скажу больше, без этого его поистине шекспировского поступка историку невозможно восстановить сложный и полный противоречий образ Александра Благословенного, пресловутую, признанную всеми историками, двойственность его личности, в которой смешались характеры Екатерины и Павла: царственное величие и сознание своей собственной ничтожности, искренность и скрыт-

ность, активность и пассивность, гордость и смирение. Все это сосредоточилось в одном человеке, превратившемся из властного императора громадной мировой империи в скромного и смиренного духом пустынника Феодора Кузмича. Трудно, конечно, особенно людям нашего времени, понять эту великую, мятущуюся душу, единственного по своей духовной чистоте человека, которому так подходит определение Шатобриана: «Человек — это падший Ангел, который помнит небеса...»

Как подметил еще князь Голицын, бывший другом и министром Александра, сходство между императором и сибирским отшельником Феодором Кузмичом просто изумительное. И не только чисто физическое сходство — рост, осанка, черты лица, манера говорить и держаться, но и его моральный облик — материальная незаинтересованность, глубокий мистицизм, необходимость перемещаться и невозможность усидеть на одном месте. Будучи царем, он путешествовал по всему миру, став отшельником, постоянно менял местожительство.

Крохотные кельи, в которых он жил в Сибири, были все одинакового образца: их строили для него крестьяне, следуя всем его указаниям. Одинакова была также и обстановка: небольшая жесткая кровать, две-три простые деревянные скамьи, несколько икон Богоматери и на особо почетном месте маленькая, чтобы не бросалась в глаза, иконка Святого Александра Невского.

Старец обычно принимал своих посетителей стоя. Разговаривая, часто шагал взад и вперед по келье, держа правую руку за веревкой, подпоясывающей его грубую холщовую рубаху. Это было у него привычкой, подобно тому, как часто военные любят закладывать руку за борт мундира.

Крестьянское его облачение не умаляло особенной импозантности его облика. Даже самых обездоленных посетителей встречал он ласково, однако — вспоминают интеллигентные современники — всем своим видом невольно напоминал высокопоставленную личность, дающую аудиенцию.

В келье его и во всем его домике неизменно царил образцовый порядок: он не терпел, чтобы какой-ни-

будь предмет оказался не на обычном своем месте. Был он чрезвычайно чистоплотен, и близкие к нему крестьяне с почтительным изумлением передавали друг другу, что он каждый день меняет носки.

Еще несколько весьма знаменательных черт: Феодор Кузмич, как и сам Александр Павлович, был глуховат на одно ухо. Спина его, как у императора, была несколько сутуловата. Лицо, даже на старости лет, было замечательно красиво, с правильными чертами: чувственный рот, тонко очерченный, небольшой, но правильный нос, голова почти вся плешивая, но большая борода, очевидно, прежде бывшая русой, а теперь — совсем белая, немного вьющаяся. Глаза голубые и приветливые; голос не высокий, но мягкий...

Часами коленопреклонно молился старец перед иконами, и после смерти обнаружилось, что колени его покрыты большими мозолями, точно такими, какие после ранения лейб-медик доктор Тарасов с удивлением заметил у Александра. Тарасов считал, что они — результат его долгих молитв.

Как и царь, Феодор Кузмич был весьма эмоционален. Хромов рассказывает, что однажды при старце рабочие запели известную песню «Ездил белый русский царь», в которой описывается победоносное шествие Александра Благословенного в Париж после изгнания французов из Москвы. Старец слушал, слушал эту песню, а затем заплакал и сказал: «Друзья, прошу вас больше не петь этой песни». Передают также, что, когда пришло известие о кончине императора Николая Павловича, старец отслужил по нем панихиду и долго и усердно со слезами молился.

В записках купца С. Ф. Хромова, у которого Феодор Кузмич провел последние дни своей долгой жизни, имеются весьма обстоятельные данные о его кончине. Семья Хромовых очень печалилась, видя страдания старца, и принимала все меры, чтобы облегчить их. Очевидно, Хромовы с обожанием относились к старцу не по причинам религиозного характера, а в твердом убеждении, что под именем Феодора Кузмича они приютили в своем доме бывшего императора Алек-

сандра Павловича, хотя он сам до самой смерти никогда не дал никому ни малейшего намека для такого подозрения. Напротив, все его страдания происходили от желания слыть простым, неграмотным крестьянином-бродягой, не помнящим своего прошлого. А его оставшиеся записки к Хромову написаны почерком образованного человека, странно напоминающим почерк бывшего императора, хотя он явно старался изменить его.

19 января (по старому стилю) было уже ясно, что конец приближается. После исповеди и причащения старца о. Рафаилом, иеромонахом местного монастыря, пишет в своих записках Хромов, жена Хромова подошла к постели больного и, едва сдерживая слезы, сказала ему:

— Батюшка, объяви нам хоть имя своего ангела, чтобы в молитвах наших упоминать его...

— Это Бог знает, — тихо проговорил Феодор Кузмич.

Бывшая тут же Н. Я. Попова, близкая к Хромовым, обратилась к старцу:

— Тогда, батюшка, упомяни хоть имена твоих родителей, чтобы нам можно было молиться за них.

— И этого тебе нельзя знать! — ответил Феодор Кузмич. — Святая церковь за них молится.

Эта необыкновенная твердость старца, даже в его смертный час, указывает на клятвенный обет до самой смерти не открывать свое настоящее имя.

Наконец, купец Хромов, видя, что Феодор Кузмич доживает последние дни, захотел попытать, не откроет ли тот хоть ему своего имени, отчества и звания.

«И вот, — пишет он в своих записках, — это было накануне кончины старца, пришел я в келью и, помолившись Богу, встал на колени перед старцем и сказал:

— Благослови меня, батюшка, спросить тебя об одном важном деле.

— Говори. Бог тебя благословит, — сказал старец.

— Есть молва, — продолжал я, — что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный... Правда ли это?

Старец, услышав это, стал креститься и говорить:

— Чудны дела Твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась.

Этим окончился разговор Хромова с Феодором Кузмичом в тот день.

На другой день, однако, когда Хромов опять вошел к нему, старец сам сказал ему:

— Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда умру, не величь меня — схорони просто».

И Хромов, продолжая описывать последние минуты жизни старца, рассказывает:

«Часов в 7 вечера старцу сделалось еще хуже. Когда все посторонние вышли, Феодор Кузмич, обращаясь ко мне и показывая маленький мешочек на стене, сказал:

— В нем — моя тайна...»

«После смерти, — пишет Хромов, — в мешочке этом нашли записку с непонятным текстом и ключом к шифру...»

Потом Хромов описывает подробно, как он с купцом С. В. Ерлыковым и другим своим приятелем Иваном Скворцовым обмывали старца и приготовили его тело к погребению.

Так окончилось земное существование таинственного сибирского отшельника старца Феодора Кузмича на 87 году его жизни. На его могиле поставил крест с надписью: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Феодора Козмича, скончавшегося 20-го января 1864 года».

Отпевали его очень торжественно несколько священников при большом стечении народа. Томск не помнил такого погребения. Однако военным, намеревавшимся хоронить его с военными почестями, это не было разрешено. А томский губернатор В. И. Мерцалов приказал закрасить белой краской «Великого Благословенного» — видимо, из-за слишком явного намека на тождественность старца с Александром Благословенным.

Позже на частные средства был построен на могиле Феодора Кузмича великолепный мавзолей-часовня.

Келью и могилу сибирского отшельника спустя некоторое время начали посещать важные сановники империи. Так, в 1873 году здесь побывал великий князь Алексей Александрович, а в 1891 году — наследник-цесаревич Николай Александрович — будущий император Николай Второй.

О том, как относились петербургские высшие круги к памяти старца Феодора Кузмича, свидетельствует прием, оказанный Хромову знаменитым и всесильным тогда обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым и министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым.

Хромов рассказывает, что Победоносцев даже прослезился, слушая рассказ о суровой жизни старца. А про аудиенцию у министра двора он пишет: «Вхожу я в зал и вижу, что около большого стола сидят восемь генералов, а на председательском месте сам граф И. И. Воронцов-Дашков».

— Что вы можете рассказать нам про старца Феодора? — спросил Дашков.

Хромов ответил уклончиво. Тогда ему задали вопрос: «Правда ли, что этот старец — Александр Первый?» Хромов ответил, что «им как ученым лучше знать».

«Потом, — добавляет Хромов, — между ними начался спор. Одни говорили, что этого быть не могло, потому что история подробно говорит о болезни, смерти и погребении императора Александра Первого. Другие же возражали и говорили, что все могло быть. Спор был продолжительный. Дошло до того, что один из генералов сказал мне, указывая в сторону Петропавловской крепости:

— Если вы, Хромов, станете распространять молву о старце и называть его Александром Первым, то вы наживете себе много неприятностей.

Тогда со своего места встал И. И. Воронцов-Дашков и сказал мне:

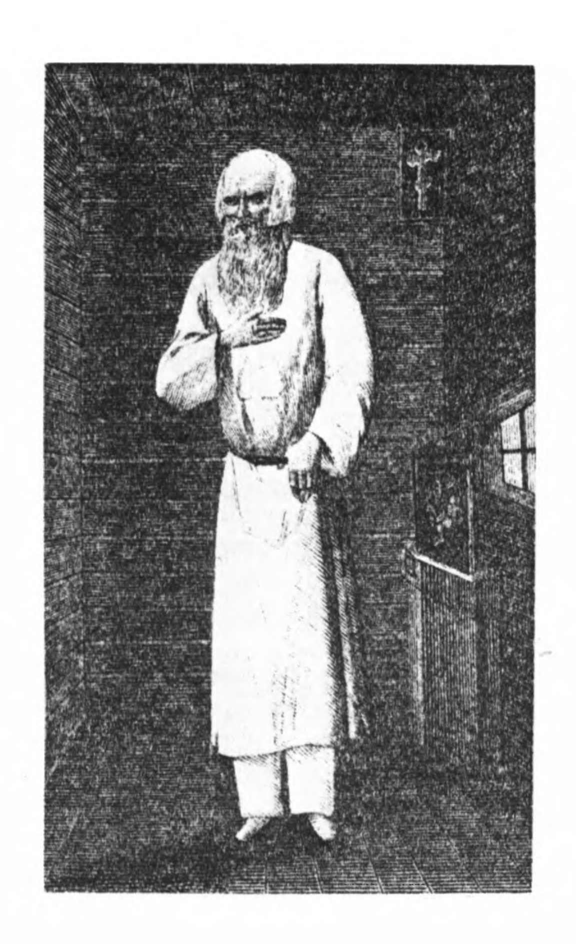
— Не бойтесь, Хромов, вы находитесь под моей защитой...»

«Много было говорено здесь, — заключает Хромов,

— но, по-видимому, не пришли ни к какому соглашению. Среди генералов был и тот, который приезжал ко мне с приглашением к Дашкову. Впоследствии я узнал, что это Рудановский...»

Все это указывает на то, что в самых высших сферах империи сановники гадали, был ли старец Феодор Кузмич действительно императором Александром или нет. Разумеется, многие из них просто не могли себе представить, что император Александр стал бродягой, скитающимся без паспорта, что был арестован и бит плетьми. Это, по их убеждению, позорило русский трон и династию Романовых. Но самый факт, что «это было вполне возможно», как высказались некоторые из них, и защита, под которую взял министр двора Хромова, доказывает: они допускали такую возможность.

ОТШЕЛЬНИКЪ ѲЕДОРЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 декабря 1885 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

КОММЕНТАРИЙ К ФОТОГРАФИИ ФЕОДОРА КУЗМИЧА

Я долго охотился за этим редчайшим, уникальным снимком Феодора Кузмича: хотя в богатейшем книгохранилище Русского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки сведения о его существовании и были, самого приложения к соответствующему тому «Русской Старины» я так и не смог обнаружить. После долгих поисков я набрел на него в библиотеке Иельского университета, которая любезно мне его предоставила в фотографической репродукции с оригинала. Здесь я дал его увеличенным в два раза.

Конечно, оригинальный снимок старца представляет собой ценнейшую историческую реликвию, имеющую значение первостепенного исторического источника. Рисунки от руки, даже способных художников, которые были оплачены купцом С. Ф. Хромовым, могут быть заподозрены в тенденции прихорошить их и приблизить к портретам императора Александра Первого, тогда как фотография точно отражает реальный внешний облик человека.

Несмотря на понятные изменения, неизбежные в старости, в лице Феодора Кузмича легко узнать черты императора Александра: самая форма головы, овал лица, впадины глаз, маленький, прямой, породистый нос, даже огромный лоб старца являются весьма сходными с увековеченными великими художниками чертами лица царя. При этом та же худощавость, рост и осанка, поза Кузмича (одна рука старца покоится на груди, другая — за поясом) вполне соответствует излюбленной позе царя. Очевидно, что Феодор Кузмич, как указывает его спокойная, естественная поза, согласился на настойчивые просьбы своего друга и покровителя куп-

ца Хромова оставить ему на добрую память этот свой портрет. Мы не располагаем сведениями, когда была сделана эта фотография, но самый облик старца указывает, что снимок этот был снят за год или два до его смерти, в 1862 или 1863 году, когда приближавшийся конец, вероятно, оправдывал в его глазах необходимость оставить эту память о себе приютившему его благодетелю.

Добавлю, что, как в большинстве статей, впрочем, довольно многочисленных, о томском отшельнике, так и в комментариях князя В. Долгорукова, датированных им в 11-м февраля 1881 года, явно отражается нажим династии и романовской администрации: стремление отмежеваться от отождествления старца Феодора Кузмича с императором Александром Первым. Все же князь Н. С. Голицын, в своей статье в книге XI «Русской Старины» 1880 года (страницы 742-744) об «Александре-отшельнике», хотя и не называя самого Феодора Кузмича, пишет лишь о «проживающем в одном из глухих мест Западной Сибири отшельнике Александре...», дополняя, что отшельник этот «пользовался большой популярностью у всего населения, считавшего его императором Александром Первым, с которым он имел большое сходство..» Голицын описывает его точно таким, каков он на фотографии: «...Одет он, в длинную спускающуюся ниже колен рубашку русского покроя, подвязан поясом, одна рука покоится на груди, другая заткнута за пояс. В келье не заметно никакой мебели, кроме небольшого шкапчика, на котором поставлена икона Божией Матери. В одном углу кельи виднеется распятие. На ногах у старца башмаки, из которых виднеются белые носки...»

Другой автор, князь В. Долгоруков в самом комментарии к обнародованному им снимку «Отшельник Александр (Феодор) в Сибири» с датой 11-го февраля 1881 г., также напечатанному в «Руской Старине» 1881 года (стр. 217-220), несмотря на многие оговорки, несомненно, внушенные романовской администрацией, опровергая самого себя, пишет: «...Отшельник этот действительно загадочная и странная личность: старик, высо-

кого роста, худощавый, с правильными чертами лица и большой бородой, вообще наружность имел величественную. Замечательный дар слова, которым он, по словам знавших его, обладал, знание иностранных языков и, в то же время, отшельнический образ жизни, при старании в разговоре избегать рассказов о себе — все делало из него странную, загадочную личность. Отец Феодор — как передают знавшие его — отлично знал русскую историю и в разговорах (которыми он удостаивал, повторяю, очень немногих, избранных и излюбленных им, будучи с большинством посетителей немногословен, а иных и вовсе, под предлогом нездоровья, не принимая к себе) он обнаруживал большое знание высшего петербургского света и закулисных дворцовых происшествий конца прошлого и начала нынешнего столетия... Перед смертью — как гласит легенда — он написал кому-то из высокопоставленных лиц в Петербург письмо, которое будто было им вручено одному из его почитателей с тем, что, когда он умрет, письмо было бы доставлено по назначению...

Старец никак не соглашался, несмотря на все просьбы его почитателей, снять с себя портрет, но почитателям его это удалось: с него снята была фотографическая карточка. Мне удалось получить с нее копию. Отец Феодор (называем его так, как все звали его при жизни) изображен на ней во весь рост в миниатюре, стоящим в своей келье...» Так заканчивает свой комментарий князь В. Долгоруков.

Третий автор, упомянутый мною выше, подписавший свою заметку лишь инициалами И. С., выражая традиционное недоверие и неблагорасположение к Феодору Кузмичу, конечно, внушенные управляющей администрацией, однако так заканчивает свою статью: «Здесь же, в Петербурге, пришлось слышать несколько совершенно не только невероятных, но и нелепых рассказов на ту же тему — о мнимой смерти императора Александра Павловича, а именно:

Во время пребывания своего в Таганроге император, осматривая со своим лейб-медиком Виллье военный лазарет, нашел там умирающего солдата, весьма

схожего лицом с императором. Этот солдат был доставлен во дворец и выдан за Александра Павловича, который удалился, как простой странник. Солдат же по смерти был похоронен как император. Виллье же как главный деятель этой подмены награжден был огромною суммою денег, на которую будто бы и выстроена была клиника Виллье.

Отшельник Феодор завещал будто бы перед смертью доставить во дворец икону и перстень.

Вещи эти были привезены в Петербург и доставлены по назначению, причем эта икона и перстень оказались теми самыми, которые пропали будто бы перед кончиною императора Александра Павловича». Так заканчивает свое повествование И. С. под заглавием «Отшельник Феодор. Заметка» в «Русской Старине», в книжке за ноябрь 1887 года (стр. 529-530).

Все эти свидетельства, несмотря на оговорки авторов по требованию романовской администрации, являются абсолютной истиной. Они даже не нуждаются в комментариях.

Добавлю, однако, что в указанной редакцией «Русской Старины» заметке, обнародованной здесь, сказано: «ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 5 ДЕКАБРЯ 1885 года». Это означает, что, несмотря на свое отрицательное отношение к отождествлению старца Феодора Кузмича с императором Александром Первым по государственным соображениям, власти этого времени все же не решались отрицать историческую правду.

БИБЛИОГРАФИЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ И ЦИТИРОВАННЫХ АВТОРОМ КНИГ, БРОШЮР, СТАТЕЙ.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Самый факт, что в библиографии многих трудов, написанных об императоре Александре Первом, в русской и иностранной историографии так часто встречаются труды о сибирском отшельнике Феодоре Кузмиче, является весьма значительным и говорит о несомненной связи между ними. История императора Александра Павловича названного Благословенным за то, что он более всех других современных ему государей обуздал завоевавшего Европу Наполеона и разгромил его империю, получает свое неожиданное, но весьма логичное завершение в личности ушедшего от славы царя, превратившегося в скромного сибирского отшельника-старца Феодора Кузмича.

Я постарался для удобства читателя разделить эти две библиографии, но признаюсь, это оказалось делом нелегким, хотя и необходимым для лучшего научного обозрения событий в исторической перспективе, вторая является логическим продолжением первой. Легче всего убедиться в тождественности Александра с Феодором, ознакомившись с содержанием предложенной книги. Настоящие библиографические приложения являются ключом к пониманию исторической действительности — предметом биографии.

Академик Всеволод А. Николаев.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ

Книги, брошюры, статьи на русском языке

Александр Первый. — Письма и Записки. Русский Архив, том I, Москва, 1875 г., стр. 11-76; 325-359.

Письма Императора Александра Первого и других особ Царствующего Дома к Ф. Ц. Лагарпу. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1870 г., (русский и французский текст).

Александр Первый и Королева Гортензия. Одиннадцать писем к Императору Александру Первому. Русская Старина, том 33 — январь, 1908 г., страницы 179-191.

Сватовство и женитьба Александра Первого. Русский Вестник, том 234, Москва, 1894 г., стр. 81-111.

Речь Императора Александра Павловича при открытии Польского сейма в 1818 г. Русский Архив, том 43, кн. 3, Москва, 1905 г., стр. 201-204.

Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыйский. Русский Архив, Москва, 1871 г., стр. 697-945. (Сокращенный перевод с французского). См. здесь в отделе иностранной литературы оригинал на французском языке.

Александр Первый. Материалы. Дипломатические сношения России с Францией — 1800-1808 гг. Сборник Импер. Русск. Истор. Общества, тома 70, 77, 82 и 88.

Политическая переписка Наполеона I с генералом Савари в 1807 году, там же, том 83.

Посольство графа П. А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. Там же, том [illegible].

Бумаги графа А. А. Закревского. Там же, тома 73 и 78.

Переписка герцога Ришелье. Там же, том 54.

Донесения А. И. Чернышева, князя Куракина, барона Сухтелена. Там же, том 21.

Бартенев, П. — Разбор книги Великого князя Николая Михайловича, составленный П. Бартеневым. Русский Архив, — август, 1907 г.

Барятинский, князь, Владимир Владимирович. — Царственный мистик. СПб., 1912 г.

Барятинский, князь, Владимир Владимирович. — Царственный мистик, Император Александр I — Феодор Козьмич (Изд. Прометей), СПб., 1913 г. (144 стр.).

Барятинский, князь, Владимир Владимирович. — Еще о Царственном мистике. Исторический Вестник, СПб., 1914 г., стр. 579-594. См. здесь в отделе иностранной литературы его труды на франц. яз.

Башилов, Борис. — Александр Первый и его время. Масонство во времена Александра. Издательство Русь, Баллестер, Аргентина. (без даты).

Богданович, М. И. — История царствования Императора Александра Первого и Россия в его время. 6 томов, СПб., 1869-1871 гг.

Бычков, И. А. — Александр Первый и его приближенные до эпохи Сперанского. Русская Старина, том 169, СПб., 1903 г., стр. 5-211.

Виллье, Я. В. — Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллье 1825 года. (Эта рукопись сохранилась в библиотеке генерал-адъютанта Ивана Васильевича Анненкова (1887 г.). Сообщение И. Г. Данилова. Русская Старина, том 73, СПб., 1892 г., страницы 69-80.

Виллье, Я. В. — Записки. Последние дни жизни Императора Александра I. СПб., 1827 г. См. здесь, в отделе иностранных авторов, издание на французском языке — перевод Д. Приклонского.

Военский, К. — Приезд генерал-адъютанта Наполеона I графа Нарбонна в Вильну, в мае 1812 года. Русская Старина, СПб., — август, 1907 г. страницы 219-235.

Глинка, Сергей. — История жизни и царствования Императора Александра Первого. Москва, 1828 г.

Глинка, Сергей. — Воспоминания о Императрице Елизавете Алексеевне. Москва, 1827 г.

Греч, Николай. — Биография Императора Александра Первого. СПб., 1835 г. (61 стр.).

Данилевский, Николай. — Дух венценосных супругов в Бозе почивающих Императора Александра Первого и Императрицы Елизаветы. Москва, 1829 г.

Данилевский, Николай. -- Таганрог. Москва, 1829 г.

Дубровин, Николай Феодорович. — Письма главных деятелей в царствовании Императора Александра Первого. СПб., 1883 г. (Изд. Импер. Акад. Наук — 533 стр.).

Заикин, Иван. — Последние дни незабвенного монарха Александра Первого. СПб., 1827 г.

Ковалевский, Евгр. — Царствование Императора Александра Первого. Граф Блудов и его время. СПб., 1866 г.

Ланжерон, граф. — Записки. Война с Турцией 1806-1812 гг. (Перевод с французского Е. Каменского). Русская Старина, СПб., 1907 г., стр. 311-329.

Лачинов, В. П. — Александр I и Наполеон в Эрфурте. Русская Старина, том 90, стр. 233-259; 483-497; том 91, стр. 51-68, СПб., 1897 г. (Извлечение из труда Вандаля: см. здесь, в отделе иностранных авторов).

Лемпицкий, М. — Александр Первый в Пулавах. Русская Старина, том 55, СПб., 1887 г., стр. 165-182.

Любимов, Лев. — Тайна Императора Александра Первого, Париж, 1938 г. (Изд. «Возрождение» 217 с.).

Мартос, Ф. Р. — Письма. Последние дни жизни Императора Александра Первого. Исторический Вестник, том 63, СПб., 1896 г., стр. 471-439.

Михайловский-Данилевский, А. Н. — Император Александр Первый. Записки за 1818 год. Исторический Вестник, том 48, СПб., 1892 г., стр. 360-617.

Надлер, Василий Карлович. — Император Александр I и идеи Священного Союза. Рига, 1886-1892 гг., (Изд. Н. Киммель).

Николай Михайлович, Великий князь. — Переписка Императора Александра Первого с сестрой, Великой княгиней Екатериной Павловной. Введение на русском языке, текст на французском. (стр. XXX + 320). Отрывок из воспоминаний графини (в последствии — княгини) Дарьи Христофоровны Ливен — Лондон в 1814 году. Там же, стр. 225-246. Заметка Императора Александра Первого о мистической словесности. Там же, стр. 286-290. СПб., 1910 г.

Ольри. — Из донесений Баварского поверенного в делах в Санкт-Петербурге в первые годы царствования Императора Александра Первого — 1802-1806 гг. Исторический Вестник, том 147, Петроград, 1917 г., стр. 112-132; 425-470.

Потоцкая, графиня Анна (урожд. Тышкевич). — Мемуары, изданные на французском языке Казимиром Стрыенским. Русский Архив, Москва, 1900 г., стр. 540-555. См. здесь издание на франц. языке в отделе иностранных авторов.

Путята, Н. В. — Обозрение жизни и царствования Императора Александра Первого. Девятнадцатый Век П. И. Бертенева, Москва, 1872 г., стр. 426-494.

Пыпин, А. Н. — Российское Библейское Общество — 1812-1826 гг. Вестник Европы за 1868 г.

Пыпин, А. Н. — Госпожа Крюденер. Вестник Европы за 1869 г.

Пыпин, А. Н. — Общественное движение в России при Александре Первом. (2-ое изд.), СПб., 1885 г.

Сиверс, И. Х. — Пребывание Императора Александра Первого в Севастополе в 1818 и 1825 годах. Из дневника генерал-лейтенанта И. Х. Сиверса. Русский Архив, Москва, 1907 г., стр. 203-263.

Соколовский, Михаил. — Последние дни Императора Александра Первого, по архивам и документам. Исторический Вестник — июль, 1907 г., страницы 165-171.

Соловьев, Сергей. — Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. СПб., 1877 г.

Соломко, Афанасий Данилович. — Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине в Бозе почившего Государя Императора Александра Павловича, оставшиеся после смерти генерал-вагемейстера Главного Штаба Афан. Данил. Соломко, состоявшего при Штабе Государя безотлучно 11 лет, с 1814 г. до 1825 г., и несколько писем, относящиеся к похоронам Императрицы Елизаветы Алексеевны. Типография Морск. Мин. 11 стр., СПб., 1910 г.

Танков, А. Н. — Последнее путешествие Императора Александра Павловича. Русский Архив, Москва, 1901 г., стр. 337-338.

Терновский, Ф. А. — Характеристика Императора Александра Первого. Киев, 1878 г.

Фирсов, Николай Николаевич. — Император Александр Первый и его душевная драма. Историко-психологический этюд. (Изд. Тов. Вольфа — 53 стр.), СПб., 1910 г.

Чарторыйский, Ладислав, князь. — Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыйский. (Сокращенный перевод с французского). Русский Архив, Москва, 1871 г., стр. 697-945. См. эту книгу во франц. оригинале, в отделе иностранных авторов.

Шильдер, Николай Карлович. — Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. (Изд. А. С. Суворина, — 1-ое изд. 1894 г.), 2-ое изд., 4 тома, СПб., 1904-1905 гг.

Шильдер, Н. К. — Талейран и Император Александр. Русская Старина, СПб., 1893 г., стр. 615-628.

Шильдер, Н. К. — Император Александр Первый и Госпожа де Сталь. Вестник Европы, том 6, СПб., 1896 г.

Шильдер, Н. К. — Граф П. А. Шувалов и Наполеон в 1814 году. Русская Старина, СПб., 1897 г. страницы 211-231.

Шильдер, Н. К. — Таганрог в 1825 году. Русская Старина, СПб., 1897 г., стр. 5-48.

Шильдер, Н. К. — Похоронный год. Русская Старина, СПб., 1897 г., стр. 5-25.
Эдлинг, графиня Роксандра Скарлатовна (урожденная Стурдза). — Письма Императору Александру Первому. Русский Вестник, том 259, СПб., 1899 г., стр. 483-499.

Книги, брошюры и статьи на иностранных языках

Almedingen, Martha-Edith. — The Emperor Alexander I, (London, The Bodley Head, 1964, 263 p.).
Almedingen, Martha-Edith. — The Emperor Alexander I, (New York, Vangard Press, 1964, 257 p.).
Arkina, Nina. – Moskva brenner; Alexander I. Oslo, Dreyer, 1950 (359 p.).
Baryatinski, Vladimir Vladimirovich, prince. — Le Mystère d'Alexandre I (1825-1925). (Soc. historico-généalogique russe en France, Paris, 1925). (180 p.).
Baryatinski, Vl. Vl., prince. — Le Mystère d'Alexandre I: le Tsar a-t-il survécu sous le nom de Féodor Kousmitch? [Paris, 1929 (Payot) (174 p.)]
Bryanchaninov, Nikolai Valerianovich. — Alexandre I. (Paris, 1934, Grasset, 328 p.).
Choiseul-Gouffier, Comtesse. — Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre I et la Cour de Russie, (Paris, 1829).
Czartoryski, Adam-Jerzi (1770-1861). — Memoires of Prince Adam Czartoryski and his correspondence with Alexandre I. With documents relative to the princes negociations with Pitt, Fox and Brougham, and an account of his conversations with Lord Palmerston and other English statesmen in London in 1832. (Ed. by Adam Gleigud — 2 ed. London, Remington & Co in 1888, 2 vols).
Czartoryski, Ladislav, Prince. — Alexandre I et le Prince Czartoryski. Correspondence particulière et conver-

sations (1801-1823). Avec une introduction par Charles de Mazade. [Paris, 1865 (M. V. Levy frères) 2 pl. XXXV + 368 pages].

Edling, Comtesse (née Stroudza). — Mémoires (Moscou, 1888).

Egron, A. – Vie d'Alexandre I. (Paris, 1826).

Empaytaz. — Notice sur Alexandre (Genève, 1840, 2e éd.).

Empaytaz. Henri-Louis. — Notice respecting Alexander Emperor of Russia. Translated from the French by William Henderson. (Aberdeen, 1855, 24 p.).

Eynard, Charles. – Vie de Madame de Krudener (2 Vols., Paris, 1848).

Gibbon, Edward. — Memoirs of the public character and life of Alexander the First, Emperor of all the Russias, with an appendix by Paul Allen (2-d American Edition. Trenton, 1819, 196 p., D. & E. Fenton).

Gribble, Francis-Henry. – Emperor and Mystic, the life of the Emperor Alexander of Russia. [New York (E. P. Dutton and Co), 1931 — 291 pages].

Grunwald, Constantin, de. – Alexander I Emperor of Russia 1777-1825. Alexandre I le Tsar mystique [Paris (Amyot-Dumont), 1955 — 340 pages].

Laharpe, Frederic-César, de (1754-1838). — Alexandre de Russie jugé par son précepteur (Extrait de la correspondance de Laharpe à D'Alberti. Revue historique Vaudoise. Lausanne, 1911, Année 19-e, pages 27-31).

Lee, Robert (1793-1877). — The last days of Alexander and the first Days of Nicholas, Emperors of Russia (London, 1854 (R. Bentley) — 210 pages).

Merejkovski, D. — La Fin d'Alexandre I-er (Revue de Paris, vol. II, pp. 481-510; 681-898; vol. III, pp. 112-146; 401-432; 660-696).

Paléologue, Georges-Maurice. — La fin mystérieuse d'Alexandre I-er (Revue des Deux Mondes, Paris, 1936-1937, Période 8, tome 37, pp. 777-805; tome 38, pp. 65-90).

Paléologue, Georges-Maurice. — Alexandre I-er un Tsar Enigmatique [Paris, (Plon), 1937].

Potocka, Anna, Comtesse (Tyskiewicz). — Mémoires, publiés par Kazimir Stryensky, Paris, 1897).

Rabbe, A. — Histoire d'Alexandre I, (Paris, 1826, 2 vols.).

Saxe-Weimar-Eisenach, Charles-Augustus. — Beschreibung: Description des Fêtes données à Leurs Majestés les Empereurs Napoléon et Alexandre (French and German) (attributed to F. J. Betruch).

Schiemann, Theodor. — Kaiser Alexander und die Grossfurstin Ekaterina Pavlovna. (Ztschr. für Osteruropaishe Geschichte, Berlin 1911, Bd. I, pp. 540-556).

Schnitzler. — Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas (Paris, 1847, 2 vols.).

Sementowski-Kurilo, Nikolaus. — Alexander von Russland — Napoleons Gegenspialer um Europas Schieksal. (Frankfurt a M. Societat Verlag, 1967).

Storch, Heinrich. — Russland unter Alexander den Ersten (St. Petersburg und Leipzig, 1834).

Tatistcheff, Serge. — Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801-1812. (Paris, 1891, Perrin et C-ie).

Tourgueneff, N. — La Russie et les Russes, (Paris, 1847).

Underwood, Edna (Mrs. Worthley). — The Penitent (Boston and New York (Horghton Miffin C-y), 1922 (367 pages).

Vallotin, Henri. — Alexandre I-er. (Paris, 1966, 357 pages — Edit. Serge-Levrault).

Vandal, Albert. — Alliance russe sous le Premier Empire. (Paris, 1891-1892).

Wylie, Sir James. — Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I. Traduit du russe par D. Priklonskoy. (St. Petersburg, 1834).

II. БИБЛИОГРАФИЯ О СТАРЦЕ ФЕОДОРЕ КУЗМИЧЕ

Книги, брошюры, статьи на русском языке

Во избежание повторений, сюда не входят труды указанные в библиографии об Императоре Александре Первом, хотя и относящиеся к старцу Феодору Кузмичу.

Адрианов. — Таинственный старец Феодор Козьмич в Сибири и Император Александр Благословенный. (Легенды и предания собранные в Томске кружком почитателей старца Феодора Козьмича. (Издан. Д. Г. Романова), Саратов, 1908 г.

Бородин, А. — Вокруг легенды о Феодоре Кузьмиче. Исторический Вестник, том 147, Петроград, 1917 год., стр. 133-139.

Василич, Г. — Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. По воспоминаниям и документам. (Изд. Образование — 155 стр.), Москва, 1911 г.

Г-ва, К. — Сибирский замечательный и загадочный старец Феодор Козьмич, умерший в Томске 20-го января 1864 года и о том, как жили в Сибири русские люди в его время. (Изд. А. Холмушкина). СПб., 1905 г.

Голицын, князь, Н. С. — Народная легенда об Александре Отшельнике. Русская Старина — ноябрь 1888 г., СПб.

Голомбиевский, А. А. — Легенда и история. Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Козьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 г. по 1864 год., СПб., 1891 г.

Голомбиевский, А. А. — Легенда о кончине императора

Александра I в Сибири в образе старца Феодора Козьмича. Русский Архив, Москва, 1908 г., стр. 448-462.

Гурьев, Н. А. — Таинственный Старец. Томск 1900 г.

Д. Д. — Одна из последних легенд. Газета Волга от 25 июля 1907 г.

Долгорукий, В. — Ссыльно-поселенец Феодор Козьмич. Сибирская газета 1887 г.

Долгорукий, В. — Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия старца Феодора Козьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год. СПб., 1891 г. Эта же монография издана в Москве в 1894 г.

Долгорукий, В. — Отшельник Александр (Феодор) в Сибири. Русская Старина, СПб., октябрь, 1887 г.

Захаров, Елисей Захарович. — Из прошлого. Легенда о кончине Императора Александра Павловича. Брошюра изданная известным почитателем покойного старца — извлечение из труда академика Н. К. Шильдера. 1897 г.

Кизеветтер, А. А. — Александр I и старец Феодор Кузьмич. Русские Ведомости, № 299, Москва, 1912 г.

Кнорринг, Н. — По поводу Александровской легенды. Голос Минувшего на чужой стороне, № 4, Париж, 1926 г., стр. 251-255.

Коновалова, Е. — Загадочный Старец Феодор Козьмич, скончавшийся в Томске 20-го января 1864 года. Москва, 1898 г.

Крупенский, Павел Николаевич. — Тайна Императора Александра Первого. Александр и Феодор Козьмич. Историческое исследование по новейшим данным. (Издан. Медный Всадник — 113 стр.), Берлин, 1927 г.

Кузмин. — Неразгаданная тайна о Феодоре Козьмиче. Газета «Колокол», № 1060 за 1909 г.

Кузнецов-Красноярский, Н. П. — Старец Феодор Козьмич. Исторический Вестник, СПб., — май 1895 г.

Кузовников, Р. — Кто был старец Феодор Козьмич? Исторический Вестник, СПб., — июль, 1895 г.

Кузмич, Феодор. Таинственный старец в Сибири и Им-

ператор Александр Первый. Составлено Кружком Почитателей Старца Феодора Козьмича. Харьков, 1912 г. Стереотип. перепечатано в Типогр. Препод. Иова Почаевского, Жорданвиль, Нью-Йорк, 1972 г. (112 стр.).

Кузмич, Феодор. — Старец Феодор Козьмич — 1837-1864 гг. Кто был Феодор Козьмич? О жизни Феодора Козьмича в Сибири. Томск. Паровая типолитогр. Макушина. 1907 г. (неподписанная статья).

Кузмич, Феодор. «Кормчий» № 10 от 3-го марта 1907 г. Богородице-Алексиевский мужской монастырь в Томске (неподписанная статья).

Л-аго, И. — Загадочный человек. Статья, подписанная этим сокращенным именем, представляет собой критический разбор брошюры Вел. князя Николая Михайловича и была помещена первоначально в «Новом Времени», перепечатана впоследствии в журнале «Колокол» № 438, от 19-го июля 1907 г.

Мельницкий, М. Ф. — Старец Феодор Козьмич. Русская Старина, СПб., — январь, 1892 г., стр. 81-108.

Михайлов, К. Н. — Император Александр Первый — Старец Феодор Козьмич. Историческое исследование. (Изд. «Прометей» — 295 стр.), СПб., 1914 г.

Монахова, С. Я. — Кто он? Москва, 1906 г.

Николай Михайлович, Великий князь. — Легенда о кончине Александра I в Сибири в образе старца Феодора Козьмича. Изд. А. С. Суворина — 48 стр., СПб., 1907 г. Та же работа обнародована в Историческом Вестнике, СПб., 1907 г.

Петр, Епископ. — Сибирский старец Феодор Козьмич. Русская Старина, СПб., — январь, 1892 г.

Романов, Д. Г. — Легенды и предания собранные Томским кружком почитателей Старца Феодора Козьмича. Таинственный старец Феодор Козьмич в Сибири и император Александр Первый. (184 стр.), Харьков, 1912 г.

Романов, Д. Г. — Старец Феодор Козьмич. Томск, 1912 г.

Россиев, Павел. — Живучая легенда. Исторический Вестник, СПб., — август, 1907 г.

Россиев, Павел. — Старец Феодор Козьмич. Исторический Вестник, СПб., — сентябрь 1907 г.

Скопцы (без имени автора). — Отношение скопцов к старцу Феодору Козьмичу. Восточное Обозрение, № 16 за 1893 г.

Смирнов, И. — Отшельник Феодор. Русская Старина, СПб., сентябрь, 1877 г.

Толстой, граф Лев Николаевич. — Воспоминания об Александре I — Старце Феодоре Козьмиче. Интервью с И. Тенеромо: «Разговор с графом Л. Н. Толстым» Огонек — Иллюстрированное приложение к Биржевым Ведомостям, № 17 от 15-го мая 1905 года.

Флоринский, Василий Маркович. — Записки. Русская Старина, СПб., 1906 г.

Хромов, Семен Феофанович. — Сказание о жизни и подвигах Старца Феодора Козьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 до 1864 года. Брошюра эта представляет дословный пересказ Записок купца С. Ф. Хромова у которого жил и умер Феодор Кузмич.

Шильдер, Николай Карлович. — Автор монументальной биографии — «Император Александр Первый, его жизнь и царствование» (4 тома), он пишет о старце Феодоре Кузмиче в своем IV томе (СПб., 1904 г.), ясно намекая на его тождественность с Александром.

Книги, брошюры и статьи иностранных авторов

Baryatinski, Vladimir Vladimirovich, prince. — Le Mystère d'Alexandre I-er: le Tsar-a-t-il survécu sous le nom de Féodor Kouzmitch? (Payot), Paris, 1929.

Kobilinski, Ellis, Leo. — Zar und Starez (Hochland 1939), pp. 59-73, München, 1939.

Kovalevsky, E. — Comte Bloudov et son temps Le Règne

de l'Empereur Alexandre I-er. Histoire de la maladie et des derniers moments de l'Empereur Alexandre I-er, fondée sur les informations les plus authentiques. (Archive Depart. 3, No 136), St. Petersbourg, 1866.

Ward, John. — Tsar or Hermit? The Mystery of Alexander I, London, 1830 (Chamber's Journ., Ser. 7, Vol. 20, pp. 760-763.

Wylie, Sir James. — Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I-er (Traduit du russe par D. Priklonsky). St. Petersbourg, 1834.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор Л. Г. Шакова.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «Глобус».

Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. Tel.: (415) 668-4723

ISBN 0-88669-069-2